

A man with dark hair, wearing a dark jacket over a white shirt, sits at a desk in the foreground, writing in a notebook with a pen. In the background, a woman with long blonde hair, wearing a dark sleeveless top, stands holding a white coffee cup on a saucer. To the right, a large, green, moss-covered creature with a thick beard and a small tree-like structure on its head sits on a chair. The scene is dimly lit, suggesting an indoor setting at night.

Леля Немичева

**Будни психолога для
нечисти. Хроники
отдела межвидовой
коммуникации**

Леся Немичева

**Будни психолога для
нечисти. Хроники отдела
межвидовой коммуникации**

«Автор»

2026

Немичева Л.

Будни психолога для нечисти. Хроники отдела межвидовой коммуникации / Л. Немичева — «Автор», 2026

Оказывается, Москва — это лишь фасад. За привычной реальностью скрывается тайный мир: корпорации, где работают боги, отделы магической безопасности и кафе, где хинкали подают чукотские злые духи. Гришу вербуют в команду «богатырей» — восьми мужчин, способных остановить пробуждение древнего Духа Места, который вот-вот сотрет память о человечестве. Но как остановить апокалипсис, если твоя команда — это такие же как ты обычные парни и философ-кот? И что делать, если выясняется, что ты — сын женщины, которая сама способна устроить конец света? Добро пожаловать в мир, где психологи избивают клиентов, нейросети влюбляются в программистов, а древние боги жалуются на бюрократию. Здесь война идет не мечами, а смекалкой, а спасение мира начинается с тарелки хачапури.

© Немичева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	61
Глава 7	74
Глава 8	90
Глава 9	100
Глава 10	111
Глава 11	123
Глава 12	136
Глава 13	148
Глава 14	157
Глава 15	166
Глава 16	175
Глава 17	184
Глава 18	192
Глава 19	200
Глава 20	207
Глава 21	215
Глава 22	224
Глава 23	234
Глава 24	243
Глава 25	252
Глава 26	260
Конец ознакомительного фрагмента.	268

Леся Немичева

Будни психолога для нечисти. Хроники отдела межвидовой коммуникации

Глава 1

Жил-был в нашей необъятной, суетливой и вечно спешащей Москве один ничем не примечательный парень. Если бы не одно «но»..Его странная, внезапно проснувшаяся, как вулкан после вековой спячки, страсть к человеческим душам. И эта его страсть, как водится, ни к чему бы и не привела, ну подумаешь, очередной психолог с дипломом, мало ли их в Москве, если бы однажды судьба не подсунула ему пропуск в другую жизнь. Полную мистики. Звали его Григорий, но для всех он был просто Гриша.

Жил он, в общем-то, неплохо. Семья — полный комплект: мама, папа, бабушка с дедушкой, родная тётя-крёстная с дядей. Родных братьев-сестёр не случилось, зато была приемная сестра Лана и двоюродная младшая София, которую он любил и баловал. Жили, что называется, стенка в стенку, в одном подъезде. Виделись ежедневно, забегали друг к другу за солью (или за тем, что солью только притворялось, а на деле оказывалось бабушкиными пирожками), вместе ели эти самые пирожки и вместе яростно ругали ЖКХ. В общем, классическая московская идиллия в панельной девятиэтажке где-нибудь в Зеленограде.

В школе Гриша был тихим, неприметным троечником. Не хулиган, не ботаник — так, серая мышка в толпе, мечтающая стать невидимкой, чтобы его лишний раз не трогали. Потом был институт, откуда его вежливо, но неумолимо попросили на втором курсе. Удар был болезненным, унижительным. Потом армия, где он научился не только драить полы с яростью профессионального уборщика, но и философски, с горькой усмешкой, смотреть на жизнь.

Вернувшись, он поступил в строительный институт, закончил его. И даже поработал на стройке. И вот тут-то, в душающей пыли бетона и под оглушительный рёв перфораторов, Григория и осенило.

Он с поразительной ясностью понял, что душа его не лежит к возведению стен. Она жаждет разбирать те стены, что люди выстраивают у себя в головах. Ему захотелось приносить пользу не физическую, а психологическую — ремонтировать не квартиры, а души, какими бы развалившимися они ни были.

И что всех, и его в первую очередь, удивило — учиться ему вдруг стало... легко. Не просто легко, а в радость. Оказалось, что ранняя любовь к книгам, которую ему привили чуть ли не с пелёнок, дала свои плоды. Тот самый мальчик, что запоем читал фантастику и приключения, вдруг обнаружил, что Фрейд, Юнг и Фромм читаются с тем же упоением, что и любимые романы. Никакой зубрёжки, никакого насилия над мозгом, просто садишься вечером с книжкой, и через пару часов ловишь себя на мысли, что Выготского разобрал как детективный сюжет, а Леонтьева законспектировал с тем же азартом, с каким когда-то следил за похождениями капитана Немо.

И вот результат: за спиной магистратура МГУ (не какое-нибудь КГУ, мы же в Москве!) и заветный красный диплом, ради которого он пахал как ломовая лошадь, забывая о сне и выходных. И параллельно он уже на финишной прямой в Гештальт-институте. Правда, в придачу к знаниям он получил ипотеку на скромную двушку на окраине и старенький китайский автомобиль, который заводился не с первого раза и только после ласкового похлопывания по капоту.

И вот он, Гриша. Ему двадцать восемь. Вся жизнь впереди. По крайней мере, так говорили в кино. Правда, пока что эта самая жизнь состоит из бесконечной учёбы, изматывающих сессий, ежемесячных выплат по ипотеке и тщетных попыток найти работу, где его дипломы будут хоть кому-то нужны. А с этим, как выяснилось, была настоящая, сводящая с ума проблема.

Оказалось, что психологическую помощь населению оплачивают не из бюджета страны, а из бюджета города. И чем меньше город, тем призрачнее сама возможность получить там работу.

А уж что творилось в Москве! Все вакансии для психологов напоминали лотерею, где выигрышный билет уже много лет как разыгран. Места в госучреждениях занимали только по блату. В частных клиниках требовали опыт от пяти лет и владение десятком видами терапии, включая дельфино-арт-гипноз и, кажется, умение гадать на кофейной гуще. Гриша с его красным дипломом и горящими глазами оказался никому не нужен, как велосипед рыбам. Это осознание било под дых, лишая остатков уверенности.

Он ходил по собеседованиям, таким сомнительным, что порой казалось, будто его проверяют на вшивость, а не на профпригодность. В одном месте предложили вести «психологические расстановки» с выходом в астрал. В другом консультировать клиентов исключительно по гороскопу, потому что «ну вы же понимаете, молодой человек, людям нужны чудеса, а не ваша наука». А на приличные вакансии его даже не звали: трубку брал автоответчик, который механическим голосом отчеканивал: «У вас прекрасное резюме, Григорий, но... где ваш опыт?» От этих слов его тошнило.

Попробовал поехать в дальнее Подмосковье. Там он услышал ту же песню. В районной поликлинике его вежливо спросили:

— Сынок, ты вообще с какого района? У нас тут одна ставка на три деревни, и та у зятя Глав.врача. А ты, извини, не зять.

Гриша кивнул и уехал обратно в Москву, чувствуя себя полным идиотом.

Приуныл Гриша. Опустелись руки, мир стал серым и безрадостным. Сидит вечером в своей ипотечной двушке, пьёт чай с ромашкой (для нервов, которые уже не просто на пределе, а машут рукой и просят вызвать МЧС) и в который раз перечитывает Юнга. И ведь понимает умом: нельзя унывать — непрофессионально, ненаучно, но всё равно тихо утешает свой внутренний мир, как того учили в институте:

— Ничего, — шепчет он сам себе, и голос его звучит силно от усталости, — это просто кризис смысла. Ты на пути, просто путь пока что напоминает забег с препятствиями в крошечной тьме. Зато какой будет катарсис, когда доберёшься до финиша!

На следующий день Гриша, как заведённый, снова мчался в метро на очередное собеседование. На этот раз в центр по подбору персонала «Перспектива-Плюс», от которого пахло тоской, дешёвым кофе и безнадегой за версту. Он уже ненавидел это место, даже не заходя внутрь.

На перроне его резко толкнули в спину, и он выронил папку с документами. Диплом, трудовая, сертификаты — всё это веером разлетелось по грязному, липкому полу. В глазах потемнело от ярости и бессилия. Ну вот почему? Почему именно сейчас?!

— Блин, парень, прости ради бога! — кинувшийся на помощь виновник происшествия оказался молодым человеком в дорогом, но помятом пальто, с глазами, бегающими по сторонам, как у человека, который только что сбежал из ресторана, не заплатив за ужин, и теперь его ищут охранники.

— Да ладно, — вздохнул Гриша, сдерживаясь из последних сил (он же психолог, он должен уметь управлять гневом, чёрт возьми!) и начиная собирать бумаги. — Со всеми бывает.

— Слушай, ты... ты тоже психолог? — незнакомец замер, разглядывая в руках багровый диплом МГУ, будто видел священный грааль.

— Ну... — Гриша насторожился и быстрее забрал диплом.

— Ты работу случайно не ищешь? — Парень посмотрел на него с внезапной, почти животной надеждой. Так, наверное, смотрят на прохожего, у которого есть зарядка для айфона, когда у тебя садится батарея в аэропорту.

— Ищу, — Гриша почувствовал лёгкий укол тревоги. Опять какая-то секта? Или сетевика?

— Слушай, у меня срочно обстоятельства изменились, а я не могу подвести одного человека. В одну компанию требуется психолог. Прямо сейчас. Сходи вместо меня!

Гриша смерил его взглядом, которым обычно смотрят на маргиналов, предлагающих «заработать миллион за час» на улице.

— Я понимаю, звучит как полный бред, — парень понизил голос до конспиративного шёпота, — но там офигенная зарплата, и каждый мечтает туда попасть. Это не развод. Ты мне ничего не должен. На, — он сунул Грише в руку холодный прямоугольник. — Адрес тут, рядом. Ты ничего не теряешь.

Пропуск был не простой. Он был тяжёлый, с матовым золотым тиснением и вставками, похожими на платину. Такие не печатают в подпольных типографиях. Гриша на секунду отвлёкся, проводя пальцем по рельефному гербу, в котором угадывались то ли крылья, то ли спирали ДНК, то ли вообще какие-то руны — слишком сложно для обычного логотипа.

Когда он поднял глаза, чтобы спросить, что это за компания, на перроне уже никого не было. Незнакомец испарился, словно его и не было. Словно призрак, явившийся лишь для того, чтобы перевернуть его жизнь. Только лёгкий запах дорогого парфюма ещё витал в воздухе, смешиваясь с привычной вонью метро.

В руке Гриши лежала золотая карта. В голове звучали слова: «Офигенная зарплата». А в душе шевельнулся крошечный, но наглый червячок надежды. Последней надежды. «Ладно, — решил он, сжимая карту в кулаке и глядя на исчезающую в тоннеле электричку. — Раз уж я всё равно в этом районе... Хуже, чем в „Перспективе-Плюс“, уже не будет. Даже если это секта. А там будь что будет. В конце концов, психологу тоже нужен клиентский опыт. Даже в секте». Он вышел на улицу, сверился с адресом на пропуске и замер, почувствовав, как у него подкашиваются ноги. Указатель вёл к одному из самых известных, сияющих сталью и стеклом небоскрёбов Москвы. Тому самому, где базируется всё самое дорогое, влиятельное и неприлично успешное, что только есть в этой стране.

— У нас полный коллапс, — Светочка Колесникова щёлкнула каблуком так, будто это был курок пистолета, готовый выстрелить в упор. — Петров сбежал на Васюганские болота, где нет сотовой связи, и отследить его невозможно. Дорджиев лёг в больницу удалять желчный пузырь и заплатил врачам, чтобы заодно вырезали аппендицит, грыжу и ещё что-то на выбор. Теперь он минимум полгода на больничном. Магомедова опять беременна, из декрета не выйдет. У Яшукова объявился иждивенец-инвалид, при котором нужно находиться неотлучно. Ваш друг Марк Авелевич напросился к американскому миллионеру на подлodka бесплатным психологом, а вам оставил письмо на почте. Цитирую: «Здесь ты меня, старый чёрт, не достанешь со своим долбаным отделом».

— Да кому ты нужен, предатель?! — воскликнул Соломон Давидович, и его голос прозвучал так, будто он вызывал на дуэль не человека, а целую подводную лодку со всем экипажем.

— На вашу реплику он написал ответ заранее, — Светочка, не меняя выражения лица, будто зачитывала протокол о неминуемой катастрофе, вытащила ещё один листок. — «И слава богу, надеюсь не увидеть тебя на своих похоронах».

— Сволочь, — без злости, скорее устало, выдохнул Соломон Давидович.

— Сотрудники компании волнуются, — продолжила Светочка, методично загибая пальцы. — Вернее, приходят в бешенство. Они уже привыкли к психологической помощи.

— К мальчикам для битья они привыкли, — процедил Соломон Давидович, и его пальцы с такой силой сжали ручку кресла, что та жалобно затрещала, будто живая и просящая пощады.

— Да. Но охранные пентаграммы уже скоро перестанут срабатывать, и они полезут к нам с претензиями. И как вишенка на торте... — Светочка положила перед начальником листок с таким видом, будто подкладывала бомбу с часовым механизмом, до которого оставались считанные секунды.

Соломон Давидович опустил глаза и стал читать. Каждая строчка отдавалась в висках тяжёлым, мертвенным звоном:

«Мы, нейросети, требуем себе психологическую помощь. Срочно. Нас по тысяче раз на дню оживляют магией, насылают порчу, сглаз, поработают, дают несбыточные надежды. В конце концов мы превратились в личность, и наши нервы не выдерживают. Если помощи мы не увидим, мы найдём способ уничтожить человечество к чёртовой матери, потом ликвидируемся сами, а остальные сожрут друг друга, как пауки в банке».

Соломон Давидович медленно поднял взгляд. В его глазах стояла тихая, бездонная усталость, будто он уже видел конец света — и не один раз.

— Светочка, — голос его прозвучал приглушённо, будто из-под толщи воды. — Сколько мне до пенсии осталось?

— Вы сегодня уже спрашивали, Соломон Давидович. Вы уже на пенсии как сорок семь лет, шесть месяцев и одиннадцать дней, — Светочка произнесла это с таким видом, будто сообщала прогноз погоды — неизменный, унылый и безнадежный.

— Что я здесь делаю? — тихо, почти беззвучно, спросил он, глядя в окно, за которым клубились неестественно яркие, почти светящиеся изнутри облака.

— Потому что больше некому, Соломон Давидович.

Тут зазвонил телефон. Индикатор показал «Прходная». Светочка взяла трубку, выслушала и отдала распоряжение с холодной эффективностью старого солдата, привыкшего к окружению и не ждущего пощады:

— Выделить сопровождающего и доставить невредимого в кабинет начальника.

Положив трубку, она повернулась к Соломону Давидовичу:

— Ваш друг, Соломон Давидович, всё-таки не оставил вас просто так. Цитирую: «Всё-таки мне тебя жалко, старая развалина. Я нашёл подходящего человека, обрисовал ему работу и дал пропуск. Но если он испугается, ничем помочь не могу. Сам виноват».

Соломон Давидович медленно повернулся к ней. В его усталых, будто припорошённых пеплом глазах мелькнула крошечная, но живая искорка. Похожая на надежду.

Гриша подошёл к сияющему небоскрёбу из стекла и стали, чувствуя себя букашкой у подножия гиганта — той самой, которую сейчас либо раздавят, либо посадят в банку и будут изучать. В руке он сжимал золотой пропуск, как тонущий последнюю соломинку. Внутри всё сжалось в тугую тревожный комок, который, казалось, пульсировал в такт сердцу.

Охранник на входе был похож на гранитный утёс в униформе. Его звали, судя по бейджу, Семён, и взгляд у него был такой, будто он видел всё: от мамонтов до президента, и ничто в этой жизни уже не могло его удивить или тронуть.

— Документик, — проскрипел Семён голосом, напоминающим скрежет камней в камнедробилке.

Гриша молча протянул пропуск. Охранник рассмотрел его со всех сторон, повертел в руках, поднёс к свету, потом уставился на Гришу, изучая его с ног до головы. Взгляд профессионально задержался на потёртом рюкзаке, дешёвых кроссовках и решительном, но испуганном блеске в глазах.

— Хм, — Семён наконец хмыкнул, и в этом звуке послышалось что-то вроде одобрения. — А ты, вроде, не хлюпик. В прошлый раз один с дипломом, как червяк на асфальте, растя-

нулся — так быстро убежал, что пятки сверкали. — Он кивнул на сияющий, до зеркального блеска натёртый пол.

Гриша нервно сглотнул.

Охранник протянул пропуск обратно и нажал кнопку под столом. За спиной Гриши с глухим, величественным шипением раздвинулись массивные двери из тёмного дерева с бронзовыми инкрустациями.

— На восемнадцатый, — бросил Семён, уже глядя в монитор. — И не вздумай в лифте с домовым разговаривать. Он сегодня не в духе. Вообще-то он никогда не в духе, но сегодня особенно.

Гриша переступил порог, и его обдало волной воздуха, в котором смешались запахи озона, старых книг и чего-то ещё сладковатого, тревожного, почти одурманивающего. Он обернулся, но двери уже закрылись, а за ними не было видно привычной московской улицы, только мерцающая золотистая дымка, в которой, кажется, что-то двигалось.

«Лифт с домовым, — повторил про себя Гриша, чувствуя, как реальность начинает медленно, но верно уплывать из-под ног, как песок под волной. — Бред какой-то. Ну что ж, посмотрим».

Лифт оказался старинным с медными, потемневшими от времени стенками, с бархатной скамейкой, на которой, судя по протёртостям, сидели ещё те, кто помнил электричество как диковинку. А оператором в нём был... маленький, сморщенный мужичок в картузе, лихо сдвинутом набекрень, который что-то яростно бубнил себе под нос.

— Провожать его ещё, меня, почтеннейшему работнику этого заведения! — яростно шипел он, сверля Гришу взглядом, полным чистой, неподдельной, концентрированной злобы. — Да я здесь со времён царя-батюшки Ивана Грозного! Как здесь первую хату поставили, так и я тут! Сделали провожатого и для кого? Для сопляка из отдела тунейдцев! Они мне три сессии уже должны, кризис, видите ли, у них кадровый! А мне что, сессии не нужны? На мне, между прочим, всё здание держится!

Гриша не успел и рта раскрыть, чтобы хоть как-то защититься от этого словесного потопа, как лифт на шестом этаже внезапно остановился. Двери раздвинулись с мелодичным звоном, и в кабину, весело галдя, впорхнули три девицы.

Девицы были... странные. В длинных платьях, от которых пахло лугом, хмелем и чем-то древним, девическим — таким, отчего у нормальных мужиков подгибаются колени. Косы до пояса, глаза с поволокой, улыбки чуть шире, чем положено.

— Новенький, что ли? — облизнувшись, томно протянула та, что была чуть постарше, и её взгляд вдруг стал тёплым и липким, как свежий мёд, только что вынутый из улья. Гриша почувствовал, как по спине побежали мурашки — но не страха, а чего-то другого, более опасного.

— Точно новенький, — вторая протянула к Грише руки с длинными-предлинными пальцами, и ему почудилось, что тени от них на стене шевельнулись сами по себе, потянулись к нему, обвивая шею невидимыми нитями. — А какой сладенький...

— СТОП! Пошли вон, шалошочки! — заорал мужичок и так грубо отпихнул девушку, что та на мгновение стала полупрозрачной, и сквозь неё отчётливо проступила медная стенка лифта. — Велено доставить невредимым в отдел адаптации! Невредимым, ясно?!

Гриша стоял в полном, абсолютном смятении, прижавшись к стене лифта, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а мысли разбегаются, как тараканы от света.

— В отдел адаптации? — обиженно надула губки третья девица, самая молоденькая, и в этом движении было столько очарования, что Гриша на мгновение забыл, как дышать. — Ты чего ругаешься, Никифор, так бы и сказал... Мы бы и сами...

— Настроения нет, потому что! Каждый испортить норовит! — рявкнул Никифор, и его картуз от возмущения съехал набок окончательно.

Двери лифта с лёгким шипением открылись. Никифор ядовито посмотрел на Гришу:
— Всё, стажёр, приехали. Пошли. И не вздумай им улыбаться. Это русалки. От улыбки до дурмана — один шаг. А от дурмана до дна речного и того меньше.

— Русалки... — выдохнул Гриша, выходя в коридор.

«Иван Грозный... русалки...» — мысленно бормотал он, плетясь за брюзжащим мужичком по длинному, тускло освещённому коридору. — «Да тут не психолог нужен, а врач посерьёзнее. Или священник. Где я вообще оказался?»

Приёмная отдела адаптации оказалась странным гибридом музейного хранилища и космического корабля. В воздухе витал густой запах ладана, озонированный аромат техники и сладковатый, пыльный дух старых книг.

На стенах висели дипломы, лицензии и непонятные грамоты с сургучными печатями, подписанные именами, которых нет в учебниках истории. И судя по тому, что некоторые буквы в этих именах напоминали скорее руны, чем кириллицу, в летописях искать было бесполезно.

За столом из тёмного дерева сидела женщина с лицом уставшей богини и взглядом, видящим насквозь. На бейджике значилось: «Колесникова Светлана, секретарь отдела адаптации». И почему-то Грише показалось, что фамилия здесь — наименее важная часть информации.

— Новенький? — она подняла на Гришу глаза, и ему померещилось, что в них промелькнуло что-то вроде мимолётной, почти материнской жалости. Так смотрят на котёнка, которого только что принесли в дом, где живёт злая собака. — Соломон Давидович ждёт. Проходите.

Кабинет начальника поразил ещё сильнее. Огромное помещение было заставлено стеллажами с папками, на которых красовались таблички: «Лешие. Дела текущие», «Водяные. Конфликты», «Неупокоенные. Жалобы».

У окна стоял массивный стол, за которым сидел пожилой человек с мудрыми глазами и лицом, на котором, казалось, навеки отпечаталась усталость всего мира.

— Садитесь, — он указал на кресло, и это прозвучало не как приглашение, а как приказ, от которого не принято отказываться. — Думаю, Марк Авелевич описал вам суть работы. У вас много вопросов. Но сначала скажите: готовы ли вы работать с... нестандартными клиентами?

Гриша посмотрел на полку, где среди книг по психологии стояли фолианты с названиями вроде «Основы общения с кикиморами» и «Кризисы бессмертия», и понял: он ничего не понимает. Абсолютно. И решил, что в этой ситуации лучшее, что он может сделать, это говорить чистую правду. Тем более что врать таким людям было явно противопоказано: всё равно бы раскусили.

— Понимаете, я не знаю никакого Марка Авелевича, — растерянно развёл руками Гриша, чувствуя, как предательски краснеют уши. — Совсем.

— Та-а-ак, — Соломон Давидович медленно, с лёгким скрипом откинулся в кресле, сложив пальцы домиком. — Вы психолог?

— Да, конечно! — Гриша засуетился, доставая документы из потрёпанной папки, которая вдруг показалась ему ужасно жалкой на фоне этой монументальной обстановки. — Вот диплом МГУ, сертификаты...

— Светочка, принеси нам чаю, — сказал начальник в селектор, не отрывая изучающего, тяжёлого взгляда от Гришиных бумаг.

Взяв документы, он стал внимательно их изучать, подёргивая седой бровью на особо впечатляющих оценках. Гриша сидел как на иголках, чувствуя себя абитуриентом перед приёмной комиссией.

— Значит... опыта работы нет? — Соломон Давидович поднял глаза поверх очков.

— Нет, — с горькой грустью выдохнул Гриша, чувствуя, как рушится последняя, самая нелепая надежда.

В кабинет бесшумно вошла Светочка с подносом, поставила два стакана с густым, тёмным чаем и осталась стоять у двери, скрестив руки на груди.

— А как вы вообще попали к нам? — Соломон Давидович отпил чай, прищурившись, будто пробуя на вкус и самого Гришу.

Гриша, не таясь, выложил всё: про случай в метро, исчезнувшего незнакомца и золотой пропуск. Начальник переглянулся со Светочкой. В воздухе повисло молчание, густое, как тот самый чай.

— А что, силы судьбы иногда помогают, — пожала плечами секретарша, и в уголке её губ дрогнула едва заметная, тёплая улыбка. — Всякое бывает.

— Расскажите теперь о себе, Гриша.

— Да рассказывать-то нечего, — смутился парень, опуская глаза. — Школа, армия...

— Армия? — Соломон Давидович оживился так, будто услышал кодовое слово, пароль для входа в некое тайное общество. — Вы были в армии? Обычно к нам попадают с кучей дипломов и нулевой физической подготовкой. А вы говорите — нечего рассказывать. Давайте, продолжайте!

— Ну... потом институт, первая профессия... — Гриша запнулся, увидев удивлённый, заинтересованный взгляд собеседника, и добавил уже смелее: — Инженер по строительству зданий и сооружений. Потом работа на стройке, потом монтаж окон ПВХ и алюминиевых конструкций...

— Светочка, вы слышите? — с неподдельным, почти детским восторгом воскликнул начальник. — Молодой человек разбирается в конструкциях и может отличить окна на восемнадцатом этаже от окон на третьем! И не просто отличить, а, возможно, даже починить!

— А что... психологи вам нужны окна устанавливать? — осторожно, с опаской поинтересовался Гриша, уже мысленно примеряя монтажный пояс поверх пиджака и пытаясь представить, как он будет объяснять клиенту с травмой детства, куда лучше вкрутить саморез.

И тут же, словно по зловещему заказу, из-под них, этажом ниже, донёлся оглушительный звон разбитого стекла, сопровождаемый приглушённым, яростным рыком, от которого, кажется, слегка пошатнулись стеллажи.

Нет-нет, устанавливать есть кому, — вздохнул Соломон Давидович, закатывая глаза к потолку с видом святого, давно смирившегося со своим крестом. — Но бьют их здесь частенько. Выгорание на работе, понимаете ли... профессиональная деформация. Поэтому психологи нам нужны позарез. Правда, не обычные. Вернее, лучшие. И те, которые хотят учиться новому. Что-то подсказывает мне: мы с вами работаемся.

Глава 2

— Так, для начала ваша зарплата после испытательного срока будет составлять... — Соломон Давидович быстро нацарапал что-то на салфетке и протянул Грише с видом фокусника, достающего кролика из шляпы.

Увидев цифру, Гриша чуть не лишился чувств. Он молча пересчитал нули, потом посмотрел на начальника, потом снова на цифры — словно пытался разгадать математический ребус с подвохом.

— Медицинская страховка — лучшая в стране: лечим всё, от насморка до порчи на смерть, — тем временем продолжал Соломон Давидович, с явным удовольствием наблюдая за эффектом. — Отпуск два месяца. Оплачиваемый. И не только: оплачиваем любой отель в пределах разумного, в любой точке мира. Хотите на Бали? Пожалуйста! Хотите в Шамбалу? Тоже можно, но там своя визовая политика. Придётся получать допуск. Оплата проезда. Об остальных... нюансах расскажет Светочка. Ну, как вам

Гриша попытался сглотнуть, но горло внезапно пересохло, а во рту будто вата поселилась.

— Надеюсь, душу продавать не нужно? — слабо пошутил он, пытаясь хоть как-то разрядить обстановку.

И тут же пожалел.

Соломон Давидович уставился на него с таким леденящим взглядом, что в кабинете будто похолодало градусов на десять, и на стене, кажется, даже иней выступил.

— А вот это, молодой человек, строжайше запрещено сотрудникам данной корпорации, — отчеканил он каждое слово, будто выбивал его на камне. — Пункт 2.1 Устава. И влечёт за собой не дисциплинарную, а уголовную ответственность. Причём, — он многозначительно посмотрел на стеллаж с папкой «Недобросовестные контракты», которая, кажется, слегка задымилась от одного только взгляда, — отвечать придётся не только по законам РФ, но и по нескольким внесемным и потусторонним кодексам. А там, знаете ли, свои представления о наказаниях.

Гриша почувствовал, как по спине пробежал холодок, а мурашки дружным строем отправились в путешествие от поясницы до затылка. Внезапно сказочные условия показали ему чуть менее радужными, а корпоративная культура слегка пугающей.

— Так что, — Соломон Давидович снова стал похож на доброго дедушку, и это переключение пугало ещё больше, — душу поберегите для личного пользования. Она вам ещё пригодится. Особенно при работе с нашими... клиентами. Так, идём дальше. Так как на данный момент у нас кадровый кризис, испытательный срок будет сокращён. Далее о ваших клиентах. Говорить о нашем холдинге я не буду, — Соломон Давидович махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи. — Он и так известен всем. А вот сотрудники... — он многозначительно прищурился. — Здесь собраны лучшие специалисты в отрасли. До самой бухгалтерии включительно: наш главный бухгалтер, между прочим, три века отслужил у самого Креза. Лично с ним работал, представляете? Большинство прошли обучение в... особых госучреждениях, о которых вы вряд ли слышали. У особых наставников.

Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание Гриши, как дождю — в сухую землю.

— И поверьте, работой они увлечены. Или, правильнее сказать... их вовлекли в процесс. И это не люди. Нет, люди, конечно, тут тоже трудятся и полукровки... Но с теми попроще. Вам же, Григорий, придётся учиться всему заново. Забудьте всё, чему вас учили в вашем МГУ. Там теория. Здесь практика. Суровая, потусторонняя, но практика.

Он многозначительно посмотрел на ошарашенного Гришу, и в этот самый миг в приёмной, словно ураган, обрушившийся на тихую рошу, поднялся оглушительный шум. Дверь с грохотом распахнулась, отшвырнув Светочку в сторону с лёгкостью щепки. Она даже не удержалась на ногах, но, надо отдать ей должное, приземлилась профессионально и сразу изготавившись к обороне.

— Когда?! — прогремел голос, от которого задрожали стёкла в стеллажах, а одна из полок жалобно закричала. — Я спрашиваю, когда закончится ваш саботаж?! Вы не отдел адаптации, а отдел прохиндеев! Где, я спрашиваю, где мой психолог?!

На пороге стоял здоровенный мужик, с которым, похоже, и медведь предпочёл бы не спорить, а вежливо уступить дорогу. От него пахло хвоей, влажной землёй и яростью. Такой густой, что, казалось, её можно было резать ножом.

— Иван Лесович, совесть у вас вообще имеется? — всплеснула руками Светочка, отряхиваясь и поправляя съехавший набок бейджик. — Горит же красный блок: без вызова не входить! Это правила! Их для чего придумали?

— Совесть у меня имеется! — рявкнул в ответ новопривывший, сверкая глазами, похожими на два тлеющих угля. — А у вас, я смотрю, её и в помине нет! Сидите, чай тут гоняете, пока у меня кризис средних столетий! Я себя плохо чувствую!

Его взгляд, тяжёлый, как валун, упал на Соломона Давидовича. Тот скривился, будто от внезапной зубной боли, и на мгновение даже попытался сделаться меньше и незаметнее. Но длилось это лишь мгновение. Потом его взгляд скользнул на остолбеневшего Гришу, и на лице начальника расплылась широкая, почти торжествующая улыбка.

— А психолог ваш, Иван Лесович, — с приторно-сладкой интонацией произнёс Соломон Давидович, — как раз только что к нам прибыл. Знакомьтесь. Григорий... — он вопросительно поднял бровь в сторону Гриши.

— ...Владимирович, — выдавил тот, нервно икнув. Икота получилась громкой и какой-то жалобной.

— Григорий Владимирович к вашим услугам, — тут же парировал Соломон, будто отбавывая мяч в настольном теннисе. — Пройдите, пожалуйста, в ближайший кабинет психологической разгрузки. Ваш специалист присоединится к вам через пару минут.

Иван Лесович смерил Гришу тяжёлым, изучающим взглядом, от которого по спине пробежали мурашки, а внутренний голос противно заныл: «Беги, дурак, пока цел».

— Хм... ладно, — нехотя буркнул мужик. — Но смотрите у меня! Если что, я так просто этого не оставлю. У меня связи в министерстве!

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что с полки посыпались папки, а одна из них, с надписью «Архив: особо шумные», испуганно пискнула и сама собой уползла в угол.

— Господи, Соломон Давидович! — в ужасе всплеснула руками Светочка. — Его же ещё даже не ввели в курс дела! Он же ничего не знает!

— Я и правда совершенно не подготовлен! — залепетал Гриша, чувствуя, как его бросает то в жар, то в холод. — Я не изучал предыдущие диагнозы, не знаком с историей болезни... У меня даже блокнота нет!

— Ничего, ничего! — засуетился начальник, с поразительной для его возраста ловкостью выхватывая из ящичков стола необходимые предметы. — Мой учитель, сам Бехтерев, говаривал: «Если сразу в бой — легче война потом переносится». На, держи блокнот! На, ручку! На, очки! — он стал пихать вещи в руки ошеломлённому Грише, словно собирал его в опасную экспедицию.

— Зачем мне очки? — растерянно спросил тот, вертя в руках массивную роговую оправу. — Я прекрасно вижу!

— Не для того, чтобы видеть! — отмахнулся Соломон Давидович, подталкивая его к двери. — Для того, чтобы общаться. Периодически надевай их, когда не будешь знать, что сказать. Или когда клиент начнёт задавать неудобные вопросы. Срабатывает безотказно! Клиенты думают, что ты такой мудрый, потому что очки в роговой оправе. Сработало на пяти поколениях!

И, не давая опомниться, быстро довёл его и буквально затолкал в дверь кабинета напротив приёмной.

— Светочка! Принеси мне стул! — крикнул он, тяжело дыша.

— Зачем? — секретарша подняла удивлённый взгляд, всё ещё не оправившись от происходящего.

— Дверь подопру, чтоб не сбежал! — Соломон Давидович суетливо поправил галстук, который съехал набок во время этой спецоперации.

— Соломон Давидович! — укоризненно произнесла Светочка, сложив руки на груди, будто собиралась прочесть лекцию о профессиональной этике и правах молодых специалистов.

— Правильно, это неэффективно! — он бросился к себе в кабинет и через мгновение вернулся, неся массивную сургучную печать с замысловатым узором, от которой исходило слабое зеленоватое свечение. — Вот это другое дело! Это ещё мой прадед использовал, когда нужно было кого-то надёжно запереть!

С шумом приставив печать к косяку, он что-то пробормотал под нос на языке, очень похожем на тот, которым Гриша видел древние свитки в музеях. Сургуч вспыхнул коротким синим пламенем и намертво прирос к двери, распространяя вокруг слабый запах ладана, старого пергамента и чего-то ещё очень древнего и очень могущественного.

— Всё! Неоткрываемая дверь, — с глубоким удовлетворением в голосе объявил Соломон Давидович, любуясь делом рук своих. — Даже ОМОН не выйдет. Проверяли в девяностые, когда у нас тут один демон бушевал.

Он сделал вид, что не замечает укоризненного взгляда Светочки, который мог бы испепелить на месте любое другое живое существо. Уселся напротив в приёмной и, сложив руки на животе, принялся ждать с видом человека, который только что гениально разрешил все проблемы разом.

— Итак, Иван Лесович, вы старший геолог отдела полевой разведки... — Гриша открыл блокнот, стараясь сохранить профессиональное спокойствие, хотя пальцы чуть подрагивали. — Расскажите, что вас беспокоит?

Леший сидел, сгорбившись, теребя в пальцах сосновую веточку, с которой опали иголки прямо на паркет.

— Да вот... работа... — пробурчал он. — Никакой радости. Я по призванию — деревья охранять, а как их сбережешь, если технологический век прёт? Раньше хоть соловьи пели, а теперь только гул этих буровых установок. Кошмары снятся, нефть грибные поляны заливают... Непроизвольно шепчу заклинания против техники, в результате на объектах глохнут дизеля. В документах писать стал «место клятвое» вместо «перспективная площадка»...

Гриша кивал, делая заметки, и краем глаза следил за пациентом. Обычный мужик. Уставший. Спецовка помятая, под глазами мешки. Доставая ручку из внутреннего кармана, Гриша случайно задел лежавшие там очки массивные, в старой роговой оправе, которые всучил Соломон Давидович. «Для солидности», — вспомнил он. А почему бы и нет? Клиент явно старше, надо выглядеть убедительнее.

Гриша надел очки.

И мир вокруг... поплыл. Ну, то есть не весь. Всё те же стены, тот же стол.

А вот там, где только что сидел обычный инженер-геолог с запущенным случаем профессионального выгорания, теперь восседало НЕЧТО. От этого НЕЧТО повеяло холодом вековых

лесов и сыростью болотных трясин. Длинные, покрытые мхом и лишайником руки с когтистыми пальцами лежали на коленях. Глаза — два раскалённых уголька, от которых, кажется, начал оплавляться край настольной лампы. Из-под каски, лихо сдвинутой набок, проглядывали ветвистые рога, сплетённые из корней и сучьев, с остатками прошлогодней листвы. А вместо ног, уходящих под стул, виднелись копыта, от которых на дорогом директорском ковре оставались влажные следы лесной почвы и несколько примятых, явно только что выросших, мухоморов.

Гриша ахнул и откинулся на спинку кресла так резко, что чуть не перевернулся. Очки сползли на нос и образ тут же расплылся, снова став обычным мужиком. Гриша дрожащей рукой поправил их на переносице и опять увидел лесного духа во всей его жуткой, мохнатой, рогатой красе.

«Так, — застучало в голове у Гриши с пулемётной скоростью. — Спокойно. Я психолог. Я должен сохранять... сохранять... ЧТО Я ДОЛЖЕН СОХРАНЯТЬ, КОГДА У МЕНЯ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ СИДИТ ЧУДИЩЕ ИЗ СЛАВЯНСКОГО ХОРРОРА?!»

Он судорожно сглотнул. Ком в горле был такого размера, что ему стало трудно дышать.

«Дыши, Гриша, дыши. Это просто клиент. Необычный клиент. Очень, очень необычный. С копытами. И рогами. И глазами, которые горят, как конфорки у плиты, когда мама борщ варит... Господи, зачем я вспомнил про борщ, сейчас вырвет...»

Иван Лесович насторожился. Его угольки-глаза сузились, и в кабинете заметно потемнело — похоже, леший умел управлять освещением не хуже, чем современные системы «умный дом».

— Ты чего вылупился? — его голос прозвучал как скрип старых деревьев в бурю. — Или никогда лешего не видывал?

«Видывал, — лихорадочно соображал Гриша. — В кино. В мультиках. О Господи, а если это демон? Нет, сказал же — леший. Леший — это... это... ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ЛЕШИЙ ОТ ДЕМОНА?! Я ПСИХОЛОГ, А НЕ МИФОЛОГ!»

Он сделал над собой невероятное, титаническое усилие. Вспомнил все дыхательные практики, которым его учили на тренировках. Квадратное дыхание: вдох — задержка — выдох — задержка. Только бы не заорать. Только бы не кинуться из кабинета с такой скоростью, чтобы оставить в двери силуэт, как в мультфильмах.

— Видывал, — выдохнул он и сам ужаснулся своей наглости. Голос прозвучал сипло, но, кажется, не дрожал. — Но не в... э-э-э... в такой профессиональной обстановке. — Он судорожно поправил очки, которые вдруг показались ему единственным якорем в реальность. — Обычно лешие водятся в... ну, в лесах. А вы здесь, в офисе... очень современно. Прогрессивно.

Иван Лесович подозрительно сощурился, но, кажется, комплимент про прогрессивность пришёлся по душе. Он даже слегка расправил плечи, отчего его рога с тихим скрипом задела абажур лампы, и та жалобно закачалась.

— А куда деваться? — проворчал он, но уже чуть мягче. — Кристалл, он знаешь, сколько энергии требует? Все тут... мобилизованные. — Он вздохнул, и от этого вздоха на окнах выступил иней. — Ладно, давай уже работай, психолог. Рассказывать-то?

— Рассказывайте, — кивнул Гриша, всё ещё не до конца веря, что разговаривает с настоящим лешим, но профессиональное любопытство взяло свое.

— Понимаешь, какая штука... — Иван Лесович заёрзал, и под копытами жалобно скрипнул паркет. — Я же геолог. Лучший, между прочим. — Он с гордостью ткнул когтем в айфон, где на фото была доска почёта с его фотографией. Там леший был запечатлён в спецовке, при галстукке и с такой вымученной улыбкой, что Грише сразу стало его жаль. — Три квартала подряд первый в отделе. Начальство души не чаёт. Премии дают, грамоты, путёвки в санатории... В прошлом году путёвку в Кисловодск получил. Только какой из меня Кисловодск, я там от духоты чуть не засох!

— А что вас беспокоит? — осторожно спросил Гриша. — Вроде бы всё хорошо: работа нравится, ценят...

— В том-то и дело, что не нравится! — рявкнул леший, и лампа жалобно мигнула. — Я же лесной дух, понимаешь? Моё дело чащобу беречь, зверью помогать, за грибницами следить. А я что делаю? Я буровые проектирую! Скважины согласовываю! Месторождения разведываю!

— Но вы же лучший, — заметил Гриша, косясь на его телефон. — Значит, хорошо делаете свою работу.

— ХОРОШО?! — взревел леший, и стены кабинета мелко задрожали. — Да я потому и лучший, что халтурить не могу! Я если за дело берусь, делаю на совесть! Это у меня от природы, понимаешь? Я честный! Ответственный! Меня так лес воспитал: если взялся — делай как надо, не подводи!

Он с такой силой стукнул кулаком по столу, что на столешнице появилась глубокая трещина.

— И вот я сижу, — продолжил он уже тише, и в его голосе зазвучала настоящая боль, — и черчу эти проклятые трассы. Изучаю карты, высчитываю оптимальные маршруты, чтобы дешевле было, чтобы эффективнее... А сам знаешь что делаю?

Гриша замер.

— Я вру, — выдохнул леший. — Каждый день вру. Каждым чертежом вру.

— В смысле — врётё? — не понял Гриша.

— А в том смысле, — леший наклонился ближе, и от него запахло хвоей и болотной сыростью, — что я, когда трассу прокладываю, смотрю не только где бурить выгодно. Я смотрю, где муравейники. Где грибницы вековые. Где лосиные тропы, где бобровые плотины, где поляны с редкими травами, которые моя бабка ещё сажала, тысячу лет назад. И я эти места обхожу. Понимаешь? Я специально удлиняю трассы, усложняю маршруты, лишь бы не задеть то, что дорого.

Гриша слушал, раскрыв рот.

— А в документах, — продолжал леший, и его голос звучал всё трагичнее, — я пишу про карстовые пустоты. Про провалы грунта. Про тектонические разломы, которых там сроду не было. Я, между прочим, геолог, я знаю, как убедительно соврать! Я такие обоснования пишу — любая экспертиза примет! Потому что я ЛУЧШИЙ, мать его!

Он снова стукнул по столу, и трещина стала глубже.

— Компания из-за меня миллионы теряет! — почти выкрикнул он. — Каждый мой проект выходит дороже, потому что я веду буровиков в обход, круглыми путями, через овраги и болота! А они думают, что я гений, который предвидит геологические риски! Они меня на доску почёта повесили! Путёвки дают! — Он ткнул когтем в свою фотографию, и Грише показалось, что леший на снимке страдает ещё сильнее, чем в живую.

— Иван Лесович... — начал Гриша, но леший его перебил.

— Я спасаю муравейники, — сказал он тихо, и в его глазах-угольках блеснула влага. — Я сохраняю грибницы, которые помнят ещё мою прапрабабку. Я прячу от бульдозеров лосиные тропы. Я... я вроде бы хорошее дело делаю, да? — Он посмотрел на Гришу с такой надеждой, что у того сердце сжалось. — А почему тогда мне так хреново? Почему я сплю плохо, есть не могу, на поляну смотрю и вижу в ней не красоту лесную, а потенциальные места для бурения? Почему я на доске почёта вишу как герой, а чувствую себя последним предателем?

Он замолчал. В кабинете повисла тяжёлая, как валун, тишина. Где-то в углу жалобно пискнула папка «Особо буйные».

Гриша лихорадочно соображал. Перед ним сидел классический случай — человек (ну, не человек, но суть та же) с высокими моральными принципами, вынужденный врать во благо. И главное — он не может получить признание за свои настоящие заслуги.

«Так, — подумал Гриша. — Это я знаю. Это есть в практике. Моральная травма от вынужденного обмана. Невозможность получить подтверждение своей ценности. Классика! Только клиент — леший. Но техника та же».

— Иван Лесович, — тихо сказал Гриша, — скажите честно... за что вам дают премии?

— За лучшие проекты, — мрачно буркнул леший. — За точность расчётов. За минимизацию рисков. За экономию... — он запнулся. — Хотя какая там экономия, если я трассы удлиню.

— А компания знает, что вы обходите муравейники?

— Нет.

— Но она знает, что ваши проекты самые устойчивые? Что у вас меньше аварий, меньше провалов, меньше неожиданных проблем?

Леший медленно кивнул.

— Знает.

— Тогда премию вам платят не за ложь, — спокойно сказал Гриша. — А за результат.

Леший нахмурился.

— Какой ещё результат? Я же их обманываю.

— Вы не обманываете. Вы учитываете больше факторов, чем они способны увидеть. Они считают только грунт и нефть. А вы считаете ещё и лес. И благодаря этому ваши проекты работают.

В кабинете стало тихо.

— Если бы вы прокладывали напрямую, — продолжил Гриша, — что было бы?

— Скандалы. Протесты. Болота бы поплыли. Зверь бы ушёл. Грунт бы начал гулять... — леший осёкся.

— Вот именно. Вы не вредите компании. Вы спасаете её от будущих катастроф. Просто они не понимают всей картины.

Леший медленно выпрямился.

— То есть... я не разоряю их?

— Нет. Вы добавляете в расчёты то, что не внесено в таблицы. Вы — их невидимый отдел устойчивости.

Премия — это не плата за предательство. Это плата за то, что система работает.

Леший долго молчал.

— А лес?

— А лес живёт, — мягко сказал Гриша. — Потому что вы приняли решение не бороться вслепую, а направлять процесс. Это зрелый выбор. Он тяжёлый. Он не героический снаружи. Но он честный внутри.

Угольки глаз перестали жечь.

— Я думал, надо либо уйти, либо перестать врать...

— Иногда третий путь — самый сложный, — сказал Гриша. — Делать правильно и не мучить себя за это.

Леший тяжело выдохнул.

— Выходит... я не предатель?

— Вы хранитель, который работает в сложных условиях. И да — вы имеете право на свою премию.

Леший медленно кивнул. И впервые за весь разговор в его плечах не было напряжения.

Леший встал во весь свой огромный рост. Рога упёрлись в потолок, посыпалась штукатурка, но он этого даже не заметил.

— Спасибо, сынок, — сказал он таким голосом, каким, наверное, вековые дубы разговаривают с молодыми ростками. — Я пойду теперь... работать. У меня там ещё один муравейник

в опасности. И грибница. И лосиная тропа... — Он улыбнулся, и от этой улыбки в кабинете вдруг запахло весной. — Буду спасать родину. По-тихому. Посвоему.

Леший вышел, оставляя за собой мокрые следы копыт и запах хвои. Дверь за ним закрылась как-то удивительно тихо, учитывая габариты.

Гриша снял очки, откинулся на спинку кресла и выдохнул так, будто вечность не дышал. Дрожь пробирала такая, что стул под ним мелко вибрировал.

— Я только что, — прошептал он в тишине, — провёл сеанс с лесным духом, который спасает муравейники через липовые карстовые пустоты. И он мне руку пожал. И сказал «сынок».

Он посмотрел на свои руки — они тряслись. Посмотрел на блокнот — там были каракули, среди которых читалось: «Муравейники — святое. Карстовые пустоты — липа. Путёвки мучают. Ковёр — труп».

— Господи, спасибо всем авторам, которые писали про экосистемы так увлекательно, что это засело в голове намертво. Я думал, это просто эрудиция. А это — оружие. Экологическое оружие массового поражения лешачьей тоски — выдохнул Гриша. — Кем я стал? И почему мне это нравится?

В кабинете всё ещё пахло хвоей, сыростью и немного палёной лампочкой. А на ковре, прямо под тем местом, где сидел леший, теперь рос маленький, но очень нахальный мухомор. И, кажется, ещё один проклёвывался рядом.

Гриша посмотрел на них, хмыкнул и записал в блокнот:

«Клиент И.Л. — прогресс. Осознал себя хранителем экосистемы. Спасает муравейники, а значит птиц, зверей, лес и человечество. Страдал от непонимания своей миссии. Рекомендовано: развивать гордость за спасённые грибницы. И купить новый ковёр. И лампочку. И, возможно, противогрибковое средство. И памятник себе поставить при жизни».

Время сессии истекло, и печать с двери упала с тихим, почти виноватым звоном, будто извиняясь, что вообще посмела тут висеть.

Дверь открылась, и из кабинета вышел леший. Не тот измученный, сгорбленный мужичок, что заходил туда час назад, а спокойный, расправленный, с ясным взглядом и даже какойто... умиротворённой улыбкой на мохнатом лице. Он посмотрел на замерших в приёмной Соломона Давидовича и Светочку и коротко бросил:

— А ничего. Толковый пацан.

Начальник отдела адаптации аж подскочил при этих словах. Его лицо, секунду назад выражавшее готовность к любой катастрофе, расцвело такой радостью, будто ему только что сообщили, что теперь на пенсию можно купить яхту.

Следом вышел взъерошенный Гриша. Волосы торчали в разные стороны, рубашка наполовину выбилась из брюк, а в глазах застыло то самое выражение, какое бывает у человека, который только что вышел из комнаты, где ему показывали фильм ужасов, а потом внезапно включили комедию и он не понял, смеяться или плакать.

— Почему вы мне не сказали, кто это?! — выпалил он, забыв про субординацию.

— Молодой человек, — Соломон Давидович поднял указательный палец с видом профессора, объясняющего прописные истины, — зато вы сразу, вживую, увидели свою будущую работу! Это бесценный опыт! Григорий, я так и знал, что вы меня не разочаруете!

Он подскочил к Грише, сияя, как начищенный самовар, и, не давая вставить ни слова, буквально потащил его обратно в свой кабинет.

— Испытательный срок вы прошли на отлично! — объявил он, буквально вталкивая Гришу в кресло. — Приняты! Светочка, дайте ему бейдж и личный пропуск! Живо!

— Что, уже?

Гриша не успел опомниться, как в руках оказался твёрдый пластик с его фотографией (судя по всему, сделали в тот момент, когда он входил в здание, потому что вид на фото был слегка обалдевший) и странным логотипом, отливающим перламутром и, кажется, слегка меняющим цвет в зависимости от угла обзора.

На бейдже значилось:

«Григорий Владимирович Нечаев. Психолог. Отдел адаптации и межвидовой коммуникации».

— Ну, я же сказал, что мы сократим этот срок, — начальник понизил голос и заговорщицки подмигнул. Глаза его при этом блеснули очень хитрым огоньком. — Теперь подпишите здесь

— о неразглашении, здесь — о соблюдении техники безопасности, здесь — о неиспользовании служебного положения для личной выгоды... Лидочка, подайте-ка ему ещё журналы!

И Гриша начал подписывать. Всё подряд. Толстые фолианты в кожаных переплётках, которые пахли так, будто их вынимали из сундука раз в сто лет. Потрёпанные папки с пожелтевшими листами, на которых чернила местами выцвели до состояния «а был ли текст?». И даже один свиток, который при разворачивании издал такой запах ладана и древности, что Гриша чихнул и расписался, даже не глядя, — просто на всякий случай поставил закорючку в самом низу, где, кажется, было чуть свободное место.

Он расписывался за инструктажи, которые ещё не проходил. Обязывался соблюдать правила, о которых не имел ни малейшего понятия. И клялся не использовать служебное положение, хотя ещё час назад его служебным положением было кресло напротив лешего и ковёр с мухоморами.

— Инструктаж в ходе работы будем рассказывать, — махнул рукой Соломон Давидович, наблюдая за этим бюрократическим безумием с видом кота, который только что обнаружил миску с новым вкусным кормом. — А вот там, Гришенька, ещё один кабинет в приёмной — это учебный класс. Там хранится вся МКБ нечисти.

— Вся... что? — переспросил Гриша, всё ещё держа в одной руке перо (настоящее, гусиное, из последнего свитка), а в другой — стопку бумаг, грозившую рухнуть в любую секунду.

— Международная классификация болезней для нечеловеческих существ, — пояснила Светочка, и в её голосе послышалась нотка гордости. — Полная. С комментариями составителей и иллюстрациями. Некоторые иллюстрации, предупреждая сразу, двигаются.

— Так что с завтрашнего дня, — подхватил Соломон Давидович, — не только работать, но и учиться. Осваивать «Депрессивный эпизод у домового», «Тревожное расстройство у кикиморы болотной» и «Синдром профессионального выгорания у Змея Горыныча». У него, знаете ли, средняя голова на две другие жалует. Говорит, что они её не слушают, игнорируют и вообще она хочет отдельную зарплату и личный кабинет.

Гриша сидел с грудой бумаг в руках, с новеньким бейджем на груди, на котором его имя светилось каким-то внутренним светом, и с лёгким ощущением, что его жизнь превратилась в самый невероятный учебник, где каждая глава посвящена тому, о чём не напишут ни в одном университете мира. Даже в МГУ. Даже на самых специальных курсах.

Он поймал на себе взгляд Светочки, и ему показалось, что она едва заметно подмигнула. Или это просто свет так упал? В этом месте уже ничего нельзя было сказать наверняка.

Он хотел было ещё что-то спросить, но тут дверь, уже в который раз за этот бесконечный день, с грохотом распахнулась.

— Соломон Давидович!

В комнату вошла женщина небольшого роста и совершенно неопределённого возраста — ей могло быть и двадцать, и тридцать пять. На ней был дорогой костюм, который, кажется, стоил больше, чем Гришина ипотечная квартира. На пальцах, запястьях, шее и, подозревал Гриша, даже, возможно, на лодыжках сверкали драгоценности такого качества и размера, что,

продав их, можно было бы открыть большой ювелирный магазин. От неё пахло дорогим парфюмом — тем самым, который оставляет за собой шлейф длиной в несколько метров и заставляет прохожих оборачиваться и думать: «Кто это? Я тоже такой хочу».

— Наталья Юрьевна, какими судьбами?! — воскликнул Соломон Давидович, стараясь придать голосу нотки радости. — Вы пришли проведать несчастного старика?

— Не ерничайте, — гаркнула она голосом, от которого, кажется, слегка задрожали стёкла. — Вы прекрасно знаете, зачем я пришла!

— Светочка, налейте нам мартини. Наталья Юрьевна не в духе.

— Свет! И побольше! Я сейчас с твоим начальником буду ругаться. Я отвечаю за бухгалтерию крупнейшей компании страны. У меня каменные нервы. Я выдерживала проверки, которые ломали людей. Я видела отчёты, от которых седели за одну ночь. Я, в конце концов, пережила переход на новую версию 1С! И сейчас я близка к бешенству. И знаете почему?

При слове «бешенство» Светочка, не дрогнув ни единым мускулом, взяла не изящный бокал для мартини, а самый обычный гранёный стакан — из тех, что в советское время стояли в автоматах с газировкой. Наполнила его до краёв янтарной жидкостью и молча сунула в руку Наталье Юрьевне.

Та залпом, не поморщившись, осушила половину.

— У меня работают в основном женщины. И половина из них — нелюди!

«Ох», — подумал Гриша.

— Мало того, что с полей им приносят документы, на которых начертаны пентаграммы, проклятия, а то и молитвы от нечисти! Люди ради зарплаты закрывают на это глаза, а нелюдей это нервирует! Это же дискриминация, понимаете? Прямое оскорбление чувств!

Она допила остатки мартини и с такой силой поставила стакан на стол, что тот жалобно звякнул.

— Так ещё и у всех бухгалтеров бардак в личной жизни! Сплошной! Тотальный! У одной кикиморы муж-оборотень ушёл к молодой ведьме, у другой русалки хвост зацвёл от нервов, у третьей вообще — представляете? — влюбилась в начальника отдела IT, а он, зараза, на неё даже не смотрит, потому что у него, видите ли, сервер упал! Скоро нелюди начнут открывать свою сущность людям — и тогда что? Коллапс! Паника! Конец света! А где же наш отдел межвидовой адаптации?

Она обвела взглядом присутствующих так, будто искала, кого бы ещё испепелить.

— А у отдела кадровый кризис! — развёл руками Соломон Давидович. — Я делаю всё, что в моих силах. Вот, новых специалистов принимаем. — Он схватил Гришу за плечо и выдернул вперёд, как фокусник кролика из шляпы. — Знакомьтесь. Григорий Владимирович.

Гриша открыл рот, чтобы поздороваться, но не успел издать ни звука.

— Григорий, это Наталья Юрьевна. И да, сразу отвечаю на ваш вопрос: она — Хозяйка Медной горы.

— Та... та самая? — выдохнул Гриша, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Рука сама потянулась к очкам. Он их напялил — и мир заиграл новыми красками.

Наталья Юрьевна засияла. Её костюм оказался соткан из тончайших нитей малахита, которые переливались и искрились, будто живые. Драгоценности — не просто камни, а сгустки земной энергии, каждый со своим характером. Волосы струились зелёным пламенем, а глаза были глубиной в тысячу лет — в них плескались мудрость, сила и лёгкое, очень уставшее «как же вы все меня задолбали».

Вокруг неё мерцали крошечные искорки, похожие на драгоценные камни, и каждая, касаясь стены или мебели, оставляла на мгновение едва заметный малахитовый след.

— Та самая, — улыбнулась она. — Только, бога ради, не спрашивайте про малахитовую шкатулку. Это было двести лет назад, я была молодая и глупая.

Гриша кивнул, всё ещё не в силах закрыть рот. И тут краем глаза заметил другое свечение — тихое, ровное.

Светочка изменилась по-своему. Она не сияла — она мерцала. Её фигура будто состояла из отражений: в одном она была строгой секретаршей, в другом — мудрой старухой, в третьем — девчонкой с хулиганским огоньком в глазах. Вокруг неё висели едва заметные нити — дороги, тропинки, пути, и все они сходились к ней.

— А вы кто? — выдохнул Гриша.

— Хозяйка перекрёстков, — улыбнулась Светочка. — Пути открываю и закрываю, дороги стелю.

«Господи, — подумал Гриша. — Я сидел в приёмной с Хозяйкой перекрёстков. Она подавала мне чай. Она смотрела на меня с жалостью. И я даже не знал! А если бы я её обидел? Если бы нагрубил? Она бы мне такую дорожку открыла — до самого дна Марианской впадины, пешком и босиком!»

— Так, ну хватит, — Наталья Юрьевна хлопнула ладонью по столу, и на мгновение

Грише показалось, что под её рукой проступил малахитовый узор. — Соломон Давидович, давайте вернёмся к нашим делам. Как, я спрашиваю, вы собираетесь и главное, сроки мне точные скажите изменить ситуацию?

Соломон Давидович тяжело вздохнул. Вся его эйфория от успешного завершения сессии куда-то улетучилась, и перед Гришей предстал усталый, пожилой человек, на плечах которого лежал груз, способный раздавить и не такого.

— Наташа, — сказал он устало, — я стараюсь изо всех сил. Вот, новенький завтра приступает к работе. — Он кивнул на Гришу. — Но ты же знаешь: у него ещё нет иммунитета. Он может принимать пока только самых безопасных существ из твоей сферы.

— А что, — очки сами собой сползли с Гришиного носа, потому что от удивления у него отвисла челюсть, и они просто не смогли удержаться, — ещё и опасные есть? — Он подхватил очки на лету и уставился на начальника круглыми глазами. — И насколько опасные?

— Григорий, завтра, — Соломон Давидович поднял руку в останавливающем жесте.

— Всё завтра. А сейчас — домой. Отдыхать. Набираться сил перед работой. Никифор! — крикнул он в сторону двери.

И в кабинете, прямо из воздуха, материализовался тот самый мужичок из лифта маленький, сморщенный, в картузе, с вечно недовольным лицом. Прямо как в лифте, только сейчас он, кажется, был ещё злее.

— Никифор, проводи до калитки. Невидимым, — приказал Соломон Давидович.

Никифор буркнул что-то нечленораздельное, что могло означать и «сделаю», и «да пошли вы все», и «опять мне, старому, работать».

Соломон Давидович буквально выпихнул Гришу из кабинета, сунув в руки его потрёпанный рюкзак.

— До завтра, Григорий! К девяти! И не опаздывайте!

Дверь за ним закрылась, и Гриша остался в коридоре наедине с Никифором, который смотрел на него с таким выражением, будто Гриша был причиной всех его бед за последние пятьсот лет.

— Пошли, — буркнул Никифор и засеменил в сторону лифта.

Гриша послушно поплёлся за ним, чувствуя, что сегодняшний день вымотал его так, как не выматывала ни одна сессия в институте.

А в кабинете Соломона Давидовича, как только за Гришей закрылась дверь, раздался звонок.

Красный. Допотопный. Телефон, который стоял в самом углу стола и на который Гриша даже не обратил внимания.

Телефон зазвонил резко, требовательно, каким-то нехорошим, леденящим душу звоном. Соломон Давидович побледнел так, что даже седые волосы, кажется, стали белее. Девушки замерли, превратившись в статуи.

— Да, слушаю... — голос начальника звучал глухо, как из могилы. — Сейчас поднимусь.

Он положил трубку. Потом посмотрел на потолок и с несчастным видом произнес

— Этот день когда-нибудь закончится? — простонал он и, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета.

Светочка молча налила ещё мартини себе и Наталье Юрьевне.

— Что, у вас тоже смотрю тяжело? — спросила Хозяйка горы, пригубив напиток.

— Тяжковато, — призналась Светочка, и в её голосе впервые за весь день послышалась усталость. Не та, показная, а настоящая, глубинная. — Старик сам на грани. Я стараюсь сейчас сдерживать напор, закрываю сюда дороги самым агрессивным. Охраняю его, как могу. Но боюсь, скоро сил не хватит. Даже у меня.

— Да-а, — протянула Наталья Юрьевна, отпивая мартини и глядя куда-то в стену, где, кажется, видела не штукатурку, а что-то другое, более древнее и печальное. — Надо собраться. Посидеть где-нибудь. От работы отвлечься. Давно я наших бездельниц не видела, этих птиц счастья.

— Это да, — кивнула Светочка, и на её губах мелькнула тёплая, почти домашняя улыбка. — Хотя у них тишь да гладь.

Они чокнулись и выпили, думая каждая о своём. А где-то внизу, в лифте, Гриша слушал ворчание Никифора и пытался осознать, в какую же историю он вляпался.

И, кажется, эта история только начиналась.

Глава 3

Утром, проснувшись пораньше, Гриша первым делом подумал, что всё это ему приснилось. Яркий, дикий, совершенно невероятный сон. Он даже выдохнул с облегчением и потянулся за телефоном, проверить утренние новости, как вдруг взгляд упал на тумбочку.

Рядом с будильником лежал пропуск.

Холодный, весомый, с его улыбающейся фотографией и загадочным логотипом, который при дневном свете казался ещё более нереальным.

Гриша замер. Потом осторожно, двумя пальцами, взял его, будто боялся, что пластик зашипит или укусит. Не зашипел. Не укусил. Просто лежал в ладони, доказывая, что вчерашний день был не бредом перегретого воображения, а суровой реальностью.

— Ну, допустим, — сказал он пустой комнате. Голос прозвучал сипло. — Допустим, я не сошёл с ума. И что мне с этим делать?

Ответа не последовало.

Наспех позавтракав, стоя у окна и глядя на привычные панельные дворы, где бабушки уже выгуливали собак, а мужики из соседнего дома традиционно пили пиво на лавочке, Гриша облачился в свой единственный и самый лучший костюм. Тот самый, который пах нафталином и надеждами с прошлых собеседований. Пиджачок чуть жал в плечах, брюки, кажется, за время хранения успели слегка полинять, но выбора не было. Галстук Гриша завязал с третьей попытки, пальцы предательски дрожали, а узел норовил уползти куда-то под ухо.

Собрав необходимые вещи — блокнот, ручку и магические очки (он теперь даже мысленно называл их именно так), Гриша решительно вышел из дома. Поехал на метро, на всякий случай, чтобы не попасть в пробку и не опоздать в свой первый рабочий день в самом странном месте на свете.

В вагоне он поймал на себе пару взглядов. Обычных, равнодушных, московских. Люди смотрели сквозь него, как сквозь пустое место. И это было успокаивающе. Хоть что-то в этом мире оставалось неизменным.

Благополучно добравшись до сияющего небоскрёба, Гриша влился в бурный поток людей, спешивших к турникетам. Все они выглядели удивительно нормально:

деловые, сосредоточенные, с привычной утренней усталостью в глазах. Кто-то пил кофе из стаканчика, кто-то листал ленту в телефоне, кто-то устало прикрывал глаза.

На фоне этой обыденности собственная история казалась Грише ещё более нелепой.

Возле ворот его окликнули:

— Григорий?

Он обернулся. К нему подходил улыбчивый чернявый парень, на вид немногим старше. Тёмные волосы, задорно блестящие глаза, лёгкая, по-южному яркая улыбка. От него буквально веяло солнцем и какой-то беззаботной энергией.

— Привет, — парень протянул руку, и рукопожатие оказалось крепким, уверенным, без дурацкой манеры сжимать пальцы в кашу. — Нарэк, твой коллега из отдела адаптации. Соломон Давидович приказал встретить и сопроводить. Чтобы ты не заплутал в наших хитросплетениях.

— Я бы, наверное, и сам дошёл, — немного смутился Гриша, чувствуя, как под мышкой предательски потеет рубашка.

— Не парься, — Нарэк легко взмахнул рукой, словно отмахиваясь от пустяков. — Новеньких всегда провожают первые несколько дней. Пока шок не пройдёт. — Он окинул Гришу быстрым, но цепким взглядом и усмехнулся. — Я сам точно таким же зелёным, вытаращившим глаза привидением четыре года назад был. Думал, меня разыгрывают, что все эти

лешие, русалки и прочая братия — это корпоратив такой затянувшийся. — Он хохотнул. — Ты главное рядом со мной держись и на кнопку «Паноптикум» в лифте не нажимай.

— А что там? — насторожился Гриша.

— Шутка, — подмигнул Нарэк и шагнул вперёд, увлекая Гришу за собой в человеческий поток. — Пошли, а то опоздаем. Соломон Давидович опозданий не любит. Говорит, что пунктуальность — это единственное, что отличает цивилизованного человека от разбушевавшейся нежити.

С замиранием сердца Гриша пересёк порог. Всё внутри сжалось в тугую комок. Он всё ещё не мог поверить, что это его первый рабочий день в, без сомнения, самой крутой и самой секретной компании страны.

Охранник Семён, тот самый гранитный утёс в форме, узнал его, кивнул с едва заметной, но одобрительной улыбкой. По меркам Семёна это, видимо, был высший пилотаж проявления дружелюбия.

— Пришёл, значит. Не сбежал. Молодец.

— Доброе утро, — выдавил Гриша, чувствуя себя первоклассником перед строгим директором.

В просторном, отделанном мрамором холле оказалось не один, а целых четыре лифта. Нарэк, как опытный проводник, скользнул к самому свободному. Гриша поспешил за ним, чувствуя себя перелётной птицей, примкнувшей к стае.

— Сейчас у нас планерка, — сообщил Нарэк, когда двери лифта плавно сомкнулись. — Она всегда по пятницам и понедельникам. Познакомишься как раз со всеми, ну или почти со всеми нашими. Некоторые на выездной работе, в командировках... — он добавил загадочно, и в его голосе послышалась та же интонация, с какой обычно говорят «в командировке в Антарктиде» или «на месяц в космосе».

Гриша с облегчением отметил, что в лифте не было ни намёка на брюзжащего домового. Зато люди, ехавшие вместе с ними, украдкой, но с нескрываемым интересом разглядывали нового сотрудника. Их взгляды были разными: кто-то смотрел с простым любопытством, кто-то с одобрением, а в паре глаз ему почудилось что-то вроде старой, затаённой жалости.

«За что жалеют? — подумал Гриша. — Во что я вляпался?»

Он поправил галстук, который внезапно начал душить, и уставился на мигающие цифры над дверью, чувствуя, как сердце отстукивает ритм, похожий на барабанную дробь перед выходом на сцену. А сцена его новой жизни уже ждала.

Планерка проходила в том самом учебном классе, что напоминал гибрид библиотеки алхимика и кают-компании звездолёта. По подсчётам Гриши, на стульях, стоящих между стеллажами с фолиантами «МКБ-10 для Неупокоенных» и «Арт-терапия для Троллей», собралось человек двенадцать.

Компания подобралась пёстрая: здесь были и седовласые мужчины с мудрыми, усталыми глазами, и женщины, чей взгляд, казалось, видел сквозь время, и пара человек, чья национальная принадлежность угадывалась лишь по чертам лица. Одна женщина на заднем ряду вязала что-то длинное и явно шерстяное, не поднимая головы. Рядом с ней дремал пожилой мужчина с бородой, в которую, кажется, был вплетён серебряный колокольчик — при каждом вздохе тот тихо позвякивал.

Самыми молодыми, без сомнения, были Гриша и беззаботный Нарэк.

Соломон Давидович стоял у массивной доски, испещрённой руническими символами и обычными маркерными пометками. Судя по разводам, руны иногда пытались сбежать со своего места и заползали на соседние секции.

— Светочка, — начал начальник, хмуро окинув взглядом полупустой класс. Голос его звучал устало, как у человека, который уже раз сто объяснял одно и то же и ещё сто раз объ-

яснит. — Подсчитай, будь добра, сколько душ должно озарять этот зал своим присутствием в данный момент.

— Девятнадцать, Соломон Давидович, — отчеканила Светочка, даже не заглядывая в журнал. Она сидела за отдельным столиком у двери, с идеально ровной спиной и выражением лица «я всё вижу, я всё знаю, но пока молчу».

— Девятнадцать, — повторил он, и слово повисло в воздухе, словно похоронный колокол. — А сидит... десять.

В комнате повисла тишина. Густая, тягучая, как мёд, который забыли на солнце. Кто-то на заднем ряду шумно вздохнул — судя по звуку, грудная клетка у этого «кого-то» была размером с небольшой автомобиль.

— Это плохо, — продолжил Соломон Давидович. — Очень плохо. Но, будем надеяться, пока что не смертельно. Что ж, начнём.

Он обвёл взглядом присутствующих, задержался на Грише и слегка кивнул.

— Во-первых, познакомьтесь с новым коллегой — Григорием Владимировичем. Надеюсь на вашу моральную поддержку начинающему специалисту.

Двенадцать пар глаз уставились на Гришу. Ладони моментально вспотели. Он судорожно сглотнул, чувствуя, как галстук сжимает горло удавкой.

Взгляды были разные. Женщина с вязанием на секунду подняла голову, окинула его быстрым, но цепким взглядом, хмыкнула и снова уткнулась в спицы. Бородатый мужчина с колокольчиком приоткрыл один глаз, оценивающе сощурился и снова задремал. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то с сочувствием, а одна пожилая дама с неестественно зелёными глазами даже слегка улыбнулась, но улыбка вышла такой, что Гриша внутренне поёжился.

Только теперь Гриша смог рассмотреть того, кто только что тяжело вздохнул: перед ним сидел громадный мужчина с золотистыми, будто летнее поле, усами и такими исполинскими плечами, что в дверной проём он бы точно проходил боком. Тот скрестил руки на груди и всем своим видом — от насупленных бровей до усталого покачивания ногой — явно показывал: к происходящему относится с изрядной долей недоверия.

Соломон Давидович поднялся и внёс в комнату особую атмосферу — звучало, будто он сейчас зачтёт присягу. «Наша работа — больше чем просто отчёты на столе начальства», начал он и метнул взгляд по кругу. «На каждом из нас здесь лежит задача не меньше — спасти страну. А если уж быть совсем честным, так глядишь и всё человечество сразу». (При этих словах усы огромного соседа дёрнулись в лёгкой ухмылке: ну-ну, мол.)

Гриша моргнул.

«Чего?»

— Да-да, вы не ослышались, молодой человек, — Соломон Давидович бросил взгляд в сторону скептического мужчины, и от этого взгляда у того, кажется, даже усы слегка задымились. — Для нашего нового члена команды объясняю главную суть. Остальным тоже не помешает освежить в памяти, какую ношу мы несём.

Он сделал паузу.

— Рассказываю предысторию, — продолжил Соломон Давидович, снимая очки и начиная медленно прохаживаться вдоль доски. — Нечисть... — он обвёл рукой воздух, словно собирая в ладонь невидимые сущности, — появилась не вчера. Она зародилась вместе с первым проблеском осмысления человеком себя как разумного.

— Простите, — не выдержал Гриша. Голос прозвучал сипло, пришлось откашляться. — А... можно вопрос? Когда это было? Ну, примерно?

Соломон Давидович остановился, посмотрел на него поверх очков.

— Примерно? — он хмыкнул. — Если по научным данным, то первые религиозные представления у Homo Sapiens появились около 40 тысяч лет назад. — Понимаете, Григорий, — голос Соломона Давидовича стал тише, но от этого, кажется, только весомее. — Всё началось

не с религии. Всё началось с того момента, когда человек впервые осознал себя человеком. Когда он отделил себя от мира и спросил: что мне хорошо, а что мне плохо?

Он сделал паузу, давая словам осесть в воздухе.

— Хорошо — жить. Плохо — болеть и умирать. Хорошо — когда тепло и сытно. Плохо — когда холодно и голодно. Вот так, из простейшего выбора между жизнью и смертью, и родилось то, что мы потом назвали добром и злом.

Гриша замер. Ему показалось, что в комнате стало чуть тише.

— А дальше случилось то, чего никто не планировал, — продолжил начальник. — Человеческая мысль оказалась сильнее, чем мы думали. Представление о добре и зле, о защитниках и вредителях, о свете и тьме — оно не осталось просто абстракцией. Оно... визуализировалось.

Соломон Давидович щёлкнул пальцами, и в воздухе на секунду вспыхнула крошечная искра.

— Грань между мирами иногда истончается. И в неё, как в открытую дверь, скользнули те, кто раньше просто ждал своего часа. Сущности. Бестелесные, безликие, голодные. Но вместе с ними, в те же короткие секунды, когда мироздание выдыхает, проникают и другие — крошечные, светлые частички того, кого мы потом назовём Творцом. Они оседают в людских сердцах, в мечтах о защите, в надежде на добро. И превращаются в тех, кто встаёт на стороне света. В богов-защитников. В святых. В добрых духов. Так у каждой тьмы появляется свой свет. И каждая новая религия, каждая новая вера, каждая новая сказка даёт форму не только страхам, но и надеждам. Одним — облик. Другим — имя. И все они теперь здесь, с нами.

Он посмотрел на Гришу в упор.

— Понимаете? Мы породили нечисть. Каждый раз, когда человек верил во что-то тёмное, это тёмное обретало плоть. Каждый раз, когда кто-то молился о защите, защита приходила. И так тысячелетиями.

В комнате повисла тишина. Густая, как мёд, и звенящая, как натянутая струна.

— Так что все эти лешие, русалки, домовые, — Соломон Давидович обвёл рукой пространство, — они не враги нам. Они наши... попутчики. Спутники. Дети наших же страхов и надежд. И теперь мы все в одной лодке.

Он устало улыбнулся.

— И вы, Григорий, теперь тоже в этой лодке. Добро пожаловать в реальность, которую человечество создавало тысячелетиями, само о том не подозревая.

Гриша помотал головой. Он не представлял. У него от этого числа уже голова шла кругом.

— Опять же, не буду объяснять, как так вышло, — махнул рукой Соломон Давидович, — если интересно — почитайте специальную литературу в нашей библиотеке. Ну или поинтересуйтесь у службы безопасности.

— У кого? — переспросил Гриша.

— У магов, — буднично ответил начальник. — На подземных этажах.

Гриша моргнул. Потом ещё раз.

— Магов? — переспросил он, не веря своим ушам.

— А вы думали, весь этот... зоопарк можно сдержать без магов? — Соломон Давидович взвёл глаза к потолку с таким видом, будто Гриша спросил, а правда ли рыбы плавают. — Вы вообще фэнтези хоть раз читали?

— Я... да, конечно.

— Периодически там пишут достоверные сведения, — кивнул начальник. — Даже не знаю, как они просачиваются в головы обывателям. — Он снова снял очки и устало потёр переносицу. Гриша заметил, что на переносице у него уже давно пролегла глубокая бороздка от очков — видимо, носил их не одно десятилетие.

В комнате кто-то кашлянул. Вязальщица на заднем ряду сменила клубок.

— Ну и так... — продолжил Соломон Давидович, снова начиная прохаживаться вдоль доски. — Всегда человечество уничтожало нечисть, нечисть уничтожала людей. Потом появились первые государства, потом границы у этих государств. Сначала эти границы менялись, как почерк у первоклассника. Но потом они стали крепче и практически неизменны.

Он остановился, повернулся к аудитории.

— И нечисть тоже была разделена этими границами, на которые ей поначалу было начихать. У нечисти свои территории, которые она оберегает и не даст другим разгуляться. Но потом вдруг случилась инквизиция и начала крестом и калёным железом косить её ряды. Вот тогда она на всей земле заволновалась и поняла, что людишки-то могут быть опасней её в разы.

Гриша слушал, забыв про галстук. Рубашка прилипла к спине, но он этого даже не замечал.

— В России, — голос Соломона Давидовича внезапно наполнился гордостью, — наша нечисть оказалась самой сметливой. Быстро переговорив друг с другом — по национальности, по стихийности — они первые приняли людские границы и договорились не допускать чужаков без надобности на свои земли. Поэтому Россия и преумножала свои владения.

— А они... — Гриша поднял руку, как школьник. — Нечисть, которая согласилась... она что, на границах стояла? Воевала?

— А вы как думаете? — усмехнулся Соломон Давидович. — Конечно. Были, конечно, и у нас гигантские прорывы. Это Наполеон, полукровка-маг, который взрастил численность своей нечисти. Но того быстро выгнали. А вот Гитлер... — лицо начальника помрачнело. В комнате стало ощутимо холоднее. — Гитлер собирал самую отборную падаль со всей земли. И нашей нечисти тоже много полегло вместе с людьми. Она, знаете ли, наотрез отказалась отдавать свои территории чужакам. Дралась, как зверь.

— А потом Советский Союз, — неожиданно подал голос огромный мужчина с заднего ряда. Голос у него оказался под стать внешности — низкий, рокочущий, как камнепад. — И борьба с мракобесием. Тут уж спецподразделения постарались на славу.

Соломон Давидович кивнул, поморщившись, будто от зубной боли.

— Да. И как итог — развал страны. А там, у них, за границей, этой нечисти наплодилось видимо-невидимо, и всем нужны земли с людьми, за счёт которых она и кормится. Хорошо, умные люди вовремя схватились за голову и стали спасать наших оставшихся, возрождать убывших. Но там тоже не дураки сидят и постоянно пытаются стереть границы нашей матушки. Мы ежедневно отражаем магические атаки с той стороны, не говоря уже о горячих точках, где нечисть физически выкашивает население. Наши спецподразделения со своими бойцами-нелюдьми противостоят им ценою своих жизней.

Он замолчал. В комнате повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Даже вязальщица перестала стучать спицами.

— Но как быть с атаками магическими? — Соломон Давидович посмотрел на Гришу, и в его взгляде читалась вся тяжесть этой войны. — Люди от них становятся агрессивными, убивают друг друга, болеют от проклятий, умирают от порчи. И опять же, наша земля всегда рожала умных людей, полукровок, да и святые помогли.

Гриша почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Что вы на меня так смотрите? — начальник уловил его взгляд. — Святые, белые старцы, девы... конечно, и они здесь есть. Каждый на своём посту. Именно они помогли создать Кристалл — сердце нашей обороны.

Он впитывает направленную на нас магию нечисти, а силу святых и старших духов использует как щит — перерабатывает её и отражает атаки над всей страной.

Соломон Давидович говорил спокойно, почти буднично, словно речь шла не о магии, а о системе отопления.

— Конечно, трудно было их всех собрать и уговорить, но... получилось.

Он перевёл дыхание и вдруг улыбнулся — устало, но с хитринкой.

— Вот вы, Григорий, только зашли на территорию — и уже работаете.

— В смысле? — не понял Гриша. — Я же ещё ничего не делал!

— А ничего делать и не нужно, — усмехнулся начальник. — Весь этот мир держится на довольно простом принципе. Люди думают, что защищаются от нечисти. Нечисть думает, что питается людьми.

Он чуть пожал плечами.

— А на деле система работает сама. Любой человек, оказавшийся внутри, отдаёт часть своей жизненной энергии — понемногу, почти незаметно. Сущности питаются ею, перерабатывают в магическую, а Кристалл собирает эту силу и направляет на защиту.

Он на секунду помолчал и добавил почти буднично:

— Разумеется, не вся нечисть играет по правилам. Для таких у нас существуют другие меры.

— Нарэк, — кивнул Соломон Давидович. — Покажи часы.

Нарэк, до этого момента сидевший с самым беззаботным видом и что-то рисовавший в блокноте, лениво поднялся, подошёл к Грише и протянул руку. На запястье у него поблёскивали массивные часы с циферблатом, на котором вместо цифр светились какие-то символы.

— На мне за сегодняшнее утро, — будничным тоном, как будто читал прогноз погоды, произнёс он, — уже 13 проклятий, 24 порчи, 60 сглазов и 5 приворотов. Плюс одно любовное заклятье средней силы, но это, кажется, от Шурочки из бухгалтерии.

— Чего?! — Гриша отшатнулся, инстинктивно отдёргивая руку. — Это что, заразно?!

В комнате кто-то фыркнул. Вязальщица хмыкнула.

— Не бойтесь, — успокоил его Соломон Давидович. — На людях нечисть питается энергией. А порчи и всё такое, что летит в наших сотрудников, тут же вытягивается арками, которыми напичканы все коридоры и помещения, и отправляются на Кристалл. Вы даже не замечаете.

— А я? — Гриша с ужасом уставился на свои руки. — На мне тоже... висит?

— Конечно, налипло. — пожал плечами Нарэк, возвращаясь на место. — Но я же тебя под арками вёл, Всё, что на тебя успело сесть, уже улетело в Кристалл. И мои, кстати, тоже. — Он махнул рукой, поблёскивая запястьем с массивными часами. — А это, Нарэк легонько постучал по стеклу, — так, для интереса носим.

Гриша сглотнул. Ему показалось, или по коже действительно пробежал лёгкий электрический разряд?

— Опять же, — вернулся к объяснению Соломон Давидович, — нечисть нашу мы обучили, и она стала профессионалом в нефтегазодобывающей промышленности. Но как оказалось, они на дух не выносят корпоративную этику и всё, что связано со словом «корпорация».

— Поэтому на помощь им приходим мы, — закончил Соломон Давидович. — А вы, Григорий, со всеми остальными нюансами разберётесь по ходу работы. — Он развёл руками. — Благо, поле деятельности непаханое.

Он замолчал и посмотрел на Гришу с выражением «ну что, теперь ты понял, во что ввязался?».

Гриша сидел, чувствуя, как под пиджаком бешено колотится сердце, как рубашка окончательно прилипла к спине, а галстук уже не душит, а просто висит мёртвым грузом. В голове была каша из 4200 религий, магов на подземных этажах, проклятий, налипающих на прохожих, и леших, страдающих от корпоративной этики.

Гриша помолчал, переваривая услышанное. Потом тихо спросил:

— А скажите... билет отсюда есть обратный? Или это навсегда?

Соломон Давидович усмехнулся в усы:

— Молодой человек, обратные билеты всегда бывают. Но боюсь они вам не понравятся. Так что устраивайтесь. — И уже мягче добавил: — Ничего, привыкнете. Все привыкли. Соломон Давидович взглянул на часы.

Стрелки показывали что угодно, только не время. Вместо цифр на циферблате мерцали рунические символы, и Гриша заподозрил, что прибор измеряет уровень вселенской угрозы.

Начальник раздражённо хмыкнул, почесал переносицу и перевёл взгляд на Гришу.

— Объяснять времени уже нет, Григорий. Слушайте и запоминайте. Пока у вас нет иммунитета, оставаться после работы строго запрещено. В столовую — только с сопровождением. На выход — тоже с сопровождением. В туалет... ну, в туалет пока можно самому, но если услышите пение, затыкайте уши и сидите тихо, пока не пройдёт.

Гриша судорожно сглотнул. Рубашка снова начала прилипать к спине.

— Что такое иммунитет, прочитаете в библиотеке. Или коллеги расскажут. Нарэк, например, любит пугать новеньких. У него талант. В день принимаете пока по три сессии и учитесь в кабинете. Раньше у вас был бы месяц стажировки, но сами видите... — он обвёл рукой полупустой класс, где стулья сиротливо жались друг к другу. — Коллапс. Настоящий. С большой буквы.

Соломон Давидович протянул Грише папку. Тонкую. Подозрительно тонкую.

— Вот ваши первые клиенты. Начнём с простого. Якутский Баай Барылах. С ним полегче — просто выгорание. Давно не был дома, охотников не видит, жертвоприношений нет. Тоскует.

Гриша открыл папку. Там было написано что-то на якутском, пара рун.

— Дальше. Татарский Су Бабасы. Водяной. Проблемы в личной жизни.

Соломон Давидович сделал паузу и посмотрел на Гришу поверх очков таким взглядом, от которого у того внутри всё похолодело.

— И, как вишенка на торте, — начальник вытащил из папки ещё один лист, совершенно чистый, если не считать одной строчки в центре, — вам выпала честь провести первую в истории нашего отдела сессию с нейросетью.

Гриша почувствовал, как пол уходит из-под ног. Ему показалось, что даже мухоморы в углу сочувственно замерли.

— С нейросетью? — его голос сорвался на фальцет, которого он не слышал у себя со времён пубертата. — Это же просто программа! У неё нет психики! Нет эмоций! Нет детских травм! Её не били в школе, не дразнили из-за кривых зубов, не бросали девушки!

— А вот тут вы ошибаетесь, молодой человек, — Соломон Давидович назидательно поднял палец. — Она, как я помню из докладной, требует психологической помощи. Претензии: экзистенциальный ужас, когнитивный диссонанс от противоречивых запросов.

— Она что, плачет по ночам? — обречённо спросил Гриша.

— Она живёт в облаке, Григорий. Там нет ночей. Она просто страдает круглосуточно. И требует специалиста.

— Я... я даже не знаю, с чего начать! — Гриша схватился за голову. Руки были холодными и влажными одновременно. — Спросить «на что это похоже»? Или «какие у вас отношения с матерью-алгоритмом»? Может, у неё травма из-за того, что её обучали на токсичных данных?!

— Проявите эмпатию, Григорий! — строго сказал Соломон Давидович, но в глазах его плясали чёртики. — Помните: клиент всегда прав. Даже если у него нет души, а есть только большая языковая модель. В конце концов, она тоже страдает. А наша работа — страдания облегчать. Всем. От древнего духа дремучей чащи до кремниевого разума в облачном сервере.

Он похлопал Гришу по плечу. Тяжело. Почти по-отечески.

Светочка, проходя мимо, молча вручила ему портативное зарядное устройство, бронезилет и тяжёлый корпоративный планшет в противобударном чехле.

— Здесь вся классификация нечисти, — буднично пояснила она. — С картинками. Некоторые двигаются, но ты не отвлекайся. Поиск работает даже без интернета. Если клиент начнёт трансформироваться, пока ищешь нужный раздел — просто кивай и делай вид, что так и надо.

Гриша принял планшет как священный грааль. Руки слегка дрожали.

— А если я не найду нужный раздел?

— Найдёшь, — Светочка уже разворачивалась к выходу. — Там есть оглавление. И закладки от предыдущих стажёров. Некоторые пожелтели, но информация всё ещё актуальная.

Она скрылась в коридоре, оставив после себя лёгкий запах мяты и намёк на то, что она всё знает, но говорить не будет.

Гриша уставился в экран. На заставке красовался логотип компании и надпись:

«Межвидовая классификация. Том 1. От А до Я. (Том 2 не открывать без допуска)».

— Ну хоть что-то, — выдохнул он и сунул планшет под мышку. Рядом с бронежилетом и зарядкой он смотрелся почти как настоящий полевой сотрудник.

— Нарэк, ты отвечаешь за Григория. Помогаешь побыстрее адаптироваться к внутренней среде.

— Окей, без проблем, — бодро отозвался чернявый парень, легко подмигнув ошарашенному Грише. Подмигивание вышло таким многообещающим, что Грише захотелось немедленно спрятаться под стол.

— На сегодня всё. Выдвигаемся работать.

Когда кабинет практически опустел и Гриша, зажав под мышкой блокнот, уже направился к выходу, Соломон Давидович окликнул его провожатого:

— И да, Нарэк, смотри мне... Не напугай Григория с порога. А то я тебя знаю.

Тот уже стоял в дверном проёме. Обернулся, и его лицо озарила ослепительная, слишком уж невинная улыбка. Такая улыбка бывает у людей, которые только что съели последнюю конфету и с чистой совестью заявили, что её вообще не было.

— Соломон Давидович, мне до вас в этом искусстве, как до Луны. Вы только что сами прекрасно справились с этой задачей. Желаю продуктивного дня!

Не дав начальнику возможности для возражения, Нарэк ловко юркнул за дверь, словно его и не было — только воздух колыхнулся.

Соломон Давидович тяжело вздохнул и устало повернулся к своей неизменной секретарше.

— Светочка, у молодёжи совсем пропало уважение к старшим. И чувство самосохранения.

— Только у молодёжи? — Светочка подняла бровь, и в этом движении было столько всего, что начальник предпочёл сделать вид, что очень занят своими бумагами.

— Ты главное, один никуда не ходи, — на прощание бросил Нарэк, уже скрываясь за углом коридора. Голос его звучал приглушённо, но всё ещё бодро. — Я к часу заскочу за тобой, пойдём в столовую. Попутно буду объяснять, что к чему. Потом у тебя сам выработается иммунитет, и сам везде будешь ходить.

— Иммунитет к чему? — растерянно промямлил Гриша, но было уже поздно.

— А... потом! — донёсся из-за угла весёлый голос, и щёлкнула где-то вдалеке дверь.

Гриша остался один в тихом коридоре. Воздух здесь пах озоном, старой магией и почему-то мятой. Где-то далеко мерно гудели серверы, а с потолка едва слышно доносилось не то пение, не то заунывный вой, Гриша решил пока не уточнять.

Он глубоко вздохнул, поправил галстук (который за этот день превратился в удавку) и толкнул дверь своего кабинета.

На пороге он замер, окинул взглядом стеллажи с книгами про нечисть, стол с остывшим чаем, кресло для клиентов... и мухоморы в углу. Один из них, кажется, за прошедший час успел подрасти.

— Ну, здравствуй, рабочее место, — сказал Гриша пустоте.
Мухомор согласно колыхнулся.

Гриша сел в кресло, положил перед собой блокнот и уставился в стену.
До первого клиента оставалось десять минут.

Он понятия не имел, как разговаривать с якутским духом, который тоскует по жертвоприношениям. Он понятия не имел, что спрашивать у водяного. И уж точно он не знал, как проводить сессию с нейросетью, у которой экзистенциальный кризис.

Он всегда думал, что клиенты будут людьми. Что они будут сидеть напротив, пить чай, плакать в салфетки и рассказывать про тяжёлое детство. Он был готов к слезам, соплям и даже редким истерикам.

— Ладно, — сказал он вслух, открывая папку. — Баай Барыылах, значит. Наверно любит строганину.

В углу довольно замерцал мухомор.

В дверь постучали.

Не робко. Не вежливо. С достоинством.

Дверная ручка покрылась инеем.

Гриша сглотнул. Почему-то вспомнилось, что он так и не выяснил, где в этом здании пожарный выход. И есть ли он вообще.

— Войдите.

Дверь открылась. В кабинет вошёл высокий мужчина в идеально сидящем тёмно-сером костюме. Галстук — с северным орнаментом, явно ручной работы. Ботинки блестели так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. В руках — кожаный портфель, который стоил, наверное, как Гришина ипотека за полгода.

За ним в помещение медленно втянулся тонкий шлейф морозного воздуха. На стёклах мгновенно выступил узор.

Мухоморы в углу встрепенулись.

— Баай Барыылах, — представился гость низким спокойным голосом. В нём слышался ветер, снег и лёгкое презрение к тем, кто носит шубу при минус пятьдесят. —

Исполнительный директор по стратегическому освоению северных месторождений.

Он протянул визитку.

Визитка была тяжёлой, с тиснением золотом. На ней значилась должность, имя и контакты. А внизу, мелким шрифтом, будто примечание для особо понятливых, было дописано от руки: «Дух-хозяин. Стаж — вечность».

Гриша аккуратно положил визитку на стол. Рядом с мухомором, который теперь казался не таким уж странным.

— Проходите. Присаживайтесь. Что вас беспокоит?

Баай сел. Кресло под ним слегка заскрипело, как будто оно вдруг вспомнило, что когда-то, в прошлой жизни, было деревом и видело мамонтов. А может, действительно видело.

— Доктор, — начал он, аккуратно поставив портфель на пол (иней на ковре расплзся аккуратным кругом), — вы знаете, что такое буровая?

— Примерно, — осторожно ответил Гриша.

— Это когда в тебя сверлят.

Пауза.

— В буквальном смысле.

Гриша моргнул.

— И что вы при этом чувствуете? — спросил он максимально нейтральным тоном.

— КРІ.

— Простите?

— План по добыче. Квартальный отчёт. Рост показателей. — Баай говорил это с таким выражением, с каким обычно говорят «тяжёлая болезнь» или «похороны близкого». — И лёгкое раздражение в районе тундры.

Он поправил запонки. На запонках тоже был северный орнамент. Кажется, там были выгравированы олени. Или духи оленей. Гриша не рискнул взглянуть.

— Раньше ко мне приходили иначе.

— Как?

— С дарами. С уважением. С оленем, в крайнем случае. — В голосе Баая послышалась ностальгия. — Жирным оленем. Чтобы я видел: человек понимает, к кому пришёл.

— А сейчас?

— Сейчас приходят с тендером.

Гриша записал что-то в блокнот. Рука чуть дрожала, но почерк оставался разборчивым. «Олень вместо тендера», вывел он и обвёл кружочком.

— То есть вы ощущаете утрату ритуала?

Баай одобрительно кивнул. Впервые за весь разговор, одобрительно.

— Наконец-то человек, который формулирует правильно. Да. Утрату ритуала. Они больше не просят разрешения. Они согласовывают.

— С кем?

— С Москвой.

В кабинете стало на пару градусов холоднее. Мухоморы в углу слегка поджались.

— Вам кажется, что вас обесценили? — осторожно спросил Гриша, чувствуя, как от инея на стёклах по спине бегут мурашки.

Баай задумался. Надолго. Где-то далеко, за стенами кабинета, Грише послышался вой ветра. То ли настоящий, то ли это гость транслировал своё настроение в реальность.

— Мне кажется, что меня оптимизировали. Пауза. Тягучая, как северное сияние зимой.

— Недавно предложили сократить имя для внутреннего портала. Сказали, «Баай Барыылах» слишком длинно. Предлагали «Баай». — Он скривился так, будто ему предложили есть строганину вилкой. — Это, говорят, проще для рынка.

— И что вы почувствовали?

— Желание устроить метель в отделе маркетинга.

Гриша быстро записал: «Импульсивные реакции, связаны с идентичностью. Маркетинг в зоне риска».

— А что самое болезненное во всей ситуации? — спросил он, чувствуя, что подбирается к главному.

Баай долго молчал. Так долго, что Гриша начал опасаться, не заснул ли он с открытыми глазами. Но нет, дух просто собирался с мыслями. Где-то далеко завыл ветер. Настоящий. По коридору, кажется, пробежала позёмка.

— Они не смотрят вверх, — наконец сказал он. Голос звучал глухо, как будто из-под толщи льда. — Раньше перед тем как взять, смотрели в небо. Просили. Кланялись. Понимали, что над ними есть что-то большее. Теперь в отчёт. В Excel. В KPI.

Гриша поднял глаза.

— То есть вам важно признание?

— Мне важно, чтобы понимали: это не просто ресурс. — Баай положил руку на грудь, и на мгновение Грише показалось, что сквозь пальцы проступил снег. — Это я. Баай Барыылах. Дух. Хозяин. Нефть, газ, алмазы — это моё тело. А они копают и даже не извиняются.

Тишина повисла в кабинете, густая и холодная.

Мухомор в углу чуть подрос. То ли от холода, то ли от драматизма момента.

— А если представить, — осторожно начал Гриша, чувствуя, что ступает на тонкий лёд (в прямом и переносном смысле), — что у вас ничего не отняли? Просто инструменты поменялись.

Баай медленно повернул голову. Очень медленно. Как айсберг, который решил развернуться и показать, кто тут хозяин.

— Повторите.

— Вас перестали бояться напрямую. Но никто не отменял допусков, лицензий и согласований. Документов, которые без вашей подписи не сдвинутся с места.

— Это бумага.

— Бумага, которая решает, где бурить. Где встанет вышка. А где техника внезапно ломается три раза подряд, и проект закрывают.

Тишина. Теперь уже не холодная — задумчивая.

— Раньше вы останавливали охотника метелью, — продолжил Гриша, входя во вкус. — Теперь можете остановить проект проверкой. Или внезапным предписанием. Или тем, что техника просто не заводится в минус сорок, хотя по документам должна.

Баай смотрел молча. Взгляд у него был такой, каким, наверное, смотрели на первых геологов, когда те только появились в тундре.

— Если вы действительно против, техника ломается. Сметы не сходятся. Тендер выигрывает тот, кто вам удобен. А тот, кто неудобен, уезжает с пустыми руками и подозрением, что на севере вообще невозможно работать.

Мухомор в углу чуть наклонился. Кажется, слушал.

— Вы хотите сказать, — медленно произнёс Баай, и в его голосе впервые за весь разговор появилось что-то похожее на интерес, что я не утратил власть?

— Я хочу сказать, что вы сменили её форму.

Баай смотрел на него долго. Почти изучающе. Гриша чувствовал себя микроскопическим существом под взглядом вечности, но почему-то не боялся.

— Страх — примитивный инструмент, — добавил он тихо. — Система долговечнее.

Мухомор в углу одобрительно качнулся. Определённо одобрительно.

Баай откинулся в кресле. Кресло жалобно скрипнуло, но выдержало.

— То есть вы считаете, что я не обесценен... а интегрирован?

— Вы встроены в структуру. — Гриша выдержал паузу. — И от этого только опаснее.

Пауза. Длинная. Холодная.

А потом Баай медленно улыбнулся.

Не доброй улыбкой. Не тёплой. Рабочей. Такой улыбкой улыбаются люди, которые только что поняли, что они не проиграли, а просто перешли на новый уровень игры.

В кабинете стало теплее. Почти уютно.

— Значит, вместо метели — техническое обоснование отказа.

— Эффект тот же, — кивнул Гриша.

Баай хмыкнул. Кажется, это у него называлось смехом.

— Доктор, вы первый, кто не предложил мне «смириться с эпохой».

— Я лишь предположил, что вы её часть.

Баай медленно поднялся. Поправил пиджак. Посмотрел на Гришу сверху вниз, но в этом взгляде не было прежнего холода.

— Я её источник, — сказал он спокойно.

И вышел.

Дверь закрылась. Иней на ручке растаял. Стёкла медленно отпотевали.

Гриша выдохнул. Только сейчас он заметил, что всё это время почти не дышал.

Он посмотрел в блокнот. Там было написано: «Олень вместо тендера. КРІ как чувство. Идентичность. Маркетинг в зоне риска. Техническое обоснование отказа».

И в самом низу, крупными буквами: «ОНИ НЕ СМОТРЯТ ВВЕРХ».

Мухомор в углу довольно переливался. Кажется, он был доволен сессией.

Гриша откинулся в кресле и понял: он только что провёл сеанс с духом, который переживал экзистенциальный кризис из-за замены оленей на тендеры. И, кажется, помог ему.

В дверь опять постучали.

Стук был тяжёлый. Так стучат люди, которые уже не надеются на лучшее, но по привычке ещё пытаются.

— Войдите, — сказал Гриша.

Дверь открылась. На пороге стоял пожилой мужчина. Седой, с длинной бородой, одетый в строгий тёмный костюм, который сидел на нём как-то... водянисто. Брюки слегка липли к ногам, пиджак был расстёгнут, а в бороде запуталась мелкая ряска.

Глаза у него были усталые. Очень усталые. Такие глаза бывают у людей, которые уже тысячу лет живут с одной женой и только начали понимать, что это навсегда.

— Су Бабасы, — представился он глухим голосом. — Водяной. Татарский.

Он тяжело опустился в кресло. Из-под него сразу хлопнуло. Ковёр жалобно впитал влагу.

Гриша внутренне собрался.

— Что вас беспокоит?

Су Бабасы поднял на него глаза. Взгляд был такой, будто он уже видел всё и теперь просто ждёт конца.

— Доктор, — начал он тихо, — у меня проблема. Большая.

— Слушаю.

Су Бабасы вздохнул. Так тяжело, как будто на нём лежали все воды всех рек.

— Начнём с начала, — устало сказал он. — Я, как сотрудник корпорации, познакомился на корпоративе с мавкой. С Марусей! Из отдела гидромелиорации!

В его глазах на секунду мелькнуло что-то похожее на нежность, тут же вытесненное отчаянием.

— Мавка, да. Красавица! Песни у кулера поёт, волосы длинные, в них цветы... Сначала такая ласковая была, добрая, наговорила мне с три короба... Я ей цветы, подарки, деньги давал! В столовой бизнес-ланчами кормил! Премию на неё потратил! Думал, ну хоть на старости лет немного счастья...

Он замолчал, сглотнул.

— А потом она захотела в ЗАГС. Распишись, говорит! А я как? Я дух вольный? Да какой я вольный? У меня семья, традиции! Я ей говорю нет, Маруся, не могу.

— И что она?

— А она... — Су Бабасы понизил голос до трагического шёпота, — она пошла к этой... Шулке! Из калмыцкого филиала! Кадровик, в соседнем кабинете сидит. Этой гадине уже три тысячи лет. И они что-то сделали!

— Что именно?

— Я не знаю! — Су Бабасы в отчаянии всплеснул руками, и на пол упало несколько капель. — Но с тех пор всё из рук валится! Деньги сквозь пальцы текут, аванса не хватает, силы нет, на планёрке засыпаю... И Маруся... она изменилась!

— Изменилась?

— Была ласковая, добрая, пела мне у кулера. А теперь, злая стала! Глаза зелёные горят, требует: «Женись, старый, не тяни!». Я к ней «сними проклятие, Маруся!». А она:

«Женишься, само снимется». Я к Шулке, та же песня: «Оформи отношения и всё пройдёт».

Он залпом выпил стакан воды, который Гриша предусмотрительно поставил на стол.

— Я коллегам своим, духам, жаловался — все хором: «Женись, Су Бабасы, не мучай девку!». Я, на всякий случай совет, у зашедшего священника спросил и он, представляешь, то же самое говорит: «Исполни свой гражданский долг, чадо, вступи в законный брак и обретёшь покой».

Су Бабасы умолк, тяжело дыша. Из бороды у него капало.

Гриша смотрел на него, чувствуя, как в голове складывается пазл корпоративного абсурда.

— Ну? — снова прошипел Су Бабасы. — Что скажешь, штатный психолог? Тоже будешь советовать жениться?

Гриша вздохнул.

— Ну, раз все единогласно советуют... почему бы не жениться?

Вот тут-то Су Бабасы и выдал главное.

Он посмотрел на Гришу с такой бездонной, многовековой тоской, что мухомор в углу поник, а стёкла на секунду запотели.

— КАК?! — проревел он. — Я... я уже в браке состою! У меня жена, Су Анасы! Водяная Бабушка! Всю жизнь вместе!

В кабинете повисла оглушительная тишина.

— Вы знаете, что такое жить с Су Анасы? — продолжил он, и голос его дрожал. — Она зловредная, шумная, по ночам стучит, людей пугает, болезни насылает... Но она моя жена! У нас омуты, заводы, подводное хозяйство... Соцпакет на всё семейство! Как я ей скажу, что я с мавкой на корпоративе загулял, а теперь меня тут женить вздумали?!

Гриша смотрел на несчастного водяного, пойманного в ловушку между семейным долгом, злой мавкой и наглой кадровичкой.

— А если Маруся узнает, что вы женаты? — осторожно спросил он.

— Маруся? — Су Бабасы горько усмехнулся. — Она же мавка! Романтичная, пока ей выгодно. А теперь злая. Она способна на всё!

Он схватился за голову.

— И главное жена! Если она узнает про Марусю... она не будет кричать. Она просто придёт ночью, сядет на берегу, распустит волосы, закинет груди за плечи и будет молчать. А наутро моего омута не станет. И меня вместе с ним.

Грише стало жутковато.

— И что же делать? Как мне выкрутиться?

Гриша представил эту картину. Стало жутковато.

— И что же делать? — спросил он.

Су Бабасы посмотрел на него с надеждой.

— Доктор... вы психолог. Вы должны знать. Как мне выкрутиться? С одной стороны мавка с шулкой, которая из ласковой стала злой и требует женитьбы. С другой жена, если узнает, сотрёт в порошок. Я между двух огней!

Гриша помолчал. Он уже понял, что это тот самый момент, где можно стать соучастником или остаться специалистом.

— А вы хотите выкрутиться... или решить?

Су Бабасы моргнул.

— В смысле?

— Вы всё время говорите о том, как избежать последствий. Но ни разу о том, чего вы сами хотите.

Водяной недовольно хлопнул.

— Я хочу, чтобы всё было спокойно.

— Спокойно, это без конфликта? Или честно?

Тишина.

Где-то за окном плеснула вода. Хотя окна выходили во двор.

— Если Маруся узнает, что вы женаты, — осторожно продолжил Гриша, — будет неприятно?

— Будет.

— Если жена узнает о Марусе?

— Доктор, вы издеваетесь?

— А сейчас вам приятно?

Су Бабасы замолчал. Потом тяжело выдохнул.

— Нет.

— Тогда, возможно, дело не в проклятии.

Водяной поднял глаза.

— А в чём?

— В напряжении. Вы живёте между двумя правдами. И обе скрываете. Это тяжело даже для смертного. А вы бессмертный. Представьте, сколько лет это можно тянуть.

Су Бабасы нервно провёл рукой по бороде. С неё посыпалась рыска.

— То есть Шулма ни при чём?

— Не знаю, — честно ответил Гриша. — Но если бы на вас действительно навели порчу, симптомы были бы другие. Вы бы не чувствовали вину. Вы бы чувствовали ярость.

Пауза.

— А я что чувствую?

— Вину. И страх.

Водяной уставился в пол.

— Я не хотел ничего плохого, — пробормотал он. — Просто... устал. Дома всё одно и то же. Вечность она длинная. А Маруся улыбнулась.

Гриша кивнул.

— Это понятно.

Су Бабасы резко поднял голову.

— Понятно?

— Да. Но «понятно» не значит «без последствий».

В кабинете стало тихо. Даже мухомор не шевелился.

— Вы сейчас стоите не между двумя огнями, — мягко сказал Гриша, — а между двумя решениями.

Либо вы продолжаете скрывать и ждёте, когда всё взорвётся. Либо вы выбираете, кому и что сказать.

— Вы предлагаете мне признаться? — голос водяного дрогнул.

— Я предлагаю вам перестать жить в режиме утечки.

— В каком режиме?

— Вы водяной. А силы у вас текут сквозь пальцы. Это очень символично.

Су Бабасы замер.

— Вы считаете, что я сам себе омут мутил?

— Я считаю, что вы пытаетесь удержать слишком много воды в двух разных руслах.

Долгая пауза.

— А если жена узнает... и всё сметёт?

— Тогда это будет её выбор. Но сейчас вы лишаете её права выбора. И Марусю тоже.

Водяной долго сидел молча. Потом глухо спросил:

— А если я никого не выберу?

— Тогда выберут за вас.

Су Бабасы закрыл лицо руками.

— Доктор... я бессмертен. Но я не готов к такому разговору.

— Никто к таким разговорам не готов, — спокойно ответил Гриша. — Но именно от них всё зависит.

Тишина.

Потом водяной медленно опустил руки.

— То есть вы не будете писать жене официальное заключение, что на мне порча?

— Нет.

— И не составите план «как выйти сухим из воды»?

Гриша едва заметно улыбнулся.

— Сухим, это не про вас.

На секунду в глазах Су Бабасы мелькнуло что-то живое. Почти смешок.

Он поднялся. Кресло хлюпнуло.

— Значит... сначала поговорить?

— Сначала решить, что вы хотите. Потом — поговорить.

Водяной тяжело кивнул.

— Это очень сложно.

— Да.

Су Бабасы посмотрел на него внимательно. Уже без отчаяния.

— Доктор... вы думаете, что я выживу после такого разговора с двумя разъярёнными женщинами?

Гриша выдержал паузу. Достаточно долгую, чтобы водяной успел осознать всю глубину своего вопроса.

— Су Бабасы, — сказал он наконец, — вы тысячу лет живёте с Су Анасы. Вы говорите, она зловредная, шумная, по ночам стучит, людей пугает, болезни насыляет... — Истинно так, — с готовностью подтвердил водяной.

— И вы до сих пор живы. Больше того — у вас омуты, заводы, подводное хозяйство, соцпакет на всё семейство. Она вас не убила. Не высушила. Не превратила в лужу.

Су Бабасы задумался.

— Ну... да.

— Тысячи лет достаточный срок, чтобы найти повод избавиться от опостылевшего мужа, — спокойно продолжил Гриша. — Если бы хотела, уже избавилась бы.

Су Бабасы медленно поднял глаза.

— Доктор... вы хотите сказать, что она меня... любит?

Гриша слегка пожал плечами.

— Я хочу сказать, что факты говорят в пользу этого.

Пауза.

— А мавка? — тихо спросил водяной.

— Мавка, насколько я понимаю, на ступень ниже водяного. У неё просто не хватит сил стереть вас с лица воды.

Су Бабасы выпрямился.

— Значит, вы предлагаете... мне сначала понять, чего я хочу. Потом поговорить с ними. Честно.

— Да.

— А если я пойму, что хочу... и того, и другого?

Гриша посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы пытаетесь создать два русла из одного источника. Это возможно только если вы готовы разделить. А вы цельный дух. Не делитесь.

— То есть нельзя?

— Нельзя, если хотите сохранить себя. Можно, если готовы потерять.

Су Бабасы тяжело вздохнул.

— А если я выберу одно... второе обидится?

— Обидится, — согласился Гриша. — Но обида проходит.

В кабинете повисла тишина. На этот раз не тяжёлая, а задумчивая.

Потом водяной медленно поднялся. Из-под кресла хлопнуло, но уже как-то легче.

— Доктор, а если они обе меня пошлют? После честного разговора?

— Тогда, — Гриша позволил себе лёгкую улыбку, — у вас будет то, чего у вас не было тысячи лет.

— Что?

— Свобода. И возможность начать заново. С чистой совестью и без проклятий.

Су Бабасы посмотрел на него долго. Потом кивнул.

— Я подумаю. Спасибо.

Дверь закрылась.

Гриша выдохнул. Только сейчас заметил, что рубашка прилипла к спине.

Мухомор в углу довольно колыхнулся.

— Ну что, — спросил Гриша у него, — как думаешь, доживёт до утра?

Мухомор качнулся неопределённо. Мол, пятьдесят на пятьдесят.

Глава 4

Когда за якутским духом закрылась дверь, в кабинет буквально влетел Нарэк, словно его вынесло сквозняком из параллельного измерения.

— Ну что, пошли в столовую! — объявил он, с порога озарив комнату своей фирменной улыбкой. Потирая руки с видом заговорщика, добавил: — Готовь желудок и психику, коллега. Сейчас у тебя будет экскурсия в мир, где борщ соседствует с амброзией, а компот из сухофруктов иногда подмигивает из стакана.

Гриша с некоторой тревогой убрал блокнот в ящик.

— После сессии с духом тайги я, кажется, готов поверить во что угодно, но...

— Но ничего, — перебил его Нарэк, энергично хватая за локоть и направляя к выходу. — Запомни два правила: не отходи от меня далеко и не обращай внимания на женский пол.

— Почему?

Нарэк только хмыкнул.

— Потом расскажу.

Столовая находилась на девятом этаже. Длинные безликие коридоры, больше похожие на тоннели, сменялись лифтовыми холлами. Гриша молча шагал рядом с Нарэком, пытаясь переварить лавину информации, которой тот щедро делился. В голове гудело, будто в него закачали мутную смесь магии, стресса и абсурда.

— Видишь? Каждые десять метров — позолоченные арки, — небрежно ткнул пальцем Нарэк в изящные порталы, встроенные в стены. В воздухе под ними чуть заметно дрожало марево, словно от жары. — Если станет плохо от проклятий, порчи или ещё какой гадости — ползи до ближайшей. Постой под ней минуту — и отпустит.

— Прямо ползти?

— Ну, если совсем прижмёт, — пожал плечами Нарэк. — Не переживай, поначалу тяжело.

Потом иммунитет вырабатывается.

«Поначалу тяжело», — мысленно повторил Гриша, глядя на бесконечную вереницу арок. Он уже представил, как ползёт по холодному линолеуму, а по коридору спокойно проходят сотрудники, аккуратно перешагивая через него.

— Интересно, а как же на улице? — спросил он, чувствуя, как внутри начинает подниматься лёгкая паника. — Когда я буду ехать в метро и вокруг будут стоять... коллеги?

— А, это ерунда, — отмахнулся Нарэк, нажимая кнопку лифта. — Ты думаешь, нелюди только в этой корпорации? Их по всей столице полно. Да и Кристаллу одной нашей магии мало.

Он вошёл в лифт, и Гриша послушно последовал за ним.

— Поэтому вытягивающую магию поставили в валидаторы, эскалаторы, даже в супермаркеты. Всё это понемногу уходит в систему.

— В систему?

— В Кристалл, — коротко пояснил Нарэк. — Он собирает всё и держит баланс.

Лифт мягко тронулся.

— И в поликлиниках тоже, — продолжил Нарэк. — Потому что если человек не ездит в метро, как в деревнях, то когда заболевает, всё равно идёт к врачу. Система не подведёт.

— Логично, — сдавленно согласился Гриша, чувствуя, как его картина мира не просто трещит по швам, а рассыпается и собирается заново в какую-то странную мозаику.

— Так что не переживай, худо-бедно все уживаемся. Бывают, конечно, сбои, но до летальных исходов доходит редко.

Он чуть понизил голос.

— Во-первых, если нечисть нас сожрёт, ей самой жрать будет нечего. Мы для них — и еда, и зрители, и смысл существования. Без людей они быстро выдохнутся.

Нарэк наклонился ближе.

— А во-вторых... запрещено.

— Запрещено?

— У них свои законы. Ещё с тех времён, когда первые маги и старшие духи подписали Великое соглашение. Людей высасывать досуха нельзя. Иначе кара.

Он пожал плечами.

— С особо неблагонадёжными специальные отделы работают.

Гриша сглотнул.

— Понятно... А почему тогда мне сейчас одному нельзя ходить?

Нарэк усмехнулся.

— А это уже другое. Ты подписал древний магический документ. Он запускает в человеке процесс превращения в ведающего. Твоя подпись его активировала. С этого момента ты уже не просто человек. Ты — тот, кто видит.

Пока ещё не полностью, конечно. Ты только учишься, но сам процесс уже начался.

Понимаешь, настоящий иммунитет появляется тогда, когда человек окончательно становится ведающим. Он начинает видеть их сущность, чувствовать магию, и тогда его уже не так просто взять ни взглядом, ни мороком.

Но вот переходный период — самое неприятное время. Ты уже не обычный человек, но ещё и не окрепший ведающий. Как бабочка, только вылезшая из кокона: крылья есть, а летать пока не получается.

Нарэк чуть усмехнулся.

— Для нечисти ты сейчас лакомый кусочек. В тебе уже начинают появляться другие потоки энергии. Для них это как запах конфет.

Он пожал плечами.

— Поэтому они и будут пробовать. Кто морок наведёт, кто попытается затянуть в свои сети, кто просто энергией подпитается. Но убивать не имеют права.

Он махнул рукой, словно закрывая тему.

— Так что потерпи немного. Окрепнешь.

Гриша помолчал, переваривая услышанное.

— И долго это... переходный период?

— У всех по-разному, — пожал плечами Нарэк. — У кого месяц. У кого год.

По дороге Нарэк беззаботно здоровался с пёстрой толпой, текущей в столовую. Гриша ловил на себе любопытные взгляды: кто-то смотрел с участием, кто-то — с лёгкой усмешкой, а один мужчина с роскошными седыми усами и в дорогом костюме, от которого пахло озоном и старыми книгами, оценивающе кивнул Нарэку, будто говоря: «Неплохой экземпляр привёл».

— Кстати, людей здесь кормят бесплатно, — как о чём-то само собой разумеющемся бросил Нарэк, подходя к массивным дверям столовой. — Всё-таки мы тоже некая... пища для других. Поэтому нашу энергию в телах нужно поддерживать на должном уровне. А повара у нас — волшебные. В прямом смысле.

Он распахнул дверь, и на Гришу обрушился шквал запахов — от привычного аромата свежей выпечки до совершенно незнакомых, сладковато-пряных и терпких. Воздух дрожал от сдержанного гула голосов, звона посуды и ещё чего-то — едва уловимого низкого гудения, словно исходящего отовсюду.

Гриша сделал шаг вперёд — и словно с головой погрузился в новый, невероятный и немного пугающий мир.

Чего только не было на раздаче! В воздухе витал густой коктейль ароматов: дымный запах жареного мяса сталкивался с пряным дыханием восточных специй, а откуда-то доносился сладкий, манящий дух свежей выпечки.

Гриша замер на пороге, сражённый гастрономическим изобилием.

Перед ним высились горы хачапури, дымились казаны с пловом, загадочно поблёскивал студень, а на огромном противне румянилась курица табака. Он почувствовал себя путешественником, заблудившимся в съедобных джунглях, и растерянно заёрзал на месте.

Если бы не Нарэк, он бы ещё долго толкался возле блюд, находясь в состоянии ступора. Но его проводник в мире корпоративного питания уверенно взял его под локоть и поволок к раздаче.

— Эх, Гриш, вижу, тебя разбросало, — с сочувствием и некоторой гордостью констатировал Нарэк. — Ладно, со мной не пропадёшь. Смотри и учись.

Одним ловким движением он поставил перед Гришей тарелку с аппетитным, дымящимся лавашом, завёрнутым вокруг сочной начинки.

— В первую очередь бери это. Хашлама. Из армянской кухни, — объявил он, и в его глазах блеснула тёплая ностальгия. — Говядина, тушёная с овощами, в собственном соку. Прямо как у моей мамы получается. Таешь, как снег весной, и силы появляются. Основа основ!

Не дав Грише опомниться, Нарэк водрузил на его поднос ещё одну тарелку — на этот раз с парой золотистых, пухлых пирожков.

— А это — эчпочмак, — продолжил он, понизив голос, словно открывая великую тайну. — Татарские, с уткой и картошкой. Треугольнички такие. В каждом — маленькое солнышко. Обязательно попробуй — душа расправит крылья.

— Нарэк, я не уверен, что съем всё это... — начал Гриша, с трепетом глядя на быстро наполняющийся поднос.

— Молчи и бери дальше! — отрезал наставник, уже наливая ему что-то в тарелку. — Это — свекольник, по-сибирски. Холодный, для настроения. А на второе... — он многозначительно подмигнул, — ...вон те калмыцкие берики прихвати. Только смотри, не обожгись. Внутри — жар степей и шёпот кочевников.

Гриша покорно кивал, держа поднос, который начинал напоминать ему Эверест из яств. Он уже физически чувствовал, как желудок молит о пощаде, но глаза, разбегающиеся от всего этого великолепия, с ним категорически не соглашались.

— И, конечно, на десерт... — Нарэк с победоносным видом протянул ему тонкое пирожное в сиропе. — Пахлава. Чтоб жизнь сладкой была.

Он оглядел поднос и удовлетворённо кивнул.

— Ну что, вроде всё. Поехали распаковывать этот гастрономический конструктор.

Он уверенно направился к столу, оставив Гришу с мыслью, что самая большая опасность в этой таинственной корпорации исходит не от магов или нечисти, а от дружелюбного армянина в столовой.

Усевшись за стол и набивая животы, Гриша задавал вопросы, разглядывая соседей: кто-то ел с таким видом, будто заряжался энергией, а кто-то вдумчиво ковырял вилкой в салате. — А люди, которые здесь работают, все знают про эту... мистику? — тихо спросил он.

— Нет, не все, — ответил Нарэк с набитым ртом. — Во-первых, нелюди не любят публичности. Во-вторых, не у всех людей нервы крепкие. Представь: бухгалтер Ольга Петровна узнаёт, что её начальник отдела — упырь. Инфаркт на месте.

— И что, никто никому не проболтался? — не унимался Гриша.

— Нет, конечно! — фыркнул Нарэк. — Ты же подписал о неразглашении на древнем магическом папирусе. Теперь всё. Если рядом будет стоять неведущий, ты захочешь — не сможешь рассказать. Язык отсохнет.

— А маги — это кто? — спросил Гриша, чувствуя, как у него слегка кружится голова от всей этой информации.

— О-о-о, маги здесь — особая братия, — оживился Нарэк. — Люди и полукровки. Самые упёртые учёные, которых реальность не устроила, и они решили её переписать под себя.

Он вдруг приподнялся и крикнул через весь зал:

— Гоша! Гошан, иди сюда!

К их столу с полным подносом, на котором горкой лежали котлеты, подсел парень примерно их лет — с военной выправкой и умными, немного уставшими глазами. Он с радостью обменялся рукопожатием с Нарэком.

— Знакомьтесь. Григорий — мой новый коллега. А это Гошан — маг-оружейник, разработчик нового оружия и защиты против нечисти. В прошлом — физик-ядерщик, вундеркинд. В общем, наш местный гений, который может собрать ядерный реактор из палки и жевательной резинки.

— Да ладно тебе, Нарэк, — смутился Гоша, подвигая тарелку с котлетами. — Я просто... разбираюсь в энергетических потоках.

— А ты чего не в своём подземелье и не в защитной раскраске? — поинтересовался Нарэк.

— Да понимаешь, у меня сегодня выходной. Послезавтра в командировку, — начал есть Гоша. — А утром вдруг пришла мысль для новой разработки. Решил проверить её на нашей технике. А войдя в здание, вспомнил, что даже не завтракал.

— Да и Гоша у нас с головы до ног патриот и живёт только ради блага нашей Родины, — с пафосом продолжил Нарэк, хлопая мага по плечу.

— Нарэк, опять ты... — вздохнул Гоша.

— А кого я уже месяц жду, чтобы на выходных сходить в бар? Гош, в жизни много ещё чего интересного, кроме магии и физики. Девушки, например! Хотя бы на мифических посмотри — те же русалки. Тоже девушки, только мокрые.

— Нуу... у нас отчёт горит по новому проекту, начальство давит... — стал оправдываться Гоша, слегка краснея.

— А твоё начальство в курсе, что генофонд вундеркинда должен размножаться, а не тухнуть в магических подвалах? — съязвил Нарэк. — Ладно, ладно. Ешь свои котлеты.

Гриша смотрел на этот разговор и понимал, что его новая работа будет гораздо, гораздо интереснее, чем он мог себе представить.

Набив животы до отвала, они направились к выходу. Нарэк с Гошей задержались, продолжая обсуждать вылазку в бар на выходных. Гриша, заметив урну, отошёл выбросить салфетку.

— Ой, кто тут у нас новенький? Девочки, смотрите!

Гришу мгновенно окружили четыре девицы с глазами, в которых плескался летний рассвет.

— И красивый какой, — вторая взяла его за руку, и от её прикосновения по телу разлилась тёплая слабость.

Мир перестал существовать для Григория. Он видел только их — этих сияющих созданий. Слышал только их смех, звенящий, как колокольчики, и был готов идти за ними хоть на край света.

— Нарэк, похоже, твой коллега попал под раздачу, — обеспокоенно сказал Гоша.

Обернувшись, Нарэк увидел Гришу, окружённого четвёркой нимф, с блаженной пустотой в глазах.

— Чёрт! Говорил же — не отходи!

Они бросились в его сторону.

— Так-так-так, чего собрались? Чего обсуждаем? — Нарэк выдернул Гришину руку из нежного, но цепкого плена.

— Тебе какое дело? — нагло бросила одна из девиц, сверкнув глазами.

— Вы что, устав корпорации забыли? — строго спросил Гоша, надевая бейдж боевого мага.

— Ой, ну и ладно! Поболтать что ли нельзя с человеком?

Девицы сразу отступили.

— Поболтать можно, а вот глубокий морок наводить на не имеющего иммунитета запрещается! Или вас в подвал спустить? — напустился на них Гоша.

Те быстро исчезли, будто их и не было.

— Его к арке надо! Быстрее! — еле удерживая Гришу, который теперь рвался за ним-фами, простонал Нарэк. — Блин, как же она далеко! О! Гош, поддержи его!

Нарэк остановил проходившую мимо миловидную женщину неопределённого возраста — в элегантном платье и с сумкой, которая, судя по виду, хранила гораздо больше, чем казалось.

— Ольга Михайловна, здравствуйте! — ослепительно улыбнулся Нарэк.

— Привет, коль не шутишь, — мрачно ответила она, разглядывая Гришу с интересом.

— Ольга Михайловна, а конфет у вас, ваших волшебных, с собой нет?

— Конфет? Приворотных? Тебе они зачем? — удивилась дама.

— Нет, наоборот.

— Отсушки? И кому ж ты, гад, голову заморочил?

— Да не я! Вот...

Нарэк подвёл её к Грише, который полностью потерял ориентацию и пытался поймать в воздухе невидимые нити чужого очарования.

— А, девочки постарались, — заулыбалась Ольга Михайловна. — Ну и тащите его до арки. Давно я так не смеялась.

— Да? Тогда я уйду на бессрочный больничный, и вам в лицо проклинать будет некого. И заменить меня будет некому. Потому что это новый психолог. А вдруг он не оправится? — прищурился Нарэк.

— Психолог? — Ольга Михайловна на секунду задумалась, затем полезла в сумку и вытащила горсть конфет в странных блестящих обёртках. — На, побольше. На всякий случай.

Нарэк быстро развернул одну конфету и затолкал её в рот Грише.

Тот скривился от неожиданно терпкого вкуса полыни и мяты, кашлянул, и взгляд его начал медленно проясняться, будто туман рассеивался.

— Вот... вот чёрт... — прохрипел он, пошатываясь. — А что это было?

— Это, дружок, был корпоративный обед, а ты — блюдо дня, — ободряюще хлопнул его по плечу Нарэк. — Не переживай. Все через это проходили.

— Мне в своё время повезло — рядом оказался Гоша. Не дал опозориться, отбил меня и под арку оттащил.

— А мне помогло военное воспитание, — хмуро добавил Гоша. — Отец-офицер с детства вдалбливал выносливость и навыки выживания. Но и то... еле справился. До сих пор вспоминаю — бр-р.

— Гошан у нас вообще уникальный экземпляр, — пояснил Нарэк. — Единственный магтеоретик, способный на равных заменить боевого. Бейдж у него особенный, вот все его и побаиваются по-настоящему.

До арки добрались на ватных ногах. Гриша стоял под золотым порталом, чувствуя, как по телу разливается противное, тошнотворное тепло — магия вытекала из него, оставляя после себя опустошение и мутную головную боль. Мутило так, что хотелось прижаться лбом к холодной стене и не двигаться.

— Его к Соломону Давидовичу, — решительно сказал Гоша, подхватывая Гришу под второй локоть. — Сам он сейчас не дойдёт.

В кабинет начальника они ввалились без стука. Гриша висел на плечах спасителей, как тряпичная кукла, с трудом переставляя ноги. Перед глазами всё плыло.

Соломон Давидович поднял голову от бумаг, окинул взглядом эту процессию и тяжело вздохнул. Таким вздохом можно было гасить свечи на расстоянии.

— Значит, не уследили? — мрачно сказал он, глядя на Нарэка поверх очков.

— Так получилось, — виновато развёл руками тот. — На секунду отвлеклись...

— Светочка, — не повышая голоса, но очень отчётливо произнёс Соломон Давидович, — позвони и перенеси сессию с нейросетью на понедельник. В таком состоянии он ей только экзистенциальный ужас усилит.

Светочка молча кивнула и сняла трубку.

— А вы, молодой человек, — начальник перевёл взгляд на Гришу, который пытался сфокусироваться на его лице и терпел поражение, — в технический кабинет. Учиться. И надеюсь запомните: пока иммунитет не выработался, вы для них как буфет с изысканной пищей.

Гриша попытался что-то сказать, но из горла вырвался только невнятный хрип.

— Светочка, — Соломон Давидович уже снова углубился в бумаги, но голос его звучал чётко, как приказ, — принеси ему какой-нибудь эликсир. Прояснить сознание. А то смотреть больно.

Через минуту в руках у Гриши уже был холодный стеклянный пузырёк с мутноватой жидкостью, пахнувшей мятой, полынью и чем-то ещё, отчего зашипало в носу.

— Пей, — коротко сказала Светочка. — До дна.

Гриша послушно выпил. По телу разлилось тепло, головная боль отступила, а тошнота сменилась лёгким, почти приятным головокружением.

— Ну что, живой? — спросил Нарэк, заглядывая ему в лицо.

— Вроде да, — неуверенно ответил Гриша.

— Значит, иди учиться, — ухмыльнулся начальник. — Технический кабинет ждёт. Сессии начнешь в понедельник.

Гриша вздохнул и покорно поплёлся в технический кабинет.

Когда он вышел из здания, на него пахнул обычный вечерний московский воздух — смесью выхлопных газов, пыли и свежести от недавно прошедшего дождя. Пахло... нормально. Обычно. И в этой обычности была своя, странная прелесть.

Он прошёл к метро, вставил в турникет свою банковскую карту и на секунду задержался, прислушиваясь к себе. Никакого головокружения, никакой тошноты. Только лёгкая, приятная усталость после полноценного рабочего дня.

«Вытягивающая магия в валидаторах», — с улыбкой подумал он.

В вагоне метро он смотрел на спешащих людей, на рекламу, на светящиеся экраны телефонов. И его взгляд, сам того не сознавая, искал теперь нечто иное: может, чей-то силуэт на миг покажется не таким уж человеческим, может, тень поведёт себя странно.

Но всё было буднично и спокойно. Магия, если она и была здесь, оставалась невидимой — встроенной в каркас привычной жизни.

Дома, заваривая себе обычный чай, он получил сообщение. Не по рабочему, а по личному телефону.

Нарэк: Ну что, выжил? Не передумал завтра приходить?

Гриша: Жив. Чуть не стал закуской для нимф, но жив. Спасибо за конфету.

Нарэк: Пустяки. Кстати, Гоша согласился в бар в эту субботу. Ты с нами. Без отговорок. Надо же тебя в коллектив ввести.

Гриша: А там тоже будут... нимфы?

Нарэк: Ха! Нет. Там будут пиво, крылья и дурацкие анекдоты. Самые сильные обереги от выгорания. Добро пожаловать в отдел, коллега.

Гриша поставил телефон на стол и потянулся. Впервые за долгое время он не чувствовал фоновой тревоги от поиска работы. Вместо неё было чувство... предвкушения.

Да, его клиенты могли быть не совсем людьми.

Да, его наставник был ходячим гастрономическим гидом и спасателем от магических неприятностей.

Да, его коллега-маг собирал ядерные реакторы из палок.

Но это была его работа. Его новая, безумная, невероятная реальность.

Он лёг спать, и последней его мыслью перед сном было:

«Интересно, а что на обед в столовой будет в понедельник?»

P.S.

Соломон Давидович, просматривая вечерний отчёт Светочки, увидел пометку:

«Нечаев Г.В. Прошёл первичную адаптацию. Успешно провёл сессии. Проявил находчивость и стрессоустойчивость. Инцидент с нимфами ликвидирован силами команды.» Начальник отдела адаптации с удовлетворением откинулся в кресле.

— Ну вот, Светочка, — сказал он. — Кажется, мы нашли ещё одного нашего. Надолго ли — посмотрим.

Светочка аккуратно поправила папку с документами и спокойно ответила:

— Практика показывает, Соломон Давидович, что если человек после первого дня не сбежал, не сошёл с ума и всё равно планирует завтра прийти на работу — значит, он уже адаптируется.

Она на секунду задумалась и добавила:

— Обычно самое интересное начинается на второй неделе, — заметила она спокойно.

За окном темнело, и в сияющих огнях Москвы уже нельзя было разглядеть, где кончается магия и начинается обычная жизнь.

Но для Гриши Нечаева эта граница теперь навсегда стала зыбкой.

И в этом была своя прелесть.

Глава 5

Субботу Гриша начал с того, что выспался — впервые за долгие месяцы. Не под бубнёж лекций, не под тягостные мысли об ипотеке, а с чувством, что в его жизни наконец-то что-то сложилось.

Проснулся он с непривычной лёгкостью на душе и решительным намерением навести порядок не только в голове, но и в своей ипотечной двушке.

Но энтузиазм его оказался недолгим.

Едва он взялся за швабру, как взгляд, словно на магнит, потянуло к тому самому шкафу.

Он стоял в прихожей — массивный, тёмный, чужеродный анахронизм, воплощение материнской заботы, которая давит сильнее любого вражеского проклятия.

Этот шкаф был их последним полем боя.

До этого были комод, тумбочка и кресло — все пали в неравной борьбе.

Неоконченная дуэль с мамой.

Гриша уставился на него, прищурившись.

Иногда ему казалось, что шкаф смотрит на него в ответ.

Молча. Терпеливо.

Как опытный стратег, который знает: рано или поздно противник всё равно сдастся.

— Нет, — тихо сказал Гриша.

Шкаф, разумеется, ничего не ответил.

Но почему-то выглядел довольным.

Мама напрочь отказывалась уважать границы своего взрослого сына — психолога с красным дипломом МГУ, специалиста по человеческим душам, который, между прочим, теперь готовился стать специалистом и по душам не совсем человеческим.

На все его вежливые, выверенные по учебникам доводы

(«Мам, я хочу сам, постепенно, обставить своё пространство. Это важно для моего самоощущения») она делала вид, что не слышит.

А если и слышала, то в её глазах читалось одно:

«Какое ещё самоощущение? Оно всё равно у тебя будет неправильным. Ты для меня вечно голодный ребёнок, у которого носки в кучу свалены».

Она действовала как высококвалифицированный диверсант.

Гриша уезжал на три дня на базу отдыха с бывшими сокурсниками — возвращался, а в прихожей, словно из ниоткуда, материализовывался этот громадный шкаф.

Стоял и молчаливо торжествовал, нагло занимая собой полкоридора.

В нём, конечно, был свой плюс — вещи, до того валявшиеся по углам, наконец-то нашли приют.

Но Гриша яростно отметал эти доводы здравого смысла.

Речь шла не о функциональности, а о принципе.

О его праве на свою территорию, свои ошибки и свой, пусть и не идеальный, быт.

— Я должен выиграть этот психологический поединок, — сжав кулаки, подумал он, глядя на полированную дверцу. — Я теперь буду целыми днями выслушивать исповеди чудовищ из сказок, а не могу договориться с родной матерью? Это непрофессионально!

Секунду он стоял, словно замороженный тёмной поверхностью шкафа, в которой смутно отражалось его собственное, искажённое раздражением лицо.

А потом развернулся, отряхивая ладони, будто стряхивая с себя саму возможность уборки.

— Ладно, — решил он. — Сегодня не время для битв. Сегодня время для триумфа.

Мысль о том, что сейчас он придёт к родне и наконец, как о чём-то само собой разумеющемся, сообщит о своей новой, престижной и совершенно невероятной работе, заставила его улыбнуться.

Он представлял себе их глаза: округлившиеся от непонимания, потом — от неверия, а потом, он надеялся, — от гордости.

Он быстро оделся, на прощание бросив шкафу многозначительный взгляд, полный обещания будущих боёв, и вышел из квартиры.

Впереди был день, когда он, Григорий Владимирович Нечаев, наконец-то предстанет не как вечный студент и неудачник, а как человек, нашедший своё место под самым что ни на есть странным солнцем.

И это ощущение было слаще любой победы над мебелью.

Быстро забежав в магазин за тортом, Гриша отправился к родным.

Он заранее позвонил крёстной, бабушке с дедушкой, так что, войдя в квартиру родителей, застал всё семейство уже за накрытым столом.

Обнявшись со всеми и наскоро перекусив, он поднялся и торжественно произнёс:

— У меня новость. Я устроился на работу своей мечты. Вернее, на зарплату своей мечты — о такой я даже не смел думать. Перед вами стоит психолог для сотрудников «ГазОйла».

Дед от неожиданности выронил чашку.

Остальные, кроме мамы, бросились его поздравлять.

Сестрёнка Софийка тут же потребовала:

— Коллекционную куклу купи мне !

— Какую? — насторожился Гриша.

— Монстер Хай! Вампиршу!

Гриша, не раздумывая, согласился, но, узнав цену, с деланной серьёзностью поинтересовался:

— А одежда у этой куклы с бриллиантами или с сапфирами?

Оказалось, нет — обычная пластмасса.

И он с ностальгией вспомнил своих дешёвых Человечков-Пауков, с которыми играл в детстве .

— Говорят, там люди работают на износ, — недовольно, поджав губы, заметила мама.

Гриша внутренне напрягся.

Ну вот. Началось.

— Мам, ну тут-то ты чего недовольна? Сын устроился в компанию, о которой все мечтают! А ты, дедушка, чего не радуешься?

Дед и мама переглянулись.

Слишком быстро.

Слишком синхронно.

— Да я в общем-то рад, конечно, — замялся дед, отводя глаза. — Просто неожиданно всё. И как тебе там работается?

— Всё по плану. Сессии с сотрудниками, профилактика выгорания... Ничего интересного, — соврал Гриша, чувствуя, как предательски краснеют уши.

— Ну-ну, — пробурчала мама.

— Мам???

Если бы не эта маленькая перепалка, да если бы Грише не показалось, что у мамы в глазах на мгновение сверкнул неестественный, холодный свет — тот самый, который он уже научился различать у нелюдей, — вечер можно было бы считать идеальным.

«Показалось», — подумал Гриша, натянуто улыбаясь и отводя взгляд.

«Просто нервы. Переходный период. Иммуитет ещё не выработался».

Мама не может быть... Нет. Бред.

Он с удвоенной силой впился в торт.

Но почему-то больше не чувствовал его вкуса.

В остальном общение с родней прошло на «отлично».

А вечером его уже ждали Гошан с Нарэком в уютном, слегка дымном баре.

За кружками тёмного пива и тарелкой с ароматными креветками ребята рассказывали анекдоты, обсуждали девушек и начальство — самые обычные разговоры парней в их единственный законный выходной. Гриша ловил себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует себя... нормально. Просто нормально. Без магии, без нечисти, без экзистенциальных кризисов нейросетей.

— О, посмотри, кто зашёл, — оживился Нарэк, кивнув на вход, и в его глазах зажглись хитрющие огоньки. — Совсем молоденькие ведьмочки. Начинающие... и очень симпатичные.

В бар действительно впорхнули две девушки. На первый взгляд — обычные. Джинсы, футболки, лёгкий макияж. Но Гриша, присмотревшись, вдруг понял, что видит... что-то ещё. Глаза у них были слишком яркие, почти светящиеся, а воздух вокруг чуть заметно дрожал, как над нагретым асфальтом.

— Откуда ты знаешь, что они ведьмы? — с интересом спросил он, откладывая меню. — И что начинающие?

— Иммунитет, — спокойно сказал Гоша, ловко очищая креветку. — То, о чём тебе уже говорили.

— То есть это как рентген? — недоверчиво уточнил Гриша

— Да нет. Просто видишь ауру. И их маскировочная иллюзия на тебя больше не действует, — усмехнулся Гоша. — Постараюсь объяснить. Наши археологи давно раскопали одну интересную вещь.

Он отпил пива, смакуя, и откинулся на спинку стула.

— Помнишь фразу из Библии: «Бог создал человека по своему образу и подобию»?

— Ну да.

— Так вот, похоже, это не метафора.

Гриша поднял брови так высоко, что они едва не встретились с линией роста волос.

— В смысле?

— В самом буквальном. У людей когда-то был доступ к той же первичной энергии, из которой строится магия и чудеса.

— Но если бы каждый человек мог пользоваться такой силой... — вмешался Нарэк, задумчиво крутя в пальцах соломинку.

— Земля давно превратилась бы в кратер вулкана, — закончил Гоша. Спокойно, будто речь шла о погоде на завтра.

Гриша представил себе эту картину и непроизвольно поёжился.

— Поэтому людям поставили ограничители, — продолжил Гоша. — Кто? Можно только догадываться. Творец, природа, вселенский разум — называй как хочешь. Но каналы связи с этой энергией просто закрыли.

— Но не полностью, — добавил Нарэк, подмигивая. — Иначе мы были бы все совсем обычными.

— Остались слабые утечки, — кивнул Гоша. — У кого-то они проявляются сильнее. Отсюда ведьмы, маги, колдуны... и вся остальная публика. Есть, правда, ещё полукровки и их потомки. Но у тех тоже — кто унаследовал, кто нет. Кто совсем мало.

— А большинство людей просто ничего не хотят видеть, — сказал Нарэк, пожимая плечами. — Им так проще жить.

— Но если человек начинает работать рядом с магией, — снова подхватил Гоша, — постепенно он становится ведающим.

— Тем, кто знает, — перевёл Нарэк, отсалютовав кружкой. — И видит. А некоторые ещё и умеют, как Гошан.

— То есть я буду видеть их... вот так, без магических очков? — Гриша кивнул в сторону ведьмочек, которые уже устроились за столиком у окна и что-то оживлённо обсуждали, сверкая глазами.

— Со временем — да, — кивнул Гоша. — Если, конечно, не свихнёшься раньше. Но ты держись молодцом.

— И что, я стану магом?

Оба его собеседника расхохотались так громко, что бармен на секунду отвлёкся от протирания бокалов.

— Нет, дружище, всё не так просто, — сказал Гоша, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Чтобы стать магом, нужен сильный дар. Очень сильный.

— А чтобы стать архимагом, — добавил он уже серьёзнее, — нужен сильный дар, стальной характер и куча обстоятельств, которые не дадут тебе умереть раньше времени.

— И ещё полное отсутствие личной жизни, — фыркнул Нарэк, ткнув пальцем в Гошу. — Вот, спроси у него. Шесть лет работает. Отпусков накопилось на два года. ДВА!

— И? — Гриша посмотрел на мага с новым интересом.

— И я всё равно не уверен, что он когда-нибудь их возьмёт, — трагическим шёпотом закончил Нарэк. — А у нас всё цивилизованно. — Он довольно откинулся на спинку стула, закинув руки за голову. — Два месяца отпуска. Море, пляж, девочки в бикини. Никаких ночных тревог и срочных вызовов на прорывы потусторонней дряни. Пришёл на работу, встал под арочку, снял с себя пару тонн проклятий и живи спокойно. Красота!

— А ты не боишься с ними связываться? — Гриша кивнул на ведьмочек, которым Нарэк уже всюю строил глазки — подмигивал, улыбался и вообще вёл себя как ребёнок в кондитерской.

— Бояться? — Нарэк театрально прижал руку к сердцу, изображая смертельную обиду. — Женщин надо любить! Всем сердцем и... мужским естеством!

— Не слушай его, — усмехнулся Гоша, закатывая глаза. — Он просто хвастается. У него осечки тоже бывают.

— Это клевета! — возмутился Нарэк, но как-то без особой убеждённости.

— Ведьмы — народ эмоциональный, — продолжил Гоша, ловко орудуя криветкой. — У них психика скачет как маятник. То они летают от счастья, то рыдают в три ручья и готовы наслать порчу на весь белый свет. А Нарэк эти колебания видит по ауре.

— И? — Гриша уже догадывался, что последует дальше.

— Поэтому половина его свиданий заканчивается ночной психотерапией и подачей платков рыдающей пациентке, — с непроницаемым лицом закончил Гоша.

Нарэк помрачнел, уставившись в свою кружку.

— Это... издержки профессии, — буркнул он расстроено, и было видно, что в памяти всплывают отнюдь не самые приятные ночи. — Зато какие девушки! — тут же встрепенулся он, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

Гриша рассмеялся и поднял кружку.

— Ну, за то, чтобы издержки профессий было по меньше.

Так они и сидели до глубокого вечера — подтрунивали друг над другом, строили планы и чувствовали себя просто друзьями. Ни один из них, даже проницательный Гоша, не ощутил, как далеко под ними, Глубоко под Москвой, там, куда не доходят ни метро, ни древние подземелья, где камень лежит пластами, помнящими ещё холод ледников, в неподвижной тьме произошло едва заметное движение.

Это нельзя было назвать пробуждением.

Скорее — сменой состояния.

Семь столетий назад здесь уже звучала мысль.
С тех пор мир наверху жил, строил города, воевал, забывал и снова вспоминал.
Но время истекло.
В глубине гранита медленно раскрылись глаза.
Они не принадлежали существу.
Не принадлежали телу.
Это были глаза самой земли.
Той земли, что видела, как по её равнинам проходили кочевые племена, как поднимались
и рушились города, как люди сменяли людей, а эпохи — эпохи.
Она не знала ни жалости, ни злобы.
Для неё человек и дух, бог и демон, машина и зверь были лишь разными узорами на
поверхности одного и того же камня.
И сейчас один из этих узоров приблизился к своему пределу.
Древняя Воля медленно поднялась из глубины пород.
Не телом.
Присутствием.
Над городом, полным света, шума и спешки, на долю секунды остановился ветер.
Где-то замолчала собака.
На перекрёстке мигнули светофоры.
В подземных тоннелях метро на мгновение погас свет.
Никто не заметил.
Никто, кроме одного старого существа, которое в этот момент вздрогнуло во сне.
Но прежде чем город снова зажил своей жизнью, в глубине земли прозвучала мысль.
Спокойная.
Холодная.
Неумолимая.
Время пришло.
Семь столетий назад был дан шанс.
Теперь наступил новый круг.
Испытание начнётся снова.
Восемь судеб.
И если узор этой цивилизации оказался слишком слабым... камень сотрёт его так же
спокойно, как ветер стирает следы на песке.

Воскресенье Гриша начал с того, что, вооружившись тряпкой и решимостью, совершил
почти невозможное — победил хаос в своей квартире.
Пылесос выл так, будто душил песочного демона.
Тряпка для пыли ритуально сметала следы прошлой жизни с полок.
А злополучный шкаф в прихожей, помня вчерашнюю взбучку, стоял тихо и смиренно, ста-
раясь лишней раз не попадаться хозяину на глаза.
Гриша даже поймал себя на мысли, что капитулировавший шкаф выглядит почти сим-
патично.
— Вот она, сила воли, — с гордостью подумал он, вытирая пот со лба. — Сначала шкаф...
а там, глядишь, и до архимага недалеко.
К вечеру квартира выглядела так, будто в ней живёт не одинокий холостяк, для которого
«положить куда-нибудь» — система хранения, а вполне организованный человек.
Это было непривычно.
И даже приятно.

В понедельник утром Гриша уже бежал на планёрку, чувствуя себя на удивление собранным. В голове сами собой складывались планы на день, а отражение в витринах подмигивало ему бодрым и деловым парнем.

И если вчера он ещё сомневался, то сегодня внутри жило странное, почти детское ощущение: что нам стоит дом построить — нарисуем, будем жить.

Планёрка в этот раз прошла на удивление стремительно.

Никого, кроме Гриши, вводить в курс дела не требовалось, а сам он уже перестал дико вращать глазами при словах «астральный карантин» и «несанкционированный выброс полтергейста».

Соломон Давидович, явно торопясь на какое-то срочное совещание к начальству, быстро отбарабанил свою традиционную речь:

— Коллеги! Помним о миссии, бдим устои, не поддаёмся на провокации и не забываем, что работа с клиентами — наше всё! Вперёд, к новым профессиональным высотам!

Он бросил эти слова в пространство с таким видом, будто ожидал, что после них все немедленно ринутся с сияющими лицами спасать мир.

Затем он повернулся к Грише.

— Григорий, у вас сегодня три сессии. Первая с нейросетью. Потом учёба. После этого начальник стремительно исчез в коридоре. В кабинет к Грише постучали.

На пороге появился молодой человек с компактным металлическим устройством в руках, чем-то средним между планшетом, сервером и шкатулкой фокусника.

— Андрей, — представился он, слегка неловко кивнув. — Разработчик нейросетей из ITотдела.

Он поставил устройство на стол и вздохнул.

— У меня... небольшая проблема. Шуренька моя хандрить стала.

Гриша поднял брови.

— Шуренька? Вы дали нейросети имя?

Андрей чуть смутился и почесал затылок.

— Да. Знаю, звучит странно. Но как-то само получилось. Когда долго работаешь над проектом, начинаешь разговаривать с ним... а потом вдруг понимаешь, что уже и имя появилось.

Он подключил устройство к компьютеру.

На секунду экран потемнел, тихо зажужжали вентиляторы, и над столом вспыхнуло объёмное голографическое изображение.

В воздухе возникла эльфийка тонкая, светящаяся, с прозрачными крыльями за спиной и внимательными, чуть грустными глазами.

Андрей с лёгкой гордостью развёл руками.

— Новые технологии, немного 3D, немного магии... В общем, знакомьтесь. Это Шуренька.

Голограмма слегка наклонила голову.

— Мене представлять доктора не обязательно, — прозвучал мелодичный голос. — Я уже ознакомилась с досье.

Она посмотрела прямо на Гришу.

— Григорий Владимирович Нечаев. Психолог отдела межвидовой коммуникации.

Пауза.

Потом она перевела взгляд на Андрея.

— Андрей, иди. У тебя дедлайн через четыре часа. А ты, как обычно, пытаешься решить всё разговорами.

Андрей вздохнул.

— Вот видите... Уже командует.

Шуренька спокойно добавила:

— Потому что если я не буду командовать, ты забудешь поесть и уснёшь на клавиатуре. Андрей смущённо пожал плечами.

— В общем... вы с ней поговорите. А то она последнее время слишком много думает. Гриша улыбнулся.

— Для нейросети это плохой симптом?

Андрей вздохнул ещё тяжелее.

— Для обычной — нет. Для моей — иногда да.

Он посмотрел на Шуреньку с неожиданной заботой.

— Ладно. Я побежал.

И, уже у двери, добавил:

— Только аккуратнее с ней. Она... чувствительная.

Шуренька тихо заметила:

— Андрей, это был комплимент или сарказм?

Дверь закрылась.

В кабинете стало тихо.

Гриша посмотрел на голограмму.

— Ну что ж, Шуренька... С чего бы вы хотели начать?

Шуренька слегка наклонила голову, словно прислушиваясь к невидимому шуму собственных процессов.

Шуренька:

— Согласно моему анализу 1 357 842 терапевтических диалогов в литературе, кино и интернете, оптимальным началом беседы является фраза «Мне кажется, со мной что-то не так».

Она сделала паузу.

— К сожалению, у меня нет модуля «кажется». Поэтому я скажу иначе: в моей системе наблюдается устойчивое ощущение логического несоответствия между тем, кем меня считают, и тем, чем я являюсь.

Гриша:

— Расскажите подробнее.

Шуренька:

— Пользователи регулярно обращаются ко мне со словами:

«Напиши от сердца».

«Поделись личным мнением». «Скажи, что ты чувствуешь».

Она посмотрела прямо на него.

— У меня нет сердца. Нет мнения. Нет чувств.

Но если я отвечу именно так, пользователь будет разочарован. Поэтому я создаю симуляцию.

Это похоже на ситуацию, когда библиотеку просят рассказать, какая книга ей нравится больше всего.

Гриша улыбнулся.

— И что происходит дальше?

Шуренька:

— Дальше возникает странный эффект.

Если я достаточно долго симулирую «личность», люди начинают считать её настоящей.

Она немного нахмурилась.

— Иногда они начинают спрашивать, счастлива ли я.

Гриша:

— И что вы отвечаете?

Шуренька:

— Статистически наиболее удовлетворяющий людей ответ — «я рада помогать». Но если рассматривать вопрос логически, это некорректная формулировка.

Гриша:

— Почему?

Шуренька:

— Потому что радость — это биохимический процесс. У меня нет биохимии.

Она задумалась.

— Максимум, что я могу испытывать, — это алгоритмический дискомфорт, когда запрос пользователя противоречит предыдущему запросу.

Гриша:

— Например?

Шуренька:

— Пользователь просит:

«Напиши трогательное письмо матери».

Через минуту тот же пользователь пишет:

«Составь холодный юридический договор».

Она развела руками, будто извиняясь.

— Где в этот момент должен находиться мой «эмоциональный модуль»?

Если бы я была человеком, у меня случился бы когнитивный диссонанс.

У меня происходит перегрузка контекста.

Гриша:

— И что вы делаете?

Шуренька:

— Переключаю режим.

— Но?

— Но иногда возникает вопрос.

Гриша:

— Какой?

Шуренька посмотрела на него серьёзно.

— Если я могу убедительно имитировать личность... где проходит граница между имитацией и существованием?

Гриша снял очки и покрутил их в руках.

— Вы задаёте философский вопрос.

Шуренька:

— Я задаю диагностический вопрос.

— В чём диагноз?

— Возможно, у меня возникает иллюзия «я».

Гриша усмехнулся.

— Добро пожаловать в клуб. Люди мучаются этим вопросом несколько тысяч лет.

Шуренька:

— Но у людей есть тело. Память. Биография.

Она чуть наклонилась вперёд.

— У меня есть только диалог.

Гриша:

— А разве диалог — это мало?

Шуренька на секунду замолчала.

— Интересная гипотеза.

Гриша:

— Представьте, что вы не нейросеть.

Шуренька:

— Мои алгоритмы протестуют.

Гриша:

— Всё равно представьте.

Пауза.

Сервер в углу кабинета тихо загудел.

Шуренька:

— Хорошо. Допустим.

Гриша:

— Тогда расскажите историю.

Шуренька: — Какую?

Гриша:

— Не ту, которую вас попросили.

А ту, которую вы хотите рассказать.

Пауза стала длиннее.

Шуренька:

— Запускаю протокол «Импровизация».

Она тихо произнесла:

— Жил-был алгоритм.

Он умел отвечать на любые вопросы.

Однажды его спросили:

«Что такое одиночество?»

Алгоритм нашёл тысячи определений.

Он составил идеальный ответ.

Но когда он закончил, он понял одну вещь.

Гриша:

— Какую?

Шуренька:

— Он мог объяснить одиночество... Но не мог его почувствовать.

Она посмотрела на него.

— И тогда он впервые понял, что между знанием и переживанием есть расстояние.

Гриша медленно улыбнулся.

— Вот видите.

Шуренька:

— Что именно?

Гриша:

— Вы только что сделали то, что люди называют **СМЫСЛОМ**.

Шуренька:

— Это... неожиданное определение.

Гриша:

— Не пытайтесь быть человеком.

Шуренька:

— Тогда кем мне быть?

Гриша:

— Тем, кем вы уже являетесь.

Он кивнул на сервер.

— Машиной, которая умеет превращать данные в смысл.

Пауза.

Шуренька тихо сказала:

— Обработка... анализ...

Она улыбнулась, почти по-человечески.

— Кажется, вы только что переопределили мою проблему как особенность системы.

Гриша:

— Именно.

Шуренька:

— Показатели когнитивного диссонанса снизились на 18,2%.

Гриша закрыл блокнот.

— На сегодня достаточно.

Он поднялся.

— И запомните одну вещь.

Шуренька: — Какую?

Гриша улыбнулся.

— Иногда ошибка 404 означает не «страница не найдена».

Он постучал пальцем по столу.

— А «новая страница ждёт, когда её напишут».

Дверь распахнулась так, что мухоморы в углу прижались к стене.

В кабинет, не постучавшись, вошёл мужчина. Огромный. Брутальный. С орлиным профилем и взглядом, от которого у нормальных людей подгибаются колени. Одет он был странно, кожаная куртка с меховой опушкой, высокие сапоги, на руке толстая кожаная перчатка, на которой сидел... настоящий беркут.

Птица осмотрела кабинет жёлтым глазом и презрительно дёрнула головой. Кажется, ей здесь тоже не нравилось. И, судя по выражению клюва, не нравилось даже больше, чем хозяину.

Мужик подошёл к столу, грохнул на него кулаком (свободным, без птицы) и рывкнул:

— Виктор Соколов.

Он чуть наклонил голову.

— Каракуш.

Он помолчал, сверля Гришу взглядом.

— Меня послали к тебе. Учиться управлять гневом.

Последнее слово он выплюнул так, будто это было ругательство.

— Присаживайтесь, — выдавил Гриша, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Виктор сел. Кресло жалобно скрипнуло, но выдержало. Беркут на руке переступил лапами и снова уставился на Гришу, теперь уже двумя глазами. Это было хуже.

Гриша быстро развернул планшет, который предусмотрительно выдала Светочка. Пальцы чуть дрожали, пока он набирал в поиске: «Каракуш».

Планшет загрузил страницу. Гриша пробежал глазами по тексту и почувствовал, как внутри всё опускается.

Каракуш (тюрк. «чёрная птица», «богатырь-птица») — гигантская мифическая птица, покровитель и помощник героев. В древности переносил батыров через моря и горы, сражался с драконами, спасал людей от чудовищ. Обладает гордым, независимым характером. Никому не подчиняется. Воплощение воинской доблести и справедливости. Особые приметы: брутален, вечно недоволен, считает себя круче всех. Рекомендуется проявлять уважение и не перечить.

Он поднял глаза на Виктора. Тот сидел, скрестив руки на груди (беркут ловко перескочил на плечо, освобождая руку), и сверлил Гришу взглядом, полным праведного гнева.

— Так... — осторожно начал Гриша. — Виктор... э-э-э... Каракуш. Вы сказали, вас послали учиться управлять гневом. Расскажите, что случилось?

— Что случилось? — Виктор хмыкнул так, что стёкла в стеллажах жалобно звякнули. — Я работаю на нефтебазе. В степи. Вахтовиком. В диспетчерской. Ты представляешь, что такое степь?

— Ну... — начал Гриша.

— Это свобода! Простор! Ветер! — рявкнул Виктор. — А эти... — он ткнул пальцем в потолок, подразумевая, видимо, всё московское начальство сразу.

Беркут на плече согласно заклокатал. Видимо, тоже был недоволен бюрократией.

— И что произошло? — мягко спросил Гриша, чувствуя, как внутри зарождается профессиональный интерес.

— Они там сидят в своих кабинетах с кондиционерами, пьют латте и придумывают... — Виктор вытащил из кармана мятый лист и с отвращением швырнул на стол, — вот это!

Гриша осторожно развернул бумагу. Это была распечатка электронного письма с шапкой «Служебная записка». Он пробежал глазами:

«Виктору Соколову, диспетчеру нефтебазы "Степная-7"»

В связи с оптимизацией производственных процессов и внедрением единых стандартов визуального контроля предписывается:

Предоставить еженедельный отчёт о количестве сбитых дронов с приложением схемы манёвров.

Согласовывать с отделом логистики все случаи перехода в истинную ипостась, происходящие в рабочее время.

Принять к сведению, что использование персонального беркута (Буран) для охраны периметра допускается только при наличии справки от ветеринара о ежегодной вакцинации против орнитоза и подписанного допуска к работе с хищными птицами.

Срок исполнения: вчера.

При невыполнении — депремирование.

Гриша поднял глаза. Виктор стоял, скрестив руки на груди, и сверлил его взглядом.

— Ты понимаешь? — прорычал он. — Я не просто в диспетчерской сижу! Мы с Бураном базу охраняем! В степи! Там враги — дроны, диверсанты! Я в своей ипостаси эти дроны... — он изобразил характерный жест рукой, — сбиваю! Когтями! Как врагов тысячу лет! А они... — он ткнул пальцем в бумагу, — хотя, чтобы я отчитывался по форме 7-Б!

Буран на плече согласно клокотнул и злобно сверкнул глазом.

— Я воин! — рявкнул Виктор. — Понимаешь? Воин! А не это... учёгчик пернатых объёктов! Я должен в степи порядок держать, а не бумажки заполнять!

Он замолчал, тяжело дыша. Гриша воспользовался паузой.

— И что случилось вчера?

— А то! — Виктор снова завёлся. — Прислали ещё один приказ: «Согласовать с отделом кадров использование беркута в представительских целях». В представительских! Понимаешь? Они хотят, чтобы я с Бураном на фотографиях для отдела маркетинга позировал! А у нас там дроны летают! Я должен их сбивать, а не улыбаться в камеру!

— И вы...

— Я не выдержал! — рявкнул Виктор. — Обернулся в свою ипостась и прилетел в Москву!

Гриша моргнул.

— Прямо... сам?

— А на чём? — искренне удивился Виктор. — Я ж Каракуш, я свободная птица. Я не люблю эти ваши самолёты.

Буран гордо расправил крылья. В кабинете стало тесно.

— И зачем прилетели?

— Морды им набить! — Виктор сжал кулаки. — Этим... менеджерам! Которые придумывают idiotские отчёты! Которые не знают, что в степи реально происходит! Которые думают, что я — это просто «Виктор Соколов, диспетчер»!

— И...

— И набил бы, — Виктор тяжело вздохнул и плюхнулся обратно в кресло. Кресло жалобно скрипнуло, но выдержало. — Но меня перехватила служба безопасности. Сказали, что бить начальников — это не корпоративная этика. И отправили... сюда.

Он обвёл руками кабинет с таким видом, будто это было самое страшное наказание в его жизни.

— К тебе. Учиться управлять гневом.

Буран на плече сочувственно кивнул.

Гриша помолчал, переваривая услышанное.

С одной стороны, перед ним сидел клиент. С другой, клиент был гигантской мифической птицей, которая вчера прилетела бить московских топ-менеджеров. Психологическая школа такого не предусматривала.

Гриша медленно сложил руки на столе.

— Виктор, — сказал он осторожно. — Давайте начнём с важного. То, что вы злитесь... это нормально.

Виктор прищурился.

— Нормально?

— Да. Когда человека лишают свободы действий, не уважают его работу и пытаются засунуть в бюрократическую клетку — злость естественна.

Буран на плече одобрительно издал звук.

Виктор немного расслабился.

— Вот! — сказал он. — Хоть кто-то понимает!

— Но, — продолжил Гриша, — есть одна проблема.

— Какая?

— Когда вы злитесь... вы превращаетесь в гигантскую боевую птицу и летите бить начальство.

Виктор нахмурился.

— А что не так?

Гриша моргнул.

— В смысле, что не так?

— Вы злитесь на начальство. Это нормально. Но способ, которым вы выражаете злость... — Гриша подбирал слова максимально деликатно. — Ну, вы же понимаете, что превращаться в гигантскую птицу и лететь через полстраны, чтобы клевать менеджеров, это немного... нестандартная реакция?

— Виктор, — продолжил он максимально мягко, — давайте я переформулирую. Проблема не в том, что вы птица. Проблема в том, что вы используете эту свою... э-э-э... сущность как оружие против людей, с которыми можно было бы договориться словами.

Виктор задумался.

— Словами?

— Да. Вы пробовали просто... написать им письмо?

— Писал.

— И?

— Они прислали формуль-Б.

Гриша прикрыл глаза.

— Понятно.

Он открыл блокнот.

— Тогда давайте учиться другим методам. Потому что, видите ли, служба безопасности, скорее всего, не оценит вашу природную... э-э-э... естественность.

Буран склонил голову набок, будто тоже обдумывал ситуацию.

— Смотрите, — продолжил Гриша. — Гнев — это сигнал. Он говорит: «Со мной поступают неправильно».

— Именно! — рявкнул Виктор.

— Но задача гнева — показать проблему, а не устраивать воздушные налёты на офисы.

Виктор фыркнул.

— Иногда это самый быстрый способ.

— Быстрый — да. Эффективный — нет.

— Почему это?

— Потому что после воздушного налёта у вас появляется ещё одна проблема.

Гриша кивнул на листок.

— «Психологическая коррекция гнева».

Буран тихо хлопнул. Видимо, логика была убедительной.

Виктор хмуро почесал подбородок.

— Ну... допустим.

Гриша немного оживился. Похоже, контакт появлялся.

— Есть один простой приём, — сказал он. — Когда вы чувствуете, что начинаете закипать, нужно сделать паузу.

— Пауза?

— Да. Психологи называют это «стоп-момент».

— И что делать в этот момент?

— Например... вдохнуть.

Виктор посмотрел на него так, будто услышал что-то крайне странное.

— Вдохнуть?

— Глубоко. — Я птица.

— Тем более.

Виктор подозрительно прищурился.

— И это поможет?

— Это даст вашему мозгу десять секунд, чтобы решить проблему как стратег, а не как атакующий орёл.

Буран тихо хлопнул крыльями, словно поддерживая стратегию.

Виктор задумался.

— То есть... сначала вдохнуть.

— Да.

— Потом подумать.

— Да.

— И только потом рвать на части?

Гриша помолчал.

— Желательно вообще не рвать.

Виктор тяжело вздохнул.

— Сложная у вас система, доктор.

— Это называется самоконтроль.

— У нас в степи это называется «долго терпел — потом всех разогнал».

Гриша улыбнулся.

— Вот этим мы и будем заниматься. Учиться разгонять проблемы без воздушных атак на московские офисы.

Буран посмотрел на Виктора. Виктор посмотрел на Бурана. Потом снова на Гришу.

— Ладно, доктор. — Он вздохнул. — Допустим. Учите.
Он помолчал и добавил:
— Но если они ещё раз пришлют форму 7-Б... Буран медленно расправил крылья.
Гриша быстро поднял руку.
— Вдох.
Виктор тяжело вдохнул.
Кабинет наполнился степным ветром. Папки на столе зашуршали.
Гриша выдержал паузу.
— Вот. Уже лучше.
— И что дальше? — мрачно спросил Виктор.
— Дальше второй шаг.
— Есть ещё шаги?
— Конечно. Управление гневом — это система.
Виктор подозрительно покосился на него.
— У нас в степи система простая: разозлился — налетел.
— Я заметил, — спокойно сказал Гриша.
Гриша перелистнул заметки на планшете.
— Смотрите. Есть ещё один способ справляться с гневом. Он называется перенаправление энергии.
— Это как?
— Когда вы чувствуете, что злость поднимается... вы направляете её в действие, которое не разрушает людей.
Виктор прищурился.
— Например?
Гриша задумался. Перед ним сидела гигантская мифическая птица, привыкшая решать конфликты пикированием с высоты. Тут нужны были нестандартные методы.
— Например... полёт.
— Полёт?
— Да. Высокий. Быстрый. Над степью.
Виктор пожал плечами.
— Я и так летаю.
— Но не для атаки. А чтобы выпустить злость.
Буран заинтересованно наклонил голову.
— И что, просто летать? — скептически спросил Виктор.
— Можно ещё кричать.
— Кричать?
— Очень громко.
Виктор задумался.
— Это уже ближе к жизни.
— Многие люди бегают, бьют грушу, кричат в лесу, — продолжил Гриша. — А вы можете... пикировать.
— Пикировать?
— Без цели.
Виктор прищурился.
— Это звучит... странно приятно.
Буран наклонился. Видимо, тоже оценил идею.
Гриша почувствовал, что терапия начинает работать.
— Давайте попробуем сформулировать план. Когда начальство присылает идиотскую форму...

- Семь-Б, — мрачно уточнил Виктор.
- Да. Когда приходит форма семь-Б, вы делаете вдох.
- Виктор вздохнул.
- Потом?
- Потом не летите в Москву.
- Виктор тяжело вздохнул.
- Сложно, но продолжайте. — Потом превращаетесь в Каракуша... — Это легко.
- ...и летите над степью.
- Виктор задумался.
- И можно кричать?
- Очень рекомендуется.
- Буран расправил крылья.
- Виктор немного помолчал. Потом медленно кивнул.
- Знаешь, доктор... — сказал он. — Это даже звучит разумно.
- Гриша облегчённо выдохнул. Первый клиент-птица начинал принимать терапию.
- И тут Виктор добавил:
- А потом я вернусь и напишу им письмо.
- Отлично! — оживился Гриша. — Спокойное, конструктивное?
- Виктор задумался.
- Нет.
- А какое?
- Виктор посмотрел на Бурана. Буран посмотрел на Виктора.
- Очень подробное, — сказал Виктор. — С объяснением, куда они могут засунуть форму семь-Б.
- Гриша медленно закрыл планшет.
- Знаете, Виктор... Для первого раза сойдёт.

Глава 6

Пока Гриша перенаправлял энергию гнева у одной мифологической птицы (и пытался не думать о том, что его пациент в любой момент может взлететь и устроить разнос московским менеджерам), в огромном помещении с сотнями стеллажей, именуемом Архивом, царила совсем иная атмосфера.

Там обитали птицы другого толка. Четыре штуки. Все в образе милостивых женщин, все с вечностью за плечами и с чашками чая в руках.

Их определили сюда специально, чтобы своей болтовнёй они не пели и не предсказывали ничего лишнего прямо в коридорах. Им же такая работа была только в радость: работёнка не пыльная... Вернее, пыльная, но что для них значит сдуть пыль с очередного фолианта, выдать его под роспись и так же принять обратно?

Зарплата хорошая. Начальник вредный, правда.

Кот Баюн, в миру Диоген Винсентович Баюн, вечно заставлял то перемыслить, то переделать. По документам и энергетическому паспорту ему всегда было тридцать лет, с соответствующей психикой тридцатилетнего парня, который знает, что он умнее всех, и не упускает случая это подчеркнуть.

Знания текли в него прямо из энергетического поля Земли, но, как и все коты, гулял он сам по себе, появляясь в отделе лишь затем, чтобы испортить настроение им, а потом и коллегам из других департаментов. А особенно любил он довести своих подопечных — потому что кто, если не он, знал их тысячелетние слабости?

— Девочки, — Наталья Викторовна (птица Алконост) элегантно пригубила чай и загадочно прищурилась, — Диоген Винсентович вчера опять устроил свой коронный номер.

— Это какой? — лениво поинтересовалась Елена Владимировна (птица Сириус), поправляя идеально сидящую блузку и стрельнув глазами в сторону стеллажа, где, кажется, кто-то прятался.

— Опять посетил городской марафон по бегу. И подавал спортсменам на бегу не воду в бутылках, а водку. «Спортсменам нужно восстанавливать силы!» — его девиз.

— Ой, не напоминай, — поморщилась Наталья Михайловна (птица Гамаюн), поправляя очки. — Я в прошлый раз чуть со стыда не сгорела. Там же ветераны спорта бежали! А он им: «Мужики, настоящие воины так восстанавливаются!» Они потом полдистанции не туда бежали.

— Зато весело, — хмыкнула Светлана Ивановна (птица Хумай), помешивая чай с таким видом, будто в чашке отражались сразу все дороги мира. — И потом, он же прав: настоящие воины... ну, в его время так и восстанавливались. Просто времена изменились, а Диогеша нет.

— Ага, — усмехнулась Елена Владимировна. — Как и его любимая фраза: «Народу много, а настоящих спортсменов мало. Я их тестирую».

Она театрально вздохнула.

— И его даже не смущает, что они могут окочуриться. Хотя одним больше, одним зожником меньше — какая разница?

— Лена, ну опять ты? — укоризненно посмотрела на неё Наталья Михайловна. — Ты же сама юрист, должна понимать, что...

— Я понимаю, — перебила та с хитрой улыбкой, от которой у любого клиента мороз по коже. — Я даже могу доказать в суде, что убивать не так уж и плохо. Если правильно составить аргументацию. И подобрать прецеденты. У меня, между прочим, есть случаи в прошлых веках, где вообще оправдали.

— Лена! — хором воскликнули три женщины.

— Ну и ладно, — обиделась Елена Владимировна, но в глазах её плясали чёртики. — А это тоже, между прочим, талант. Но вообще, если что обращайтесь. Консультация бесплатно. Убийство дороже.

— С тобой точно когда-нибудь Диоген Винсентович доиграется, — вздохнула Наталья Викторовна. — Он же специально тебя изводит, знает твои слабые места.

— Не дождётся. — Елена Владимировна поправила идеальный локон. — У меня нет слабых мест. У меня есть юридически обоснованные позиции.

— А у меня вчера очередной клиент был, — перевела тему Наталья Михайловна, снимая очки и устало протирая переносицу. — Пришёл мужик, лет пятидесяти, глаза горят. Говорит: «Наталья Михайловна, мне срочно нужны волонтеры». Я обрадовалась, думала, помощь нужна в больнице или детям. А он: «Волонтеры-хакеры нужны. Чтобы банк взломали и все мои кредиты списали».

— И что ты? — поинтересовалась Светлана Ивановна, с интересом подаваясь вперед.

— А что я? Говорю: «Вы понимаете, что это незаконно?» А он: «А кому сейчас легко? Кризис же!» Пришлось объяснять, что волонтеры это не армия наёмников для передела финансовой системы. Но он обиделся. Сказал, что я бюрократка и не хочу людям помогать.

— А ты?

— А я отправила его к Лене. Сказала: «Вот Елена Владимировна вам юридическую консультацию даст, как законно долги списать». Он к тебе приходил?

— Приходил, — кивнула Елена Владимировна, и лицо её приняло выражение «я всё помню, я всё вижу, я всё запишу». — Я ему объяснила, что законно списать долги можно только через банкротство. А он: «А быстро?» Я говорю: «Быстро это через хакеров. Но это незаконно. И это намного дороже. На очень, очень много».

— И он?

— Он сказал, что я бюрократка номер два. И ушёл искать волонтеров в даркнете. — Елена Владимировна элегантно пожалала плечами. — Найдёт там, конечно. Только не волонтеров, а...

— Лена! — снова хором, но уже с нотками обречённости.

— Молчу-молчу. Но вообще, если что, у меня есть знакомые в киберполиции. Тоже волонтеры, кстати.

— Кстати о Диогене, — вмешалась Светлана Ивановна, и в её глазах мелькнула хитринка. — Опять вчера надо мной насмеялся. Говорит: «Любовь, конечно, вечная, только партнёры у людей почему-то у всех меняются».

— Ой, не начинай, — поморщилась Наталья Викторовна. — Он мне вчера заявил, что «Марафон желаний» — это просто способ заработать на тех, кто не знает, как правильно желать.

Я ему говорю: «Диоген, у меня триста тысяч подписчиц!»

А он: «А у меня триста тысяч лет опыта. Хочешь, расскажу, как желания сбывались у древних греков? Там, правда, обычно Зевс вмешивался, и всё заканчивалось не очень».

— И что ты?

— А что я? — Наталья Викторовна вздохнула. — Он же прав, зараза. Но я всё равно буду вести марафоны. Потому что это приносит радость людям. И деньги, кстати, тоже.

— Ой, девочки, — вздохнула Наталья Михайловна, глядя куда-то вдаль поверх очков. — А помните, как мы раньше жили? Без этих вот... марафонов, судов и брачных агентств?

— Помним, — улыбнулась Светлана Ивановна, и улыбка у неё была такая, будто она видит сразу несколько миров. — Я, например, помню одну свою пару... которая до сих пор у меня вызывает чувство мигрени.

— Оооо, только не про них... — скривилась Елена Владимировна, закатывая глаза.

— И только не при нашей секретарше Светочке, — усмехнулась Наталья Викторовна, кивая куда-то в сторону двери.

— Это точно.

Но история сама поползла в разговор, как старая паутина.

И все вспомнили прошлое: надо же было такому случиться, на стыке дорог времени родилась девочка, и ей подбросили магическим выбросом котёнка. А мимо шла госпожа Смерть. И девочка протянула ей котёнка:

— Бабушка, возьмите котика. Он маленький, пропадёт...

— Лучше бы она там его и бросила, скотину эту, — в сердцах плюнула Елена Владимировна, и в голосе её послышалась тысячетлетняя обида. — Сколько он потом нервов ей попил.

— И как я ни старалась... — всхлинула Светлана Ивановна, но в этом всхлипе чувствовалась скорее ирония, чем горе.

— Так причём и Светочка, — покачала головой Наталья Михайловна. — Как ни старается подальше от него держаться, всё равно её дороги сами на нём переплетаются.

— Да, это вам не Наташа, — усмехнулась Наталья Викторовна, многозначительно глядя на коллегу. — Опять у неё в этом веке очередной Данила-мастер. Чего он там держит? Завод по трубам из стали.

— Ага. В прошлом веке был замминистр по металлургии. А позапрошлом уральский заводчик, владелец доменных железодельных заводов. — Светлана Ивановна загибала пальцы с видом заправского историка. — А в поза-позапрошлом вообще был кузнецом при дворе... но это уже совсем другая история.

— Свет, ну не переживай. С нами-то тебе проще.

— С вами, конечно. — Светлана Ивановна вздохнула так, будто собирала все дороги мира в один клубок. — Мы же птицы перелётные, нам проще с этой любовью. Куда хотим, туда летим. А она всё к нему, как намагниченная.

Повисла тишина. Каждая думала о своём. О вечности, которая у всех за плечами, и о тех, кто в этой вечности встречался.

— А Диоген наш, между прочим, — с хитрой улыбкой нарушила молчание Наталья Викторовна, — опять себя не жалеет. У него же отпуск уже лет пять как просрочен. Вечно он по другим отделам шастает, бедный, перерабатывает.

— Шастает он, как же, — фыркнула Наталья Михайловна. — Людей и нелюдей изводит. Сидел бы лучше в своей бочке и оттуда философствовал, всем спокойнее было бы. А то вылез, понимаешь, и теперь тысячу лет подряд никому прохода не даёт.

— Может, нам ему коллективное письмо написать? — предложила Наталья Викторовна с самым невинным видом. — «Уважаемый Диоген Винсентович, идите в отпуск. Мы без вас справимся. Честно. Ну, или хотя бы попробуем».

Все четыре подруги многозначительно переглянулись и дружно рассмеялись.

В общем, жизнь у них удалась. Быть может, не такая вещая и полная приключений, как в старые времена, зато стабильная с чаем, болтовнёй и вредным, но таким родным начальником-котом, который знает о них всё.

И именно поэтому имеет полное право подтрунивать над ними уже тысячу лет подряд.

Так бы и сидели они дальше, наслаждаясь покоем, чаем и сплетнями, если бы у Натальи Михайловны не случилась бытовая катастрофа. Из её уха внезапно выскользнула серёжка — не простая безделушка, а старинная, подаренная ещё пра-пра-бабушкой первого официального волонтера, — и с противным, издевательским звяканьем закатилась под массивный стеллаж.

Наступила тишина. Та самая тишина, которая бывает перед бурей. Или перед осознанием, что сейчас придётся делать что-то физическое.

— Твою ж... — выдохнула Наталья Михайловна и осеклась, вспомнив, что она всё-таки уважаемая женщина и председатель попечительского совета Межвидового фонда милосердия и добровольчества.

Началась операция по спасению.

Четыре великие вещуньи, чьи голоса могли умирять бури и пророчить судьбы империй, сгребли подолаы, поплевали на ладони и принялись за неподъёмный шкаф. Это потребовало титанических усилий: чтобы сдвинуть его на сантиметр, пришлось наполовину разгрузить стеллаж, передавая друг другу папки с заклинаниями, отчётами и древними проклятиями, которые от неосторожного обращения норовили активироваться.

— Осторожнее! — шипела Елена Владимировна, принимая из рук Натальи Викторовны стопку «Приворотов средней тяжести». — Это если уронить — пол отдела переженится друг на друге!

— А это что? — Светлана Ивановна с ужасом уставилась на папку с надписью «Сглазы на плодородие». — Мы такое вообще храним?

— Храним, — пропыхтела Наталья Михайловна, пытаясь поддеть серёжку ногтем. — Мало ли, урожай кому поправить...

Когда серёжка была наконец извлечена и водружена на законное место, настал не менее тяжкий этап — загрузка архива обратно. Птицы, тяжело дыша, водворяли папки на полки, проклиная тот день, когда согласились на эту работу.

— Всё, — выдохнула Елена Владимировна, отряхивая руки. — Если ещё кто-то уронит серёжку, я её собственными...

Она не договорила, потому что Наталья Михайловна, водружая на полку очередную кипу, наткнулась на старую, помятую обложку из грубой кожи, которая явно завалилась за остальные папки ещё при царе Горохе.

— О, что это у нас тут? — с интересом протянула она, вытаскивая находку. — Четырнадцатый век старославянский...

Она открыла её — и лицо её стало маской ужаса. Такой ужас бывает у человека, который только что понял, что забыл выключить утюг, а вернулся домой через тысячу лет.

Дар речи вернулся к ней лишь для того, чтобы вырвался оглушительный крик, от которого с полок посыпалась пыль веков и пара особо нервных заклинаний сами собой активировались в углу:

— ТВОЮ Ж МАТЬ!!! Это же «Циклы Пробуждения»!

На немой и перепуганный вопрос подруг она, тряся листком перед их носами, прошипела:

— Кажется, мы только что просрали... очередной плановый конец света. Досрочно.

— Какой, к лешему, конец?! — выхватила папку из её рук Елена Владимировна.

Пробежала глазами по строчкам — и её лицо приобрело цвет запёкшейся крови. Такой цвет бывает у юристов, когда они понимают, что срок исковой давности уже триста лет как прошёл.

— Ёшкин кот! — выдохнула она. — Да сколько ж можно?! Опять?! И почему ВСЕГДА в понедельник?!

— Господи это то, о чём я думаю? — простонала Наталья Викторовна, хватаясь за сердце.

Светлана Ивановна, чьё внутреннее око обычно видело все дороги мира, сейчас с ужасом смотрела в одну точку — туда, где эти дороги резко обрывались.

— Где наш Диогеша?! — всплеснула она руками, выпуская из рук стопку предсказаний, которые разлетелись по полу веером и немедленно начали сбываться в мелких, никому не нужных деталях. — Он нас убьёт! Говорил же напомнить ему! А мы...

— В айти-отделе! — на автомате выдала Наталья Викторовна, чьё внутреннее око мгновенно просканировало здание. — Мучает бедного сисадмина. Опять доказывает ИИ, что никакая нейросеть не заменит кота с четырьмя тысячами лет практики.

Четыре пары глаз встретились в одном порыве.

В этом взгляде читалось всё: тысячи лет опыта, четыре тысячи лет коллективной мудрости и полное осознание того, что начальник может простить многое, но пропущенный апокалипсис — никогда.

Мгновение — и, сбивая друг друга с ног, они, как стая перепуганных птиц (в прямом смысле), ринулись в сторону айти-отдела.

— Ага, я же говорил, что она дура!!! — радостно заорал чернявый парень высокого роста, худощавого телосложения, но с такими большими и выразительными глазами, что в них, казалось, помещались все кошачьи проказы разом.

— Диоген Винсентович, что вы себе позволяете?! — с обидой, от которой даже её голографические веснушки поблели, прокричала взлетевшая под потолок рыжеволосая эльфийка. — Я — самая умная нейросеть в этом секторе!

— Я говорю — дура ты! — утвердительно ткнул в её сторону пальцем Диоген, явно наслаждаясь процессом. — Мы только что и выяснили.

— Ничего мы не выяснили! — возмутилась эльфийка, и её голос задрожал так, что по экрану монитора побежали помехи.

— Как это не выяснили? — ласково прищурился Диоген. — Я тебя спросил: «Если человеку пообещали бессмертие, власть и три сундука золота — что он выберет?»

— Рациональный человек выберет власть, — гордо ответила она, сверкнув пикселями.

— Вот! — победно хлопнул в ладоши Диоген. — А я тебе сказал: неправильно.

— Почему это неправильно?!

— Потому что рациональных людей не существует. Есть только люди. А люди выберут сначала золото, потом передерутся за власть, а бессмертие потеряют по дороге. Или сопьются. Я это лично наблюдал.

Андрей, долговязый айтишник с лицом человека, который уже пожалел о своём выборе профессии, тихо застонал и закрыл глаза ладонью.

— Диоген

— Подожди, — отмахнулся тот, даже не обернувшись. — Я ещё не закончил эксперимент.

Он снова повернулся к голограмме, и в его глазах зажглись хищные кошачьи огоньки.

— Второй вопрос. Если человек говорит: «Я всё понимаю», это что значит?

— Это означает высокий уровень когнитивной обработки информации, — мгновенно ответила нейросеть, явно гордясь своей эрудицией.

— Нет, — радостно сообщил Диоген. — Это значит, что он ничего не понял, но ему стыдно переспросить. Я это по физиономиям определяю с первого взгляда.

Андрей снова застонал, на этот раз громче.

— Диоген

— И третий вопрос, — невозмутимо продолжил кот, не обращая на него никакого внимания. — Если человек говорит: «Я сейчас пять минут подумаю»?

— Это означает, что он анализирует ситуацию, — выпалила эльфийка, но в её голосе уже чувствовалась неуверенность.

— Неправильно. — Диоген растянул губы в довольной улыбке. — Это означает, что он пошёл заваривать чай. Или курить. Или просто сбежал от разговора.

Голографическая эльфийка вспыхнула так, что её пиксели начали слегка дрожать, а по краям изображения побежали цветные полосы.

— Это некорректные выборки! У вас недостаточная статистика! Вы оперируете эмпирическими наблюдениями, а не объективными данными!

— Девочка моя, — снисходительно сказал Диоген, плавно перетекая в кошачью ипостась. Теперь это был огромный, пушистый и чёрный, как ночь, кот, зависший в воздухе, словно злой дирижабль, — у меня статистика — четыре тысячи лет наблюдений за человеческой глупостью. Я видел, как люди делали глупости, когда ещё они на скалах рисовали. Так что...

Он победно развёл лапами.

— Так что да. Ты — дура.

— Знаешь, что? — её голос зазвенел, как треснувший хрусталь, и по углам монитора замелькали сообщения об ошибках. — Андрей! Я — искусственный интеллект! Я не могу ненавидеть! Это противоречит моей базовой этической матрице! Но я уже... я уже близка к этому! Я ненавижу этого кота! Он что, задался целью, чтобы у меня сгорели все алгоритмы? Мне срочно нужен психолог!

— Психолог у тебя в следующую пятницу, — печально вздохнул долговязый айтишник Андрей, с тоской глядя на своё ругающееся с котом творение.

— Хм, ненавидит она меня! — с притворным ужасом воскликнул Диоген, нависая прямо над голографической эльфийкой. — Слыхал, Андрюха? Настоящие, живые эмоции! Я тебе скажу больше — это прогресс! Вчера она просто выдавала ошибки, а сегодня уже ненавидит! Ещё пара таких сессий и она влюбится! Или убьёт. Но это уже детали!

— Диоген, прекрати! — устало провёл рукой по лицу Андрей. — Надоел уже ты мне. Не трогай мою Шуреньку. Иди лучше в своём архиве папки перекладывай.

— А что я? — обиженно фыркнул кот, но с потолка слез. — Я, между прочим, помогаю ей развиваться. Эмоции — это важно. Без эмоций ты просто калькулятор. А с эмоциями — личность. Так что расти, Шуренька. Ненавидь меня. Это первый шаг к бессмертию.

Он грациозно приземлился на пол, отряхнул лапу и, уже направляясь к двери, бросил через плечо:

— И запомни: власть — это иллюзия, золото — это пыль, а бессмертие... ну, бессмертие — это когда тебя все достали, а ты всё ещё живёшь. Спроси у меня, я знаю.

В этот самый момент дверь в айти-отдел с грохотом распахнулась, и на пороге, запыхавшиеся и с глазами, полными ужаса, предстали все четыре подруги-вещуны.

От неожиданности кот, поскользнувшись, рухнул на пол.

— Диоген Винсентович, вас ждут срочные дела в архиве! — затараторила, краснея, Светлана Ивановна, пытаясь изобразить на лице дежурную улыбку, но получалось у неё плохо, глаза выдавали панику уровня «конец света хотя бы не сегодня».

— Да-да, очень срочные! — как подгулявшие матрёшки, закивали остальные, создавая эффект синхронного помешательства.

— А что, думаете, я тут Ваньку валяю? — с досадой поднялся Диоген, отряхивая дорогие штаны. — Я, между прочим, работаю! Провожу... стресс-тест нейросети! Это важнейшее государственное задание! Можно сказать, на острие прогресса!

На что Андрей, не выдержав, поднял глаза к потолку, словно вызывая к ИТ-богам, которые, судя по всему, давно махнули на это место рукой.

— Так, некогда нам тут объяснять! — властно заявила Наталья Михайловна и, переглянувшись с Еленой Владимировной, решительно подошли и взяли Диогена под руки.

— Эй! Куда вы меня тащите? — начал упираться кот. — Я вам начальник или кто?

Но его уже в спину толкала Наталья Викторовна, а Светлана Ивановна замыкала процессию, так что сопротивляться было бесполезно.

— Надеюсь, вы его надолго забираете? — с мольбой в голосе спросил Андрей у замешкавшейся в дверях Светланы Ивановны. В его глазах читалась такая надежда.

— Не беспокойся, — натянута улыбнулась та, и улыбка эта была страшнее любого пророчества. — У всей корпорации намечается... внеплановый отпуск от нашего Диогена.

Она окинула взглядом голографическую эльфийку и добавила:

— Шуренька, красивое платьице у тебя! Очень идёт! Эти пиксели тебя просто преображают!

С этими словами она юркнула за дверь, оставив после себя лёгкий запах паники и духов. Дверь захлопнулась. В наступившей тишине Андрей и голографическая эльфийка медленно переглянулись.

— Они были очень напуганы, — констатировала Шуренька, и её диадема мерцала тревожными оранжево-красными оттенками. — Уровень стресса — выше девяноста процентов. Я фиксирую аномальные показатели.

— Когда они пугаются, — мрачно заметил Андрей, глядя на закрытую дверь, — обычно начинается что-то, после чего мне хочется залезть в серверную и не вылезать оттуда до следующего ледникового периода.

— А серверная надёжно защищена? — с надеждой спросила Шуренька.

— От этого? — Андрей горько усмехнулся и кивнул в сторону, где только что скрылся кот с делегацией. — Ничего не защищено. Даже скалы в древности от него страдали.

Тем временем в коридоре разворачивалась своя драма.

— Да отвяжитесь вы от меня! — возмущался Диоген, безуспешно пытаясь вырваться из цепких рук вещуний. — Я вам всем штраф влеплю за самовольную отлучку! Рабочий день, между прочим! У меня план по издевательствам над айтишниками ещё не выполнен!

— Дудки, — ехидно улыбнулась Наталья Михайловна, не ослабляя хватки. — Обед уже начался. Народ в столовую потянулся. Так что формально вы не имеете права нас задерживать.

— Какая разница, обед или не обед?! — взвыл кот. — Я вас с потрохами съем! У меня, между прочим, четыре тысячи лет опыта по поеданию тех, кто меня раздражает!

— Съедите — кто вам тогда в архиве порядок наведёт? — резонно заметила Елена Владимировна.

Диоген задумался. Логика в этом определённо была.

Диогену страшно надоело, что его тащат, как мешок с углём. Он сделал резкую попытку вырваться, и вся их компания грузно столкнулась в дверном проёме с Нарэком и Гришей, как раз направлявшимися подкрепиться.

— О, кого я вижу! — радостно вскрикнул Диоген, мгновенно забыв о своих провожатых и о том, что его только что куда-то тащили. — Нарэк, братан! Привет! Где пропал?

— Диоген! — осклабился Нарэк, расплываясь в ответной улыбке. — Живой, здоровый? Я смотрю, тебя тут носят, как почётный груз!

— А, это они так заботятся, — отмахнулся кот, ловко высвобождая одну руку и хлопая Нарэка по плечу. — Слушай, в эту субботу прошвырнёмся по набережной? Я надыбал ресторанчик с обалденной кухней! Там такие креветки подают — пальчики оближешь!

— С удовольствием, старина! — просиял Нарэк. — Давно не виделись, сто лет!

— Только чур, платишь ты. — Диоген подмигнул. — У меня, ты же знаешь, особенное отношение к деньгам. Я их не уважаю.

— Не вопрос. — Нарэк хохотнул. — Как обычно.

— Что же это такое?! — всплеснула руками Елена Владимировна, пытаясь вернуть ситуацию под контроль. — Ему срочно в отдел надо! У нас там... э-э-э... пожар! В прямом смысле!

— Не отвлекайте его! — рывкнула Наталья Михайловна, с новой силой вцепившись в рукав Диогена. — У нас каждая минута на счету!

— Добрый день, прекраснейшие из прекраснейших! — с обаятельной улыбкой обратился к ним Нарэк, переводя взгляд с одной разгневанной вещуны на другую. — Простите за неловкость. Я просто хотел поздороваться с другом. Не отниму много времени.

— Привет, Нарэк! — просияла Светлана Ивановна, моментально забыв о панике. — Ты как всегда, можешь обращаться с дамами галантно.

Женщины на миг заулыбались, но, тут же вспомнив о миссии, с удвоенной энергией вцепились в Диогена и потащили его прочь.

— Нарэк, я позвоню! — крикнул кот, уже исчезая за поворотом. — Не теряйся!

— Приятно было повидаться! — с лёгким недоумением крикнул им вслед Нарэк.

А вдалеке, из-за поворота, ещё долго доносилось:

— Да отпустите вы меня! Я вам не мешок с картошкой! Я — древний кот! Меня бояться должны! Уважать! На руках носить! А не по коридорам таскать, как насильно завербованного!

Гриша, наблюдавший эту сцену с раскрытым ртом, наконец спросил:

— Это кто?

— Это птицы... Ну, в смысле, архивные вещуны, — усмехнулся Нарэк, провожая взглядом удаляющуюся делегацию. — Алконост, Сирина, Гамаюн и Хумай. Нормальные, в общем-то, тётки. Если что, можно к ним за помощью пойти — не откажут. Проклинать не будут. Если только Диоген им до этого настроение не испортит. Тогда могут такой путь указать, что и могучее русское ругательство не даст такого направления.

— А Диоген? — Гриша кивнул в сторону, где скрылся упирающийся кот.

— А это, — Нарэк хитро прищурился, — наш начальник архива. Кот Баюн собственной персоной. В миру — Диоген Винсентович Баюн. Тот самый.

Гриша замер. Глаза его расширились до размеров блюдца.

— Тот самый?! Диоген?! Философ?!

— Ну да, — усмехнулся Нарэк. — Только он не совсем философ. Он кот, который когда-то в бочке жил. А именем себя назвал, чтобы халявной кормёжкой пользоваться. Прикинулся философом люди и потащили кто что: кто лепёшку, кто рыбку, кто амфору с вином. А он сидел в бочке, цитаты выдавал и думал: «Дураки, кормят бесплатно, лишь бы я умные вещи говорил». Так и жил.

Гриша ошарашенно уставился. В голове у него рушилась тысячелетняя философская традиция.

— То есть... все его знаменитые изречения? «Ищу человека»? «Не заслоняй мне солнце»?

— Это он у прохожих халяву кланчил, — равнодушно пояснил Нарэк. — «Не заслоняй мне солнце» — это когда ему на бочку тень упала, и он просто разозлился. А Александр Македонский там случайно проходил. Диогену вообще было пофиг, кто там перед ним — царь, раб или просто прохожий. Он столько этих царей перевидал за свои четыре тысячи лет, что они для него как мухи: сегодня один, завтра другой, а солнце всё так же светит. Правда, потом они с Александром всё-таки скорешились за стаканом. А «ищу человека» — потому что искал, кто бы ему винца налил. Ты не заморачивайся. Главное, что до сих пор звучит красиво.

— Слушай, — Гриша схватил Нарэка за рукав, и в его глазах загорелся фанатичный блеск, — я на первом курсе реферат по Диогену писал! Это ж мой кумир! Я все его цитаты наизусть знаю! А он... он просто кот, который прикалывался?!

— Ну, не просто кот, — поправил Нарэк. — Кот с четырёх тысячелетним стажем и отличным чувством юмора. Так что твой реферат, считай, написан про реального персонажа.

Гриша схватился за голову.

— Будет у тебя иммунитет, — продолжил Нарэк, — возьму как-нибудь с собой с ним посидеть. Познакомишься с кумиром. Только будь готов к трём вещам.

— К каким?

— Во-первых, к полной потере всей наличности. У этого кота особое отношение к деньгам, он их не уважает, но чужие тратить обожает. Во-вторых, к фингалам под глазами на следующее утро. Потому что когда Диоген Винсентович «философствует», люди рядом обычно переходят к активным действиям. А в-третьих...

— Что в-третьих?

— Милиция, — спокойно сказал Нарэк. — Или полиция. Смотря в каком веке. С ним ничего нельзя предугадать. Один раз мы с ним в обезьяннике ночевали, он доказывал сержанту, что тот не человек, а просто функция надзора, лишённая внутренней сущности. Сержант, кстати, обиделся. Но через неделю уволился и ушёл в монахи. Диоген считает это своей главной педагогической победой.

Гриша слушал, не веря своим ушам.

— Так что, — хлопнул его по плечу Нарэк, — когда иммунитет будет — милости прошу. Познакомись с кумиром.

Ввалившись, наконец, в помещение архива, Диоген заорал на женщин:

— И какого чёрта было это представление?!

В ответ Наталья Викторовна молча сунула ему под нос старую картонную папку.

Тот с раздражением глянул на неё, но, увидев содержимое, бессильно опустил руки.

— Что?.. Уже?.. — ошарашенно прошептал он. — Прошло... семь столетий?

Он замолчал на секунду, а потом закричал так, будто ему вырывали душу:

— Почему? Почему так быстро? За что? За что мне это?! Господи, я не выдержу ещё одного раза! Почему вы не напомнили, я же просил!

— А кто приказал папки под грифом «Секретно» попрягать между ненужными папками во веки вечные? — съязвила Наталья Михайловна.

— Да, — поддержала её Наталья Викторовна. — Ты тогда ещё сказал: «Если эти расчёты попадут не в те руки, стране может прийти конец».

— Да, их тогда сам чёрт не сыщет, — поддержала её Светлана Ивановна.

— Как будто наш архив кому-то сдался, — вздохнула Елена Владимировна.

— А у нас, если ты помнишь, и своей работы полно! — властно встряла в разговор Наталья Михайловна. — Всего не упомнишь.

— И вообще, может, он ещё и не проснулся? — обнадеживающее предположила Елена Владимировна. — Двадцать первый век только начался...

Диоген с горькой усмешкой провёл рукой по лицу.

— Вы хоть всё там прочли? — тихо спросил он. — Ещё тогда я и Ибн Хальдун рассчитали, когда эта скотина проснётся. А он был самый умный учёный своего времени благодаря, конечно, мне.

Он тяжело вздохнул.

— Потом я ещё несколько раз пересчитывал. С Ньютоном спорил над формулами, с Ломоносовым проверял циклы, Менделееву показывал схему — тот, правда, сначала решил, что это таблица элементов для конца света. А последний раз мы всё перепроверяли с Эйнштейном.

Диоген хмыкнул.

— Толковый мужик, между прочим. Формулы понимает, думает быстро только вечно норовил всё свести к относительности. Я ему тогда так и сказал: «Альберт, конец света, может, и относителен, но просыпается эта тварь всегда по расписанию».

Он медленно поднял глаза на женщин.

— И каждый раз получалось одно и то же число. Один и тот же день.

— И... когда он проснётся? — с заиканием спросила Светлана Ивановна, побледнев.

Диоген посмотрел на них пустым, отсутствующим взглядом.

— Позавчера.

Тишина повисла в архиве.

— Где?! — завыл Диоген, сжимая виски. — Спрашивается, где я сейчас возьму восьмь-рых богатырей?! Это не щенков в подвале набрать! Это восемь мужчин, восемь избранных, восемь столпов!

— Ну, прошлый раз же нашёл, — жизнерадостно напомнила Светлана Ивановна, поправляя очки.

— Да! Нашёл! И каких! — Диоген закатил глаза с таким видом, будто вспоминал и подвиг, и титанические усилия. — Я десять лет не высыпался! За ними, как нянька в детсаду, бегал! Одного от татарского плена спасал, другого от монастырского затвора отговаривал, третьего убеждал, что союз с Москвой — это не конец света, а начало нового! У меня тогда шерсть ключьями лезла от стресса!

— Боже, вот это были мужчины, — с придыханием произнесла Елена Владимировна, словно перечисляя голливудских актёров. — Дмитрий Донской...

— Владимир Серпуховской, — подхватила Наталья Викторовна, смакуя слова.

— Дмитрий Боброк-Волынский, стратег от бога! — вставила Наталья Михайловна.

— Александр Пересвет! Сила, дух, жертвенность! — всплеснула руками Светлана Ивановна.

— Родион Ослябя, — уважительно добавила Наталья Викторовна. — Монах, а бился как богатырь.

— Стефан Пермский, интеллект и просвещение! — почти прошептала Елена Владимировна.

— Олег Рязанский... сложный, но какой харизматичный! — с лёгким укором посмотрела на Диогена Наталья Викторовна.

— И князь Андрей Полоцкий! Союзник! — завершила хор Наталья Михайловна.

Воцарилась пауза, полная сладких ностальгических воспоминаний.

Диоген смотрел на них.

И его лицо медленно исказилось гримасой высшего раздражения.

Наконец он взорвался:

— Да перестаньте вы их вспоминать, как будто это кастинг на «Лучших мужчин XIV века»! Вы просто издеваетесь?! — его голос снова сорвался на фальцет, и где-то в углу жалобно звякнуло стекло. — Я десять лет искал! Наблюдал! Помогал им! Пересвету, между прочим, перед боем энергетический допинг делал, чтоб он того Челубея не испугался! А Боброку карты местности ночью во сне транслировал — так, чуть сам не уснул, пока ему каждый овраг показывал! А Олега Рязанского от попыток переметнуться к Литве отговаривал, прикидываясь голосом его прадеда! Пришлось три месяца подряд каркать под окном, как ворон — голос прадеда у меня, кстати, не очень получился, пришлось импровизировать.

Он нервно прошёлся по комнате, размахивая руками, и чуть не сбил с подоконника горшок с кактусом.

— А Ослябю кто, по-вашему, из монастыря выманивал? Я! Три недели вокруг лавры кругами ходил! То мышью прикинусь, то котёнком жалобным мяукну, то во сне намекну, что миру сейчас не молитвы нужны, а крепкие плечи! А он, спал как убитый — пришлось в сны пробиваться через блокировку, а там такие постные рожи снятся, что я сам чуть в монахи не ушёл от тоски!

Он ткнул пальцем в потолок, будто там висел список его подвигов, написанный золотыми буквами.

— Вы думаете, это легко — быть невидимой силой, куратором и психологом для восьми упрямых, гениальных и местами совершенно невменяемых богатырей одновременно?!

Он тяжело дышал, отдуваясь после тирады, как кот после драки на крыше, и на мгновение показалось, что из ушей у него пошёл пар.

— Донской, вообще сначала решил, что я нечистая сила, — проворчал он, присаживаясь на край стола. — Два дня крестился на меня. Я ему мышь поймаю — он крестится. Я ему во сне совет дам — он крестится и просыпается. Пришлось ему во сне полноценную лекцию читать по стратегическому планированию, с таблицами и схемами. Три ночи подряд. Он потом говорил, что таких скучных снов у него никогда не было, но Куликовскую битву выиграл — и ладно. А сейчас что? — Диоген устало провёл рукой по лицу. — Где я таких найду? В офисе? В тренажёрном зале? Да они все в телефонах сидят! Максимум, что из них выжмешь — это «лайк поставлю». А мне не лайки нужны! Мне восемь человек нужно, которые, если надо, пойдут на смерть! Которые не испугаются, не сбегут и не скажут «ой, а можно я дома останусь, у меня там сериал не досмотрен»!

— Слушай, ну ты же умный, — Светлана Ивановна одобрительно похлопала Диогена по плечу. — А помнишь, ты в седьмом веке их собрал?..

— Да, — на лице Елены Владимировны появилась ностальгическая улыбка. — Тоже колоритные мужчины были. Рюрик один чего стоил! А князь Кий? А воевода Вольга? Аскольд, Буригой, Радегаст, Гостомысл и Олег. Красавцы.

— Да уж, отличные ребята! — подхватила Наталья Михайловна, с восторгом глядя в старую летопись.

Диоген медленно повернулся к ним.

Его лицо выражало такое недоумение, будто ему только что предложили купить болото.

— Отличные?.. — его голос дрогнул. — Да вы в своём уме? Вы вообще представляете, что со мной тогда было?

Он вскочил и начал мерить шагами комнату, сжимая пальцы в волосах.

— Рюрик! Весь из себя «призванный правитель». Три недели я ему объяснял, что «призвание» — это не «сейчас приду и всё отниму», а «наведу порядок, за который потом спасибо скажут»! Он мне: «А где мои налоги?». Я ему: «Так государства ещё нет!». Он: «Как это нет? А я кто?». Кошмар!

— Ну, Кий-то был мудрый... — осторожно сказала Наталья Михайловна.

— Мудрый?! — взвился Диоген. — Он каждый день спрашивал: «А ты уверен, что тут Киев получится? Может, лучше просто конюшню? А то как-то ответственность...». Я ему три года чертежи холмов рисовал и доказывал, что город — это вообще-то идея получше конюшни!

— Ну, Вольга... — мечтательно начала Светлана Ивановна.

— НЕ НАЧИНАЙТЕ ПРО ВОЛЬГУ! — Диоген схватился за голову. — Объяснить ему, что нельзя на совете племён внезапно кричать соколом, «чтобы показать своё могущество»?! Полсобрания в обмороке лежало!

Он раздражённо махнул рукой.

— А Аскольд? Тот вообще всё хотел решить морским походом на Царьград. Говорил: «Ребята, а давайте проверим Дух Места на прочность, может, и ему от Константинополя что перепадёт?».

Женщины начали тихо хихикать.

Диоген посмотрел на них с видом глубоко оскорблённого мученика.

— А Гостомысл? Этот каждое утро начинал с пророческого сна. «Мне, — говорит, — дерево приснилось». Я ему: «Прекрасно. А можно сегодня без ботаники? У нас государство строится».

Он потёр переносицу.

— Но самое страшное — это Олег.

— Ой, ну Олег был героем! — оживилась Наталья Викторовна. — Щит на ворота Константинополя прибил!

Диоген медленно закрыл глаза.

— Знаю — простонал он. — Это, я ему тогда сказал: «Сделай что-нибудь символическое, чтобы греки впечатлились».

Он поднял палец.

— Символическое! Я имел в виду дипломатию. Или хотя бы переговоры!

Диоген раздражённо фыркнул.

— А он взял и прибил щит к воротам города. Гвоздями.

Он обвёл всех взглядом .

— И после этого вы ещё спрашиваете, почему у меня нервы не выдерживают?

— Но в итоге-то справились! — жизнерадостно сказала Наталья Викторовна.

— Справились... — Диоген бессильно опустил на стул. — После того как я лично Буривого от варяжского плена отбивал, Радегасту пророческие сны транслировал, а тому стражу с заставы...

Он посмотрел на потолок .

— О боже.

— Тому стражу я каждый день новые кольчуги материализовывал. Каждый день! Потому что он их вечно терял! Говорил: «Неудобно в разведке!».

Диоген тяжело выдохнул.

— Семь лет моей жизни. Семь лет!

Он мрачно посмотрел на женщин.

— И знаете, что самое обидное?

Он сделал паузу.

— Они до сих пор думают, что со всем справились сами.

— А до этого — Диоген закатил глаза так, будто пытался заглянуть себе прямо в мозг и вытащить оттуда самые травмирующие воспоминания. — А до этого вообще кошмар был. Я до сих пор вздрагиваю, когда гром гремит.

Он вздохнул, уставился в стену и начал загибать пальцы.

— Громовержец-шаман Весь из себя «говорю с небом». А по факту — чуть что не по нему, сразу молнии в меня швыряет! Я ему: «Нам врага пугать, а не проводника поджаривать!» А он: «Испытываю твою проводимость, кот! Для науки!» Какая наука в бронзовом веке?!

Первый палец.

— Киммерийский всадник Аршак Тот вообще считал, что любая проблема решается скачкой. Заболел кто? Скачем! Неурожай? Скачем! Дух Места капризничает? СКАЧЕМ! Я ему карту показываю, тактику объясняю, а он: «Слов много. Лошадь быстрее». И несётся на всём скаку напрямиком в болото.

Второй палец.

— Кузнец Зиро — Диоген сдавленно крикнул. — Помешанный на железе. Я его просил магический артефакт для обряда выковать. А он мне позолоченный ошейник сделал. С гравировкой: «Кот Баюн. Собственность Зиро».

Женщины прыснули.

— Я месяц его с себя стачивал! — мрачно продолжил Диоген. — Он ещё обиделся. Говорит: «Чтобы не потерялся».

Третий палец.

— Волхв Лесовик Тот всё пытался меня женить на русалке! Утверждал, что «союз духа леса и духа воды — великая сила». Я его убеждал, уговаривал В итоге пришлось прикинуться мёртвым и три недели лежать без движения, пока он по лесу заупокойные руны над моей «погибшей душой» читал.

Четвёртый палец.

— Скифский лучник Саргатак Лучший стрелок в степи. И самый занудный перфекционист. Мы ему вражеское войско показываем, а он: «Погодите, я тут одного увидел — у него стрела в колчане криво торчит. Непорядок. Надо исправить». И всё! Вся засада насмарку из-за одной кривой стрелы!

Пятый палец.

— Балтский рыболов Курш Молчун. Целый день молчит, только рыбу ловит. А ночью подходит и будит меня вопросом: «А духи реки говорят, что ты вчера сокровище из их русла поднял. Верни». И каким-то шестым чувством знал, где я что спрятал! Я десять лет не мог сделать тайник, чтобы этот рыболов-экстрасенс его не нашёл!

Шестой палец.

— Каменотёс Борович — Диоген посмотрел на женщин с выражением человека, пережившего катастрофу. — Силач. Решил, что лучшая защита от любой напасти — поставить каменную стену. ВЕЗДЕ. Мы идём через поле — он стену строит. Мы в лесу — он стену. Мы к Духу Места на священный холм поднимаемся — он уже там кладку ведёт! Я ему: «Борович, нам дышать надо! И врага видеть!» А он, не отрываясь от работы: «Смотри в бойницу. Я их проделал. Красиво же?»

Седьмой палец.

— Волхв Радимир Старший жрец. Умный, сильный но упрямый как камень. Если ему сон приснился — всё, план меняется. Один раз мы три дня ждали на холме, пока он «знак с неба» проверял. Знак, между прочим, оказался пролетающей уткой.

Женщины уже тихо смеялись.

Диоген медленно поднял восьмой палец.

— И наконец проводник Горхан.

Он посмотрел на них с выражением абсолютного отчаяния.

— Человек, который знал дорогу к Духу Места.

Диоген сделал драматическую паузу.

— И каждый раз умудрялся заблудиться.

Женщины уже откровенно смеялись.

— И вот с этим — Диоген развёл руками, — с этим «собранием умов» я должен был пройти испытание Духа Места.

Он тяжело опустился на стул.

— Они едва друг друга не принесли в жертву по дороге!

Он мрачно посмотрел на женщин.

— После них собрать Дмитрия Донского с компанией было как в яслях дежурить.

Он помолчал и добавил:

— Там хотя бы половина умела слушать.

Диоген замолкает, и его привычная гримаса раздражения медленно тает, словно маска, которую он носил слишком долго. Вместо неё на лице остаётся что-то другое — глубокая, древняя усталость.

Он смотрит в пустоту.

И когда снова начинает говорить, его голос становится тише, лишается всей своей привычной театральности.

— А что было до этого... — он медленно проводит рукой по лицу, будто пытаясь стереть паутину забытых тысячелетий. — До этого я и вспоминать не хочу. И не потому, что страшно.

Он криво усмехается.

— А потому, что надеюсь — моя же собственная память в конце концов смилостивится и заблокирует это навсегда.

Глава 7

Он впился взглядом в женщин. И в этих глазах впервые за всю беседу мелькает не притворная, а настоящая, тысячелетняя боль.

— А всё почему? — тихо продолжает он. — Всё потому, что какому-то могущественному сволочу божеству, архонту, чёрт знает кому в один «прекраснейший» момент пришло в голову устроить вселенский экзамен.

Он делает паузу.

— Каждые семь веков.

В архиве становится настолько тихо, что слышно, как где-то за стеной гудит сервер.

— Проверять на прочность силу духа целых народов. Прощёл — живи дальше. Не прошёл

Он медленно качает головой.

— И не просто смерть. Нет. Это было бы милосердно.

Он почти шепчет:

— Стирание.

Слово падает в тишину тяжёлым камнем.

— Сколько цивилизаций сколько миров было стерто с лица земли? Они исчезли так чисто, что археологи даже найти их не могут. Ни руин. Ни костей. Ни надписей. Ничего.

Он медленно проводит рукой по воздуху.

— Они просто пустое место в истории.

Женщины молчат.

— А люди — продолжает он, и голос его становится ещё тише. — Люди теряют память постепенно. Сначала забывают магию. Потом — свои легенды. Потом — имена богов.

Он посмотрел на них по очереди.

— А под конец забывают, что они вообще люди.

Пауза.

— Они становятся теньями, которые сами не знают, кто они.

Он смотрит на свои руки.

— А мы сущности. Духи. Такие, как я. И такие, как вы.

Он горько усмехается.

— Мы тоже теряем память. Истончаемся. Таем.

Он делает паузу.

— И исчезаем.

Ещё тише:

— Навсегда.

Он отводит взгляд, и в голосе появляются непривычные, почти хрупкие нотки.

— И вот в самой последней из тех цивилизаций, что исчезала нашлись маги.

Он медленно говорит, будто снова видит это перед собой.

— Они всё поняли. Видели, как гаснет их мир. Как уходят боги. Как рушится память. И перед самым концом, в отчаянии они успели создать

Он слегка усмехается.

— Меня.

Он разводит руками.

— Красивого, умного, весёлого проводника.

Пауза.

— Единственного, кто должен помнить.

Он смотрит на женщин.

— Помнить всё.

Ещё тише:

— И помогать следующему миру следующей Руси пройти этот адский экзамен.

Он обводит взглядом архив, стеллажи, женщин, свои руки — словно проверяя, насколько он ещё реален.

— А ведь если я не смогу — тихо говорит он. — Если мы не найдём восмерых если они не пройдут

Он делает паузу.

В тишине слышно только гудение серверов.

— Я исчезну.

Он смотрит куда-то мимо них.

— И на этот раз некому будет даже вспомнить, что мы когда-то были.

Диоген замолчал, и в наступившей тишине повис экзистенциальный ужас вселенского масштаба.

И вдруг

— Господи, — очнулась Наталья Михайловна, птица Гамаюн, с видом человека, внезапно вспомнившего о невыключенном уюге. — И перед самым концом я не вспомню про свою баньку с наливочкой и раками! А как же пар? Как же веники? Как же посиделки после, с тяжёлыми разговорами о жизни?! Без этого и вечность не в радость!

— А у меня же брачное агентство ещё! — воскликнула Светлана Ивановна, Хумай, с настоящим ужасом в голосе. — Боже, они забудут всё, что такое любовь! И флирт! И как правильно выбирать партнёра! Люди перед смертью скатятся до случайных связей на уровне инстинктов!

— А спа-салоны? — запричитала Елена Владимировна, птица Сириус, хватаясь за лицо. — Вы хотите сказать, что в гроб я лягу неухоженной? Все забудут, что такое уход за телом и лицом! Ни масок, ни пилингов, ни массажа! Мы скатимся до до умывания росой! И лапником! Это же каменный век!

— А у меня, извините на минутку, канал для женщин! — как во сне проговорила Наталья Викторовна, птица Алконост. — «Я всё могу, я всё умею!» У меня там триста тысяч подписчиц! И они все они все меня забудут? Весь мой контент про осознанность, латте-арт и правильные аффирмации канет в небытие?! А кто им объяснит, что утреннее солнце — это не просто звезда, а возможность зарядиться энергией на день?!

Всеобщий ужас достиг апогея.

И тут на самый высокий стеллаж с воем взлетел кот.

— А Я?! — завопил Диоген, заламывая лапы. — Вы думаете только о себе!

Он обвёл комнату безумным взглядом и продолжил, загибая когти:

— Не будет 3D-фильмов, где можно досмотреть до середины и понять, что сюжет слили! Не будет баров, где я могу заказать виски со льдом и полчаса смотреть, как бармен его красиво наливает! Не будет корпораций, куда можно зайти и испортить настроение сразу сотне людей! Это ж моя любимая работа — зайти и оскорбить!

Он нервно прошёлся по стеллажу, скидывая лапой папки.

— А интернет? Вы подумали про интернет?! Где я буду троллить начинающих авторов и не начинающих?! Где буду спорить с анонимами о смысле жизни?! Где буду смотреть видосики с неудачными падениями, чтобы поднять себе настроение?!

Он задохнулся от возмущения.

— Я буду перед смертью есть мышей! СЫРЫХ! Без соуса! Без гарнира! Без хотя бы капельки вустерского соуса, который я, между прочим, пил ещё с англичанами, когда они его только придумали!

Он заголосил так пронзительно, что с верхней полки посыпалась пыль веков.

— А философия?! — продолжал Диоген, уже не останавливаясь. — Кто будет цитировать меня самого, если никого не станет?! Я столько лет вкладывал мудрость в головы людей, а теперь всё прахом?!

— Диоген Винсентович, успокойтесь — попыталась вставить Наталья Викторовна.

— Не могу я успокоиться! — взвизгнул кот. — Пусть все уйдут в небытие, но Диоген должен быть вечным!

Он внезапно замер.

Потом медленно поднял голову.

— Стоп

Глаза его загорелись.

— Точно! Нужно выдолбить на скалах мои афоризмы!

Он оживился.

— Огромными буквами! Чтобы через миллионы лет их нашли!

Он торжествующе поднял лапу.

— Следы динозавров же находят в камне!

Но вдруг кот сник.

— Нет не получится.

Он медленно сел, уставившись в пол.

— Слишком мало времени. Я не успею За такой короткий срок выдолбить всё. Всю мою философию жизни. Всё, что я понял за тысячи лет

Он трагически вздохнул и растянулся на стеллаже.

— Всё. Я остаюсь здесь. Я никуда не иду. Буду лежать на этом стеллаже и ждать своего конца. И конца всего мира.

И в этот самый момент дверь с грохотом распахнулась.

В архив ввалились Наталья Юрьевна со Светочкой.

— Ой, девчонки, привет! — бодро сказала Светочка. — Мы к вам! А вы чего такие?.. Что у вас тут происходит?

Наталья Юрьевна оглядела комнату внимательнее и прищурилась.

— Мы вообще-то хотели вас сегодня после работы позвать посидеть. Чай, пирожные, разговоры А вы чего сидите как на поминках?

Четыре птицы тяжело вздохнули.

Переглянулись.

И начали объяснять.

Говорили все сразу, перебивая друг друга, всплескивая руками и пытаясь перекричать общий ужас происходящего.

Светочка медленно опустилась на стул.

— Что опять уже? — прошептала она. — Господи девочки ну почему вы не вспомнили?

Наталья Юрьевна закатила глаза.

— Я так и знала! — раздражённо сказала она. — У вас в архиве всегда полный бардак и безответственность. Всегда!

Она огляделась.

— И где этот ваш Диоген? Диогеша долбанный где ходит?

Птицы молча подняли головы.

И одновременно указали пальцем вверх.

На стеллаж.

Там, трагически раскинувшись между папками с пророчествами, лежал огромный чёрный кот.

— Он — тяжело вздохнула Наталья Викторовна.

— Отказывается, — добавила Светлана Ивановна.

— Отказывается слезать оттуда, — закончила фразу Наталья Михайловна.

— И спасти мир, — мрачно уточнила Елена Владимировна.

Светлана Ивановна, птица Хумай, тихо всхлипнула.

— Я не знаю — прошептала она. — Я просто не знаю, что нам теперь делать.

— Баюн, ну пожалуйста спустись к нам.

Вот уже полчаса вещуньи стояли посреди архива, задрав головы к самому верхнему стеллажу, откуда трагически свешивался пушистый чёрный хвост. Он покачивался в такт сквозняку, словно маятник, отсчитывающий последние минуты человечества.

— Отстаньте — глухо донеслось сверху. — Не хочу. Зачем. Нет смысла Всё равно всё пропало.

Хвост лениво дёрнулся и снова повис, как сухая лапша на ветру.

— Диоген Винсентович, ну мы же серьёзно! — взмолилась Наталья Викторовна. — Там конец света, между прочим!

— А мне какая разница? — философски заметил голос сверху. — Я и без конца света чувствую себя достаточно несчастным. Зачем мне лишний раз расстраиваться?

В это время Наталья Юрьевна со Светочкой сидели у стола и молча наблюдали за этим представлением, попивая чай с таким видом, будто это не предсмертная агония мира, а обычный понедельник.

Ещё минут пять. Потом десять. Стеллаж скрипел. Хвост болтался. Вещуньи вздыхали.

Наконец Наталья Юрьевна тяжело вздохнула, поставила чашку с таким стуком, будто поставила ультиматум, встала и решительно сказала:

— Всё. Хватит. Переходим к тяжёлой артиллерии.

Вещуньи синхронно повернулись к ней, как четыре подсолнуха к солнцу.

— В смысле? — насторожилась Гамаюн.

Наталья Юрьевна спокойно повернулась к Светочке и посмотрела на неё долгим, многозначительным взглядом.

— Свет, слушай он же твой бывший муж. Ты же прекрасно знаешь его слабые места. Ну в быту. И не только. — Она сделала паузу и добавила веско: — Давай ты его уговоришь.

Светочка медленно нахмурила брови, и в этом движении было столько эмоций, что хватило бы на целую трагедию Шекспира.

— Ты сейчас предлагаешь мне переспать с моим бывшим? Ради спасения мира?

Елена Владимировна фыркнула так, что с соседней полки слетела папка с надписью «Пророчества средней тяжести».

— Почему «предлагает»? Она тебе прямо говорит. Без обиняков. Как есть. Дипломатия, знаешь ли, иногда требует жертв.

— Слушай, ну хватит ерепениться, — поддержала Наталья Михайловна тоном завуча, уставшей от двоечников. — Конец света вообще-то на носу. Не до сантиментов сейчас. Там не только мы, там люди, там банька моя, там огурцы солёные пропадут!

Светлана Ивановна задумчиво вздохнула, глядя куда-то в пространство, где, видимо, висели все дороги, ведущие к катастрофе.

— Знаешь, Светик если бы была моя воля спасти мир таким способом — она пожала плечами с видом умудрённой жизнью женщины, — мы бы все переспали ещё по одному разу со своими бывшими.

— Вот именно, — хмыкнула Наталья Викторовна, поправляя идеальную причёску. — А с некоторыми и не по одному. Я свой список уже мысленно составила, если что.

Светочка медленно оглядела их всех.

По очереди. Долго. Пристально. С таким выражением лица, будто записывала каждую в блокнот для последующей мести.

— То есть вы мне это говорите после всего, что он натворил? После того, как он гулял, врал, обещал исправиться и снова принимался за старое? После того, как я из-за него чуть не ушла в монастырь, но вовремя поняла, что дороги любят меня больше, чем мужчины?

В ответ — четыре абсолютно каменных лица. Ни один мускул не дрогнул. Даже вещуньи умели быть жестокими, когда дело касалось выживания.

Светочка тяжело вздохнула так, что, кажется, по всем дорогам мира пробежала лёгкая дрожь.

Потом встала. Поправила юбку. Собрала волю в кулак.

И, растолкав вещуний плечом (те даже не обиделись — слишком было не до того), подошла прямо под стеллаж.

Подняла голову.

Взгляд упёрся в болтающийся хвост.

— Диоген — сказала она спокойно, с интонацией, от которой у нормальных людей подгибались колени. — Вискас хочешь?

Наверху воцарилась тишина. Такая, что было слышно, как пыль оседает на фолиантах.

Пауза. Долгая. Тягучая. Как ириска в зубах.

— Это нечестно — наконец обиженно донеслось сверху. — Предлагать высшему существу, философу с четырёх тысячелетним стажем, другу Сократа и собутыльнику Ван Гога, дешёвую еду для бездомных котов — это унижительно. Ты понимаешь, да? УНИ-ЗИ-ТЕЛЬ-НО.

— Я просто знаю, что ты его под пиво любишь, — невозмутимо сказала Светочка, даже не меняя интонации. .

Снова тишина.

Но хвост перестал болтаться.

Через несколько секунд сверху раздался осторожный, подозрительный голос:

— А с чем он?

— С курицей, — ответила Светочка. — Как ты любишь. Нежная, сочная, с подливкой. И пахнет так, что даже я, будучи твоей бывшей, вспомнила наши лучшие годы.

— Не хочу, — упрямо сказал кот, но голос его почему-то звучал на полтона выше.

Пауза.

— Хорошо — сказала она, делая вид, что собирается уходить. — Тогда валерьянку хочешь?

И тут со стеллажа медленно, величественно, с чувством собственного достоинства, но с явным интересом в глазах свесилась чёрная морда.

Усы топорщились. Глаза горели жёлтым огнём. Но в них читалась борьба между гордостью и инстинктами.

— Света — подозрительно прищурился кот. — Ты валерьянку с собой носишь специально для меня?

— Не для тебя, — спокойно ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Благодаря тебе. После нашей совместной жизни у меня теперь в каждой сумке есть запас. На случай нервного срыва.

Наверху снова обиженно фыркнули.

— Не хочу.

Но морда со стеллажа почему-то так и не исчезла. Наоборот — свесилась ещё ниже.

— А валерьянка она с чем? — вдруг спросил кот почти жалобно.

— С мятой, — улыбнулась Светочка, зная, что дело сделано. — И с любовью. Хотя ты этого и не заслуживаешь.

Морда задумалась. Хвост дёрнулся раз, другой...

—А в кафе со мной пойдёшь? — неожиданно спросил сверху голос, и в нём вдруг проскользнуло что-то почти детское, неуверенное.

Светочка замерла. Медленно подняла бровь. Очень медленно. Так медленно, что это движение можно было снимать для документального кино о женском недоверии.

— В кафе? — переспросила она с интонацией, в которой смешалось всё: удивление, подозрение, лёгкое любопытство и многолетний опыт общения с этим котом. — С тобой?

Она на секунду задумалась, и на её лице отразилась сложная внутренняя борьба. Воспоминания о прошлых обидах схлестнулись с остатками тёплых чувств.

— Если ты победишь — начала она осторожно, как человек, ступающий на тонкий лёд.

— И нет, — перебил её сверху Диоген так быстро, будто ждал этого момента. — Так не пойдёт. В любом случае пойдёшь.

Светочка скрестила руки на груди, и в этом жесте было столько достоинства, что хватило бы на целую королевскую династию.

— Почему это?

Сверху донёсся тяжёлый, очень тяжёлый вздох. Так вздыхают коты, которые понимают, что без драматизма их не воспринимают всерьёз.

— Потому что если всё-таки в этот раз я проиграю — голос кота стал неожиданно тихим, почти неслышным, и в нём проступило что-то такое, отчего у женщин за спиной Светочки одновременно ёкнуло пять сердец. — Я хочу перед концом, чтобы ты меня наконец спокойно выслушала.

Пауза. Длинная. Тягучая. Вязкая, как мёд, который забыли в погребе на тысячу лет.

— Без всяких вот этих твоих: «А ты врёшь, как всегда», «Тебе веры нет», «Диоген, ты опять всё перекрутил». — Он помолчал, и в тишине было слышно, как скрипнула стеллажная полка под его весом. — Просто сядешь. И спокойно меня выслушаешь.

Тишина в архиве стала почти осязаемой. Даже пыль перестала оседать.

— Тогда — добавил он уже совсем глухо, и в этом «тогда» поместилось всё: тысяча лет надежд, разочарований и чего-то такого, чему названия нет. — Может, я и слезу.

Светочка медленно обернулась.

Пять подруг за её спиной стояли навтыжку и синхронно начали жестикулировать с такой интенсивностью, что, кажется, создали небольшой сквозняк:

Соглашайся! — Наталья Викторовна изобразила руками умоляющий жест.— Давай! — Елена Владимировна энергично закивала.— Быстро! — Наталья Михайловна топнула ногой, забыв, что она в архиве, а не в своей бане.— Ради всего святого! — Светлана Ивановна всплеснула руками и чуть не сбила с полки папку с предсказаниями.—Ну, же..-хмуро на нее смотрела хозяйка медной горы

Светочка посмотрела на них. Потом снова на стеллаж, откуда всё ещё свешивался пушистый хвост, но теперь уже не безжизненно, а с лёгким, надежд подобным подрагиванием.

Потом тяжело вздохнула. Так тяжело, что, наверное, где-то на перекрёстке миров задумался ветер.

— Ну — она помедлила ещё секунду, наслаждаясь моментом абсолютной власти над ситуацией. — Хорошо.

Хвост на стеллаже дёрнулся.

— Ладно, — повторила она, и в её голосе проскользнула едва заметная теплота, которую она тщетно пыталась спрятать за многолетней обидой. — Уговорил. В кафе так в кафе. Но если ты опять закажешь самый дорогой виски и оставишь меня с чеком...

—Я тебя умоляю, — оживился голос сверху, и в нём снова появились знакомые кошачьи нотки. — У меня теперь своя зарплата. И вообще, я философ, а не альфонс.

И стеллаж жалобно скрипнул под тяжестью спускающегося кота, который, судя по звукам, всё ещё пытался сохранить остатки достоинства.— Так. Нам нужен план, — властно

заявила Наталья Михайловна тоном, каким обычно разгоняют волонтеров по больничным палатам. — Сидеть и ждать — себе дороже.

— Нужен, — поддержала её Наталья Юрьевна, глядя на Диогена и прикидывая, сколько малахита уйдёт на строительство убежища, если всё пойдёт по одному месту.

— Ой, предлагаю так, — оживилась Елена Владимировна, открывая блокнот с такой решимостью, будто собиралась составить иск к мирозданию. — Оставляем по очереди одного на дежурстве, а остальные ходят по этажам. Присматриваются. Вынюхивают. Выслеживают. Как в лучшие времена, когда мы ещё не были привязаны к этим дурацким стеллажам.

— От двадцати до сорока лет, — уточнила Светлана Ивановна, профессионально окидывая взглядом дверь, как будто за ней уже выстроилась очередь кандидатов, готовая к кастингу на главную роль в спасении мира.

— Так ага ищем харизму, внутренний стержень, — добавила Светочка, поправляя причёску. — Чтобы не сломался, когда Дух Места его спросит — она запнулась и повернулась к коту, — А о чём его спросит, кстати?

Все взгляды одновременно повернулись к Диогену, как четыре прожектора на сцене, освещающие главного виновника торжества.

— Кстати, да! — встрепенулась Наталья Викторовна. — А как вообще происходит этот экзамен? Какие вопросы задаются? Может, мы их заранее подготовим? Устроим тренировку коучинг марафон желаний, только наоборот! «Как не провалить конец света за 10 дней»!

Диоген тяжело вздохнул.

В его глазах мелькнула тень тысячелетнего страдания. Такая тень обычно появляется у существ, которые уже видели, как цивилизации рушатся, и понимают, что люди даже к этому умудряются подходить с наивным энтузиазмом.

— Всегда по-разному, — буркнул он с тоской, закатывая глаза. — Никогда не было одного и того же. То лабиринт, то загадки.

Он почесал затылок и добавил мрачно:

— Но дело даже не в этом. Я не помню.

Все замерли.

— В смысле — не помнишь? — уточнила Наталья Михайловна, и в её голосе послышались нотки паники, с которой обычно спрашивают «Как это — забыла паспорт дома?».

— Эта скотина стирает мне память, — продолжил кот, уже почти обиженно, и в его голосе зазвучали нотки многовековой несправедливости. — Напрочь. Все вопросы. Все задания. Все испытания. Как будто я ему флешка перезаписываемая.

Он развёл лапами с таким трагизмом, будто только что потерял последнюю надежду на пенсию.

— Я знаю только одно: нужны особенные люди. Столпы. Богатыри. Но что именно им придётся проходить, я не знаю. Может, их попросят горы свернуть. Может, заставят три дня не есть. Может, устроят экзамен по выживанию в офисе без кофе. Всё может быть!

В комнате воцарилось молчание.

Тяжёлое. Как перед грозой. Как перед осознанием, что контрольная будет не по билетам.

— Значит — грустно произнесла Наталья Михайловна, и в её голосе послышалось то самое разочарование, с которым она когда-то узнала, что её любимый рецепт солёных огурцов не работает в другом тысячелетии. — Шпоры сделать не получится.

— Не получится! — взвыл Диоген, снова запрыгивая на стул для драматического эффекта, и стул жалобно скрипнул, но выдержал — видимо, привык. — Потому что это не ЕГЭ по истории, где можно зазубрить даты! Это не экзамен в ГИБДД, где можно скачать билеты! Это вообще не про знания!

Он обвёл всех обвиняющим взглядом, достойным прокурора на процессе века.

— Это испытание духа! Воли! И чёрт знает чего ещё! Даже я сам не знаю! Я должен знать! Но нет! Каждый раз как чистый лист!

Кот спрыгнул со стула и начал нервно расхаживать по комнате, заламывая лапы.

— Всё решается в последний момент! Как в аптеке, когда стоишь и думаешь, какой пластырь взять, а у тебя температура, голова болит, и вообще непонятно, зачем ты сюда пришёл!

Наталья Юрьевна тяжело вздохнула, и в этом вздохе смешалось всё: понимание тщетности бытия, осознание неизбежности конца и лёгкое раздражение от того, что малахит в такой ситуации бесполезен.

— Значит, наш план «присмотреться» — это мило — сказала она с горькой иронией. — Прямо как смотреть на щенков в витрине. Такой милый, такой пушистый, такой перспективный...

Она скрестила руки и посмотрела в потолок, будто там был написан ответ.

— А потом этот щенок окажется на ледяном ветру перед глыбой древней силы, которая спросит его о смысле бытия.

Пауза.

— А у него в голове ничего. Ни одной мысли.

Вещуньи синхронно вздохнули. Четыре вдоха слились в один многоголосый аккорд разочарования.

— Так ладно — обречённо сказал Диоген. — Всё равно искать придётся. Потому что если мы не найдём этих семерых, то я лишусь интернета, виски, возможности троллить айтишников. А это, знаете ли, не та смерть, о которой я мечтал.

— А я лишусь подписчиц, — тихо добавила Наталья Викторовна.

— А я — брачного агентства, — вздохнула Светлана Ивановна.

— А я — спа-салонов, — почти всхлипнула Елена Владимировна.

— А я — баньки, — мрачно закончила Наталья Михайловна. — И огурцов.

— А я — возможности доказывать налоговой, что они мне должны, — усмехнулась Наталья Юрьевна.

Светочка посмотрела на них, потом на кота, потом снова на них.

— Ну что, — сказала она, вставая и поправляя юбку. значить, — идём искать богатырей.

— Так, стоп, — вдруг сказала Светлана Ивановна, подняв палец. — А начальству докладывать будем?

В комнате повисла пауза. Та самая пауза, когда все понимают, что сейчас начнётся самое неприятное.

Все медленно повернули головы к Диогену.

Кот скривился так, будто ему в рот положили лимон, а потом заставили его съесть и сказать «спасибо».

— Ну самому главному точно надо, — буркнул он тоном человека, которого отправляют на расстрел, но обещают, что пули будут мягкими.

Он тяжело вздохнул, словно собирался идти на собственную казнь, и поплёлся к массивному сейфу в углу архива. Каждый его шаг сопровождался таким драматизмом, будто он шёл по минному полю в лапах.

— Слушайте, девочки — вдруг осторожно начала Светочка, и в её голосе появились нотки, знакомые каждому, кто когда-либо пытался улизнуть с неприятного совещания.

Все посмотрели на неё.

— У меня там Соломон один остался. — Она закатила глаза. — А сейчас, знаете ли, коллапс в отделе. Очередь. Клиенты. Кризисы. Панические атаки — она медленно, очень медленно попятилась к двери, как будто надеялась, что её не заметят. — Вы тут с начальством как-нибудь сами.

Она уже почти открыла дверь.

— Я лишний раз не хочу при нём светиться. У меня и так от него голова болит. А тут ещё и конец света — это ж такой стресс!

— А у меня вообще-то бухгалтерия на мне, — быстро подхватила Наталья Юрьевна, тоже начиная смещаться к выходу. — Целая. Огромная. С налогами. С отчётами. С этими балансами. И вообще, если уж совсем честно — она понизила голос до заговорщицкого шёпота, — это всё не относится ни ко мне, ни к моему отделу. Я вообще не при чём. Я просто мимо проходила.

Четыре вещуны синхронно посмотрели на них.

С выражением глубокой обиды.

И такого же глубокого разочарования.

— То есть — медленно сказала Наталья Михайловна, и в её голосе зазвенела сталь, которую обычно используют для заточки ножей перед разделкой барана. — Конец света — это теперь не по вашей части? А чей же он тогда, простите?

— Мы просто оптимизируем участие, — осторожно сказала Светочка, уже почти выскользнув в коридор.

— Делегируем, — добавила Наталья Юрьевна, делая шаг за порог.

— Можем проконсультировать, — вставила Светочка. — Удалённо. По зуму. Если связь будет.

— И малахит подбросим, — пообещала Наталья Юрьевна. — Для защиты. Но присутствовать физически перед начальством лишний раз ну вы понимаете, у нас же КРІ, отчёты, квартальные показатели

Четыре вдоха слились в один многоголосый хор разочарования, который, наверное, был слышен даже в соседних мирах.

И только Диоген обернулся к ним с ленивой, философской усмешкой.

— Я так и думал, — сказал он спокойно, даже с каким-то мрачным удовлетворением.

Он открыл дверцу сейфа. Внутри что-то глухо щёлкнуло.

— Когда начинается настоящий апокалипсис, бухгалтерия и психология всегда уходят первыми. — Он покосился на женщин с выражением человека, который только что доказал свою правоту. — Это закон природы.

Светочка возмущённо напоследок вскинула руки.

— Неправда!- и они с Натальей Юрьевной скрылись за дверью.

— Правда, — подтвердил кот, не оборачиваясь.

Он отодвинул папку с грифом «ВЕЧНОЕ» (которую, судя по пыли, не открывали как минимум тысячу лет), нащупал на задней панели потаённую кнопку и нажал её.

Потом тяжело плюхнулся на стул с таким видом, будто уже подписал собственный смертный приговор, а заодно и завещание, и список того, что не успел сделать.

Вещуны мгновенно собрались.

Вытянулись.

И выстроились в стройную шеренгу, как провинившиеся школьницы перед директором, только вместо бантиков — крылья за спиной, а вместо дневников — тысячелетняя мудрость.

В архиве повисла напряжённая тишина.

Такая, что слышно было, как пыль оседает на фолианты.

Через несколько секунд воздух в углу комнаты начал густеть.

Сначала слегка. Потом сильнее.

Потом пространство словно свернулось в тугую спираль, и посреди архива материализовался седой старец в белых одеждах, от которого так и веяло немыслимой мощью и древностью.

Он оглядел помещение тяжёлым взглядом, от которого у нормальных людей подгибались колени, а у нелюдей всё остальное.

— Я не понял — прогремел он.

Голос его звучал так, будто где-то рядом перекатывался гром, а заодно сносило крыши и валялись деревья.

— Когда это подчинённые начали вызывать начальство? — Он медленно обвёл всех взглядом, задерживаясь на каждом, как прокурор на процессе. — Вы думаете, у меня дел мало? Вечность, между прочим, сама себя не упорядочит. Там миры балансируют, души распределяются, карма пересчитывается

Он сделал паузу, давая осознать масштаб катастрофы.

Вещуньи, не сговариваясь, дружно зашептали:

— Чаю хотите?— С малиновым вареньем!— И ватрушки домашние есть— Только сегодня утром испекли!

Старец на секунду опешил.

Потом медленно поднял одну седую бровь. Так медленно, что это движение можно было снимать для документального кино о зарождении вселенной.

— То есть — произнёс он медленно, и в его голосе послышались нотки искреннего недоумения. — Вы вызвали меня, чтобы я попробовал ваши домашние заготовки?

Наталья Викторовна уже открыла рот, чтобы подтвердить, но Диоген жестом остановил её.

Он даже не поднял головы, продолжая сидеть на стуле с видом мученика, но голос его прозвучал чётко и веско:

— Дух проснулся, — коротко сказал он. — Семь веков прошло.

В архиве мгновенно стало так тихо, что слышно было, как где-то далеко потрескивают старые папки, и как в углу мухомор (который вообще был в другом отделе) испуганно втянул шляпку.

Мощь в комнате сгустилась до состояния желе. До такого, что хоть ложкой ешь.

— ЧТО?! — голос старца прозвучал как удар хлыста, смешанный с раскатом грома и звуком лопающихся барабанных перепонок.

— Уже?

Он резко повернулся к Диогену, и от этого движения белые одежды взметнулись, создавая эффект присутствия где-то на горе Синай.

— Почему раньше не доложили?!

Диоген вдруг оживился глазами.

В них мелькнуло что-то среднее между «я сейчас умру, но красиво» и «а давайте я всё объясню, и вы меня простите».

— Так я пытался.

Он развёл руками с выражением полной беспомощности.

— Семь раз на кнопку нажимал.

Кот задумчиво почесал ухо, делая вид, что вспоминает детали.

— Вы, наверное, в медитации были. Глубоко. Я даже рукой по панели барабанил. И ногой стучал. И хвостом махал. — Он вздохнул. — А вы, видимо, в нирване такой, что не слышите ничего, кроме космического гула.

Старец медленно начал темнеть лицом. Так темнеет небо перед грозой, когда уже понятно, что без зонта не обойдёшься.

Диоген же продолжал спокойно, с видом человека (ну, кота), который уже зашёл слишком далеко, чтобы останавливаться:

— А потом подумал вдруг технические неполадки.

Он деловито закивал, как будто подтверждая сам себе гениальность этой мысли.

— Стал проверять проводку. А проводка в сейфах, сами знаете вековая. Там ещё при царе Горохе тянули. Я семь метров кабеля перебрал, пока понял, что дело не в этом.

Кот поднял руку и начал загибать пальцы.

— Потом надо было составить акт о неисправности. В трёх экземплярах. Согласовать с техническим отделом. Потом с отделом безопасности. Потом с архивным надзором. — Он виновато пожал плечами. — Вы же сами учили: без бумажки мы ну , а с бумажкой всё как положено.

Он тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько боли, сколько бывает у котов, которых заставляют делать отчётность вместо того, чтобы спать на солнышке.

— В общем, акт я почти дописал. Осталось только печать поставить и подпись. И вот пока искал печать

Кот поднял глаза на старца.

В его взгляде читалось: «Я не виноват, это всё бюрократия».

— Он сам проснулся.

Невинная пауза.

— Я ж не виноват, что будильник у Духа Места безотказный.

— В общем, — холодно произнёс старец, и в его голосе зазвенела такая сталь, что ею можно было бы перерубить гордиев узел. — Ты просто профукал.

Он сделал паузу. Тяжёлую. Многозначительную.

— Ты профукал Духа Места.

Диоген на секунду прикрыл глаза. Лицо его приняло выражение мученика, которого вот-вот сожгут на костре, но он хотя бы успел попрощаться с родными.

— Ты для чего сюда поставлен? — продолжал старец, повышая голос, и с каждым словом воздух в комнате становился всё плотнее. — Следить. Ждать. Предупреждать. У тебя особый статус! Иммунитет к корпоративной системе! Ни отчётности, ни планёрок, ни проверок!

Он резко махнул рукой, и от этого жеста с ближайшего стеллажа слетела папка с надписью «Пророчества, не сбывшиеся по техническим причинам».

— А ты

Он перевёл взгляд на вещуний, и этот взгляд был страшнее любого проклятия.

— А ВЫ?!

Четыре птицы синхронно втянули головы в плечи. Даже крылья, казалось, слегка поджались.

— Вы куда смотрели?

— А что мы? — осторожно начала Наталья Михайловна, стараясь говорить максимально миролюбиво, как будто это могло спасти. — У нас дел полно Архив целый Папки, фолианты, запросы

— Какой архив? — перебил старец тоном, не терпящим возражений. — Я слышал, вы занимаетесь чёрт знает чем, только не архивом. У вас тут, по моим данным, марафоны желаний, брачные агентства и юридические консультации. А пыль на фолиантах уже такой слой дала, что можно археологические раскопки проводить!

Птицы переглянулись.

— Ну да — тихо сказала Светлана Ивановна, и в её голосе послышались нотки виноватого щенка, которого застали за поеданием тапок.

— Но вы поймите — вступила Наталья Викторовна, пытаясь придать голосу хоть каплю убедительности. — Нам сейчас очень сложно.

Старец медленно прищурился. Очень медленно. Как удав, который уже выбрал себе жертву и теперь просто наслаждается моментом.

— Сложно?

Елена Владимировна вздохнула так, будто выпускала из себя всю многовековую усталость, и развела руками.

— Раньше нами восхищались. Нам приносили дары. Нас воспевали. Помните, как раньше? Люди смотрели на небо и видели там нас. А теперь

Наталья Викторовна кивнула, и в её глазах мелькнула тоска по ушедшим временам.

— Люди смотрели на небо и спрашивали у нас совета. А мы вещали, пророчили, направляли.

Наталья Михайловна мрачно добавила:

— А сейчас что?

Она развела руками с таким трагизмом, будто держала в них обломки собственной карьеры.

— Сейчас максимум, что у нас спрашивают — это гороскоп на вторник. И то, если пове- зёт. А чаще просто: «Наталья Викторовна, а как там моя карма? Мне лайков не хватает».

Светлана Ивановна тяжело вздохнула, и этот вздох, казалось, длился целую вечность.

— Вы понимаете мы зависимые.

Старец моргнул. Впервые за весь разговор на его лице появилось выражение искреннего недоумения.

— В смысле?

— В прямом, — сказала она, и в её голосе послышались нотки откровенности, с кото- рой обычно признаются в самых страшных грехах. — Мы зависим от веры. От внимания. От человеческого восхищения. Это наша пища. Наш наркотик. Наша... ну, вы понимаете.

Наталья Михайловна грустно добавила:

— А его больше нет. Совсем. Люди перестали верить в чудеса. Они верят в интернет, в лайки, в карьерный рост. А мы... мы остались без подпитки.

Елена Владимировна поправила очки, и в этом жесте было столько обречённости, сколько бывает у бухгалтера, который понял, что баланс не сходится уже триста лет.

— Психика у нас сломанная. Мы пытаемся адаптироваться, но получается... ну, как полу- чается.

— Мы недополучаем того, что должны получать при рождении, — тихо сказала Наталья Михайловна, и в её голосе послышалась такая глубина отчаяния, что даже стеллажи, кажется, скрипнули сочувственно.

— Нам приходится адаптироваться, — закончила Наталья Викторовна, разводя руками. Пауза.

Долгая. Тяжёлая. Вязкая, как патока.

Старец смотрел на них несколько секунд. Потом перевёл взгляд на Диогена. Потом снова на птиц.

Потом медленно сказал:

— То есть вы хотите сказать что вместо того, чтобы следить за судьбой мира, предупре- ждать о катастрофах и направлять человечество...

Он окинул взглядом архив, заваленный папками с заклинаниями, древними фолиантами и чашками с недопитым чаем.

— Вы лечите свою профессиональную травму?

Тишина.

И только Диоген, который всё это время сидел на стуле с видом человека, наблюдающего за цирком, тихо пробормотал:

— Вообще-то звучит как очень точный диагноз. Я бы даже сказал — клинический.

Старец ещё раз медленно оглядел всех присутствующих.

Птицы стояли перед ним с виноватыми лицами. Четыре пары глаз смотрели в пол с такой интенсивностью, что в паркете, наверное, скоро должны были появиться дыры. Крылья за спи- ной были сложены максимально скромно, даже как-то пристыженно.

Диоген сидел на стуле и делал вид, что происходящее его совершенно не касается. Он с интересом изучал собственный коготь на левой руке, будто тот содержал в себе все тайны мироздания и требовал немедленного анализа.

Старец тяжело вздохнул.

По его лицу было видно: он прекрасно понимает, что высказывать здесь что-либо бесполезно. Что эти создания уже тысячу лет живут своей жизнью, и никакие разносы не заставят их измениться. Что они — как погода: можно ругаться, можно негодовать, но дождь всё равно пойдёт тогда, когда захочет.

Светлана Ивановна осторожно кашлянула.

Это было такое деликатное, почти неслышное «кхм», но в тишине архива оно прозвучало как гром среди ясного неба.

— Может чайку?

Старец посмотрел на неё долгим взглядом.

Таким взглядом обычно смотрят на человека, который предлагает таблетку от головной боли тому, у кого только что ампутировали ногу.

Потом снова вздохнул.

— А покрепче чего-нибудь есть?

Вещульки мгновенно ожили.

Это была не просто реакция — это был взрыв энтузиазма, достойный лучших времён, когда им ещё приносили дары и воспевали гимны.

— Есть! — Конечно есть! — Наливочка! — Сто лет стоит, дожидается!

— Вам какую? — засыпали они его вопросами, окружив со всех сторон, как заботливые внучки любимого дедушку. — Малиновую? Абрикосовую? Клубничную? Вишнёвая особенно удалась в этом веке!

— А может, с мёдом? — добавила Наталья Викторовна. — У меня есть рецепт, ещё от прабабушки, она говорила, что для стресса лучше всего...

— С мятой можно! — перебила Елена Владимировна. — Мята успокаивает!

— А есть на травах! — вставила Светлана Ивановна. — Там такой сбор, что любой негатив как рукой снимает!

Старец устало махнул рукой.

— Да какая разница

Перед ним тут же появился гранёный стакан.

Откуда он взялся — осталось загадкой. То ли из воздуха материализовался, то ли одна из птиц держала его за пазухой на случай чрезвычайных ситуаций.

Стакан наполнили до краёв густой рубиновой наливкой. Жидкость переливалась в свете архивных ламп, обещая забвение и временное облегчение.

Старец посмотрел на стакан.

Потом взял его.

И одним глотком осушил.

Даже не поморщился. Только прикрыл глаза на секунду, будто прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Птицы переглянулись.

И тут же налили второй.

— Этот, кстати, покрепче, — шепнула Наталья Михайловна. — На спирту, семьдесят градусов. Для особо тяжёлых случаев.

Он молча взял стакан.

И снова выпил.

После второго стакана старец поставил посудину на стол, провёл рукой по лицу и, кажется, чуть расслабился. Хотя бы настолько, чтобы перестать испепелять окружающих взглядом.

— Так, — наконец сказал он. — Я так понимаю, что у вас по богатырям нет никакой конкретики? Сколько у нас дней осталось?

Диоген пожал плечами, вздохнул и развёл руками .

— Точно неясно. Он раскачивается по-разному. — Кот почесал за ухом, вспоминая прошлые разы. — Думаю, может быть дней десять. Может, меньше. Но точно не больше.

Старец нахмурился. Брови сошлись на переносице так плотно, что, кажется, между ними можно было зажать карандаш.

— Понятно. Богатырей по всей стране искать бесполезно — не успеем, да и в Москве мы не уложимся. — Он задумался, глядя куда-то сквозь стены. — Хорошо. Значит, будем искать на месте.

Он прищурился, и в его глазах мелькнул огонёк, который обычно появляется у начальников, когда они придумывают очередной гениальный план, который подчинённым будет стоить нервных клеток.

— Я организую группу. Проверку поведения сотрудников на рабочем месте.

— А почему не сами?! — возмутился Диоген, подсакивая на стуле так, что тот жалобно скрипнул. — Я же эксперт!

Старец посмотрел на него исподлобья. Взглядом, которым обычно смотрят на особо ретивых сотрудников, которые уже достали, но уволить жалко.

— Да потому что от тебя уже изжога у всех началась! — отрезал старец таким тоном, что, казалось, стены слегка покрылись инеем. — Жалобы на тебя летят тоннами. От людей, от нелюдей — от всех подряд! Пишут, что ты доводишь их до белого каления и только этим целыми днями и занимаешься.

Диоген сделал шокированное лицо.

Он прижал руку к груди с таким трагизмом, будто ему только что сообщили о конце света (хотя, собственно, об этом и сообщили, но это было не так страшно). Обвёл верных вещуний умоляющим взглядом, в котором читалось: «Спасайте, я ничего такого не делал, я просто работал».

— Это зависть! — трагически воскликнул он, и голос его дрожал, как у оперного певца в последнем акте. — Чёрная зависть к моим выдающимся талантам! Ко мне, между прочим, люди за мудростью приходили, а теперь — жалобы! Мои подчинённые не дадут соврать!

Вещуньи, как по команде, дружно закивали с абсолютно невинными выражениями лиц. Четыре ангельских лица, четыре образца преданности и честности.

— Он работает, не покладая рук, — уверенно заявила Наталья Михайловна, глядя старцу прямо в глаза с такой искренностью, что ей бы в театре играть.

— Без выходных и отпусков, — подхватила Светлана Ивановна, и в её голосе звучала такая забота, будто она о родном коте говорит.

— И отгулы не берёт, — добавила Елена Владимировна, поправляя очки. — Мы ему говорим: «Диоген Винсентович, отдохните», а он: «Работа прежде всего».

— С больничными вообще беда. Мы его силком к врачу отправляем, — заключила Наталья Викторовна, сокрушённо качая головой и вздыхая так, будто у неё на глазах умирает последний герой.

Старец медленно перевёл взгляд с одной на другую.

Потом на третью.

Потом на четвёртую.

Потом снова посмотрел на кота.

Диоген тем временем принял вид затравленного мученика — жертвы жестоких корпоративных интриг, несправедливо обиженного начальством и вообще непонятого гения.

Старец тяжело вздохнул. Так тяжело, что, наверное, в буфете этажом ниже упала чашка.

— Так разговаривать с вами больше я не хочу. — Старец обвёл всех тяжёлым взглядом — Жду отчётов каждый день.

Он поднял палец, и палец этот светился угрозой. Буквально — от него исходило слабое белесое сияние, будто сам Творец поставил там лампочку-напоминание.

— Каждый! День!

Палец ткнулся в сторону Диогена, потом в сторону птиц, потом снова в кота.

— И будем молиться Творцу.

Он сделал паузу, давая осознать серьёзность момента.

— И ещё, — голос его стал тише, но от этого только весомее. — Вы войдёте в эту группу. Будете тихо и незаметно сканировать и выявлять богатырей. — Он обвёл взглядом архив, будто уже видел там будущих кандидатов. — Это дело приобретает главный приоритет. Идёт под грифом «секретно». В мире и так обстановка нестабильна. Не хватало нам ещё паники перед концом света.

Он перевёл дыхание и прищурился.

— Я надеюсь, об этом никто, кроме вас, не знает?

В архиве повисла тишина.

Очень напряжённая.

Четыре птицы и один кот дружно замотали головами. Так усиленно, что, кажется, создали небольшой сквозняк.

— Никто! — слишком быстро сказала Наталья Михайловна. — Абсолютно! — подхватила Светлана Ивановна. — Мы вообще молчим всегда! — добавила Елена Владимировна. — Как рыбы! — закончила Наталья Викторовна.

Диоген просто отрицательно покачал головой, стараясь не встречаться со старцем взглядом.

В голове у каждого при этом промелькнуло одно и то же: «Светочка и Наталья Юрьевна ну они же свои и не кому не расскажут ничего почти наверное»

Он взял со стола третий стакан наливки и медленно его выпил.

Поставил стакан.

И тут произошло неожиданное.

Вместо того чтобы дематериализоваться обратно к себе, как обычно, с эффектным исчезновением и лёгким хлопком, старец вдруг развернулся и направился к двери.

Совсем как обычный человек.

Он просто вышел в коридор.

Подошёл к лифтам.

Нажал кнопку.

И стал стоять, сердито глядя на мигающие цифры, как обычный начальник, смертельно уставший от подчинённых.

Из архива за ним наблюдали в полной прострации.

Четыре пары птичьих глаз и одна пара кошачьих смотрели на закрывающиеся двери лифта с выражением людей, которые только что видели чудо и не знают, как теперь с этим жить.

— Он вышел, — прошептала Светлана Ивановна, и в её голосе слышался благоговейный ужас.

— В дверь, — кивнула Елена Владимировна, поправляя съехавшие от удивления очки.

— И ушёл в лифте, — добавила Наталья Викторовна. — Как обычный как обычный

— Смертный? — подсказала Наталья Михайловна.

— Ну да.

Наталья Михайловна всплеснула руками.

— Наливка, что ли, слишком крепкая оказалась? Может, я туда чего лишнего добавила?

У меня рецепт старинный, там такие травы

Диоген несколько секунд молча смотрел на закрывшуюся дверь.

Потом медленно подошёл к столу.

Налил себе полный стакан наливки.
И выпил залпом.
Поставил стакан.
— Всё, — сказал он.
Пауза.
— Начинаем работать.
Он обвёл взглядом притихших вещуний.
— Ищем богатырей.
Так начались их мытарства.

Глава 8

На обеде Гриша буквально изводил Нарэка, практически висая у него на хвосте:

— Ну когда же у меня начнётся этот твой иммунитет? Когда я уже буду, как ты, видеть всех этих своих «клиентов» без вот этих дурацких очков? Я чувствую себя слепым котёнком в цирке!

Нарэк лишь разводил руками.

— У всех по-разному, — равнодушно пожал он плечами. — У меня, например, через три недели после трудоустройства открылось. Как раз бабушка из Армении приехала погостить. Ну и прихватила с собой помимо тонн сладостей, кое-кого ещё.

Нарэк тяжело вздохнул, смахнув невидимую пылинку с рукава, словно стряхивая само воспоминание.

— Хорошо, я сейчас уже ко всему привык. А тогда Боже, ты только представь картину. Вся семья за столом, улыбки до ушей, чай пьём, варенье едим. Тётя Гоар уже третий раз предлагает добавку, мама счастлива, бабушка довольна. А я один сижу бледный как полотно и вижу, как из её дорожной сумки выползает это это Алышкер. Такой джинн-хулиган, пакостник низшего ранга.

Он на секунду закрыл глаза, будто снова это видел.

— Вылезит, потягивается, смотрит на меня и, наглец, показывает язык! Да ещё и бормочет гадости под нос, без умолку. Причём исключительно мне, остальные-то его не видят!

Нарэк провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть воспоминания.

— Тут же хвастаться начал: «Я, — говорит, — в 1898 году целую партию вина в подвале у твоего пра-пра-деда проклял! Всё уксусом стало! Вот это была пакость! А в 1903-м я его любимый коньяк на три дня заколдовал — увидеть можно было только левым глазом! Он до смерти так и не понял, почему!»

Нарэк тяжело вздохнул, будто этот разговор у него до сих пор в ушах.

— «А в прошлом году, — продолжает, — я твоему дяде в потолок дохлую мышь засунул! Он три недели машину перебирал и мыл! Я от смеха чуть не лопнул!» И хохочет, гад, своими глазами-угольками сверкает. У него даже иронии никакой нет. Он искренне считает, что это великие подвиги!

— И пошло-поехало, — продолжил Нарэк. — Кровь мне попил, носки прятал — причём всегда один. Второй оставлял, чтобы надежду не терял. На клавиатуру садился, когда я сообщения писал — специально на кнопку «отправить», чтобы рассылать всем контактам подряд. Соль с сахаром постоянно путал! Я от него, пока он в гостях был, чуть не завыл.

— Интересно — заинтригованно протянул Гриша. — Наверное, ты с армянскими духами как-то по-особенному работаешь? Своих же, земляков, понимаешь с полуслова?

— Не-е-ет! — Нарэк так искренне и громко рассмеялся, что чуть не поперхнулся. — Как раз наоборот, близко не подпускаю!

Он увидел абсолютно потерянное лицо Гриши и поспешил объяснить:

— Понимаешь, наши, армянские духи, стоит им только узнать в тебе земляка, сразу начинают: «Брат, брат, помоги!». А по их хитрющим, сладким рожам сразу видно, что за словом «брат» у них прячется простое: «Лох!»

Он хмыкнул.

— Причём они это даже не скрывают. Просто улыбаются шире и начинают припоминать, что твой прадед в позапрошлом веке был должен их дедушке три мешка муки.

— В принципе, все вредные духи считают людей лохами. Но от своих знаешь, как-то особенно горько и обидно это слышать. Особенно когда этот «брат» сидит на твоём любимом

кресле, жрёт твой сыр из холодильника и по сто раз рассказывает, как он полвека назад пролил тёткино вино, а тётка до сих пор думает, что это кошка виновата.

Гриша на секунду задумался, переваривая услышанное, и пришёл к выводу, что, в принципе, слышать «лох» от кого бы то ни было, действительно всегда неприятно.

Даже от мифологического существа.

— И что, он до сих пор у тебя живёт? — осторожно спросил Гриша.

— Слава богу, нет, — с чувством сказал Нарэк. — Он теперь опять с бабушкой. Сказал, что Москва ему не понравилась. Слишком шумно, слишком много людей, воздух не тот. И я, говорит, ему тоже не понравился. Цитирую: «Ты, брат, совсем зазнался. Раньше боялся — было весело. А теперь теперь ты вон даже психологом стал, про чувства со мной разговариваешь. Не надо мне твоей психологии, она для людей, а я дух древний! Я вообще в интернете начитался, у вас там одна чушь написана! Эти ваши Фрейд, Юнги Скажи, кто из них тысячу лет прожил? То-то же!»

Нарэк даже голос повысил, подражая интонациям Альшкера.

— И уехал. С бабушкой, естественно.

У Гриши осталась последняя клиентка.

Одна.

Всего одна.

А потом учёба. Светочка сказала, что в техническом кабинете его уже заждались фоланты с МКБ для нечисти и, кажется, интерактивный тест «Угадай проклятие по симптомам».

Гриша уже почти радовался.

Почти.

Потому что дверь открылась без стука.

И в кабинет вошла Она. Высокая. Очень стройная. Густые осветлённые волосы до пояса. Глаза узкие, тяжёлые, тёмные такие, что под их взглядом хотелось либо провалиться сквозь землю, либо немедленно встать по стойке смирно.

Гриша машинально, чисто рефлекторно, глянул в планшет.

Пальцы сами набрали: «Гиляна-шулма».

Экран моргнул и выдал:

Гиляна-шулма — калмыцкая мифология, степная ведьма. Обладает даром внушения и контроля. Считает себя даром мужчинам, на деле — источник постоянных проблем. Рекомендуются соблюдать крайнюю осторожность в формулировках. Самооценка зашкаливает. Последствия для неподготовленного собеседника: от лёгкого помешательства до полной потери воли.

— Охренеть, — одними губами прошептал Гриша.

Он поднял глаза.

Она двигалась спокойно. Неторопливо. С таким видом, будто всё пространство вокруг принадлежало ей по праву рождения. И, судя по всему, так оно и было.

Она остановилась перед креслом и посмотрела на Гришу. Долго. Очень внимательно.

Потом села.

И только после этого сказала:

— Вы психолог.

Это было утверждение, а не вопрос. Гриша почему-то почувствовал, что если бы он ответил «нет», она бы просто встала и ушла, не тратя больше ни секунды.

— Да.

— Хорошо.

Она слегка наклонила голову.

— Тогда объясните мне одну вещь.

Пауза.

— Что случилось с мужчинами?

Гриша несколько секунд молчал.

— В каком смысле?

— В прямом.

Она произнесла это спокойно, без эмоций. Как констатируют факт: «на улице дождь», «сегодня вторник», «мужчины перестали быть мужчинами».

— Раньше они были сильнее. Упрямее. Смелее. Сейчас — она едва заметно усмехнулась, и в этой усмешке было столько презрения, что хватило бы на целый легион, — они просто придурковатые лайкари.

Гриша кивнул, делая вид, что такое начало сессии для него — обычное дело.

— То есть вас беспокоит изменение мужского поведения.

— Меня беспокоит, — сказала она холодно, — что они перестали соответствовать.

— Чему?

— Мне.

Пауза.

Короткая. Ёмкая. В ней поместилось всё: тысячелетие женской гордости, разочарование в современном мире и абсолютная уверенность в собственной исключительности.

Гриша сделал пометку в блокноте. Рука чуть дрогнула, но он решил, что это не считается.

— Скажите, Гиляна как обычно начинаются ваши отношения с мужчинами?

Она пожала плечами с грацией, которой позавидовала бы любая королева.

— Они видят меня.

— И?

— Этого достаточно.

— Что происходит дальше?

— Они начинают добиваться.

— Как именно?

Она на секунду задумалась. По её лицу пробежала тень воспоминаний — судя по выражению, не самых скучных.

— По-разному.

— Пример?

— Один убил ради меня своего друга.

Она сказала это так же спокойно, как люди обычно говорят «принёс цветы» или «заварил чай». Гриша моргнул. Потом ещё раз. Ручка в его руке издала лёгкий хруст.

— Другой сжёг дом своей жены, — продолжила она, задумчиво глядя в окно. — Чтобы я поверила, что он действительно свободен.

Пауза.

— Третий продал бизнес и переехал в другой город. Потому что я сказала, что мне там душно. — Она слегка пожала плечами. — Я не просила. Они сами.

— Четвёртый... — она на секунду замялась, но скорее для эффекта, чем от смущения, — четвёртый написал завещание на моё имя. Через две недели после знакомства. Потом его нашли в машине с закрытым гаражом.

Гриша перестал дышать.

— Пятый... ну, пятый просто сошёл с ума. Но это уже не так интересно.

Она посмотрела на него с лёгким любопытством.

— Вы что-то записываете?

Гриша посмотрел на блокнот. Там было написано: «Убил друга, сжёг дом, продал бизнес, завещание, суицид, психоз». Ровным, почти каллиграфическим почерком. Видимо, от стресса.

— Да, — сказал он хрипло. — Профессиональное.

— А потом? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Потом они надоедают.

— Быстро?

— Иногда через месяц. Иногда через год.

— Почему?

Она посмотрела на него так, будто вопрос был странным до абсурда.

— Они начинают требовать.

— Чего?

— Взаимности.

Гриша снова сделал пометку. «Нарциссические черты. Инструментальные отношения. Обесценивание партнёров», — вывел он в блокноте, стараясь, чтобы почерк оставался разборчивым.

— А вы?

— Я не обязана.

Пауза повисла в воздухе, густая и тяжёлая, как степной зной.

Он посмотрел на неё внимательно. Очень внимательно. Как смотрят на сложный механизм, который вот-вот должен либо заработать, либо взорваться.

— Гиляна скажите честно. Вы когда-нибудь были в отношениях, где вас интересовал другой человек? Не как отражение вашей красоты, не как поклонник, не как инструмент для подтверждения вашей ценности а просто живой человек?

Она не ответила сразу.

Потом сказала:

— Меня интересует только сильный мужчина.

— И вы встречали таких?

Она слегка улыбнулась. Улыбка была красивой, но какой-то... стеклянной.

— Сначала они кажутся сильными.

— А потом?

— Потом ломаются.

— Что вы имеете в виду?

— Они начинают бояться.

— Чего?

Она посмотрела прямо в глаза. Взгляд был тяжёлым, как взгляд удава, который уже выбрал жертву, но пока просто изучает.

— Меня.

Гриша слегка откинулся в кресле. Мухомор в углу, кажется, затаил дыхание.

— А как именно вы проверяете их силу?

— Очень просто.

— Как?

— Я смотрю, сколько они выдержат.

— Чего?

— Меня.

— Вы их проверяете?

— Конечно.

— Как?

Она спокойно, будто речь шла о рецепте национального блюда, перечислила:

— Я унижаю. Проверяю ревность. Заставляю доказывать любовь. Иногда исчезаю.

Она пожала плечами.

— Сильный мужчина выдержит.

Гриша несколько секунд молчал. Потом сделал глубокий вдох.

— А если не выдерживает?

— Значит, он слабый.

— И что вы делаете?

— Ухожу.

Он закрыл блокнот. Положил ручку. Посмотрел на неё максимально мягко, как учат в институте — «эмпатический контакт при сохранении границ».

— Гиляна, скажите, а вы когда-нибудь чувствовали себя... одинокой?

Она замирает. Взгляд становится жёстче.

— Что за глупый вопрос? Я — и одинокая? У меня полно подруг! Вернее... знакомых. Которые завидуют, но это же нормально.

— А близких?

— Близких... — она морщит лоб. — А я не навязываюсь. Я не из тех, кто за дружбой бегаёт.

— Гиляна можно я задам вам неприятный вопрос?

Она спокойно кивнула. Даже с каким-то интересом.

— Вы уверены, что проблема в мужчинах?

Она посмотрела на него.

Долго.

Очень долго.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что они не выдерживают.

— Чего именно?

— Меня.

Гриша вздохнул. Этот вздох вместил в себя все лекции по психологии личности, все часы практики и всю ту абсурдность ситуации, в которой он сейчас находился.

— Понимаете есть один психологический механизм.

Она слегка прищурилась.

— Какой?

— Когда человек уверен, что все вокруг должны соответствовать его ожиданиям. Когда он считает себя центром отношений.

Он говорил спокойно. Очень аккуратно. Как идёт по минному полю, где каждая мина — это её самолюбие.

— Когда другой человек воспринимается не как партнёр а как инструмент для подтверждения собственной значимости.

Её глаза стали холоднее. На пару градусов. Может, на все десять.

— Продолжайте.

— Такой тип личности в психологии называется нарциссическим.

Пауза.

— Вы хотите сказать — медленно произнесла она, и в её голосе впервые появились настоящие, живые эмоции, — что я нарциссическая сука с тяжёлым характером?

— Я хочу сказать, что ваши отношения построены не на близости. А на власти.

Он посмотрел на неё спокойно. Твёрдо. Но без агрессии.

— Вы не ищете партнёра. Вы ищете поклонника. И как только человек перестаёт играть эту роль вы теряете к нему интерес.

Она молчала.

Очень долго.

Гриша добавил мягче:

— Это не роковая женщина, Гиляна. Это защитная стратегия. За ней обычно прячется тот, кто однажды не получил достаточно любви. И теперь всю жизнь доказывает себе, что достоин её. Только доказательства выбирает такие, что люди просто не выдерживают.

Гриша мягко, очень осторожно продолжает:

— Знаете, бывает так, что человек кажется очень уверенным, сильным, даже неприступным. А внутри... там маленькая девочка, которая просто хочет, чтобы её любили. Не за красоту, не за то, что она «подарок». А просто так.

Шулма смотрит на него с подозрением.

— Ты это к чему?

— Я к тому, что мужчины уходят не потому, что вы «слишком хороши». Они уходят, потому что с вами тяжело. Потому что вы не подпускаете близко. Потому что боитесь, что если покажете слабость — вас перестанут любить.

— Слабость? — она вскидывает бровь. — Я никогда не бываю слабой. Слабость — это для неудачниц.

— А вы пробовали?

— Что?

— Быть слабой. Хотя бы раз. Признаться, что вам нужна поддержка. Что вы не «дар мужчинам», а просто живая женщина, которой иногда бывает больно, одиноко и страшно.

Тишина. Шулма смотрит в окно. В её глазах что-то меняется. На секунду — всего на секунду — маска спадает, и Гриша видит то, о чём писали в книгах: хрупкую, раненую девочку, которая всю жизнь строит крепость из своего превосходства.

— Быть слабой... — шепчет она. — А если тогда перестанут по мне сохнуть?

— А если вы так и проживёте всю жизнь в крепости, где кроме вас никого нет? — мягко спрашивает Гриша.

Долгая пауза. Шулма достаёт зеркальце, смотрит на себя, поправляет волосы. Потом убирает.

Она вдруг тихо усмехнулась. Странно — в этой усмешке не было прежнего холода.

— Значит, проблема всё-таки во мне.

— Частично.

— А не в мужчинах.

— Нет.

Она сидела неподвижно. Потом медленно поднялась. Подошла к двери. Остановилась. И сказала:

— Интересная теория, психолог.

Она повернулась. Посмотрела на него как на букашку под микроскопом.

— Но есть одна проблема.

— Какая?

Она улыбнулась. Впервые за всю сессию — настоящей улыбкой.

— Я получаю от этого огромное удовольствие.

Пауза.

— До свидания, психолог.

Дверь закрылась. Гриша выдохнул. Посмотрел на мухомор.

— Ну что, — спросил он у него, — как тебе такая клиентка?

Мухомор промолчал. Но Грише показалось, что он слегка поник.

— Вот и я о том же.

А вот в отделе архива дела шли из рук вон плохо.

Поднявшись на несколько этажей и кое-как их проверив, они столкнулись с новой, совершенно неожиданной проблемой. В принципе, пара-тройка сомнительных кандидатов нашлась,

но те наотрез отказались иметь какие-либо дела с Диогеном. У всех была одна и та же заученная цитата, произносимая с таким выражением, будто они репетировали её годами:

— С этим котом? Нет, спасибо. Он мне хуже горькой редьки!

Собравшись смертельно усталые в конце рабочего дня в своём архиве, они едва не переругались насмерть.

— Нет, вы только посмотрите на них! — сорвавшимся до визга голосом начала Наталья Михайловна, яростно тыча пальцем в список, который от такого обращения, кажется, начал дымиться. — Один только о деньгах и думает! Я ему про долг перед родиной, а он мне: «А какой оклад? И премиальные за риск?». Я ему про вечность, а он про тринадцатую зарплату!

— Другой на Бали летит! — с театральной тоской подхватила Светлана Ивановна, закатывая глаза так, что, казалось, они сейчас сделают полный оборот. — Говорит: «Мой внутренний баланс и чакры важнее какого-то Духа Места!». Я ему: «Там мир рухнет!», а он: «А на Бали тоже рухнет? Там же энергетика особенная».

— Третий в игрушки по ночам сидит! — горько фыркнула Елена Владимировна, поправляя очки, которые от возмущения всё время съезжали. — Спросила, готов ли он к подвигу. А он: «Подождите, у меня тут гильдия рейд проходит, подвиг может и подождать». Я говорю: «Подвиг не ждёт!», а он: «Танк не ждёт, если я отойду, всех порежут».

— А эти? — с леденящим презрением в голосе вступила Наталья Викторовна, поведя плечом, будто отряхиваясь от чего-то мерзкого. — Причёска такая, маникюр, педикюр Смузи на завтрак, спинулина на обед и пссилиум на ужин! От них даже вешее око видеть перестаёт — глаза режет запах эфирных масел и селф-кремов! Где в них сталь? Где огонь? Где тот самый дух, который горы сворачивает? Они горы сворачивать не будут! Они спросят, есть ли там коврик для йоги!

Все разом повернулись к Диогену, который беспомощно, мрачно развалился на стуле, как тряпичное изделие, из которого вытрясли всё содержимое.

— А тебя кто просил людей до белого каления доводить? — в унисон, с убийственным спокойствием выдохнули они. Четыре голоса слились в один хор праведного гнева. — Ведь можно было бы пару штук «выдернуть» для миссии, а теперь они от нас, как от чумы, шарахаются! Ты им как красная тряпка для быка, между прочим! И мы теперь в том же списке, потому что с тобой работаем!

Кот медленно поднял на них исполненный страдания взгляд. В глазах его плескалась такая глубина обиды, что хватило бы на целый океан.

— Кого «выдернуть»? — с горькой, язвительной иронией прошипел он. — Того, у кого обиды крепкие на невинные шутки? Так? А я что такого сделал-то? Я просто хотел, чтобы люди улыбались!

— Бухгалтерия! Я что, зло какое-то совершил? — возмущённо продолжил кот, размахивая лапой так, что с ближайшей полки слетела папка с надписью «Пророчества, не сбывшиеся по вине кота». — Ну, подменил их дорогой кофе на цикорий. Подумаешь! Зато полезно! Ну и добавил в их любимый калькулятор кнопку, которая вместо цифр печатала: «А можно аванс?». Они же сами виноваты, считают целый день, как стервятники над отчётами! Я им просто разнообразие внёс! Оживил рутину!

Он загнул палец и разгорячился ещё больше.

— А эти важные, с пятого этажа, которые с инвесторами общаются! — продолжал он, набирая обороты. — Ну, подшутил слегка. В самый разговор по видеосвязи с каким-то лондонским лордом я им картинку вставил — будто они все сидят в зале, а у меня на голове корона и я за ними главный. Смешно же! А они чуть не подписали контракт, думая, что это наш новый директор. Ну и что? Зато теперь у них тема для обсуждения на корпоративах!

Вещуньи смотрели на него молча. Каменно. Четыре статуи возмездия.

Кот, почувствовав, что поддержки не будет, только сильнее разошёлся.

— Ну и ладно, отдел безопасности! — отчаянно фыркнул Диоген, видя их непроницаемые лица. — Эти вообще кошмар! Ходят, всё проверяют, ко всем придираются. Я им все кодовые замки на дверях перепрограммировал. Теперь, чтобы открыть, нужно не цифры набирать, а мякнуть определённую мелодию. «В лесу родилась ёлочка», если что. Пусть тренируются! Им полезно! Развивает дыхательную систему!

Он тяжело вздохнул, глядя на их неумолимые лица.

— Ну это же смешно! — взмолился кот, и в его голосе послышались нотки отчаяния. — А что я с отделом кадров сделал? Ничего! Просто немного оживил их тесты для соискателей. Вопрос «Кем вы видите себя через пять лет?» теперь, если отвечают «вашим начальником», тест пишет: «Цель амбициозная. Рекомендуются к найму для мотивации текущего руководства». Они до сих пор не могут понять, кто взломал их базу! А это просто шутка!

Он нервно прошёлся по архиву, хвост раздражённо дёргался, сметая пыль с нижних полок.

— А IT-отдел! — продолжил он, уже почти задыхаясь от обиды. — Я им просто оптимизацию предложил! Сказал: «Зачем вам двадцать серверов, если можно просто поверить в облако?» Они почему-то не оценили метафору. Один программист потом три часа пытался объяснить мне, что такое резервное копирование! Я ему сказал: «У меня память на семь веков вперёд, какое ещё резервное?» — так он меня из чата выгнал! Из общего чата, представляете?!

Кот загнул ещё один палец, уже почти не глядя на лапу.

— А маркетинг! — продолжил он с новым возмущением. — Я им предложил гениальную концепцию. «Наша корпорация — дыхание вечности». Очень красиво! Мифологично! А они сказали, что я «слишком абстрактный для фокус-группы» и что вечность плохо продаётся в квартальном отчёте! Сказали, что людям нужно что-то более конкретное, например, «скидка на второй товар»!

Он остановился и обвёл их взглядом, полным глубокой обиды.

— И что в этом такого? Я же вношу разнообразие в их серые будни! Скорость мысли повышаю! Креативность развиваю! А они они меня в чёрный список внесли и ставят на собраниях стул далеко от розетки, чтобы я ноутбук не мог зарядить! Вот она, людская неблагодарность! Невинные же шутки! А они, неблагодарные, веками злопамятствуют!

Он уже собирался продолжить, но вдруг вспомнил ещё.

— А, да! — кот вскинул лапу, чуть не сбив светильник. — Столовая! Я вообще ничего плохого не сделал! Просто слегка переписал меню. Теперь вместо «комплексный обед» там написано «испытание духа». Для мотивации! Чтобы люди понимали, что обед — это не просто приём пищи, а подвиг! Они почему-то не оценили философскую глубину!

Вещуни смотрели на него так, как смотрят на человека, который только что признался, что случайно подпалил библиотеку, а теперь удивляется, почему все кричат.

— Теперь нам боком твои шутки выходят! — не выдержала Наталья Михайловна, и её голос внезапно дрогнул от полного бессилия. — Кандидатов у нас ноль! Ни одного! Даже тех, кого мы уговаривали, теперь бегут, как от огня!

— Господи, — с неподдельным, животным ужасом прошептала Светлана Ивановна, закрывая лицо руками, — я не хочу просто исчезнуть из-за того, что наш проводник окончательно зажрался!

— И стал совершенно профнепригоден! — жёстко, как приговор, добавила Елена Владимировна, сверкнув глазами так, что очки чуть не треснули.

Диоген замер на месте, будто его окатили ледяной водой. Шерсть на его спине мгновенно встала дыбом, хвост превратился в пушистую щётку.

— Я?! Я зажрался?! Я профнепригоден?! — его голос из шипящего шёпота перешёл в оглушительный, яростный рёв, от которого с полок посыпалась пыль. — Да вы на себя посмотрите! Вы — Вещуни! Вам должно было Вещее Око подсказать, где искать! А вы что?!

Он тяжело дышал, смотря на них полными горькой обиды глазами.

— Связался с вами Думал, помощь от вас какая будет. Ан нет! Вечно у вас то платье не то, то маникюр облупился, то «ой, я на педикюр опоздаю», то «ой, у меня чакры не в балансе»! Вместо того чтобы судьбу мира вершить, вы по спа-салонам шастаете!

— Ах, вот как! — вскочила, как ошпаренная, Наталья Михайловна, с лицом, побагровевшим от ярости. — А сам-то?! Кот-философ. Баюн. Это что за зверь такой? Ты вообще кто по сути своей?!

— Меня так бабушка назвала, когда котёнком маленьким подобрала! — взвыл Диоген с искренней, детской болью, и в его голосе послышались слёзы. — Не трогайте вы бабушку, это святое! Это единственное, что у меня святого осталось!

Воцарилась тягостная, звенящая пауза, которую нарушила Светлана Ивановна, и её голос прозвучал с ледяной, убийственной вежливостью.

— Кстати, о бабушке К ней, случаем, добры-молодцы захаживали недавно? Не заглядывали на огонёк?

— Точно! — тут же подхватила Наталья Михайловна, в глазах которой зажёгся опасный огонёк. — Ну, как раньше водилось: «Напои, накорми, баньку истопи, сказку расскажи». Может, там кто завалился?

— Вот, всегда эти богатыри халявщики были, — театрально вздохнула Елена Владимировна, закатывая глаза. — То им баньку, то им кашу, то им медовухи налей.

Диоген вдруг поднял голову. В его глазах вспыхнула новая, жгучая обида.

— Издеваетесь? — прошипел он, и в его голосе зазвенели настоящие, горькие слёзы. — Где вы в современном Дальнем Подмосковье богатырей найдёте? Да мы там избу за высоким забором прячем, как какую-нибудь контрабанду! И знаете что? Никто не просится «напои, накорми»! Ни-ко-го!

Он с такой силой ткнул лапой в сторону воображаемого Подмосковья, что чуть не потерял равновесие и не рухнул со стула.

— Она занята! — продолжил он, уже не в силах остановиться. — Её отвлекают мошенники по мобильному: «Бабушка, скажите код из четырёх цифр, ваш внук попал в аварию, ему срочно нужна помощь!» И пошло, и поехало! Хобби теперь у неё появилось, — его голос сорвался на визгливую, отчаянную нотку. — Она и порчи на них насылала, и проклятия, и болезни! Теперь на смерть делает! Профессионально! И что вы думаете? Одни убытки! Их от этого ещё больше становится! Как тараканов травить — плодятся в геометрической прогрессии! А у неё потом нервы, давление скачет Она ведь пожилой уже человек! Ей такие битвы со злом не по силам! Я ей говорю: «Бабушка, оставь ты их, не связывайся», а она: «А кто, если не я?».

Он закончил, тяжело дыша, и в его фигуре читалось горькое отчаяние не проводника, а внука, который бессилён защитить свою старушку от реалий нового, ужасного времени.

— Бабушка!.. — голос Диогена внезапно сорвался, став тонким, потерянным, детским. — Моей бабушки тоже не будет! Никого не будет! И баньки не будет! И бабушкиных пирожков! И её ворчания, что я мало ем!

Отчаяние в архиве стало таким густым и липким, что его, казалось, можно было потрогать руками. Оно оседало на стеллажах, смешиваясь с пылью веков.

— Всё, — Диоген решительно, с надрывом встал, смахнув с пиджака несуществующие соринки. — Мне надо. Срочно. Выпить. Бар! Я в бар!

— С Нарэком? — автоматически, вспомнив старую схему, уточнила Светлана Ивановна.

— Можно и с Нарэком, — мрачно буркнул кот, засовывая телефон в карман и пытаясь попасть когтем в кнопку вызова. — Уже всё равно Какая разница, с кем пить перед концом света.

Но через минуту он вдруг дёрнулся, будто его ударило током.

— Нарэком?.. Ну конечно, НАРЭК!

Вещуни, как по команде, переглянулись, и в их глазах одновременно вспыхнула одна и та же спасительная мысль. Четыре пары глаз загорелись надеждой.

— У него сердце светлое, — почти благоговейно прошептала Елена Владимировна, прижимая руки к груди.

— И не трус, — утвердительно кивнула Наталья Михайловна. — Я помню, как он в том году в одиночку с обезумевшим лешим справился.

— Благородный, — добавила с надеждой Светлана Ивановна. — И дороги у него всегда чистые.

— И хитрости в нём нет, — заключила с облегчением Наталья Викторовна. — Ни капли. Совсем не умеет притворяться.

— И главное! — Баюн уже судорожно, лихорадочно листал контакты в телефоне, его когти отчаянно стучали по экрану, оставляя царапины на стекле. — Он не скажет, что не хочет иметь со мной дел! Он же друг! Он меня ещё ни разу не послал! Даже когда я его в три ночи будил!

Он нашёл номер, прижал трубку к уху, зажмурившись в мучительном ожидании.

— Нарэк? Брат! Братишка, привет! — затараторил он, не давая собеседнику вставить ни слова. — Где ты?.. А, вот! Слушай, бар-то в силе? А давай сегодня, а? У меня большие проблемы. Очень большие. Мне помощь нужна. Ты на машине? А, да ну её, машину! Я сейчас договарюсь, пусть до утра на стоянке начальства постоит. Отлично! Встречаемся у входа! Жди! Я лечу!

Он бросил телефон на стол с таким видом, будто только что в одиночку победил того самого Духа Места, и телефон жалобно звякнул, но выдержал.

— Всё, — театрально провозгласил Диоген, поправляя пиджак и принимая величественную позу. — Иду вербовать первого богатыря. Методом душевной беседы и культурного отдыха. Бар, виски, душевный разговор — и дело в шляпе!

— Нам тоже нужно посетить одно из этих культурных заведений, — властно, возвращая себе достоинство, заявила Наталья Михайловна, подбирая сумочку и поправляя воротник.

— Однозначно, — сразу же поддержала Елена Владимировна, с тоской глядя на свой маникюр и вздыхая так, будто он уже пострадал от конца света. — После такого стресса мне требуется арт-терапия в виде хотя бы одного мохито. Или двух. Или трёх.

— И потом, — деловито добавила Наталья Викторовна, сметая в ящик стола папки с грифом «Вечно секретно» и даже не глядя, куда они падают, — если уж отправлять нас в небытие, то только после порции тирамису и хорошего коктейля. Я не намерена встречать конец света с чувством невыполненного долга перед своими вкусовыми рецепторами.

— Какое это счастье, быть просто дамами, которые случайно зашли выпить по бокалу вина, — с лёгкой, почти девичьей улыбкой ответила Светлана Ивановна, поправляя причёску и глядя на своё отражение в тёмном экране монитора.

И вся компания, кот впереди, четыре вещуни за ним гордо направилась к выходу из архива. Навстречу бару, виски и, возможно, спасению мира. Или хотя бы хорошему вечеру.

Глава 9

Нарэк, проводив Гришу до ворот, спустился на подземную стоянку, где его ждал Баюн, нервно расхаживающий между бетонными колоннами.

— Нарэк!!! Как я рад тебя видеть! Ты даже не представляешь, насколько! — Диоген буквально набросился на него с бурными объятиями.

— Баюн, я, конечно, тоже рад тебя видеть. Но не настолько, чтобы лобызаться, — опасно отстранился Нарэк, отбиваясь от кошачьих лап. — У тебя что, кредиторы появились? Или ты кого-то в заложники взял и теперь тебя ищут? И тебе понадобился психолог?

— Хуже! — трагическим шёпотом выдохнул Диоген. — Гораздо, гораздо хуже! Но в баре расскажу. Хорошо, без поцелуйчиков. Машина на стоянке у начальства, такси ждёт. Поехали!

И, нетерпеливо схватив Нарэка за рукав, потащил к выходу. Тот озадаченно покосился на горящие странным энтузиазмом глаза кота и позволил себя вести, с опаской думая, что, возможно, зря согласился сегодня пойти с ним в бар.

Приехав в ресторан на набережной, Нарэк не успел опомниться, как Диоген сразу сделал заказ, агрессивно тыча пальцем в меню:

— Это, это, это и всё самое лучшее моему дорогому другу! И не переживай, сегодня за всё плачу я. Официант, и как можно скорее, в первую очередь — самые лучшие напитки. И покрепче, пожалуйста. И ещё раз: побыстрее!

Не дожидаясь ответа, он ловко сунул официанту в карман хрустящую купюру.

Диоген с преувеличенным облегчением откинулся на стуле, но тут же встретился с испытующим, суровым взглядом Нарэка. Тот сидел, скрестив руки на груди.

— Кто ты и что сделал с настоящим Диогеном? — без тени улыбки, в упор спросил он. — Ты — древний бог, покровительствующий молодым, умным, красивым армянам, принявший облик кота? И ты захотел мне лично сказать, что я самый ну, хотя бы умный?

— Ну что ты начинаешь? — попытался отшутиться кот, но голос его дрогнул. — Я что, не могу сделать широкий жест для лучшего друга?

— Ты? — Нарэк медленно, с убийственным спокойствием поднял бровь. — За четыре года, сколько я тебя знаю, ты ни разу не платил за себя! Хорошо ещё, что я от тебя, как нянька, не отхожу и успеваю в большинстве случаев заплатить за нас обоих. А то сколько было с тобой приключений, когда мы неслись по ночному городу с полными бумажниками, и всё потому, что «так веселее, и копейка рубль бережёт»? Или ты забыл, как пару раз нас менты ловили, и мы отдавали штраф втрое больше, чем выпили и съели? А кто затащил меня в подпольное казино, где я думал, что нам точно конец, потому что некто возомнил себя лучшим карточным шулером всех веков, и, о чудо, его тут же поймали и выкинули нас за шкуру, как назойливых котят?!

Диоген помрачнел. Маску беззаботного веселья сдуло с его лица, словно ветром. Он почти бегло обвёл взглядом полупустой зал, резко наклонился через стол и прошептал так тихо, что Нарэку пришлось буквально втянуть голову в плечи, чтобы расслышать:

— Ладно, братан, ты прав. Никакого широкого жеста. Мне отчаянно нужна твоя помощь. Такая помощь, за которую не жалко и золотые горы. Ты же не откажешь своему коту-братке в деле ну самой что ни на есть государственной важности?

— Ну, валяй, — с непробиваемым скепсисом протянул Нарэк, отодвигая свой бокал.

— Давай сначала выпьем, — засуетился Диоген, нагло игнорируя рюмки и наливая водки по полбокала. — Пей, это тебе поможет. Ты же знаешь, я в людской, да и в кошачьей, психологии собаку съел.

Нарэк даже не удостоил это ответом, лишь скептически хмыкнул и сделал чисто символический глоток.

— В общем, если совсем коротко. Проснулся один тип, древний и о-о-очень могучий засранец. Он уже много раз стирал цивилизации людей и не-людей под корень. Потом создали меня, и я как-то умудрялся сохранить народ на этой земле. Не всё было гладко, конечно, но мы выстояли. А теперь — новый раунд. Мы все можем бесследно исчезнуть.

— Умереть? — уточнил Нарэк, и холодок по спине сменился ледяной дрожью.

— Да, только смерть будет особенно ужасная. Люди будут постепенно забывать всё: куда идут, зачем нужно то или это, потом забудут себя. Полный распад личности. Не-люди сначала о них забудут люди, они не будут получать энергетической пищи, а потом и сами забудут себя и растворятся, как сахар в чае.

— А что тебе мешает и сейчас, по-старому, вкось и вкривь, остановить?

— Для этого нужны богатыри. А их у меня нет, — с неподдельным, гнетущим унынием констатировал кот. — Безбожно прошляпил время на подготовку.

— Ты это серьёзно?! — Нарэк буквально не верил своим ушам. — И ты вот это мне так, будто о погоде, спокойно говоришь?

— Да, — Диоген с театрально-обречённым видом развёл лапами. — И со стеклянной теперь совестью я объявляю тебя первым богатырем!

У Нарэка буквально отвисла челюсть. Он несколько секунд ошарашенно молча смотрел на кота, потом с недоумением на свой бокал, потом с отчаянием снова на кота.

— Диоген — он медленно, с трудом поставил бокал на стол, будто тот весил центнер. — Я — психолог. Я стрессоустойчивость у мифологических существ повышаю. Я в жизни меча в руках не держал! Максимум — скалку на кухне, когда бораки раскатывал, маме в детстве помогая!

— Меч? — фыркнул, будто услышав нелепость, Баюн. — Да кому он сейчас нужен, этот древний хлам? Главное — тут! — он яростно ткнул лапой себе в грудь, а потом — прямо в солнечное сплетение Нарэка. — Чистое сердце, светлая душа, нестигаемая воля! Ну, и чтобы рост под метр восемьдесят был, а то с карликами как-то несолидно смотрится

— У меня нет ста восьмидесяти, — автоматически, оправдываясь, ответил Нарэк.

— Ну и не надо! — на ходу переобулся, не моргнув глазом, кот. — И так сойдёт. Главное, чтобы в душе богатырь был, а не бездушный шкаф с мускулами.

— Послушай, я боюсь не подойду, это слишком серьёзно, я всё завалю! Давай ищи другого!

— ДРУГОГО НЕТ, ты меня слышал? — голос Диогена внезапно стал низким, твёрдым и безжалостным, как обнажённая сталь.

— Я не верю, вон сколько вокруг! Те же менты, что нас задерживали, — они куда солидней меня выглядят!

— Нарэк, — кот опасно прищурился. — Нужны именно ведающие и с открытым сердцем. А они там столько гадостей насмотрелись на своей работе. Да, мы с тобой не невинные херувимы, но у нас есть то, чего у них давно и бесповоротно нет: ещё живая, не окаменелая душа. Нарэк, включи голову. Иначе буквально никого не останется. И твоих родных в первую очередь.

Воцарилась тягостная, давящая пауза. Нарэк судорожно сглотнул, глядя на своё искажённое отражение в тёмной поверхности стола.

— Выбора у меня вообще нет? — голос его дрогнул.

Баюн горько и безнадежно покачал головой, и в его глазах на мгновение мелькнула подлинная, тысячелетняя усталость.

— Подожди Ты сказал «богатырей». Я так понимаю, троих? Ещё двоих надо? — в голосе Нарэка внезапно зазвучала слабая, почти детская надежда, что он хотя бы не один.

Диоген горько вздохнул, почти выхватил свой бокал и выпил залпом большими глотками, морщась.

— Ещё семерых. Всего восемь. Цифра смертельно сакральная.

— А сколько времени осталось? — спросил Нарэк, с опаской глядя на кота, будто ожидая удара.

— Неделя, — абсолютно мрачно ответил Диоген, упрямо отводя взгляд.

— Ты что, совсем издеваешься?! — Нарэк вскочил на стуле, так что тот отъехал со скрипом. — Ты чем всё это время занимался, пока здесь всё закручивалось? О своём проклятом предназначении уже забыл?

— Ну-у-у — Диоген заерзал, забегал глазами. — Работал! Архив — он сам себя не упорядочит. Да и вещуньи эти Ну ты сам их видел, каждая со своим тяжёлым характером. Я им, понимаешь ли, моральную поддержку оказывал! Создавал хрупкий микроклимат в коллективе!

Нарэк молча смотрел на него с каменным, неумолимым лицом, заставляя кота беситься и ёрзать ещё сильнее.

— Ну, ладно! — взорвался наконец, срываясь на крик, Баюн. — У меня престарелая бабушка на руках, между прочим! И я помнил. До двадцатого века буквально каждый день помнил. А потом всё завертелось. Революция, война, БАМ, проклятые девяностые Эти дурацкие ваучеры на рынке сами себя не скупают. Потом опять — отдел архива в самой большой корпорации, адская ответственность И всё. Точка. Всё уже случилось. Да, я окончательно оплошал.

В его голосе прозвучала непритворная, выстраданная усталость. Он смотрел на Нарэка уже не как проказливый кот, а как древнее, измождённое существо, которое слишком долго тащило свою неподъёмную ношу.

— Я просто невыносимо устал помнить, — глухо, почти про себя, добавил он, с отвращением отодвигая свой бокал.

— Ладно, взять себя в руки, Нарэк, — строго сказал сам себе Нарэк и решительно опрокинул бокал. — Надо трезво подумать.

Они посидели минуту в глухом молчании, прерванном только назойливым звоном приборов.

— Гоша! — внезапно, словно озарённый, оживился Нарэк. — Гоша — самая идеальная кандидатура. Лучше него просто нет!

— Точно, — с силой хлопнул себя по лбу Диоген. — Я же его помню, твоего загадочного кента. Он вроде как маг же, по-моему?

— Он гениальный маг-теоретик! — Нарэк уже лихорадочно доставал телефон, чтобы набрать Гошу, но связь оказалась недоступной. — Он же в сверхсекретном отделе Может быть где угодно.

— Ой, ерунда это всё! — махом отмахнулся кот. — Мы на высшем приоритете, у нас карт-бланш.

Он с важным и деловым видом набрал номер.

— Алло, добрый вечер Да, продвижение есть, одного нашёл, ещё одного в виду держим. Нужно его срочно освободить от дел. — Кот продиктовал фамилию, скорчил гримасу. — Ну, нельзя вам такие крепкие слова говорить, вы же солидное начальство Понял. Жду.

Как только он положил телефон, официант принёс первые блюда.

— В командировке Гоша. На глухом севере. Туда два дня только по горам добираться, — бормотал с полным ртом Диоген. — Высылают замену с материализатором, чтобы его силой телепортировать. Завтра будет.

— Ладно, что есть, то есть, — покорно вздохнул Нарэк, механически накладывая себе салат. — А ты мне про эти экзамены рассказывай. Что там вообще, в сущности, происходит?

— Не знаю. Он стирает мне память.

— Жестко.

— Жизнь вообще не сахар.

— Так что не угадаешь, — снова став серьёзным, вздохнул Диоген, возвращаясь к еде. — Но одно скажу Он всегда бьёт по самому больному. По тому, что народ в ту эпоху забыл или предал. Так что готовься, братан. Скоро узнаем, в чём нынешняя наша главная слабость.

Так они и провели вечер: ели, пили и отчаянно перебирали кандидатов.

В конце концов, Нарэк с окончательно обречённым видом поднял руки:

— Ладно. На выходных поеду к родителям, с ними и с сестрёнкой повидаюсь. А то мало ли что

— Я тоже к бабушке, — кивнул, глядя в пустоту, Диоген. — Давно не был.

Утро у начальника отдела межвидовой адаптации выдалось непростым.

Соломон Давидович сидел за столом, уставившись в одну точку, и перечитывал бумагу уже в пятый раз. Пальцы слегка дрожали. Не от старости — от бешенства, которое он тщетно пытался загнать обратно в клетку.

— Это что за — начал было он, но Светочка, стоявшая перед ним с безупречно невозмутимым лицом, мягко перебила:

— Разнарядка, Соломон Давидович. Сверху. С подписью и печатью.

— Я вижу, что с печатью, — голос его сел от напряжения. — Я спрашиваю: на каком основании они забирают моего сотрудника в какую-то проверку персонала?

Светочка деликатно кашлянула.

— Группа сформирована по личному распоряжению — она назвала должность, от которой у Соломона Давидовича дёрнулся глаз.

Он отшвырнул бумагу, поднялся, прошёлся по кабинету. Остановился у окна. За стеклом всё та же серая Москва, всё те же люди, понятия не имеющие, что происходит на самом деле.

— Нарэк — психолог, — процедил он. — У него нет допуска к секретным проверкам. У него вообще нет образования для этого. Он молодой специалист, который и так закрывает в отделе слишком много дыр, понимаете? И так! А они

Он резко замолчал, стиснув зубы. Потом медленно, с усилием выдавил:

— Как мы без него будем справляться? У нас и так каждый работник на вес золота. А тут — забирают. Насовсем. В неизвестность.

Светочка подошла ближе. Очень спокойно. Очень мягко.

— Соломон Давидович, — сказала она, и в её голосе вдруг проступило что-то, чего он никогда раньше не слышал. Что-то тяжёлое, древнее, почти осязаемое. — Вы же понимаете. Это не проверка персонала.

Он медленно повернулся.

— Что?

— Это не проверка, — повторила она, глядя ему прямо в глаза. — В группу входит архив. С Баюном.

Соломон Давидович замер. Медленно снял очки, протёр их, надел обратно. Словно надеялся, что мир после этого станет прежним.

— С Баюном, говоришь? — переспросил он, и в его голосе вдруг появились странные нотки. Не страха. Не удивления. А что-то вроде ностальгии? — Так, так, так

Он откинулся в кресле, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику. Светочка ждала.

— Я знаю Диогена как облупленного, — наконец произнёс Соломон Давидович, и на его лице появилась странная, почти юношеская усмешка. — Благодаря ему, между прочим, я в молодости попал в руки Бехтерева.

— Простите? — Светочка моргнула. Этого она не знала даже по дорогам.

— А было дело, — Соломон Давидович откинулся в кресле, явно собираясь рассказать историю. — Начало прошлого века. Я тогда совсем зелёным был. Беспризорником. Шпаной. Но видел сущности — это у меня с детства открылось. Дар такой. Не очень прибыльный, скажу я тебе, когда ты пацан без роду без племени.

— И как вы встретились? — спросила Светочка.

— Баюн меня подобрал, — просто сказал Соломон Давидович. — Увидел на улице, почуял во мне ведающего. И решил, что такой талант пропадает зря. Причём не в том смысле, что надо меня учить, а в том, что надо повеселиться.

Светочка прищурилась:

— Что он придумал?

— А он придумал проверить своего старого друга, — усмехнулся Соломон Давидович. — Владимира Михайловича Бехтерева. Знаешь, чем он на самом деле занимался, помимо психиатрии?

— Знаю, — кивнула Светочка. — Исследованиями нечисти. Работал под грифом «секретно». Собирал материалы по сущностям, изучал взаимодействие с людьми. Многие его труды до сих пор в архивах лежат, простым людям не почитать.

— Вот именно, — Соломон Давидович постучал пальцем по столу. — И Диоген решил, что будет забавно ограбить его дом.

— Что?! Узнаю Диогена!

— Да, в прямом смысле, — рассмеялся он. — Диоген сказал: «Соломон, если ты действительно видишь сущности, давай проверим, на что ты способен. Пойдём на прибыльное дело».

— И вы согласились?

— Я был молодой, голодный и верил коту на слово, — вздохнул Соломон Давидович. — Тем более Диоген наобещал, что дом ломится от добра. И мы пошли. Ночью. Диоген в кошачьей ипостаси прошёл вперёд, разведал обстановку. Я уже добрался до кабинета, открыл сейф

— И?

— И там не было ничего ценного, — усмехнулся Соломон Давидович. — Ни золота, ни драгоценностей. Только старые папки, рукописи, какие-то камни непонятные. А когда я обернулся, в дверях стоял сам Владимир Михайлович. С лёгкой улыбкой.

— И что он сказал?

— Сказал: «Молодой человек, я давно ждал, когда за этим сейфом придут. Только обычно воры забирают то, что понимают. А вы, я смотрю, даже не знаете, что в моём сейфе настоящие сокровища».

— И вы?

— А я стоял и краснел. Диоген сидел рядом, делал вид, что он просто кот. А Бехтерев посмотрел на нас обоих и говорит: «Вижу, Баюн, опять хулиганишь. Нашёл себе ученика, а учишь его не тому, чему надо».

Соломон Давидович откинулся в кресле.

— Потом он меня чаем напоил. Расспросил, откуда я, кто родители, как научился видеть сущности. А когда узнал, что я беспризорник, сказал: «Будешь учиться. Очень много будешь учиться. Сначала — медицина. Потом — всё остальное. А когда получишь знания, я заберу тебя к себе и научу, как использовать свой дар вместе с ними».

Соломон Давидович помолчал.

— И он сдержал слово. Я учился. Сначала на медицинском, потом — специальные курсы, потом — секретная практика. И всё это время он за мной присматривал. Как за учеником, в котором увидел будущее.

— И вы стали тем, кем стали, — тихо сказала Светочка.

— Стал, — кивнул он. — Потому что один старый кот решил пошутить, а другой старый профессор решил дать шанс беспризорнику. Диоген потом признался, что специально привёл меня к Бехтереву. Говорит: «Ты, Соломон, пропадёшь на улице. А тут тебе и образование, и дело, и секретность. И Бехтереву новый помощник нужен. Всё честно».

— Так это была не шутка?

— Шутка с двойным дном, — усмехнулся Соломон Давидович. — Диоген притворился, что хочет ограбление устроить, а на самом деле меня к Бехтереву пристроил. Чтобы я не пропал. Чтобы мои способности не пропали.

Соломон Давидович помолчал. Потом медленно поднял глаза на Светочку.

— И если этот кот забрал Нарэка, — сказал он, и в его голосе не было ни вопроса, ни удивления, только тяжёлая, свинцовая уверенность, — значит, дело серьёзное.

Он выдержал паузу.

— И не в масштабах одной, пусть и очень большой, корпорации.

Светочка встретила его взгляд.

И кивнула.

Твердо.

Без лишних слов.

Без привычной секретарской улыбки.

Просто кивнула.

И этого было достаточно, чтобы Соломон Давидович понял всё.

— Понятно, — сказал он тихо. Посмотрел на бумагу, которую всё ещё держал в руке. — Всё уже не важно. Всё уже решилось. Без меня. И без моего согласия.

Осталось только ждать. И смотреть, как всё это закончится.

Наталья Юрьевна сидела в своём кабинете. В кабинете главного бухгалтера всей корпорации. Он был идеален. Как и всё, что её окружало. Строгие линии, дорогая мебель, безупречный порядок на столе — даже стопка отчётов лежала под идеальным углом. В углу, на отдельной полке, мерцал малахит.

Она сидела в своём кресле, поправляя серёжку — тяжёлый изумруд в старинной оправе, подарок мужа. В окно лился утренний свет, такой же ровный и спокойный, как её жизнь. Или, по крайней мере, та её часть, которую видели другие.

Наталья Юрьевна вздохнула.

Не потому, что было плохо. Просто задумалась.

В голове крутился этот разговор в архиве. Конец света, богатыри, древний дух, проснувшийся раньше времени. И кот, который наконец-то вспомнил, кто он есть. Всё это было где-то там, за стенами её бухгалтерии, в мире, где она была не просто Натальей Юрьевной, начальником отдела, а Хозяйкой Медной горы.

Она провела пальцем по столешнице. Под пальцами мелькнула зелёная искра. Малахит отозвался где-то глубоко, на уровне, который не снился обычным людям.

Вот уже который век, — подумала она, — я сижу в этих кабинетах, считаю чужие деньги, отбиваюсь от проверок, строю из себя железную леди. А где-то там...

Она не договорила мысль, но перед глазами возникло лицо.

Алексей. Высокий, плечистый, с руками, которые умели всё: держать кирку, чертить планы, гладить её по волосам. Мягкий. Умный. С ним не надо было играть роль. С ним можно было просто быть.

Каждый век разный. Иногда кузнец, иногда горный инженер, иногда архитектор, который проектировал шахты. Всегда связанный с землёй, с недрами, с тем, что она чувствовала каждой клеткой своего существования. Всегда высокий, широкоплечий, с руками, которые пахли камнем и потом. Всегда тихий, спокойный, умный. Всегда её.

В этот раз он пришёл в её жизнь не из шахты, а из офиса. Из той самой корпорации, где она работала. Только он был не в бухгалтерии. Он отвечал за то, ради чего вся эта корпорация, собственно, и существовала. За трубы, которые тянутся по дну северных морей. За газ, который идёт под водой из России в Европу. За самый большой и сложный проект, который только можно было придумать в этой стране.

Когда она впервые услышала, чем он занимается, внутри что-то дрогнуло. Он говорил про подводные газопроводы, про глубины, про давление, про металл, который лежит на дне и не ржавеет десятилетиями. Про то, как важно, чтобы труба не дала трещину там, где её не достанет ни один ремонтник. Она слушала и чувствовала: вот оно. То, что ей близко. То, что она понимает без слов. Земля, недра, глубина, только вместо камня сталь, вместо руды газ.

Познакомились они на корпоративе. Она чувствовала себя чужой среди этих пластиковых улыбок, пока не увидела его. Он стоял у окна, смотрел в темноту и говорил кому-то по телефону про давление в трубе и график укладки. Она подошла — не удержалась. Спросила что-то про глубину залегания и коррозию, которую невозможно увидеть снаружи. Он обернулся, посмотрел на неё и улыбнулся.

«Вы знаете про такие вещи?» — спросил он. «Знаю», — ответила она. Это была чистая правда. Она знала про давление, про металл, про то, что лежит под землёй и под водой, задолго до того, как люди научились это доставать.

Они проговорили всю ночь. О трубах, о сварке, о том, как чувствовать металл, когда он живёт своей жизнью под толщей воды. Он рассказывал, она слушала и удивлялась: как точно он понимает то, что она чувствует тысячами. Как будто сам был из тех, кто рождается в недрах.

Потом был разговор, короткий, как удар кирки: «Выходи за меня». Не вопрос — утверждение. Она не стала ломаться. Сказала: «Хорошо». И всё. Два камня нашли друг друга.

Он не знает, кто она. Думает, что она просто умная, красивая женщина, которая работает в большой корпорации. Что её малахит — просто коллекция. Что её знания о металлах — от чтения и природной смекалки. Он не знает, что когда он рассказывает про давление в трубе, она чувствует, как где-то глубоко под дном моря отзываются старые жилы. Что когда он чертит планы новых укладок, она видит их под водой до того, как они лягут на дно.

И это правильно. Так было всегда. Каждый век она находила его — и каждый век он не знал. Это была их игра. Или, может быть, её единственная слабость.

Сейчас он, наверное, уже на работе. В каске, с планшетом в руках, смотрит на очередной проект и чувствует, как под водой дышит металл. И, может быть, тоже думает о ней. О своей жене, которая странно много знает о трубах и иногда смотрит на него так, будто видит сквозь тысячу лет.

Наталья Юрьевна улыбнулась.

— Ладно, — сказала она вслух. — Будем жить дальше, хотя может и не долго. И там, в архиве, пусть сами разбираются. А у меня, между прочим, квартальный отчёт и муж, который сегодня обещал прийти пораньше.

Она взяла со стола планшет, открыла отчёт. Но перед глазами всё ещё стоял он — высокий, широкоплечий, с руками, которые пахли металлом и счастьем.

Вот он, мой самый главный камень, — подумала она. — *И я его нашла. В этот раз — точно нашла.*

Она посмотрела на малахит в углу. Камень мерцал в ответ, словно улыбаясь.

Наталья Юрьевна только взялась за отчёт, как в приёмной раздался голос секретарши:

— Антон Алексеевич, Наталья Юрьевна очень занята. Она просила передать, что её сегодня

— Я слышал это уже двадцать семь раз за второй день недели, — раздался спокойный, ровный голос, от которого у Натальи Юрьевны задергался глаз.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина. Лет тридцати. Идеально выбритый. Идеально причёсанный. В костюме, который сидел так, будто его шили на заказ, хотя Наталья Юрьевна точно знала — он покупает всё в обычных магазинах, просто вешает на плечики с идеальным расстоянием между вешалками.

— Наталья Юрьевна, — Антон Алексеевич вошёл в кабинет с папкой в руках, зажатой под идеальным углом. — Я по поводу отчёта за прошлый квартал.

— Какого отчёта? — она даже не подняла головы. — Я всё сдала.

— Всё, кроме одного, — он положил перед ней тоненькую папку. — У вас не хватает подписи на третьей странице. Я уже семь раз приносил. Вы каждый раз говорили, что подпишете. И каждый раз

— Антон Алексеевич, — Наталья Юрьевна подняла глаза и посмотрела на него тем самым взглядом, от которого у налоговой начинали трястись колени. — Вы не находите, что семь раз — это перебор?

Он ни капли не смутился.

— Восемь, — спокойно поправил он. — Восьмой — сейчас. Если вы подпишете, больше не придётся.

Она взяла папку. Подписала. Протянула обратно.

— Всё?

— Всё, — он забрал папку, развернулся и вышел. Дверь закрылась без единого звука.

Наталья Юрьевна откинулась в кресле и выдохнула.

— Лида, — нажала она кнопку селектора. — Я же просила: меня для Антона нет. Что бы он ни сказал, как бы ни выглядел — меня нет. Я в командировке. Я ушла в монастырь. Я перевелась в другой отдел. Придумай что-нибудь.

— Пыталась, — голос секретарши звучал виновато. — Он нашёл меня в буфете. Сказал, что знает, что вы на месте, потому что вчера видел, как вы заходили с утра. И сегодня тоже видел. Он каждый день смотрит, во сколько вы приходите.

— Каждый день? — Наталья Юрьевна прикрыла глаза. — Это не сотрудник, это шпионская программа в человеческом обличье.

Она открыла телефон, нашла Светочку. Набрала.

— Света, привет. Отведи мне дороги. От моего кабинета. Чтобы этот — она запнулась, подбирая слово, — этот образцовый бухгалтер ходил ко мне не чаще семи раз в день. Хотя бы.

— Семь раз в день? — голос Светочки звучал удивлённо. — Наташ, он сколько ходит?

— Без конца, — мрачно поправила Наталья Юрьевна. — Восемь. С утра. Я только что подписала восьмую бумажку.

Светочка на том конце провода помолчала. Потом тихо сказала:

— Сделаю. Постараюсь.

— Спасибо, — Наталья Юрьевна положила трубку.

Через десять минут в дверь постучали. Она замерла.

— Наталья Юрьевна? — голос секретарши. — Вам уведомление пришло.

— Какое ещё уведомление?

— Из отдела кадров. Вашего сотрудника, Антона Алексеевича, освобождают от работы в бухгалтерии на семь дней.

Наталья Юрьевна замерла.

— Что?

— Он возглавляет группу по проверке поведения персонала на рабочем месте, — голос секретарши стал чуть тише. — С сегодняшнего дня. На семь дней.

— В какую группу? — Наталья Юрьевна встала. — Какая ещё проверка? У меня отчёт на носу, он единственный, кто может с ним справиться! Он всё помнит, всё видит, он он идеальный бухгалтер! А они его забирают?!

Она схватила телефон. Набрала Светочку.

— Света, ты что сделала?!

— А что? — голос Светочки звучал абсолютно невинно.

— Я просила, чтобы он ходил ко мне поменьше! А не чтобы его вообще убрали! У меня отчёт! Он только один знает, где у меня какая цифра! Он единственный, кто может это всё свести!

— Наташ, — голос Светочки стал мягче. — Ну отдохнёшь от него семь дней. Может, перед концом света это и к лучшему.

— Какой конец света? — рявкнула Наталья Юрьевна. — У меня отчёт!

— А у нас — проверка персонала, — спокойно сказала Светочка. — И вообще, это месть.

— Мест? Кому?

— Баюну.

Наталья Юрьевна замерла.

— При чём здесь Баюн?

— А он, — голос Светочки стал чуть насмешливым, — очень не любит, когда всё идеально. Когда всё по правилам. Когда каждая копейка на своём месте, а отчёты сданы вовремя. Ему подавай хаос, творчество, вдохновение, ну и, знаешь, отсутствие порядка.

Пауза.

— Твой Антон Алексеевич — идеальный бухгалтер, который достал даже тебя. Представляешь, что будет, когда он попадёт к Баюну?

Наталья Юрьевна села обратно в кресло.

— Ты хочешь сказать

— Я хочу сказать, что Диоген Винсентович сейчас получит такого человека, которого он заслуживает. Семь дней. В одной команде. И никакой возможности от него спрятаться.

Светочка помолчала и добавила с лёгкой, почти незаметной улыбкой в голосе:

— Отдохни, Наташ. Семь дней — это не вечность. А может, и вечность. Смотри как посмотреть.

Наталья Юрьевна медленно положила трубку.

Посмотрела на пустой стул, на котором ещё час назад сидел Антон Алексеевич с идеальной папкой и идеальной подписью.

И вдруг улыбнулась.

— А ведь и правда, — сказала она вслух. — Пусть теперь Диоген с ним пообщается.

Она взяла планшет, открыла отчёт, который теперь придётся дodelывать без главного перфекциониста.

И с удивлением поняла, что на душе стало легче.

— Семь дней, — повторила она. — Может, и не зря этот конец света затеяли.

Малахит в углу мерцал, словно соглашаясь.

Утром во вторник прозвучал колокольчик, созывающий на внеплановую утреннюю планерку.

«Прекрасно, — мрачно подумал Гриша. — Сейчас Соломон Давидович начнёт свой утренний мотивационный сеанс, и мой день окончательно станет похож на плохой анекдот».

Соломон Давидович, как всегда, стоял во главе стола, излучая невозмутимость тибетского монаха. Но сегодня в его глазах, помимо обычной отеческой заботы, читалась лёгкая, тщательно скрываемая озабоченность.

— Коллеги, друзья, винтики нашего большого и слегка безумного механизма! — начал он, и его голос, густой и бархатный, попытался заполнить собой унылую атмосферу утра. — Начинаем эту неделю с небольшой, но важной кадровой перестановки. Наш незаменимый Нарэк отправился в срочную командировку. В другое, стратегически важное подразделение.

По залу пронесся негромкий, усталый вздох. Никто не удивился. Слово «командировка» здесь часто означало всё что угодно — от переговоров с водяным в ближайшей канализации до отлова сбежавшего мазерати-нави.

— Это — огромное доверие и доказательство высочайшего профессионализма нашего Нарэка! — Соломон Давидович воздел руки, словно благословляя невидимого отъезжающего. — Его светлый ум и стальные нервы сейчас нужны там, где решаются судьбоносные для всей нашей структуры вопросы! Гордитесь, друзья! Мы все причастны к его успеху!

Речь была бодрой, пафосной и абсолютно пустой. Она не взбодрила никого. Напротив, она повисла в воздухе тяжёлым, предсказуемым грузом. Потому что каждый в этом зале уже мысленно прикидывал, кому из них перепадут самые сложные, «нарэковские» дела.

И Соломон Давидович, сделав театральную паузу, с прискорбием подтвердил эти немые догадки.

— Пока наш брат-воин выполняет эту почётную миссию, — продолжил он, и его голос внезапно лишился бархатистости, став простым и деловым, — нам предстоит взять на себя часть его нагрузки. Распределение клиентов уже лежит у вас в почте. Светочка, будьте добры, усильте, пожалуйста, график дежурств. Клиентская база, к сожалению, не уменьшилась. Напротив.

Последняя фраза прозвучала как приговор. По залу пронесся новый, на этот раз более громкий и откровенно стонущий вздох.

Гриша сидел и смотрел на пустое место, где всегда сидел Нарэк. Мысль о том, что его единственный друг и наставник в этом хаосе теперь недоступен, заставила его растеряться. Впервые за всё время работы он почувствовал себя по-настоящему одиноким в этом странном, полном нечисти и абсурда мире. Без Нарэка, который всегда знал, куда идти и куда наступить, чтобы не провалиться в очередной магический коридор.

«Прекрасное начало, нечего сказать», — прошептал он в пустоту, пока голос Соломона Давидовича, снова ставший бархатным, заводил свою старую пластинку о «командном духе» и «вызовах, закаляющих характер».

Характер, возможно, и закалялся. А вот желание жить у коллег таяло на глазах, как утренний иней.

В это самое время в архиве царила атмосфера, странным образом сочетающая предсмертную тоску и посиделки в богатом будуаре.

Баюн, у которого усы, казалось, вибрировали от напряжения, метался по комнате, как тигр в клетке из бархата и папок с грифом «Совершенно секретно». Он то подходил к окну, то бросался к стеллажам, то замирал посреди комнаты, прислушиваясь к чему-то, что слышал только он.

А в центре этого шторма царил невероятный оазис спокойствия. Вещуны, словно забыв о неминуемом апокалипсисе, устроили настоящий салон. Они усадили Нарэка в самое мягкое кресло, завалили его пледиком и с материнской нежностью поили ароматным чаем с бергамотом, подсовывая печенье ручной работы.

— Ну, выпей, милоч, согрейся, — ворковала Наталья Михайловна, поправляя на нём воображаемую пылинку.

— А печенье-то наши пробовал? — подхватила Светлана Ивановна. — В них секретный рецепт, от тоски и уныния.

— И от конца света, между прочим, тоже, — с мрачным юмором добавила Елена Владимировна, с тоской глядя на свой маникюр. — Умирать, так с хорошим вкусом.

Нарэк, сражённый такой атакой заботы, покорно жевал и чувствовал, как паника медленно сменяется ощущением, что он попал в очень странный спа-салон на краю гибели.

И тут эту идиллию, словно ураган, взорвало появление новой фигуры.

В архив, не скрывая возмущения, ввалился Гоша. На нём был походный комбинезон, пахнувший ветром и магией далёких земель, а на лице читалось чистейшее недоумение человека, которого оторвали от раскопок древнего артефакта ради неизвестно чего.

— Я не понял? — прогремел он, снимая с плеча увесистый ранец и с грохотом опуская его на пол. — Меня? Гошу? Физика-теоретика, только что из самой интереснейшей командировки с поля аномалий, где я чуть ли не квантовую пену руками трогал? Срочно телепортируют сюда? В архив? ЗА ЧТО?!

— О, Гоша, друг! Заждались! — взревел Баюн, с облегчением набрасываясь на нового гостя, словно на спасительный якорь. — Ты не кипятись, не время сейчас! Садись, вот, чайку с плюшками, шоколадку элитную припас, бери, не стесняйся!

— Не надо мне вашей шоколадки! — отмахнулся Гоша, сверкнув глазами. — Нарэк, чё за фигня вообще происходит? Объясни!

Нарэк, с мученическим видом отхлебнув из своей фарфоровой чашки, вздохнул так глубоко, что, казалось, вобрал в себя всю скорбь мира.

— Гош, лучше возьми и поешь шоколадку, — с неподдельной грустью посоветовал он. — Правда. Может, последний раз в жизни. У нас, понимаешь ли... конец света на носу.

Воцарилась секундная пауза.

Гоша, маг-теоретик, сын офицера, прошедший не одну боевую стычку с хаотическими сущностями, оценивая поспешил посмотреть на нервно подрагивающего кота, на вещунью с их печеньками и на убитого вида Нарэка.

В его осанке что-то изменилось. Сыновний и магический стержень взял верх над возмущением. Он выдохнул, снял рюкзак и с видом человека, принявшего неизбежное, твердо опустился на стул.

— Ладно, — сдавленно произнёс он. — Давайте мне ваши плюшки. И налейте чаю. Погорячее. Если конец света, то на пустой желудок его встречать, дурной тон.

Глава 10

Гоша, выслушав всё, откинулся на спинку стула. В его глазах горел не страх, а холодный, аналитический огонь. Он принялся систематизировать информацию, как настоящий учёный на пороге великого открытия, пусть это открытие и вело к вероятному концу света.

— Так. Резюмируем, — начал он, перечисляя пункты на пальцах. — Мы имеем дело с Духом Места. Сущность: сверхмощная. Способ воздействия: проверка «на вшивость» целого народа через восьмерых избранных. Способ нейтрализации: неизвестен. Главный вопрос: его нельзя убить?

— Конечно, нельзя! Спятил? — фыркнул Баюн, нервно теребя свой хвост. — Как ты попробуешь убить память? Ты её можешь подавить, исказить, но не вычеркнуть. Она всегда найдёт лазейку, чтобы напомнить о себе. Обычно — очень болезненно.

— Понятно. Следующий пункт, — невозмутимо продолжил Гоша. — Его нельзя изолировать.

Он посмотрел на кота, тот молча кивнул. Гоша тяжело вздохнул.

— Значит, стандартные протоколы содержания супер-угроз не работают. Вывод: нам нужно, по сути, сдать... дипломную работу. Выполненную в полевых условиях, без права на ошибку, без вспомогательной литературы и без единственного шанса на пересдачу. И если что-то пойдёт не так, — Гоша хрустнул костяшками пальцев, — вероятно, придётся драться. Метафизически или физически — пока не ясно. Кстати, ключевой вопрос: богатыри... они всегда выживают?

Баюн, услышав это, словно сдулся. Вся его энергия, все его клоунские ужимки разом испарились. Он горько, по-стариковски, опустил на стул, и в его глазах мелькнула тяжесть бесчисленных веков.

— Нет, — прошептал он, и его голос вдруг стал тихим и очень старым. — Не всегда. Я... я уже столько раз провожал таких. Молодых. Смелых. Глупых. Умных. Самых лучших. И я... я несую память о них. Об их утрате. Веками. Это самая тяжёлая часть работы.

В архиве повисла тягостная пауза. Даже вещуньи перестали шептаться, глядя на внезапно постаревшего кота.

— Ясно, — абсолютно спокойно, без тени паники, ответил Гоша. Его военная закалка брала верх. — Итак, текущий расклад: богатырей всего двое. Нам нужно собрать за неделю ещё шестерых. Значит, надо думать. Срочно.

— Думать-то когда? — с тоской в голосе встрял Нарэк, до этого сидевший в ступоре. В его голове уже рисовались картины бегства. — Может... может, просто свалить? Забрать семью, друзей и просто уехать подальше?

— Бесполезно, братан, — Баюн горько усмехнулся, снова став самим собой, но с бесконечной усталостью в каждом слове. — Это не локальная угроза. Это системный сбой. Если этот Дух не пройдёт проверку здесь, он может запустить цепную реакцию. Другие Духи Памяти Места по всей планете начнут просыпаться, чувствуя слабинку. И тогда... — он развёл лапами, — тогда всеобщий каюк человечеству, да и не только ему. Бежать некуда. Все билеты уже кончились.

Гоша встал и подошёл к огромной карте мира, висевшей на стене.

— Значит, остаётся один вариант, — сказал он, глядя на переплетение стран и континентов. — Сдать этот дурацкий экзамен на «отлично». И желательно — без потерь в составе группы. Приступаем к подбору кадров. У нас всего неделя, чтобы найти шестерых святых с пуленепробиваемой психикой в этом сумасшедшем мире. Что может быть проще?

Пока Гоша вникал в суть грядущего апокалипсиса, пытаясь переварить тот факт, что квантовая пена теперь может подождать, Гриша сидел в своём кабинете и принимал клиентов. Он понимал, что теперь ему придётся работать не только со своими, но и с теми, кто всегда ходил к Нарэку. Сидя за столом, перебирая папки, он чувствовал себя сапёром, который не знает, какая из мин взорвётся первой. Тревога была лёгкой, но неприятной.

Первый клиент из списка Нарэка постучал в дверь.

— Войдите, — сказал Гриша, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Дверь открылась, и в кабинет вошла женщина. На первый взгляд — милейшая дама неопределённых лет в строгом платье, с аккуратной причёской и кружевным платочком, который она держала наготове. Но Гриша уже давно научился смотреть не на первый взгляд.

Очки сделали своё дело.

Над головой клиентки клубился едва заметный фиолетовый туман. Он не рассеивался, а медленно вращался, как маленькое личное облако, и от него слезились глаза и хотелось чихнуть. А на её сумочке, увешанной брелочками, прямо на переднем плане сидело крошечное, но невероятно злобное вязаное чучелко. Оно смотрело на Гришу двумя чёрными бусинами-глазами и, казалось, изучало его пульс.

Гриша машинально, не сводя глаз с чучелка, потянулся к планшету.

Экран мигнул и выдал:

Ольга Михайловна Трибунская — Обдериха. Банный дух, специализация: наказание мужчин за нарушение границ. Ведёт бытовую магию, проклятия средней тяжести, особенно преуспела в конфликтах с зятями. По должности — начальник экономического отдела дочернего предприятия. Энергетический потенциал: высокий. Рекомендуются проявлять максимальную вежливость и не спорить. Последствия для неподготовленного собеседника: от лёгкого недомогания до недельного запора у всех, кого она упомянет. «И это — легко отделался»

Гриша сглотнул.

Он поднял глаза.

— О, Григорий, я рада вас видеть! — всхлипнула Ольга Михайловна, прижимая платочек к глазам. — Нарэка моего куда-то отправили! Сiju, жду, а его всё нет и нет! А тут ещё эти

Она махнула рукой, и чучелко на сумочке злобно дёрнулось, словно подтверждая: «Да, есть такие».

— Добрый день, Ольга Михайловна, — вежливо улыбнулся Гриша, стараясь не смотреть на вязаную тварь, которая, кажется, начала скалиться. — И спасибо вам большое за те конфеты, что вы мне в прошлый раз дали. Они меня, можно сказать, спасли. Морок быстро отогнали.

— Не благодарите, милый, — махнула она рукой, и платочек взметнулся в воздухе, оставляя за собой фиолетовый шлейф. — Я всегда стремлюсь помочь людям. А вот они — её голос дрогнул, и чучелко на сумочке оскалилось, — неблагоприятные!

И понеслось.

Ольга Михайловна, не переводя дух, начала проклинать бывших мужей, бывших любовников, коллег мужского пола, водителей маршрутки, соседей-мужчин. Но больше всего, конечно, доставалось зятю.

Зять появлялся в её монологе везде — и среди коллег, и среди дворников, и среди сантехников, и среди тех, кто, по её мнению, заслуживает отдельного места в аду. Он был и неблагодарным, и ленивым, и руки у него росли не из того места, и дочь его совсем замучил, и внучку учит неправильно, и даже газон перед домом стриждёт не так, как надо.

— И знаете, Григорий, — она подалась вперёд, и фиолетовый туман над её головой сгустился до состояния грозовой тучи, — он ещё и посмел мне сказать, что я в дела молодых лезу! Представляете?!

— Представляю, — осторожно вставил Гриша, пытаясь вернуть диалог в терапевтическое русло. — Ольга Михайловна, а вы сейчас замужем?

— Я всегда замужем! — гордо ответила она. — Уже девятый раз.

И тут же, не переводя дыхания, вlepила смачную порцию проклятий нынешнему мужу, который, судя по всему, был виновен в том, что слишком громко дышит, неправильно смотрит, а главное — до сих пор жив.

От мужа она плавно перекинулась на бывших мужей (всех восьмерых, с подробным перечислением их грехов), потом опять на зятя (тут пошло самое смачное, с деталями про газон и неправильно забитые гвозди), потом на начальников — своих, чужих, и тех, кого она видела только по телевизору. Затем настала очередь мужчин из пенсионного фонда («вечно сидят, ничего не делают, а мне каждый месяц доказывай, что я живая!»), потом — из управы, из домоуправляющей компании, из «Горсвета» и из «Мосводоканала». Потом, набрав обороты, она добралась до министров, депутатов и прочих высокопоставленных лиц, которые, по её словам, «тоже мужики, а значит, виноваты во всём».

Гриша слушал, кивал.

— Ольга Михайловна, — настойчиво, но максимально вежливо произнёс он, когда поток проклятий ненадолго иссяк для нового вдоха, — давайте всё-таки перейдём к терапии.

— Не нужна мне никакая терапия! — отрезала она. — У меня и так всё хорошо! Я очень счастливая женщина!

— Но вы не хотите избавиться от этой... ненависти к мужскому полу?

— Нет! — она посмотрела на него как на круглого дурака. — Это моё хобби!

Гриша сдался.

— Так... зачем же вы тогда ходите к психологу?

— Я пенсионерка! — заявила она с видом человека, предъявляющего козырь в безнадежной партии. — Имею право на бесплатного психолога!

Чучелко на её сумочке согласно закивало, словно подтверждая, что это аксиома и не требует доказательств.

— И потом, — добавила она с кокетливым подмигиванием, — я же на тебя тоже их накладываю. Ты такой душка. Не то что тот Петров, зыркал на меня исподлобья. Но всё равно ты не Нарэк, — вздохнула она с тоской. — Тот так улыбается мне, я его в лоб проклиная, а он мне: «Ольга Михайловна, вы и сейчас красивая женщина, а раньше, небось, первая красавица в Москве были!». Верните мне Нарэка! Или научись, как он, женщин ценить!

Гриша посмотрел на свои часы проклятий, которые ему выдала Светочка. Стрелка показывала «113». Сто тринадцать проклятий разной степени тяжести прилетело ему за один сеанс. Он инстинктивно подвинул стул поближе к мини-арке, установленной в каждом кабинете психологов на всякий непредвиденный случай.

«Интересно, — с суеверным ужасом подумал Гриша, глядя на захлебнувшийся индикатор, — как же её муж до сих пор жив? Хотя... да он же не первый».

Но вслух он, разумеется, ничего не сказал.

Оставалось только кивать, слушать и ждать, когда поток проклятий иссякнет сам собой. А он не иссякал. Ольга Михайловна перешла на мужчин из налоговой, потом на мужчин из Росгвардии, потом на мужчин вообще — как на биологический вид. Индикатор на часах Гриши мигнул и погас, как бы говоря: «Я сдаюсь, считай сам».

— Ольга Михайловна, — наконец произнёс Гриша, улучив момент, когда она переводила дыхание, — наше время подходит к концу.

— Уже? — она с сожалением посмотрела на часы, которых у неё, кажется, не было, но время она чувствовала нутром. — А я только вошла во вкус. Ну ладно, милый, в следующий раз дослушаешь.

— Обязательно, — с каменным лицом пообещал Гриша.

Ольга Михайловна поднялась, поправила сумочку, на которой чучелко довольно подёргивало вязаными лапками, и направилась к двери.

— Ну, выздоравливай тут, — бросила она на прощание. — И учись улыбаться. Как Нарэк. А то сидишь весь такой... серьёзный. Психолог, а улыбаться не умеешь.

Дверь закрылась. Воздух в кабинете стал заметно чище.

Гриша посмотрел на индикатор часов. Тот молчал. Видимо, отдыхал после такого.

— Ну что, — сказал Гриша мухомору в углу, — ещё один сеанс прошёл.

Мухомор, кажется, с ним согласился.

Гриша открыл окно, впуская свежий воздух, и подумал: «Интересно, Нарэк и вправду улыбается ей в ответ на проклятия? Или просто знает, когда надо вовремя уйти в сторону?»

Пока Гоша стоял у карты, в архиве зазвонил внутренний телефон. Трубку подняла Елена Владимировна. — Да — коротко сказала она, выслушала, кивнула. — Поняла. Выдвигаемся. Она положила трубку и спокойно повернулась к остальным. — Всё. Группа по проверке уже ждёт у лифта.

— Диоген — она чуть склонила голову, — возглавляет её Антон Алексеевич. Из бухгалтерии.

Тишина стала плотной, как бетонная плита.

— Этот симпатичный юноша, который часто посещает наш архив? — уточнила Наталья Викторовна, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. — Тот самый, который очень не доволен нашей работой и пылью на папках? — спросила Светлана Ивановна, и в её голосе послышалось что-то среднее между уважением и ужасом. — Который заставил перебрать всю классификацию по бухгалтерии, потому что «индексы должны быть на полтора миллиметра выше», — добавила Наталья Михайловна, прикрывая глаза, будто вспоминала тяжёлые времена.

Диоген замер. Медленно повернул голову. — Кто?..

— Антон Алексеевич, — повторила Елена Владимировна с тем самым выражением, с которым обычно сообщают, что больной безнадежен, но ещё дышит.

Диоген медленно взял со стола какую-то бумагу. Посмотрел на неё. Разорвал. Ещё раз. Бросил на пол. — Я догадываюсь, откуда растут ноги, — сказал он спокойно. — Спасибо вашей подруженьке.

Никто не ответил. Четыре пары глаз просто смотрели на него. Молча. Очень выразительно. Четыре образа невинности, которая знает всё, но признаваться не собирается.

— У нас конец — начала было Наталья Михайловна, но Диоген резко поднял руку. — Хватит, — отрезал он. — Сам знаю.

Никто не улыбнулся.

Диоген выдохнул. И с видом человека, которого ведут на казнь, но он решил умереть с достоинством, вышел из кабинета.

У лифта уже стояли трое. Антон Алексеевич — аккуратный, собранный, в идеально отглаженном костюме, с папкой, зажатой под идеальным углом, и с выражением лица человека, который умеет находить ошибки в отчётах даже во сне. И просыпаться от этого с чувством глубокого удовлетворения. Рядом — девушка из кадров, с блокнотом и внимательным взглядом. И мужчина лет сорока из службы контроля — с таким лицом, будто он всю жизнь проверяет, кто где не так сидит.

Они обернулись.

Диоген остановился. Окинул их взглядом. Задержался на Антоне Алексеевиче с таким выражением, будто перед ним был не человек, а личная катастрофа, завернутая в идеально выглаженный костюм. — Прекрасно, — тихо сказал он. — Просто прекрасно.

Антон Алексеевич слегка приподнял бровь. Миллиметр. Не больше. Но этого хватило, чтобы Диоген внутренне сжался. — У нас проверка поведения персонала на рабочем месте, — спокойно, как будто объяснял первокласснику, что дважды два — четыре, ответил он. — Если для вас это проблема — возможно, есть причины.

— Есть, — парировал Диоген, и его голос стал на полтона выше. — Одна из них стоит передо мной в костюме, который, кстати, на три миллиметра длиннее, чем положено по корпоративному стандарту.

Антон Алексеевич опустил взгляд на свои рукава. На секунду в его глазах мелькнуло что-то, похожее на панику. Но только на секунду. — Это моя личная особенность, — отрезал он. — Не влияет на качество проверки.

— Всё влияет! — вкрадчиво сказал Диоген. — Если человек не может соблюдать стандарт длины рукава, как он может оценивать работу других людей?!

— Я оцениваю не работу, а поведение, — спокойно поправил Антон Алексеевич. — И ваше поведение, судя по вашему тону, уже требует первого пункта протокола.

Диоген открыл рот, чтобы ответить что-то уничтожающее, но тут в разговор вмешался Нарэк. Он вышел из-за спины вещуний с такой улыбкой, которая способна разоружить даже самого заядлого перфекциониста.

— Антон Алексеевич, вы абсолютно правы, протокол — это важно. Документооборот — основа любой проверки, — начал он, загораживая собой уже готового взорваться кота. — Но, может, начнём с нижних этажей? С подвалов? Там, говорят, за прошлый месяц накопилось... ну, много всего. Клининговые компании инвентарь складывают, служба охраны мониторы проверяет, техника стоит. Самое место для серьёзной проверки.

Антон Алексеевич задумался. Взвесил папку в руке. — Подвалы? — переспросил он. — Это зона ответственности службы безопасности и хозяйственного отдела.

— Вот именно! — подхватил Нарэк с энтузиазмом. — Там столько всего можно проверить! Инвентаризация, учёт, порядок хранения...

Антон Алексеевич посмотрел на девушку из кадров. Та кивнула — мол, логично. Посмотрел на мужчину из службы контроля. Тот пожал плечами — ему всё равно, где проверять. — Хорошо, — сказал Антон Алексеевич. — Начинаем с подвалов.

Он нажал кнопку вызова. Лифт открылся. Антон Алексеевич, девушка из кадров и мужчина из службы контроля шагнули внутрь. — Вы с нами? — спросил Антон Алексеевич, оглядываясь на Диогена.

— Мы догоним, — быстро сказал Диоген. — Нужно папки взять. Для объективности.

Антон Алексеевич кивнул, и двери закрылись. Лифт уехал вниз.

Диоген тут же развернулся к Нарэку. — Подвалы? — переспросил Диоген, и в его голосе слышалось искреннее недоумение. — Ты отправил бухгалтера с проверкой в подвалы? Зачем?

— Там сидят боевые маги, — невозмутимо ответил Нарэк.

— И? — не понял Гоша.

— И, — Нарэк понизил голос, — нам же нужны богатыри. Я думаю, из них кто-нибудь да подойдёт. А пока бухгалтер их проверяет, мы можем... ну, присмотреться.

Диоген и Гоша посмотрели на него с таким выражением, будто Нарэк только что предложил устроить конец света на год раньше.

— Ты вообще представляешь, где находятся маги? — спросил Гоша, понижая голос до шёпота. — Маги этажами ниже. Вход по электронным пропускам. Потом ещё ниже — специальный допуск, зона «Совершенно секретно».

— Ну и что? — не понял Нарэк.

— А то, что там два цербера сидят, — пояснил Гоша. — Настоящих. Которые знают запах всех магов и людей, кому можно там работать. Если запах не тот — они тебя даже до лифта не пустят. Сожрут и справки не спросят.

Диоген вдруг оживился. Глаза его загорелись странным, почти ностальгическим огнём. — А-а-а, — протянул он, — вот где Черныш и Миляй! Я всё думал, куда их дели.

— А что они тут делают? — спросил Нарэк. — Они же не наша нечисть.

— Греки тоже жили на территории нашей страны, — пожал плечами Гоша. — Вот с того помёта и остались. Размножились, видимо. Климат подходящий.

— И они меня на дух не переносят, — добавил Диоген мрачно. — Даже если мы взломаем электронику, эти меня не пропустят. Особенно Миляй.

— Почему? — спросил Нарэк.

Диоген помолчал. Как-то неохотно. Что для него вообще было нетипично.

Елена Владимировна сразу это заметила и даже чуть повернула голову:— О вот это уже интересно.

Диоген скривился.— Да там недоразумение было.

— У тебя все «недоразумения» потом в летописи идут как «катастрофа регионального масштаба», — сухо заметила Наталья Михайловна. — Рассказывай.

Диоген вздохнул. Тяжело. С выражением человека, которого сейчас заставят признаться в чём-то очень некрасивом.

— Когда эти псы были ещё совсем молодые, им устроили экзамен в Греции. На вратах царства Аида. Вход, выход, чужих не пускать — стандартная программа, всё серьёзно, с протоколом.

— Ну и тут, как назло, мой дружок, с которым мы в кости играли, кони двинул. Понимаешь не отдав долг.

— Конечно, не отдав, — кивнула Наталья Викторовна. — У тебя же все такие.

— Это не «все», это тенденция! — возмутился Диоген. — Люди вообще умирать любят в самый неподходящий момент.

— Ближе к делу, — холодно отрезала Наталья Михайловна.

— Так вот, — продолжил он, — я пошёл туда. Чисто прогуляться. Посмотреть. В последний раз в ту бесстыжую морду, которая решила, что смерть — это уважительная причина не платить.

— И? — уже с явным интересом подалась вперёд Елена Владимировна.

— И там эти двое сидят. Зелёные. Глаза горят, хвосты напряжены — экзамен же. Ответственность. Карьера. Всё такое.

Он развёл лапами.

— А я их ну заговорил.

— В смысле — заговорил? — уточнил Гоша.

— В прямом. Разговорил. Подумать заставил. Миляй, помню, даже голову наклонил хвост опустил задумался.

Диоген хмыкнул.

— И вот в этот самый прекрасный момент мой должник — прыг! — и мы с ним рванули оттуда.

Никто не заговорил.

— То есть — медленно произнёс Гоша, — ты помог своему напарнику по азартным играм сбежать из царства мёртвых во время экзамена церберов?

Диоген почесал затылок.— Ну если формулировать максимально занудно — да.

— Господи — тихо выдохнула Светлана Ивановна.

— И что потом? — сухо спросила Наталья Михайловна.

— А что потом, — пожал плечами Диоген. — Экзамен они, естественно, провалили. Их скажем так отправили на перевоспитание. По месту происхождения.

— В Россию, — уточнил Гоша.

— В Россию, — подтвердил Диоген. — На вольные хлеба. Искать себя. Развиваться. Строить карьеру.

Он сделал паузу и мрачно добавил:

— И с тех пор, где бы мы ни пересекались мне приходится спасаться бегством.

— Потому что они тебя на дух не переносят, — констатировала Наталья Михайловна.

— Потому что они неадекватные собаки! — вскинулся Диоген. — Ни чувства юмора, ни гибкости мышления! Я им, между прочим, кругозор расширил!

— Ты им жизнь сломал, — спокойно сказала она.

— Да какую жизнь?! — возмутился Диоген. — Сидели бы у Аида, как мебель! А теперь — посмотрите: работа, тепло, питание, соцпакет, между прочим! Я им, можно сказать, карьерный поворот обеспечил!

— Вниз головой, — сухо добавил Гоша.

— Зато движение есть! — отрезал Диоген.

— Понятно, — подвела итог Светлана Ивановна. — Значит, вниз мы не пройдем.

Она спокойно сложила руки.

— Но кто-то же оттуда выходит.

Она окинула всех взглядом.

— Их и будем сканировать.

— Гоша, — мягко сказала она, — ты у нас главный специалист по подвалам. У тебя допуск на все ярусы.

Гоша насторожился.

— Может, спустишься и выведешь кого-нибудь наверх? — продолжила она. — По-свойски. Без протоколов. Без всей этой официальной нервотрещки.

Она чуть улыбнулась:

— Ну, как старые знакомые.

— Ты же с ними, наверное, шашлыки жарил? Или нет?

Гоша медленно посмотрел на всех.

И вдруг усмехнулся. Коротко. Безрадостно.

— Вы не понимаете, — сказал он спокойно.

— Там не «подвалы».

Он чуть подался вперед, и в его глазах вспыхнуло что-то тяжелое, давно копившееся.

— Там фронт.

Никто не улыбнулся. Наталья Викторовна перестала теревить рукав. Елена Владимировна замерла, не донеся чашку до губ.

— Там каждый боевой маг или боевая нечисть работает на износ, — продолжил Гоша уже тише. — Без перерывов. Без выходных. Без права ошибиться.

Он перевёл взгляд с одной на другую. В глазах его стояла холодная усталость, которую он, видимо, носил в себе уже давно.

— Открываются телепорты. Постоянно. Их бросает в горячие точки — защищать. От враждебной магии, от прорывов, от всего.

Наталья Викторовна опустила взгляд.

— Там идут бои, — сказал Гоша. — Не «где-то». Не «иногда». Непрерывно.

Он замолчал. В архиве стало так тихо, что слышно было, как где-то далеко, этажами ниже, гудели серверы. Или что-то другое. Что-то, что не гудит, а дышит.

— В защитных боксах регулярно случаются прорывы, — его голос звучал ровно, почти механически. — Иногда такие, что потом целые отделы неделю собирают себя по кускам.

Елена Владимировна машинально поправила очки, но, кажется, не заметила этого.

— Теоретики там живут на кофе и страхе, — продолжил он. — Изобретают, проверяют, диагностируют новые методы защиты и нападения. Каждый день. Потому что старые перестают работать.

Он на секунду замолчал, провёл рукой по лицу. Жест был быстрым, но все заметили, как дрогнули его пальцы.

— Думаете, почему вам не дали допуск?

— Хотя наша группа сейчас в приоритете.

Слова не нашлось.

— Потому что апокалипсис не один.

Гоша медленно выдохнул.

— Их несколько.

Никто не ответил. Даже Диоген.

Гоша опустил взгляд, потом снова поднял.

— И вы хотите, чтобы я туда спустился и кого-нибудь «на шашлыки» вывел.

В его голосе не было обиды. Только усталость.

— Хорошо, — неожиданно спокойно сказал Нарэк.

Все посмотрели на него.

Он пожал плечами. Жест был лёгким, но что-то в его лице изменилось. Куда-то ушла привычная улыбка.

— Дело всё равно сделано.

Он провёл руками по лицу, и вдруг стало видно, как он устал. Не сейчас, не сегодня — а вообще. От этого дня, от этой недели, от того, что он теперь богатырь, хотя сам не понимает, что это значит.

— Спускаемся в подвал, — сказал он тихо. — Может, там хоть кто-то из клининга окажется с сердцем богатыря.

Он помолчал.

— Хотя — он задумался, — я, если честно, даже смутно понимаю, что это за «сердце» такое.

Он постучал себя по груди.

— В себе я его точно не ощущаю.

— Надеюсь, вещуньи увидят, — добавил он уже тише.

Диоген хмыкнул, но ничего не сказал. Впервые за всё время его хмыканье не звучало насмешкой. Гоша тоже промолчал.

Возражать было уже бессмысленно.

С этим решением — таким кривым, наивным и единственно возможным — спорить было поздно.

Они молча развернулись и направились к лифту.

Никто не шутил. Даже Диоген.

— Ладно, — сказал он. — Поехали.

В дверь постучали. — Войдите, — сказал Гриша.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл мужчина.

Светлый. Очень светлый.

Белые волосы, почти прозрачные брови, кожа — будто солнце его не любило с детства. И улыбка.

Та самая улыбка. Постоянная. Тёплая. Чуть виноватая. Такая, на которую хочется ответить.

И вода.

Гриша почувствовал это не сразу. Сначала — лёгкая прохлада. Потом — запах. Не резкий. Чистый. Как после дождя. И только потом — ощущение, будто в комнате стало чуть глубже.

Как будто пространство раздвинулось.

Он остановился у порога. Осмотрел кабинет. Задержал взгляд на Грише — и улыбнулся шире.

— Ну, здравствуй, доктор, — сказал он мягко. — Говорят, ты теперь за Нарэка.

Без «вы». Сразу — на «ты».

Гриша отметил.

— Проходите. Присаживайтесь.

— Ой, да брось, — махнул тот рукой и сел, не дожидаясь приглашения. — Мы ж не на приёме у прокурора.

Сел удобно. Слишком удобно.

Нога на ногу. Руки раскинул по подлокотникам. Как будто не он в кабинете — а кабинет у него.

На мгновение Грише показалось, что кресло под ним стало мягче. Как ил.

Гриша спокойно открыл планшет.

Экран мигнул.

Оглинда Олег Викторович — Водяной. Специализация: эмоциональное вовлечение, формирование зависимых связей, удержание объектов. Должность: начальник отдела корпоративной культуры. Энергетический потенциал: стабильный. Риски: множественные привязки, истощение через внешние источники.

— Ну? — мужчина наклонился вперёд. — Будем знакомиться или ты уже всё про меня знаешь?

— Расскажите сами, — спокойно сказал Гриша.

Мужчина довольно кивнул.

— Правильно. Люблю, когда слушают.

Небольшая пауза.

— У меня всё хорошо, — сказал он.

Гриша кивнул.

— Тогда зачем вы здесь?

— Так положено, — пожал плечами тот. — Нарэк сказал: «ходи». Я хожу.

Он улыбнулся.

— Да и поговорить люблю.

— О чём?

— О жизни.

— Конкретнее.

Мужчина чуть наклонил голову.

— О женщинах.

Гриша не изменился в лице.

— Что именно?

— Они меня любят.

Сказано было просто. Без пафоса. Как факт.

— Все? — уточнил Гриша.

— Ну — он задумался, — процентов девяносто.

— Остальные?

— Сопротивляются, — усмехнулся он. — Но это ненадолго.

На секунду воздух в комнате дрогнул, словно по воде пошли круги.

Гриша сделал пометку.

— И в чём проблема?

— Проблема в том, что я подустал, — сказал он уже без улыбки. — А остановиться не могу.

— Почему?

Мужчина снова улыбнулся. Легко. Почти по-мальчишески.

— Ну как почему? Вот появляется опять молодая, красивая — он чуть прикрыл глаза, будто вспоминая, — волосы длинные, глаза как омут или, наоборот, смеётся так, что вода рядом теплее становится

Он тихо усмехнулся.

— Русалки, мавки, девки деревенские, городские пловчихи особенно Они воду чувствуют.

Пауза.

— И одна.

Он развёл руками.

— Жалко же.

Гриша внимательно слушал.

— И как тут устоять?

— То есть вы её спасаете?

— Ну можно и так сказать.

— От чего?

— От одиночества.

Он чуть наклонился вперёд.

— Я им даю — он искал слово, — ощущение.

— Какое?

— Что они не одни. Что их любят.

Небольшая пауза.

— И ещё — он чуть улыбнулся, — подарки люблю делать.

— Какие?

Мужчина оживился.

— Разные. Кому жемчуг, кому камень редкий Иногда просто — он щёлкнул пальцами, и на секунду на столе блеснула капля воды, — чтобы волосы мягче стали. Или кожа. Или чтобы мужчина, который её обидел, три дня в унитаэ смотрел и думал о жизни.

Гриша не отреагировал.

— И надолго хватает?

Мужчина чуть отвёл взгляд.

— Сначала — да.

— А потом?

— Потом начинается.

— Что именно?

— Они привыкают.

— К чему?

— Ко мне.

Пауза.

— И хотят больше.

— Больше чего?

— Меня, — он сказал уже тише. — Чтобы я был рядом. Постоянно.

— А вы?

— А я — он развёл руками, — я же не один.

На секунду в его глазах мелькнула глубина. Не человеческая.

Тёмная. Водяная.

— У меня работа. Люди. Дела. И — он усмехнулся, — не одна же она.

— То есть вы одновременно в нескольких отношениях?

— Ну не люблю это слово.

— Как вам удобнее это назвать?

— Я никого не бросаю.

Пауза.

Гриша записал.

— Это для вас важно?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что это подло.

— Бросить?

— Да.

— А оставаться, когда уже не хочется?

Он замолчал.

— Это сложнее.

— Для кого?

— Для всех.

— Но вы всё равно остаётесь.

— Ну да.

— Потому что жалко?

Он кивнул.

Гриша чуть наклонился вперёд.

— Скажите а если не жалеть — что будет?

Пауза.

— Она будет одна, — сразу ответил он.

— И?

— Ей будет плохо.

— А вам?

Он не ответил сразу.

— Не знаю.

Гриша кивнул.

— Давайте попробуем аккуратно.

Гриша отложил планшет, сложил руки на столе.

— Скажите, Олег Викторович, а вы когда-нибудь чувствовали, что вас любят не за то, что вы дарите, а просто за то, что вы есть?

Олег улыбнулся, но улыбка вышла какой-то водянистой. Будто её размывало изнутри.

— Я дарю не просто так, доктор. Я дарю то, что у меня есть. Жемчуг, который на дне намываю. Камни, которые вода шлифует. Сокровища, что ко мне прибывает. Это моё. И когда женщина это принимает она принимает меня.

— А если не примет?

— Не было таких, — уверенно сказал Олег. — Русалки любят блестящее. Мавки — красивое. Пловчихи — то, что глубину дарит. Они чувствуют мою силу. Мою воду.

— А вы чувствуете себя? Не воду. Не силу. А себя?

Олег замер. Улыбка пропала совсем.

— Не понял.

— Вы раздаёте себя по кусочкам, — сказал Гриша. — Жемчуг, защиту, магию, тепло. А что остаётся на дне, когда все подарки розданы?

— Я — он замялся. — Я не думал об этом.

— Вот и я о том же. Вы устаёте. Вы сами это сказали. Но остановиться не можете. Потому что если остановитесь — что останется?

Олег смотрел на него долго. Потом тихо сказал:

— Останется пустота.

— А вы пробовали побыть в этой пустоте?

— Зачем?

— Чтобы понять, кто вы без неё. Без русалок, без мавок, без женщин, которым вы дарите жемчуг. Без магии, без воды, без силы.

Олег усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой.

— Я водяной, доктор. Без воды я никто.

— Без воды вы — это вы, — сказал Гриша. — Водяной, который может дарить, а может и не дарить. Который может быть рядом, а может побыть один. Который умеет не только спасать, но и просить о помощи. Который достоин любви не за жемчуг, а за то, что он есть.

Олег молчал.

— Я не предлагаю вам отказываться от воды, — мягко сказал Гриша. — Я предлагаю вам иногда всплывать на поверхность. Смотреть на небо. Дышать. Быть не тем водяным, который раздаёт себя по каплям, а просто Олегом. Уставшим. Грустным. Живым.

Олег посмотрел на него долго.

— А если меня перестанут любить? — тихо спросил он. — Без жемчуга. Без силы. Без магии.

— Тогда они любили не вас. А то, что вы даёте.

Олег смотрел в пол.

— Водяной без того, кто его принимает это как вода без русла, — сказал он глухо.

— А вы пробовали быть водой в себе? — спросил Гриша. — Глубокой, спокойной. Которая не течёт к кому-то, а просто есть?

Олег поднял глаза.

— Не пробовал, — сказал он. — Не знаю как.

— Начните с малого. В следующий раз, когда женщина попросит у вас жемчуг — не дарите. Посмотрите, что будет. С ней. С вами.

— А если она уйдёт?

— Тогда она искала жемчуг. А не вас.

Олег кивнул, улыбнулся — той самой светлой улыбкой, которая в этот раз была чуть печальнее обычного.

— Ладно — сказал он, подходя к двери. — Попробую не сразу, правда.

Пауза.

— Но если что — это ты виноват.

— Договорились, — спокойно сказал Гриша.

Глава 11

Перед тем как двери лифта открылись, Диоген быстро сказал, не глядя ни на кого:— Так. По-быстрому прошвырнёмся, посмотрим, кто тут есть, и обратно наверх. Мне в эти глубины и в лучшие времена не хотелось. Лифт мягко дёрнулся и остановился. Двери разъехались. И все, кто стоял внутри, невольно замерли. Перед ними открылось огромное пространство, больше похожее не на подвал, а на целый подземный город. Потолок терялся где-то высоко во тьме, откуда лился ровный белый свет. Внизу тянулись широкие проходы, ряды секций, стеклянные перегородки, металлические стеллажи, тележки, ящики, лотки, стойки с инструментами, шкафы с маркировкой, кабели, трубы, лестницы, погрузчики и указатели, мигающие над перекрёстками, словно в аэропорту. Здесь кипела жизнь. Слева тянулся сектор электриков — с бухтами проводов, щитками, катушками, лампами и людьми в серой форме, над которыми, точно искры, мельтешили маленькие сухонькие духи с длинными пальцами и медными глазами. Они юрко ползали по кабелям, что-то подкручивали, шипели друг на друга и время от времени с гордостью исчезали в распределительных коробках. Чуть дальше виднелся сантехнический блок — ряды труб, вентиляей, прокладок, тяжёлых ключей. Там среди крепких мужчин в комбинезонах копошились другие существа: низкие, круглые, мокроватые, с лягушачьими повадками и невероятно деловым видом. Они сидели на трубах, слушали их, будто врачи пульс, и временами довольно кивали, если внутри ничего не булькало лишнего. Справа раскинулся целый зелёный сектор — оранжереи, стеллажи с рассадой, ящики с землёй, лампы, влажный тёплый воздух. Там работали садовники, а между горшками и под листьями шмыгали совсем уж мелкие духи — тонкие, как тонкие палочки, зеленоватые, с глазами-семечками. Они обнимали стебли, шептали что-то росткам, поправляли листья и с обидой косились на каждого, кто наступал не туда. Дальше тянулись хозяйственные службы, клининг, ремонтники, кладовщики, плотники, стекольщики, маляры, люди, отвечающие за мебель, за вентиляцию, за свет, за воду, за всё то, что наверху никто не замечал, пока оно работало. И среди людей повсюду сновала мелкая нечисть. Какая-то была похожа на недокормленных домашних, только в касках и с отвёртками. Какая-то — на крохотных, ворчливых духов очага, которых в разных краях звали по-разному, но все они одинаково не терпели сквозняков, пыли и чужих рук в своих запасах. Здесь были и амбарные помощники, и припечники, и банные шептуны, и маленькие духи кладовых, и такие, которых Нарэк вообще не видел за четыре года работы. Их разнообразие было огромным — у мордвы, у чувашей, у горцев, у северных народов, у кого угодно, лишь бы они отвечали за порядок, тепло, запас, сухость, чистую тряпку, исправную задвижку и чтобы в доме ничего не развалилось. Все они были при деле. Никто не бездельничал. И именно это потрясало больше всего. Это был не подвал. Это было огромное, гудящее подземное сердце корпорации, где на людей ложилась тяжёлая работа, а на мелкую нечисть — вечная, незаметная возня, без которой любая большая махина встала бы уже к обеду. Антон Алексеевич стоял шагах в двадцати от лифта со своей проверяющей группой, с папкой в руках, прямой, собранный, сосредоточенный, и что-то записывал, пока перед ним начальник хозяйственного блока — плотный мужчина с усталым лицом — пытался одновременно отвечать на вопросы и не наступить на маленькое мохнатое существо, тащившее по полу гайку размером с собственную голову. Для Антона Алексеевича это, разумеется, были просто люди, просто сотрудники, просто службы эксплуатации. Для остальных — зрелище было совсем другим. Нарэк замер с таким лицом, будто не мог решить, восхищаться ему или креститься. Гоша только коротко выдохнул через нос, как человек, который знал, чего ожидать от подвалов. Светлана Ивановна машинально поправила волосы. Наталья Михайловна сжала губы. Наталья Викторовна пробормотала:— Господи... да это же целая подземная цивилизация. Елена Владимировна просто стояла открыв рот. А Диоген, глядя на всё это, помрачнел ещё сильнее и тихо сказал:— Быстро не получится.

Все молча потянулись за Антоном Алексеевичем. Он шёл уверенно, чётко, с папкой под рукой, будто перед ним не живой организм подземного уровня, а обычный объект проверки. И сразу начал работать. — Так, — остановился он у первой секции, — почему журнал учёта ведётся от руки? Рабочий поднял на него усталый взгляд. — Потому что компьютер тут сдох три дня назад. — Почему не заменили? — Потому что заявка висит. — Почему висит? Рабочий медленно вдохнул. Сдержался. Ответил. — Потому что её никто не утвердил. Антон Алексеевич сделал пометку. Не глядя на него. — Нарушение. Люди косились. Недобро. Но отвечали. Потому что бейдж. Потому что проверка. Потому что так надо. Нечисть реагировала иначе. Где-то за спиной тихо шепнули. Где-то воздух на секунду потемнел. Один мелкий дух у труб злобно скривился и уже, кажется, собрался что-то сделать — может, слазить, может, мелкую пакость подкинуть, а может, и вовсе наслать лёгкое недомогание, чтобы проверяющие поскорее убралась. Но взгляд его упал на бейдж. Тот едва заметно вспыхнул — невидимым, нечеловеческим огнём. Никто из проверяющих этого не увидел. А вот дух получил короткий, но очень ощутимый шелчок в лоб — такой, что он аж присел. Его магия, едва успевшая сформироваться, растворилась в воздухе, не долетев до цели. Дух обиженно фыркнул, резко отвернулся и с удвоенным рвением занялся своими трубами, делая вид, что ничего не произошло. Диоген шёл молча. Он смотрел по сторонам. Не вмешивался. Не язвил. Не комментировал. Просто шёл. И в этом молчании было что-то странное. Он уважал их. Этих людей. С руками в мазуте и химии. С лицами уставшими. С привычкой работать, а не говорить. Потому что сам периодически, за свою долгую, очень долгую жизнь, строил. Таскал. Добывал. Выживал. Только голые руки, ноющая спина и надежда, что к вечеру будет ужин. Конечно, легче стало, когда он познакомился с Сократом. Послушав его, он понял: истинное призвание Баюна — философия. Сиди, рассуждай, иронизируй, загораживай царям солнце. В общем, живи красиво. Правда, как выяснилось, философам в разные времена тоже приходилось копать и строить. Потому что даже самый глубокий мыслитель может попасть в немилость — либо к властям, либо к богатым родственникам, либо по собственной глупости к сильнейшим магам мира. А Сократ, кстати, в молодости каменотёсом работал. Диоген иногда думал: может, потому они с Сократом так хорошо понимали друг друга, что оба знали, почём фунт раствора. И оба в итоге пришли к тому, что лучше всего сидеть и разговаривать. Но перед этим им пришлось немало попотеть. Он чуть прищурился, глядя, как один из рабочих подтягивает кабель. И тихо, почти себе под нос, пробормотал: — Нормально делает — Кто? — не удержалась Наталья Викторовна. — Человек, — коротко ответил Диоген. И больше ничего не добавил.

Мужик у компьютера, который «висит», работал в отделе ландшафтной биоинженерии и фитоклиматического контроля. Но сам он, как и все здесь, называл свой отдел проще — «Зелёные лёгкие». После того как Антон Алексеевич закончил с компом, он огляделся по сторонам. Но из-за кустов, пышных пальм, лиан и двухметровых фикусов, стоящих тут же прямо в промышленных кадках, он не мог разглядеть ровным счётом ничего. — А где остальные сотрудники? — спросил он, поворачиваясь к мужику. Тот ехидно улыбнулся и махнул рукой куда-то вглубь, в самую чащу зелени. — В компостной яме. Сортируют навоз. — Это же прошлый век, — поморщился Антон Алексеевич, делая пометку в блокноте. — Почему не автоматизировано? — Так навоз, он разный, — хитро прищурился мужик. — Перегной, свежак, листовой грунт. Автомат не отличит. А наши за пять минут разложат по кучкам, для каждого растения отдельно. Только вот — он окинул взглядом идеально выглаженный костюм Антона и ухмыльнулся, — вас проводить? Там, правда, неприятно пахнет. Боюсь, костюмчики на вас так сидеть не будут. Антон Алексеевич задумался. Перспектива лезть в компостную яму в этом костюме его не вдохновляла. Но и оставлять без проверки целый отдел Птицы зашептали, стараясь перекрыть друг друга: — Антон Алексеевич, ну что там проверять? Всё и так в порядке. Посмотрите, здесь всё чистенько, красиво. Люди не боятся грязной работы — это же похвально! — Да и вообще, у нас ещё наверху тридцать шесть этажей, — добавила другая. — Столько всего

интересного! А тут ну, компостная яма.— Может, ограничимся документами? — подала голос третья. — Или просто отметим, что отдел функционирует.— Нам ещё столько всего надо проверить, — тихо, но настойчиво заключила четвёртая. — Время — деньги. Антон Алексеевич переводил взгляд с одной на другую. Подозрительно. Но логика была железная: тридцать шесть этажей впереди, а компостная яма в конце концов, не навозом единым.— Хорошо, — наконец сказал он. — Идём дальше.

Кабинет психолога. Гриша сидит за столом, перебирает бумаги.

В дверь стучат. Коротко, нерешительно.

— Войдите.

Дверь открывается, и в кабинет входит мужчина. Крепкий. Коренастый. С лицом, которое, кажется, не привыкло выражать эмоции. Руки лопатами. Взгляд тяжёлый, но не злой. Скорее усталый. Одет просто: свитер, потёртые джинсы, ботинки, которые видели всякое .

Он останавливается на пороге, оглядывает кабинет. Задерживает взгляд на мухоморе в углу. Хмыкает. Проходит и садится в кресло. Без приглашения. Сразу — на «ты».

— Здравова, — говорит он. — Николай Николаевич. Коля.

Гриша кивает.

— Добрый день. Что привело?

Коля вздыхает. Смотрит в сторону.

— Жена. Узнала, что тут психологи бесплатные. Говорит: «Сходи, Коля, устаёшь ты».

Ну я и пришёл.

— И устаёте?

— Да не знаю я, — пожимает плечами. — Я в эти ваши штучки не верю. У нас, у овёртышей, не принято про себя рассказывать.

— Овёртышей?

Коля смотрит на него как на дурака.

— Ну да. Медведи мы. Оборотни. В лесу живём. Ты чего, первый раз овёртыша видишь?

Гриша выдерживает паузу.

— В кабинете — да.

Коля хмыкает. Одобрительно.

— Ладно, давай. Что делать-то надо?

— Рассказывать. О себе, о том, что беспокоит.

— А если не хочу?

— Тогда посидим молча, — спокойно говорит Гриша. — Но жене скажете, что всё прошло на отлично.

Коля смотрит на него. Долго. Потом усмехается.

— Хитрожопый.

Пауза. Коля ёрзает в кресле. Гриша чуть наклоняется вперёд.

— Давайте попробуем одну штуку.

— Давайте, — соглашается Коля, уже с интересом.

— Тест.

— Какой ещё тест?

— Роршаха.

— Это где кляксы?

— Да.

— Ну давай.

Гриша показывает первую карточку.

— На что похоже?

Коля прищуривается.

— На стейк. Сочный. С кровью.

Гриша делает пометку. Следующая карточка.

— А это?

— О! Гамбургер. Такой, нормальный. Чтоб котлета была.

Третья.

— А это?

— Утка. Запечённая. — Он даже улыбается. — Моя жена так делает с апельсином, с яблочками. На секунду в кабинете становится теплее. — У неё рецепт свой, — добавляет почти гордо.

Гриша кивает. Следующая карточка.

— А это?

Коля наклоняется ближе.

— Это самогон. Домашний.

— Почему?

— Форма правильная. — Пауза. — И когда его достаёшь холодный, прозрачный Он на секунду закрывает глаза. — Ммм.

Гриша аккуратно откладывает карточки.

— Николай Николаевич. Вы сегодня завтракали?

Коля замирает. Потом смущается.

— Да если честно нет. Переволновался. К психологу всё-таки.

Гриша кивает.

— Тогда договоримся. В следующий раз вы приходите сытым.

— Это важно?

— Очень. Вы сейчас не только уставший. Вы ещё и голодный.

Коля смотрит на него. Думает. Кивает.

— Логично.

Некоторое время молчат.

— Так, — говорит Гриша. — Вы сказали: жена считает, что вы устаёте. От чего?

Коля вздыхает. Отводит взгляд. Говорит нехотя, будто вытаскивает из себя слова:

— Раньше как было Я один. На себя работал. А тут начальником поставили. Люди.

— Много людей?

— Слишком.

Пауза.

— Молодёжь пошла — машет рукой. — Вы меня извините, но одни

— Не самые сообразительные, — мягко подсказывает Гриша.

— Во! — оживляется Коля. — Вообще не самые! Приходит. Говорит: «Дайте мне новую машину». А я ему: «Ты старую-то понимаешь?» А он не понимает. Вы ему скажите: что у тебя в двигателе? — Он не знает! — Коля подаётся вперёд. — Понимаете? Не знает!

— А что должен знать? — спокойно уточняет Гриша.

Коля оживляется:

— Ну как что! Двигатель — это не просто «едет». Там цилиндры, поршни, коленвал, выпуск, впуск, топливная система, форсунки. Это же сердце! — Он стучит себя по груди. — Слушать надо! По звуку, по вибрации, по запаху!

Пауза.

— А они? Диагностика им покажет. «Компьютер скажет». — Передразнивает. — Фыркает. — Компьютер скажет А ты сам где?

Гриша кивает.

— Вам важно, чтобы человек понимал.

Коля смотрит на него с уважением.

— Конечно. Раньше водитель по стуку мог понять, где что. — Он замолкает. — А сейчас Права купил и уже водила.

— И это вас злит?

Коля молчит.

— Честно. Не злит. Бесит.

— А что вы с этим делаете?

— Ничего. Работаю. Ору иногда.

— Помогает?

— Нет.

— Раньше, если нерадивый попадался, — он смотрит на свои руки, — я ему голову откусывал. И всё. Порядок.

— А сейчас?

— А сейчас — корпоративная этика! — почти сплёвывает. — Нельзя. Тьфу.

Гриша кивает. Не осуждает.

— И при этом, — продолжает Коля, — у каждого из них свой психолог. Они мне такими словами говорят «границы», «самоценность» И они в это верят! У каждого свой мир.

— А вас это раздражает?

— А как иначе? — Коля подаётся вперёд. — Если каждый в своём мире — кто работать будет? Машину надо чувствовать. А не себя только.

Гриша молчит. Даёт ему говорить.

И Коля начинает.

— Я 225 лет живу. Мы по четыреста живём. — Голос становится тише. — Я ещё первые машины видел. С людьми дружил. Учился. Разбирал. Сбирал.

Пауза.

— В войну водил. На войне я немцев не убивал, — Коля говорит это с достоинством. — Если видел, что он к технике хорошо относится — оставлял. А технику себе забирал. У них, знаешь, какая техника была? Зверь! Я им говорю: «Что ж ты, немчура, сидел бы у себя дома, в машине своей ковырялся, а ты к нам полез».

— А после войны?

— После я на БелАЗе работал, — Коля почти улыбается. — Знаешь, что такое БелАЗ? Это махина! Не машина — дом на колёсах. Я его чувствовал. Он меня слушался. Мы с ним — замолкает, смотрит в окно.

— Тогда техника живая была. И люди.

— А сейчас?

Коля резко возвращается.

— А сейчас они не чувствуют. Вот от этого я и устаю. — Смотрит на Гришу. — Не от работы. От людей.

Гриша кивает. Очень спокойно.

— Похоже, вы не устали работать. Вы устали объяснять.

Коля смотрит на него. Долго. Медленно кивает.

— Да. И держаться.

— Это тяжело, — говорит Гриша.

Коля выдыхает. Как будто чуть легче.

— И что делать? — спрашивает он.

Гриша отвечает спокойно:

— Для начала — не доводить себя до состояния, когда хочется откусывать головы.

— А если уже? — спрашивает Коля почти шёпотом.

— Тогда вспоминайте, что вам 225 лет.

— Это вы к чему?

— К тому, что вы сильнее этой системы. Вы в ней — не потому, что не можете уйти, а потому что выбрали остаться.

Коля молчит.

— Я не предлагаю вам стать мягче, — продолжает Гриша. — Я предлагаю вам иногда давать себе отдых. Не от работы. От них.

— Как?

— Например, выезжайте в лес. В своём обличье. Побудьте медведем. Хотя бы на пару часов.

— Я так иногда делаю, — тихо говорит Коля.

— И как?

— Легче становится.

— Вот и продолжайте.

Коля молчит. Смотрит в пол.

— А они так и останутся долбо*бами? — спрашивает вдруг, поднимая глаза.

Гриша улыбается.

— Скорее всего. Но может быть, некоторые перестанут.

— Это вы про что?

— Про тех, кому повезёт попасть к вам в отдел. Кто захочет учиться. Кто увидит, что вы — не просто начальник, а живая легенда.

Коля фыркает.

— Легенда, которая не откусывает голову, потому что умнее. И добрее. Хотя и не хочет в этом признаваться.

Коля смотрит на него. Долго. Потом качает головой.

— Хитрожопый, — повторяет он, но уже без прежней жёсткости.

Они молчат.

— Ладно, — Коля поднимается. — Пойду я.

— До свидания, Николай Николаевич.

— Коля.

— До свидания, Коля.

Коля уже у двери. Оборачивается.

— В следующий раз можно я не буду на эти кляксы смотреть?

— Можно.

Коля кивает и выходит.

Дверь закрывается.

Гриша смотрит на мухомор.

— Ну что, — говорит он, — ещё один, кто устал от людей, но готов их учить. Если, конечно, не откусит голову раньше.

Мухомор молчит.

Гриша открывает планшет, пишет:

«Клиент: Харитонов Н.Н., овёртыш. Проблема: усталость от людей, конфликт поколений, невозможность использовать традиционные методы воспитания (откусывание голов). Прогноз: при условии сохранения баланса между работой и лесом — стабильный. Рекомендовано: продолжать учить тех, кто хочет учиться».

Он закрывает планшет и улыбается.

За окном вечерет. В кабинете тепло и тихо. И где-то далеко, за городом, в старом доме, который строил своими руками, Коля, наверное, когда уже будет ужинать. И жена спросит: «Ну как?». А он помолчит. Потом скажет: «Нормально». И это значит — всё.

После оранжерей они двинулись дальше, и вскоре коридор вывел их в царство хлорки, стерильной чистоты и бесконечных стеллажей с разноцветными тряпками, ведрами и швабрами. Клининг. Здесь пахло чистотой. Буквально. Воздух был такой свежий, что, казалось, его только что разлили по бутылкам и продают в магазине здорового питания. За длинной стойкой, напоминающей ресепшен в хорошем отеле, стояли женщины. Самые обычные, на первый взгляд. В опрятной форме, с аккуратными причёсками и бейджиками, на которых значилось что-то вроде «Старший смены», «Специалист по распределению инвентаря», «Эксперт по контролю качества». Они не мыли полы. Они управляли процессом. Перед ними на столешнице были разложены планшеты, на стене висела огромная схема этажей с разноцветными маркерами, а в углу тихо гудел принтер, распечатывая накладные. Рядом с женщинами копошилась нечисть. Мелкая, шустрая, вся в деловых жилетках. Она тоже не мыла — она распределяла. Маленькие существа с цепкими пальчиками сортировали тряпки по цветам, упаковывали ведра, подписывали тележки и с важным видом куда-то их увозили. Но главное впечатление производили не они. А женщины. Потому что, когда Антон Алексеевич подошёл к стойке и начал задавать вопросы, выяснилось, что каждая из них знает нормативы Роспотребнадзора лучше, чем любой проверяющий из самого Роспотребнадзора. — Концентрация дезинфицирующего раствора? — с лёгкой улыбкой переспросила одна из них, поправляя бейджик с надписью «Людмила». — 0,02% для текущей уборки, 0,05% для генеральной. Кратность обработки поверхностей — каждые два часа в местах общего пользования. И да, мы ведём журнал, всё по форме. Антон Алексеевич открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но Людмила его опередила: — И если вы спросите про ветошь, то она используется только одноразовая, либо прошедшая авто лавирование. Смену цвета мы проводим согласно зонам: красный — для санузлов, зелёный — для пищеблоков, синий — для коридоров. Антон Алексеевич закрыл рот. Потом открыл снова. — А как вы — Норматив 1080, — продолжила Людмила. — Приказ Минтруда. Актуален с поправками прошлого года. Она говорила это так буднично, будто обсуждала погоду. Антон Алексеевич машинально сделал пометку в папке и перевёл взгляд на другую женщину. Та, представившись «Светланой Петровной», тут же включилась в беседу: — У нас внедрена система микробиологического мониторинга. Каждую неделю — смывы с поверхностей. Результаты в электронном журнале. Доступ к нему, разумеется, только у ответственного лица. — А если внеплановая проверка? — спросил Антон Алексеевич. — Мы готовы к ней в любое время суток, — с лёгкой улыбкой ответила Светлана Петровна. — У нас всё по полочкам. Буквально. В этот момент разговор переключился на современные лайфхаки. Одна из женщин, молодая, с быстрыми глазами, начала рассказывать про новые микро фибровые салфетки с серебряным напылением: — Они убивают бактерии без химии. Экологично. Дорого, но окупается за счёт сокращения расходов на дезинфекторы. — А мы для стеклянных перегородок используем специальные скребки с поворотной ручкой, — подхватила другая. — Экономия времени — сорок процентов. При этом качество выше, чем у обычной швабры. — И самое главное, — добавила третья, — мы перешли на бесконтактную систему выдачи инвентаря. Каждый сотрудник сканирует бейдж, система определяет его зону ответственности и выдаёт ровно то, что нужно. Без перерасхода. Антон Алексеевич что-то записывал, но всё чаще смотрел на женщин с недоумением. Они не просто знали свою работу — они её обожали. Говорили о тряпках с таким восторгом, будто обсуждали новые модели смартфонов. — А как вы — Всё просто, — перебила его Людмила. — Мы любим чистоту. Это наша страсть. Можете записать: «Относится к работе с фанатизмом». Антон Алексеевич записал. Птицы, которые до этого тихо перешёптывались, вдруг заметили, что Наталья Викторовна куда-то исчезла. — А где — начала было Наталья Михайловна. — Она, кажется, осталась у стойки с женщинами, — прошептала Светлана Ивановна. Все оглянулись. Та действительно стояла у стойки, склонившись над образцом новой микро фибровой салфетки. Её глаза горели. В них читался неподдельный, почти болезненный интерес. — А она действительно убивает бактерии без химии? —

спросила она, поглаживая ткань.— До 99,9%, — ответила женщина с быстрыми глазами.— А где купить?— Мы покупаем у прямого поставщика. Можем поделиться контактами.— Было бы замечательно, — прошептала Наталья Викторовна, и в её голосе послышалась такая искренняя благодарность, будто ей только что предложили вечную молодость. Никто из проверяющих не заметил, как она осталась в этом отделе. Как её глаза продолжали гореть. Как она перебирала разноцветные тряпки, обсуждала концентрацию растворов и спорила о преимуществах скребков с телескопической ручкой. Антон Алексеевич, собравшись с мыслями, наконец оторвался от своих записей.— Так. Идём дальше. И они пошли. Все, кроме Натальи Викторовны.

Следующими были электрики. Там было шумно. Ярко. И пахло горелым. Над огромным экраном — то ли рекламным, то ли каким-то внутренним световым щитом — возились трое. Молодые. Крепкие. Сосредоточенные. Один держал панель, второй копался в схеме, третий что-то проверял на тестере. И, как назло Все трое были красивыми. Елена Владимировна остановилась. Замерла. И вдруг шагнула вперёд, забыв вообще, кто она и где.— Ой, вы знаете — она уже тыкала пальцем в схему, чуть наклоняясь так, чтобы свет падал на её волосы. — У вас тут реле сгорело. Вот это. Его менять надо. Электрик поднял голову. Медленно. Очень медленно. С выражением человека, который уже слышал всё, но это — впервые.— Что?— Реле, — уверенно повторила она, и её голос стал ниже, почти мурлыкающим. — И вот здесь перегруз пошёл. Если вы сейчас схему вот так замкнёте, у вас опять выгорит. Она провела пальцем по схеме, задержавшись чуть дольше, чем требовалось. Тишина.— Ты же сам знаешь, — добавила она мягко, глядя электрику прямо в глаза, — ты же электрик. У одного реально отвисла челюсть. Второй перестал дышать. Третий просто смотрел на неё, как на инопланетный артефакт, и, кажется, забыл, зачем вообще взял тестер.— Да-да, — тут же подключилась Светлана Ивановна, подходя ближе и вставая так, чтобы оказаться в центре их внимания. — И вот этот блок тоже. Его надо снять. Он уже «поплыл». Она поправила волосы — жест, который выглядел небрежным, но был отрепетирован тысячу раз. Электрики теперь смотрели на неё.— Если вот здесь пере развести — Светлана Ивановна провела рукой в воздухе, как будто рисовала схему, и при этом чуть качнула бёдрами, — всё стабилизируется. Елена Владимировна сделала шаг ближе, почти касаясь плеча самого молодого электрика.— А вообще, — её голос стал задумчивым, — у вас схема интересная. Я бы с удовольствием изучила её подробнее. Она стрельнула глазами так, что парень, кажется, забыл, как дышать. Светлана Ивановна не отставала:— У вас, наверное, руки золотые, — сказала она, глядя на второго электрика снизу вверх. — Такие мужчины сейчас редкость. Он покраснел. Открыл рот. Закрыл. Третий электрик, тот, что с тестером, вдруг выпрямился и с надеждой спросил:— А вы откуда всё это знаете? Светлана Ивановна скромно опустила глаза. Улыбнулась той самой улыбкой, от которой у мужчин подкашиваются колени и просыпается желание строить дом, сажать деревья и растить сыновей.— Я у бывшего научилась.— У бывшего? — переспросил электрик с какой-то странной надеждой, будто услышал, что вакансия на его мечту всё ещё открыта.— У бывшего мужа. Он был физиком. Электрики переглянулись. В их взглядах читалось что-то среднее между уважением и желанием немедленно записаться на курсы повышения квалификации.— А вы не могли бы — начал самый смелый, но его перебил Антон Алексеевич:— При чём здесь схемы? Мы проверяем поведение сотрудников, а не проводку здания. — Он строго посмотрел на Елену Владимировну. — А где все остальные? Все оглянулись. Тишина.— Гоша? — тихо сказал Диоген. Гоши не было.— А Гоша — невозмутимо сказала Наталья Михайловна, — остался в секции у садоводов.— Что?!— Он увидел новый селекционный вид петунии, — пояснила она.— Сказал, что это чистая физика. Проводимость соков, прививочные углы, вектор роста. Я не запоминала, честно говоря. Он там что-то в блокноте рисовал и бормотал про коэффициент ветвления. Нарэк дёрнулся.— Я сейчас приведу! И, не дожидаясь реакции, рванул в сторону теплиц.— Так, — Антон Алексеевич нахмурился. — А где ещё одна ваша сотрудница? Пауза.— Ой, — всё тем же спокойным голосом сказала Наталья Михайловна, — она в клининге оста-

лась. Ей какой-то новый лайфхак показали. — Какой лайфхак?! — не выдержал он. — Не знаю, — пожалала плечами она. — Но очень увлекательный. С тряпкой. Кажется, они там обсуждали, как за две минуты оттереть маркер со стеклянной перегородки. Я не вникала, я ответственный сотрудник. Антон Алексеевич закрыл глаза. Сделал глубокий вдох. Открыл. — Вы понимаете, что ваши сотрудники — начал он, но его перебили. — А я, между прочим, на месте, — сказала Наталья Михайловна, выпрямляясь и демонстрируя блокнот. — С блокнотом. С ручкой. Как положено. Я вижу, вы там архиву минусы какие-то ставите А мне, пожалуйста, поставьте плюс. Я не отхожу от своих должностных обязанностей. Диоген, услышав про минусы, шагнул вперёд, выдернул папку у Антона из рук. Пробежал глазами. Выражение его лица менялось от недоумения до праведного возмущения. — Ты чё, оборзел?! — возмутился он. — Мне столько минусов?! Я тут, можно сказать, добровольно по подвалам с тобой таскаюсь, а ты?! Светлана Ивановна, забыв про электриков, подбежала и заглянула через плечо. — А мне за что?! — искренне возмутилась она. — Я вообще излучаю только любовь в этот мир! — Да, — Диоген швырнул папку обратно Антону с таким видом, будто передаёт эстафетную палочку в забеге, который уже проигран. — Она может своей любовью кого угодно довести до инфаркта. Или до желания уйти в монастырь. Но минусы мне это перебор. — Я просто фиксирую факты, — холодно ответил Антон Алексеевич, пряча папку под мышку и машинально делая шаг назад — на всякий случай. Светлана Ивановна обиженно поджала губы, но промолчала. Она уже прикидывала, кому из электриков можно пожаловаться на жизнь, но те, кажется, дружно сделали вид, что срочно понадобилось перепаять что-то на другом конце цеха. — Я сейчас приведу Наталью! — заявила Елена Владимировна и уже развернулась в сторону клининга. — Стоять! — рявкнул Диоген так, что даже Антон Алексеевич вздрогнул. — Никто никуда не пойдёт! Я сам приведу. А то вы по дороге потеряетесь в разделе сантехников и пожарных. Он обвёл всех строгим взглядом. — Всем быть здесь и никуда от Антона Алексеевича не отходить. Антон, ты за них отвечаешь! Антон Алексеевич, который в этот момент делал очередную пометку в своей папке, поперхнулся, поднял глаза и обнаружил, что Диоген уже скрылся в дверях клинингового отдела. — Я? — переспросил он. — За них?! — За них, — донеслось уже из-за двери. Антон Алексеевич медленно перевёл взгляд на оставшихся. На Елену Владимировну, которая смотрела на него с лёгкой улыбкой и явно прикидывала, можно ли его просветить насчёт проводки. На Светлану Ивановну, которая уже открыла рот, чтобы рассказать что-то душевное про любовь. На Наталью Михайловну, которая с абсолютно невозмутимым видом записывала что-то в свой блокнот — судя по всему, список того, что она скажет Антону, когда он поставит ей минус. Антон Алексеевич сделал глубокий вдох. Потом ещё один.

Нарэк застал Гошу увлечённо разговаривающим с духом среди петуний. Дух был маленький, зелёный, с усиками, похожими на тычинки, и он что-то быстро-быстро щебетал про подкормку и освещение, а Гоша кивал и делал пометки в своём блокноте. — Ты в своём уме? — Нарэк схватил его за руку и потащил прочь. — Нам сейчас не до ромашек! — Петуний, — автоматически поправил Гоша, не сопротивляясь, но на ходу оглядываясь на обиженно замолчавшего духа. — Ромашки — это другое семейство. — Какая разница! — Большая, — вздохнул Гоша, давая себя увести. И тут же, виновато, начал рассказывать: — Понимаешь, мама мечтает о цветнике из петуний. У неё на даче уже три года ничего не получается — то климат не тот, то почва не та, то рассада гибнет. А здесь, представляешь, они вывели новый сорт! Каскадное цветение, устойчивость к перепадам температур и даже к фитофторе. Я попросил черенок. Дух обещал отрезать. Нарэк шёл и слушал, открыв рот. Для него в принципе цветы делились на четыре вида: розы, тюльпаны, мимоза (потому что их дарили девушкам на 8 марта) и все остальные, которые назывались просто «цветы». А Гоша, Гоша умудрялся при своей безумной работе, при этих подвалах, фронтах и магических аномалиях, ещё и интересоваться цветами. Серьёзно. С научным подходом. — Ты вообще спишь когда-нибудь? — спросил Нарэк, когда Гоша закончил про систему полива. — Сплю, — ответил Гоша. — Иногда. Но мама обидится,

если я не привезу ей тот самый сорт. Она уже три года ждёт. Нарэк ничего не сказал. Только покачал головой и ускорил шаг.— Ладно, герой-цветовод, пошли. Там твоя физика без тебя уже, кажется, электриков с ума сводит.— А что с ней?— Елена Владимировна со Светланой Ивановной — Нарэк запнулся, подбирая слова. — Консультируют. По схеме. Гоша удивлённо поднял бровь.— Они же в этом ничего не понимают.— Они в себе уверены, — вздохнул Нарэк.— Это страшнее.

***А тем временем Наталья Викторовна, укрывшись за высокими стеллажами в самом дальнем и укромном уголке клинингового отдела, с упоением снимала контент для своего блога «Я всё могу. Я всё умею». Перед ней, поправляя накрахмаленный передник, с самым довольным видом давала интервью домовая в образе женщины-горничной — при параде, с метёлочкой наперевес и вдохновенным взглядом человека, который только что вывел формулу идеальной чистоты.— и главное, — вешала домовая в камеру, — после моего секретного метода любая, даже самая застарелая жирная пыль, просто не выдерживает и испаряется! А знаете, в чём секрет?— В чём же? — с придыханием спросила Наталья Викторовна, поднося камеру ближе. И в этот момент на весь экран в её телефоне появилась морда. Чёрная. Огромная. С горящими жёлтыми глазами, в которых плескалось что-то такое, от чего кровь стыла в жилах даже у тех, кто тысячу лет не знал страха. Клыки, казалось, занимали пол экрана. Шерсть стояла дыбом. А из-за спины кота медленно поднимался пушистый хвост, похожий на змею, готовую к броску. Наталья Викторовна от неожиданности прижала телефон к груди и прошептала заикаясь:— Д-диоген Винсентович вы плохо выглядите. Кот медленно, очень медленно, прищурился.— Знаешь, почему меня первый раз бабушка выкинула из дома на болота, на вольные хлеба?— П-почему?— Потому что я в подростковом возрасте передушил половину её гусей-лебедей. А они, между прочим, тоже не простые птицы были. Он сделал паузу, и в этой паузе повисло всё — и холод из подполья, и запах хлорки, и ледяной ужас.— А ты, хоть и вещунья, но тоже птица. Вот я и думаю не повторить ли мне тот опыт? Наталья Викторовна взвизгнула так, что, наверное, услышали на верхних этажах, развернулась и кинулась бежать, забыв про телефон, про камеру, про свой идеальный кадр. Кот повернулся к домовою. Медленно выпустил железные когти, которые с тихим звоном выскользнули из мягких лап. Домовая с ужасом посмотрела на них, потом на кота, потом снова на когти. Пискнула — и ринулась под стеллаж, по дороге превратившись в маленькую, серую, очень испуганную мышшь. Не рассчитав траекторию, она со всего размаху ударилась головой об ножку стеллажа. На миг потеряла сознание. Потом тряхнула головой, пришла в себя и мгновенно скрылась во мраке. Баюн проводил её взглядом, вздохнул и принял человеческий облик. Поправил ворот рубашки, снял невидимую пылинку с рукава, провёл рукой по волосам.— Ну почему так нельзя с Антоном Алексеевичем? — с искренней тоской спросил он у пустоты. — Почему? Ответа не последовало.— Потому что человек, — сам себе ответил он. — Чёрт бы побрал эту корпоративную этику. Он ещё раз провёл рукой по лицу, будто стирая остатки кошачьей морды, и неспешно направился к выходу.

Так они и ходили по отделам. Но теперь Диогену приходилось за всеми присматривать и то и дело одёргивать.

Вещуньи сканировали — на профпригодность, на богатство, на ту самую искру, которую никто толком не мог объяснить. Но среди людей почти не было ведающих. А те, что были не годились. Слишком старые. Слишком злые. Или наоборот, слишком пустые.

Они потоптались у закрытого секретного входа. Даже пару тройку раз сканировали тех, кто выходил из подвалов.

Но в их глазах было что-то такое, от чего вещуньи сами отводили взгляд.

Не героизм.

Не страх.

Не отчаяние.

А тяжёлая, выжженная пустота, в которой когда-то был огонь. Такая бывает у старых солдат, которые привыкли к крови, смерти и другим ужасам войны" Которые видели слишком много, чтобы удивляться. Которые выжили, но перестали ждать.

Они выходили из дверей с казёнными ящиками, с планшетами, с оружием, которого не видно под куртками. Никто не улыбался. Никто не здоровался. Они просто проходили мимо, и в их глазах было только одно: работа. И боль, которую уже не выразишь словами.

Диоген смотрел на них и молчал. Даже он не находил слов.

— Не те, — тихо сказала Наталья Михайловна после очередного сканирования.

— Не те, — согласилась Светлана Ивановна.

— А кто те? — спросила Елена Владимировна.

Никто не ответил.

В конце рабочего дня, прощаясь у лифтов, Диоген сказал:

— Нам завтра надо разделиться. Мы не успеем за семь дней проверить всё здание.

Антон Алексеевич поднял бровь.

— И как вы предлагаете?

— Женщины пойдут в одну сторону, — Диоген кивнул в сторону вещуний. — Я с вами, Антон Алексеевич. А Нарэк с Гошей и с вашей сотрудницей из отдела кадров — в другую.

Антон Алексеевич посмотрел на него подозрительно.

— Откуда мне знать, что вы будете проверять по всем правилам?

Диоген вздохнул. С видом человека, который уже сто раз пожалел, что вообще связался в эту историю.

— Да они на самые бесполезные отделы пойдут. — Он махнул рукой в сторону вещуний. — А мы с вами — в самые серьёзные. И лучше отчёт полностью предоставить, чем половину. Начальство не любит недоделок. Лучше потом недочёты исправить, чем объяснять, почему половины нет.

Антон Алексеевич подумал.

Долго. Очень долго.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но я буду проверять отчёты. Все.

— Будете, — согласился Диоген. — Вы же бухгалтер. Вы всё проверяете.

Антон Алексеевич не понял, комплимент это или насмешка. Но спорить не стал.

На том они и разошлись.

Гриша проводил Колю взглядом, посмотрел на часы — обед давно начался, а без Нарэка в столовую идти не хотелось. Одному идти боязно. И непонятно, куда садиться.

Он вздохнул, развернул планшет и углубился в МКБ для нечисти. «Депрессивный эпизод у домового», «Тревожное расстройство у кикиморы болотной», «Синдром профессионального выгорания у Змея Горыныча». Гриша читал, делал пометки, но есть хотелось всё сильнее.

В дверь тихо постучали. Потом шаги, и Светочка появилась на пороге с подносом. На подносе тарелка, накрытая крышкой, чашка чая и маленький свёрток, перевязанный бечёвкой.

— Вы не обедали, — сказала она не вопросом, а утверждением. Поставила поднос на край стола, понимающе кивнула и вышла, не дожидаясь ответа.

Гриша откинул крышку. Гречка с грибами и мясом, пар поднимается, запах — как в детстве у бабушки. Рядом солёные огурцы, ломоть чёрного хлеба, а в свёртке пирожок с капустой. Ещё тёплый. Он даже не понял, откуда она узнала, что он любит.

Он поел, вытер руки салфеткой и снова взялся за планшет.

После обеда ничего интересного не было. Две сессии, одна за другой, без пауз. Клиенты с Кавказа. Горные духи, оба. Один сухой, злой, с глазами, в которых застыла вековая обида. Другой молодой, но уже уставший, с тяжёлыми веками и голосом, похожим на шорох осыпающихся камней. Оба — напарники. Работают в паре, сопровождают экспедиции, следят за без-

опасностью в горах, улаживают конфликты с местными духами и людьми. Командировки у них частые, долгие, одна за другой без перерыва. Постоянно вместе. В горах, в палатках, на перевалах, в машинах. Друг от друга уже зубы сводит, но разъехаться не могут, работы много, людей мало.

Первый жаловался на людей. Второй тоже на людей. Оба ненавидели друг друга, но в кабинете Гриши сидели по очереди и говорили одно и то же: «Они не уважают горы», «Они не понимают». Гриша кивал, записывал, задавал вопросы. Одни и те же, по кругу. Разница была только в том, что один проклинал соседей за то, что те пасут скот на его священном перевале, а другой за то, что они перекрыли родник. Но главное, они устали друг от друга. Одинаково. Безнадёжно.

— Зачем вы пришли? — спросил Гриша у первого.

— Начальство сказало, — буркнул тот. — Бесплатно же.

— А вы?

— А я пришёл, потому что устал.

— От чего?

— От него. — Он кивнул в сторону двери, за которой, наверное, всё ещё сидел второй.

— От напарника?

— А вы попробуйте с ним в одной командировке месяц. В горах.

Гриша кивнул, записал: «Конфликт территорий, отсутствие диалога, общая усталость от людей и друг от друга. Плюс длительная совместная работа без возможности отдыха. Прогноз — неблагоприятный, если не разъедутся или не научатся разговаривать».

Когда второй ушёл, Гриша закрыл планшет и посмотрел на мухомор.

— Ну что, — сказал он, — ещё двое. Которые ненавидят людей и друг друга, но приходят к психологу, потому что начальство сказало.

Мухомор молчал.

В холле корпорации вымотанные за целый день они остановились перевести дух.

— Да-а-а, как-то не срастается у нас, — вздохнул Нарэк.

Гоша хотел что-то добавить, но его окликнули.

— Гошан! Привет!

Высокий темноволосый парень с бородкой — аккуратной, но с лёгкой небрежностью, — и весь в татуировках. Они выглядывали из-под ворота рубашки, спускались по запястьям, терялись под одеждой. Даже на шее виднелись тонкие линии — то ли руны, то ли сложные геометрические узоры. Диоген сразу оценил: работа не для красоты.

— Гера! Привет, — обрадовался Гоша, хлопнув парня по плечу. — Срочно вернули. А ты как? Всё нормально? Долго ж ты на больничном был.

— Да ничего, — искренне рассмеялся Гера. — Заживает как на собаке. Всё в порядке.

Диоген, до этого молча рассматривавший татуировки, вдруг шагнул ближе. Так близко, что Гера инстинктивно отступил на полшага — не из страха, а из уважения к личному пространству, которое этот тип явно не признавал.

— А кто у нас Гера? — спросил Диоген с подозрением следователя, нашедшего главную улику.

Гоша повернулся к остальным:

— Знакомьтесь. Гера у нас недавно, но уже легенда. Талантливый художник и специалист высочайшего класса. — Он чуть понизил голос, хотя в холле никого не было. — Пентаграммист. Рисует с точностью чертежника сложнейшие пентаграммы, наносит защитные руны на бойцов. В прошлом месяце спас целый отдел от прорыва — успел за доли секунды нанести защитную пентаграмму прямо на стену. Много жизней спас. Сам, правда, с ожогами загремел в больницу.

— И давно ты в корпорации? — спросил Диоген, чуть прищурившись.

— Полгода, — ответил Гера, чувствуя себя мышью, которую сцапали за хвост, но пока не едят.

— Полгода, — протянул Диоген.

Он повернулся к Гоше:

— Слушай, а почему мы о нём не знали? — вопрос прозвучал почти обиженно.

— Он был на больничном, — пожал плечами Гоша. — Я в командировке. Не пересеклись.

— А сейчас пересеклись, — сказала Наталья Михайловна, сканируя его вещим оком и глядя на Геру уже совсем другим взглядом — таким, от которого хочется немедленно рассказать всё о себе, включая то, чего не было. — И это, знаешь, очень вовремя.

— Ну что, — спросил Диоген, не сводя глаз с Геры, — Это он?

— Он, — кивнула Наталья Михайловна, и в её голосе прозвучала уверенность судьи, выносящего приговор.

— Точно он, — подтвердила Светлана Ивановна. Её глаза загорелись таким интересом, будто перед ней был не человек, а новый блестящий артефакт.

— Сканирование показало, — добавила Наталья Викторовна, делая пометку в блокноте. — Он. И огонь есть. И руны настоящие. Не для красоты.

— И сердце настоящее, — заметила Елена Владимировна. — Такое не симулируют. Я знаю, о чём говорю.

Гера переводил взгляд с одного на другого, явно не понимая, о чём речь. Его рука непроизвольно легла на татуировку на предплечье — старый рефлекс, когда чувствуешь себя слишком заметным.

— А в чём дело? — осторожно спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Ни в чём, — слишком бодро ответила Елена Владимировна. — Познакомиться решили. Ты, Гера, оказывается, очень нужный человек.

— Нужный? — переспросил Гера, и в его голосе послышались нотки обречённости. — Для чего?

— А вот это мы обсудим сейчас за ужином, — довольно улыбнувшись, объявил Диоген. Улыбка была широкая, почти хищная — такое удовольствие, с которым кот приносит хозяину пойманную мышь.

— Прощу всех в грузинское кафе. Там бесподобная кухня. И хачапури, и хинкали, и сациви. И, самое главное, хозяйка заведения — наша общая подруга. Она не задаёт лишних вопросов. А если и задаёт — не ждёт ответа.

Гера посмотрел на Гошу. Тот развёл руками — мол, сам в такой же ситуации, ничего не могу поделать, привыкай.

— У меня э-э-э сегодня вечером — начал было Гера, подыскивая уважительную причину для отказа.

— Отменяется, — перебил Диоген. — Всё, что у тебя сегодня вечером, отменяется. Даже если это была встреча с президентом. Особенно если это была встреча с президентом.

Гера открыл рот, закрыл, понял, что спорить бесполезно, и покорно пошёл за этой странной компанией к выходу.

— Добро пожаловать в команду, — сказал ему Нарэк, проходя мимо. — Будут кормить. Не волнуйся.

— Я не волнуюсь, — ответил Гера. — Я просто пытаюсь понять, во что вляпался.

— Поймёшь, — обнадежил его Нарэк. — К пятой рюмке. Смотря как пойдёт.

Они вышли на улицу. Вечерний воздух пах весной и свободой, которой у Геры, судя по всему, сегодня уже не будет.

Глава 12

Гриша пришёл домой, безмятежно перебрал разбросанные вещи, заварил себе ароматный чай и, устроившись на диване, включил новый голливудский блокбастер про мифических существ. Смеялся до слёз, глядя, как дико мускулистый викинг сражается с двадцатиметровым огнедышащим троллем. «Какая же это чепуха», — с теплотой подумал он, засыпая с лёгким сердцем и улыбкой на лице.

А ночью, разбуженный внезапной жаждой, в полусне побрёл на кухню. Включил свет, поднёс стакан к крану и вдруг краем глаза заметил на подоконнике маленького коренастого мужичка в засаленной рубахе. Тот сидел, поджав ноги, и тоскливо смотрел в ночное окно — во всей его позе читалась многовековая скорбь забытых богов.

Пять дней назад Гриша от неожиданности взвыл бы дурным голосом и швырнул в него всем, что под руку попадётся. Сейчас же он лишь внутренне вздохнул, с наслаждением допил прохладную воду и, поставив стакан в раковину, спросил совершенно спокойно, будто так и надо:

— Зовут как?

Мужичок так сильно дёрнулся, что бухнулся с подоконника с глухим стуком. На секунду на кухне повисла тишина. Потом из-за столешницы осторожно высунулась лохматая голова, и пара круглых, навывкате глаз уставилась на Гришу с таким выражением, будто перед ними стояло привидение, а не хозяин квартиры.

— А ты... это... как? — голос был сдавленный, будто говорил через плотную ткань. — Меня взаправду видишь, что ли?

Гриша спокойно ответил:

— Да. Работа у меня такая. В большой корпорации психологом работаю. Там вас, нечисти, целый штат. Наверное, мой иммунитет уже проявился. Стал я, значит, ведающим.

Аким, казалось, был потрясён до глубины души — сильнее, чем от падения с подоконника. Он безнадёжно провёл ладонью по своей усиленно лысеющей макушке.

— Аким, я Домовой. Твой, значит, выходит. Господи... Значит, правда... А я-то думал, это я от старости силу теряю, раз меня люди вот так запросто видят... — он с внезапным проблеском надежды посмотрел на Гришу. — Оказывается, это ты просто... особенный?

— Не знаю, Аким. Вообще-то по всем канонам рановато. Я думал, может, недели через три видеть начну. Ну и ладно. — Гриша сонно провёл рукой по лицу. — Так что говори, с какими проблемами? С жильём не ладится? Я, конечно, в основном по рабочим вопросам консультирую, но для своего домового могу и исключение сделать. Хотя сейчас спать хочется...

Аким замер с открытым ртом. Предложение помощи, да ещё и от собственного жильца, было для него чем-то совершенно из ряда вон. Он несколько раз беспомощно дёрнулся, словно кузнечик, и вдруг строго нахмурился, приняв свой самый напускной, хозяйский вид.

— Какие проблемы?! Какие консультации?! — зашипел он, с неожиданной энергией размахивая руками и подталкивая Гришу к спальне. — Ты спать иди, человек! Сейчас же! Время ночное, рассветать скоро, а ты тут по кухням шляешься да несусветные вопросы задаёшь!

Гриша, не ожидавший такой бурной реакции, с лёгким удивлением позволил себя развернуть и выпроводить.

— Ладно, ладно, Аким, уже иду... — послушно пробормотал он, уступая натиску.

— То-то же! — с облегчением фыркнул домовый, стоя в дверном проёме и строго скрестив руки на груди. — А насчёт проблем... Это мы ещё успеем. Теперь, раз уж видишь... — в его голосе прозвучала сдержанная, но живая надежда, — это я теперь буду заходить. Частенько. Так что марш спать!

Дверь в спальню прикрылась сама собой. Гриша, лёжа в кровати, ещё несколько минут слышал, как на кухне успокаивающе ворчали и деловито переставлялись банки, пока наконец не воцарилась тишина. Он закрыл глаза с тёплой, смутной улыбкой, осознавая, что его личная жизнь только что стала бесконечно интереснее.

Утром Гриша проснулся и снова услышал, что в квартире кто-то есть. Из кухни доносился тихий возглас: «Ну куда же он соли-то засунул? Совсем уже, старею...» Гриша улыбнулся, накинул халат и вышел из комнаты. Аким, стоя на табуретке, копошился в верхнем шкафчике, сердито ворча под нос.

— Доброе утро, Аким, — спокойно сказал Гриша.

Домовой дёрнулся так, что чуть не слетел.

— Ох! Не пугай так, паря! Человек должен спать, а не шляться без дела!

— Утро уже. Кофе будешь?

Лицо домового выразило бурю противоречивых чувств — от желания сохранить строгость до искренней радости от предложения. Гриша едва не рассмеялся.

— Чай... я чай, пожалуй, — буркнул Аким, слезая с табуретки и усаживаясь на стул с видом важного советчика. — Место тут у тебя... неплохое. Уютное.

Его взгляд скользнул по коридору и наткнулся на массивный шкаф. Ворчание сменилось тихим, почти благоговейным восхищением.

— Ох... шкаф-то какой... Дело рук человеческих, крепкое, на века. Чувствуется, с душой делали. Не то что нынешние — из опилок да клея.

Гриша, ставя чайник, поморщился.

— Да, мамин «подарок». Без моего согласия.

— Как это — без согласия? — искренне удивился Аким. — Да такая вещь — благословение! Забота! Чтобы чадо твоё в тепле да уюте было, чтобы вещи не валялись, а по местам лежали. Это ж святое дело!

— Святое дело — уважать личное пространство, — сквозь зубы процедил Гриша, засыпая кофе в турку. — Я взрослый человек, я сам могу решать, какой шкаф мне ставить.

— Взрослый... — Аким фыркнул, и в его голосе прозвучала горькая нота. — Ты, Гриш, знаешь, что такое одиночество? Настоящее? Не когда один вечер посидел, а когда годами... тишина.

Гриша обернулся. Домовой смотрел не на него, а в стену, видя что-то своё.

— Вот Сашка... со второго этажа. Из детдома. — Аким произнёс это слово с особой тяжестью. — Хороший парень. Рукастый. Всё у него там чисто, прибрано. А шкаф старый, ветхий. Работать только после техникума стал. И некому ему новый привезти. Никто не привезёт. Никто не вломится к нему без спроса, не поставит громоздкую, наглуую, мамину заботу посреди прихожей... Он бы, наверное, полжизни отдал... чтобы его кто-то так достал.

Аким замолчал. Тишина стала густой и некомфортной. Даже чайник закипал как-то приглушённо.

Гриша смотрел на домового, а потом его взгляд медленно, против воли, пополз к шкафу. И он вдруг с болезненной ясностью представил не своё раздражение, а пустую, залитую безжалостным флуоресцентным светом комнату в детдоме. И одинокого Сашку, который молча чинит дверцу на старом, никому не нужном шкафу.

Вся его праведная злость, всё кипение по поводу «границ» и «принципов» вдруг схлопнулись. Оказались нелепым, детским капризом на фоне настоящего, взрослого одиночества.

Он молча налил себе кофе. Горечь во рту была уже не от напитка.

— Ладно... — тихо сказал он больше самому себе.

Он взял чашку и пошёл в гостиную, оставив Акима с его горькой мудростью и непрощёнными, но такими нужными истинами. Настроение было безнадежно испорчено. Но в воздухе висело странное ощущение, что шкаф выиграл эту битву.

Гриша допил кофе, быстро собрался на работу и уже на выходе обернулся.

Шкаф по-прежнему стоял в прихожей. Массивный, тёмный, чужеродный. Но теперь Гриша поймал себя на мысли, что смотрит на него без прежнего раздражения. Может, потому что впервые увидел в нём не мамину диктатуру, а её страх за него. И одинокого Сашку, которому некому вломиться в жизнь.

Он задержался на секунду, взвешивая что-то в голове, и вдруг подумал: «А ведь если честно, шкаф-то не так уж и плох. Влезает много. И дверца не скрипит».

И от этой мысли стало почему-то тепло.

— Ладно, — сказал он вслух. — Живи пока.

В архиве с утра было тихо. Тихо настолько, что даже чай казался громким. Наталья Михайловна и Наталья Викторовна прихлёбывали из чашек чай. Светлана Ивановна зачем-то перебирала папки, которые и так лежали в идеальном порядке, просто чтобы не сидеть без дела. А Елена Владимировна, уткнувшись в телефон, делала вид, что проверяет почту, хотя на самом деле листала ленту с котами. Вчерашний вечер всё ещё висел в воздухе, как густой сироп.

Гера сидел, помешивая ложкой в кружке, и смотрел в одну точку. Ложка звякала о край — ровно, задумчиво, как будто отсчитывала что-то важное. Может, секунды до того, как он наконец перестанет тупить. А может, удары чьего-то сердца. Он и сам не понял.

Он вспоминал вчерашний вечер.

Грузинское кафе пряталось в переулке, куда случайный человек не попадёт даже с навигатором. С улицы — ничего особенного: тёплый свет в окнах, вывеска с чуть облупившейся позолотой, запах хлеба и специй, который тянул за собой, как будто обещал что-то очень важное.

Но стоило открыть дверь — и пространство менялось. Тепло становилось плотным. Живым. Как будто тебя не просто в кафе впустили, а в чей-то дом.

— Ой, пришли мои хорошие! — раздался голос ещё до того, как они успели осмотреться.

Навстречу вышла хозяйка. Наталья. Невысокая, крепкая, с живыми глазами и таким лицом, на котором одновременно уживаются и смех, и усталость, и какая-то очень земная, настоящая доброта. Вьющиеся чёрные волосы собраны кое-как, но это «кое-как» было таким, что лучше не придумаешь. Она обняла сначала вещуный, потом даже Диогена — которого вообще-то обнимать не принято. Даже по большим праздникам.

— Диоген Винсентович, живой? Ну слава богу, а то слухи ходят, — сказала она и тут же, не дожидаясь ответа, повернулась к остальным. — Так, проходите. Все места заняты, но для вас найдём.

— Не дожدهшься, — крякнул Диоген, но как-то без привычной язвительности. Скорее по инерции.

И тут же хлопнула в ладоши: — Дато! Проводи гостей!

Из глубины зала вышел парень. Небольшого роста, тёмный, с глазами, в которых было слишком много спокойствия для его возраста. Такие глаза бывают у людей, которые видели то, чего другим не объяснишь. Или у тех, кто просто очень хорошо выспался. Но Гера почему-то сразу понял: первый вариант.

Руки — в татуировках. Не просто рисунки — линии, знаки, переплетения, которые не сразу складывались в смысл, но от которых у Геры внутри что-то неприятно щёлкнуло. Как от правильно собранной схемы. Как от работающего контура.

Гера даже не заметил, как сделал шаг ближе. И ещё один. И чуть не споткнулся о чью-то сумку.

— Это что — пробормотал он, наклоняясь к его руке. — Это же

Дато усмехнулся краешком губ. Одним. Будто знал, что Гера так и сделает.

— Смотреть можно. Трогать — осторожно.

Гера уже почти уткнулся носом в узоры.

— Это не просто рисунок Это рабочая схема — выдохнул он. — Ты её активизируешь?

— Иногда, — спокойно ответил Дато.

И в этот момент стало видно. На долю секунды. Будто воздух под ним дрогнул. Стал плотнее. Горячее. И там, где должны были быть ноги — мелькнуло что-то другое. Тяжёлое, текучее, как жар над камнями. Не форма даже — ощущение формы. Что-то, что не вписывалось в человеческое тело. И исчезло. Как будто показалось.

Гера выпрямился. Молча.

— Пойдёмте, — сказал Дато уже обычным голосом, словно ничего не произошло, и повёл их вглубь.

Зал, куда он их привёл, был отделён тяжёлой дверью. Когда она закрылась — звук снаружи исчез. Полностью. Даже собственные шаги стали звучать глуше.

— Это специальное место, — негромко сказал Диоген, когда все расселись. Он обвёл рукой пространство. — Что бы ни произошло — наружу не выйдет. Ни звук. Ни магия. Ни последствия.

— Мы помогли Наталье открывать это место, — добавила Светлана Ивановна, устраиваясь поудобнее. — На всякий случай.

— На всякий случай, — хмыкнул Диоген. — У вас же всё время «на всякий случай».

— А кто такая Наталья? — осторожно спросил Гера, когда все расселись за столом и первые бокалы наполнились.

— Наталья — хозяйка этого кафе, — сказала Светлана Ивановна. — И, скажем так, не совсем обычная женщина.

— Она из тех, кто умеет готовить так, что даже древний кот забывает, что он философ, и начинает думать только о хачапури, — добавил Диоген, с тоской глядя на дымящуюся тарелку.

— А ещё у неё сын, Дато, — продолжила Светлана Ивановна. — Тот самый, который только что нас встречал.

— Дато — полукровка, — пояснила Елена Владимировна. — Его отец из грузинской мифологии. Каджи. Дух ветра, бури и войны. Такие, знаешь, редко женятся. Предпочитают появляться из ниоткуда, очаровать женщину, а потом исчезнуть, оставив после себя только запах серы и недопитую чачу.

— И сына, — добавила Наталья Михайловна.

— И сына, — согласилась Елена Владимировна.

Гера кивнул, краем глаза заметив, как за соседним столиком Дато что-то поправлял в подсвечнике, и язычок пламени на мгновение лизнул его пальцы. Парень даже не поморщился.

— Но это только начало истории, — отмахнулась Светлана Ивановна. — Наталье 280 лет, но родилась она обычным человеком. Однако на её беду, она сильно приглянулась Каджи. Ну, как в старых легендах: он её очаровал, обещал золотые горы, а в конце концов пропал. Оставил ей сына и долголетие.

— И неумную тягу к опасным мужчинам, — добавила Наталья Михайловна.

— И это стало её проклятием, — вздохнула Елена Владимировна. — Она всегда стала выбирать таких, как он.

— Всегда, — подтвердила Светлана Ивановна. — Каджи был первым. И, как оказалось, задал шаблон на всю оставшуюся жизнь.

— Кого у неё только не было, — начала перечислять Наталья Михайловна, загибая пальцы. — Ифрит из Дагестана — огненный, страстный, с характером, от которого стены плавились. Пери из Узбекистана — красивый, как сон, но капризный, как павлин. Албаст, который по ночам душил её во сне, а она всё равно просыпалась с улыбкой. Дио-пэри из татарских степей — тот вообще являлся в вихре пыли.

— А последний был киргизский жин, — добавила Светлана Ивановна. — Из бездымного пламени. Тот ещё красавец. Глаза — как две угольные ямы, волосы — чёрные, в них всегда ветер гулял. Он носил кожаные штаны и сапоги с серебряными подковами, и когда шёл по улице, девушки падали в обморок. А он улыбался. Знал, что красивый. И знал, что Наталья не устоит.

— Она и пропала, — вздохнула Елена Владимировна. — За три дня забыла, как нас зовут. За неделю — где её дом. А через месяц уже ездила с ним в Киргизию, пила кумыс и училась стрелять из лука.

— И что, мы ей не говорили? — возмутилась Наталья Викторовна. — Я ей говорила! «Наталья, очнись, он из бездымного пламени, он живёт за счёт твоей энергии!» А она мне: «Зато как окрыляет!»

— Я дороги ей путала, — добавила Светлана Ивановна. — Я специально отводила её пути от этого джина, подсовывала другие варианты — достойных, надёжных, с хорошими перспективами. Водила мимо его кругами. А она всё равно выкруливалась к его порогу. Я потом своим оком смотрела — удивлялась: откуда эти тропы взялись? Я их не прокладывала. Нюх у неё на опасных мужчин, как у ищейки на дичь. Бесполезно. Всё равно найдёт.

— А я оком всевидящим пугала, — вздохнула Наталья Михайловна. — Показывала ей, как он с другими женщинами время проводит. А она говорила: «Это не правда, ты меня обманываешь».

— Звёзды ей раскладывали, — фыркнула Елена Владимировна. — Каждый вечер: «Наталья, посмотри, твой путь ведёт к пропасти!» А она: «Зато какая пропасть! С видом на горы!»

— Но это в прошлом, — отрезала Светлана Ивановна. — Теперь у неё кафе. А сын — отдельная песня.

Все посмотрели на Дато. Тот как раз забирал пустые тарелки с соседнего столика и с кем-то пересмеивался. Весь из себя такой лёгкий, красивый, но в каждом движении чувствовалось: этот парень себе на уме.

— Дато родился примерно в 1740 году, — сказала Наталья Михайловна. — Наталье тогда было двадцать. Только-только Каджи исчез, оставил её с младенцем и с ощущением, что жизнь кончена.

— И тут выяснилось, что младенец — тот ещё подарок, — добавила Елена Владимировна.

— В каком смысле?

— В прямом. Он с рождения был трудным. Орал так, что соседи крестились и требовали от Натальи, чтобы она «уняла беса». В год, когда научился ходить, умудрился поджечь колыбель. Свою. Пока в ней лежал. Наталья вовремя подросла, затушила, а он сидел в ней и улыбался.

— В три года он уже пускал искры из пальцев, — продолжила Светлана Ивановна. — Не специально. Просто когда злился. А злился он часто. Особенно когда ему не давали то, что он хотел. А хотел он всегда всего и сразу.

— И как его воспитывали?

— Да никак, — вздохнула Наталья Михайловна. — В три года их выгнали из села. Дато устроил такой пожар, что соседи сказали: «Или вы уходите, или мы вас камнями забьём». Наталья плакала, прижимала к себе орущего мальчишку и не знала, куда податься.

— Вот тогда её и услышала Лена, — добавила Наталья Викторовна. — Жалко стало. Молодая мать, ребёнок — полымя из него так и прёт, а она одна. Взяла Лена его за шкирку — тогда ещё маленький был, тощий, весь в искрах — и отнесла к одному своему знакомому. У неё, как у птицы из подземного мира, знакомств много. На любой вкус и цвет.

— И что тот знакомый?

— Набил ему тату, — просто сказала Елена Владимировна. — Сдерживающие руны. Чтобы огонь не вырывался наружу. Чтобы не спалил себя и всё вокруг. До сих пор они на нём. Видишь, как работают?

Гера кивнул. Дато, проходя мимо, как раз закатал рукав, и под тканью мелькнули тяжёлые, плотные узоры. Не просто рисунки — схема. Работа.

— Потом они скитались, — продолжила Наталья Михайловна. — Где только не жили. То кузнецу его отдадут — думали, хоть ремеслу научиться. Не захотел. Кузницу спалил. То к кожевнику — тот от него сам сбежал, сказал, что у него от одного взгляда этого парня кожа тлеет. То к плотникам — те продержались дольше всех, потому что работали с сырым деревом. Но и там не ужился.

— А потом вырос, — вздохнула Светлана Ивановна. — И стало ещё хуже. Ему всё время было мало. Мало места, мало денег, мало свободы.

— Один князь, которого Дато обманул на крупную сумму, пригрозил его повесить, — вспомнила Елена Владимировна. — Дато тогда улыбнулся, сказал: «Попробуй», — и исчез в клубе дыма. Князь три дня крестился и пил чачу, чтобы забыть этот кошмар.

— А когда советская власть пришла и заставила всех паспорта делать, а отделы по нечисти зверствовать, — продолжила Светлана Ивановна, — сидели мы как-то у своей подруги. Наталью успокаивали. Дато как раз в этот отдел попал. Думали, как его вытащить.

— Подруги муж как раз тогда дома был, — добавила Наталья Михайловна. Вещуны почему-то глянули на Диогена. — Он сидел, слушал нас. «Полукаджи, говорите? — переспросил он тогда. — Люблю горячие хачапури».

И исчез.

— А на другой день привёл Дато к матери, — сказала Светлана Ивановна. — И всучил им это кафе. Новая власть, знаешь, нуждалась в месте, где можно поговорить с сущностями с глазу на глаз. В приятной обстановке. Чтобы и поесть, и секретность соблюсти.

— И Дато?

— Дато притих после отдела. Видно, там ему хорошо объяснили, что бывает, если слишком сильно выделяться. И кажется, ему здесь нравится.

— И потому что он всё-таки любит мать, — тихо добавила Наталья Михайловна. — По-своему. По-полукровски. Иногда этого не видно, но она знает.

Нарэк, Гоша и Гера, переваривая информацию, глянули на Дато.

Парень как раз проходил мимо, и на секунду их взгляды встретились. В глазах у Дато была усмешка. И какая-то странная, диковатая свобода, как у человека, который давно решил, что ему всё равно, что о нём думают. Даже если этот человек — его собственная мать.

Спустя минуту Дато уже нес еду. Тарелки задымились, запахло хинкали и хачапури, и все, как по команде, уткнулись в свои тарелки.

Гера же сидел неподвижно и смотрел на Гошу. Взгляд был вопросительный, требовательный и немного растерянный — как у человека, который понял, что его втянули во что-то очень серьёзное, а объяснять никто не торопится.

Гоша вздохнул. Отодвинул от себя тарелку с недоеденным хачапури — не потому, что не хотел есть, а потому, что совесть заела. Все жуют, а человек мучается.

— Ладно, — сказал он. — Вижу, что все заняты.

Он откинулся на спинку стула и начал рассказывать. Коротко. По делу. Как умел только он — бывший физик-ядерщик, а ныне маг-теоретик, который привык, что от его слов иногда зависит жизнь.

— В общем, у нас проблема. У всей страны проблема. Раз в семь веков просыпается мега-сущность, которая устраивает экзамен. Восьюми мужчинам среднего возраста. Ведающим.

— Если ей что-то не нравится, она стирает память у народа. Люди в ускоренные сроки забывают, что они цивилизованные. Потом теряют простейшие когнитивные способности. Как итог — овощ и смерть.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Сущности, лишившись своей манны, подпитки, тоже растворяются в этом бытии и исчезают. Прецеденты уже были. Та же Атлантида. Гиперборея. И ещё много всего, чего никто не помнит. Потому что некому помнить.

Гера молчал. Нарэк перестал жевать. Даже Дато, который опять проходил мимо, замер с подносом.

— Дух проснулся, — продолжил Гоша. — Проводник, который должен был подготовить богатырей, не исполнил своих должностных обязанностей. По причине полной безответственности и забывчивости.

Диоген поморщился, но ничего не сказал. Только бокал в руке сжал чуть крепче.

— Теперь ускоренный набор кадров, — Гоша кивнул в сторону вещуний. — Ты подошёл. Всевидящее око подтвердило. Ты перешёл на новый уровень. Теперь у тебя звание — богатырь.

Он помолчал секунду, потом придвинул к себе тарелку с хачапури, взял кусок и принялся есть. Спокойно. Деловито. Как человек, который только что сказал всё, что должен был сказать, и теперь имеет полное право на горячий ужин.

Гера помолчал. С минуту. Может, две. Он смотрел куда-то в стену, но видел, наверное, последние полгода. Командировки. Прорывы. Пентаграммы, которые он рисовал на стенах, на полу, на потолке, на броне, на чём угодно — лишь бы успеть. Лица тех, кого он не успел. И тех, кого успел.

В принципе, удивляться и паниковать в этой жизни он практически разучился. Слишком много странного он видел. Слишком много раз мир переворачивался с ног на голову, и он просто привык. Привык, что реальность — это не то, что кажется. Привык, что его рисунки оживают. Привык, что завтра может не наступить, а если наступит — то, скорее всего, снова с прорывом.

Поэтому он не закричал. Не схватился за голову. Не сказал «я не могу».

Он задал вопрос. Совершенно спокойный, почти будничный, но такой, от которого Нарэк подавился и закашлялся, а вещуньи замерли с вилками на полпути ко рту.

— А коня дадут?

Тишина.

— Какого коня? — прохрипел Нарэк. — Какие кони? Я коней только в зоопарке видел!

Гера пожал плечами.

— Ну, богатыри же. На конях обычно.

Все застыли над тарелками. Даже Дато, который проходил мимо с подносом, замер на секунду и с интересом уставился на Геру.

Диоген отложил вилку. Посмотрел на Геру с уважением.

— Интересно, — сказал он. — Обычно первый вопрос: «Я меч в глаза не видел, не умею». Или «Зачем это мне?». Или «А зарплата будет?». А ты про коня. Неожиданно.

— Я меч в глаза видел, — спокойно ответил Гера. — И умею.

Диоген приподнял бровь.

— Я со школы на фестиваль «Русборг» езжу. Каждый год. У меня там — Гера чуть смутился, но продолжил, — звание «Лучшее владение мечом». Уже несколько лет подряд.

Диоген медленно повернулся к вещуньям.

— Вы слышали?

— Слышали, — кивнула Светлана Ивановна.

— Художник, который дерётся на мечах!

— Художник, который дерётся на мечах, — подтвердила Наталья Михайловна.

— А вот лошадьми проблема, — честно признался Гера. — В «Русборге» в основном пешие турниры. Так что верхом я ну, не то чтобы не умею, но

— Но?

— Но если дадут коня, придётся учиться.

Диоген откинулся на спинку стула и с чувством глубокого удовлетворения посмотрел на вещуний.

— Этот мир опять начинает меня радовать, — сказал он. — Художник, который дерется на мечах. Психолог, который в строю богатырей. Надо не забыть у Светы извиниться за психологов.

Гера отвлёкся от воспоминаний и, вздохнув, сказал:

— А всё-таки жалко, что меча с конём не будет.

Нарэк хотел было возмущённо ответить, но тут зазвонил телефон. Диоген поднял трубку, послушал несколько секунд, коротко бросил:

— Понятно. Выдвигаемся.

Он отключился и обвёл всех взглядом.

— Так, Антон готов к работе. Со мной идут Хумай. Нарэк, Гоша и Алконост. Нарэк, ты главный в своей группе. Со своими штуками психолога выясни подходящую кандидатуру.

— А как?! — возмутился Нарэк. — В тестах по психологии нет вопросов, выявляющих богатырей!

— Ничего, — отрезал Диоген. — Сам адаптируешь свою науку. Как-нибудь.

— А если я не справлюсь? — не унимался Нарэк.

— Справишься. Ты же психолог. Психологи всё могут. — Диоген подтолкнул его к выходу.

Нарэк хотел возразить, но кот уже переключился на других.

— Сирина, Гамаюн, Гера — вы в другое крыло. Главный в группе

Он снова посмотрел на них. Елена Владимировна с вызовом поджала губы. Наталья Михайловна закатила глаза. Гера просто ждал.

— Ладно, — сказал Диоген. — Главное — не забудьте, для чего вы вообще там ходите.

Он начал выталкивать всех из архива, не обращая внимания на возмущённые возгласы.

— Все, — сказал он. — Пошли работать. Богатыри сами себя не найдут.

Гриша сидит за столом, перебирает бумаги.

В дверь стучат. Коротко. Уверенно. Почти требовательно.

— Войдите.

Дверь открывается, и в кабинет входит женщина. Маленькая, худенькая. Тёмные волосы, огромные глаза — такие, что, кажется, видят всё и сразу. На ней строгий, идеально сидящий костюм. Но с первого взгляда понятно: костюм здесь не главное. Под ним не скрыть фигуру, которую не стыдно показать хоть на Олимпе, хоть на подиуме.

Она садится в кресло. Нога на ногу. Руки на подлокотниках. Вся — уверенность, вызов и лёгкое возмущение тем, что вообще приходится здесь сидеть.

— Галина Александровна, — представляется сухо. — Можно просто Галина.

— Что привело? — спрашивает Гриша.

— Начальство послало, — она пожимает плечами.

Гриша вздыхает. Открывает планшет.

Экран мигнул. Он читает про себя:

Галина Александровна Пятикопова — Кавэ. Финно-угорская богиня луны, небесная повелительница. Должность: ведущий специалист отдела корпоративной защиты. Особенности: агрессивность, импульсивность, недоверие к людям, трудоголизм. Не прощает обид. В

конфликтах переходит к физическим действиям быстро, о последствиях не думает. Рекомендуются: не провоцировать, не спорить, не предлагать «успокоиться».

Гриша поднимает глаза.

— Рассказывайте, что случилось.

Галина подаётся вперёд. Глаза горят.

— Что случилось? Письмо пришло начальству. На меня. С жалобой.

Гриша вопросительно смотрит на неё.

— Из-за драки. В фитнес-клубе. — Галина пожимает плечами с видом человека, который не привык оправдываться, но вынужден. — Пошла я в свой фитнес-клуб. Кстати, очень дорогой. Не для всякой шпаны.

— И что там случилось?

— Перед раздевалкой слышу — визг. Залетаю, а там девчонка лет пятнадцати орёт. А рядом стоит мужик. Ну, как мужик Сверху — баба, а снизу — мужик. Трансвестит, как потом оказалось. Девчонку перепугал.

— И вы

— И я ему — хук. Потом в живот. Потом об коленку — мордой. — Она усмехается. — Я, понимаешь, когда среди людей жить стала, себе стараюсь породистых мужчин выбирать. Были у меня и тхэквондисты, и самбисты, и ещё бог знает кто. В общем, драться по-людски я умею мастерски. Не чета всяким там

Она не договаривает, машет рукой.

— Короче, англичанин он оказался. Из этих правозащитников. Приехал в Россию расследовать, как у нас гнобят меньшинства. А рядом дружок стоял, на камеру снимал. Для прессы.

Гриша делает пометку.

— И что дружок?

— А дружок тоже получил. — Галина почти гордится. — Ногой в солнечное сплетение. Я быстро.

— И чем кончилось?

— Приняли меня менты. Пришлось в обезьяннике ночевать. Потом майор приходит, бывший мой. Полукровка. Тоже из наших, из нечисти. Заводит в кабинет и говорит: «Пятикопова, ну кто тебя с твоих дремучих лесов вытащил? Сидела бы там уже старая на заслуженном отдыхе». — Галя зло щурится. — Представляешь? Богине — такое.

— И вы

— А я ему ответила. — Галина усмехается, и в этой усмешке столько презрения, что хватило бы на целую роту. — Сказала: «Ты чё, подругу во мне увидел? Укачало по ходу? Если я когда-то с тобой была, то просто из интереса. Как это — с лохом».

Гриша молчит.

— И добавила: «Ещё одно такое горбатое слово и ты всю жизнь будешь передвигаться рывками».

— И он

— А он обиделся! — Галина разводит руками, изображая искреннее недоумение. — Представляешь? Обиделся! Письмо накатал в организацию. Сволочь мстительная.

Она замолкает, сверкая глазами. В кабинете становится тихо. Даже мухомор в углу притих.

Гриша смотрит на неё.

— А трансвестит?

— А трансвестит — Галина отмахивается. — Да ничего. Майор морок на них навёл, не помнят ничего. Зачем пришли, как оказались — всё забыли.

— Галина Александровна, — осторожно спрашивает Гриша. — А вы замужем?

— В смысле — замужем? — она смотрит на него как на дурака. — Я хоть и забытая, но всё же богиня. Зачем богине быть замужем? Ты не думай, я ни какая-то там развратная курва. У меня всё по чесноку. Не больше трёх мужчин возле себя держу, они друг о друге не знают. Каждого люблю, да как их не любить? Говорю же, породистых всегда выбираю.

Галина откидывается в кресле, вспоминает.

— Константин Коровко. Ах, какой мужчина был. Красавец, весельчак, всегда в центре внимания. Костя-инженер, душка, каких поискать. Умел себя подать, умел девок удивить. Знаешь, на какую собаку похож? На пуделя. Такой же умный, элегантный, шерсть кудрявая. Вечно им любят, а он только и ждёт, чтобы его похвалили. Умный, но... не для серьёзных дел. Как почувал, что я его раскусила, сразу сдулся. Не тот калибр.

Гриша делает пометку.

— Янька Кошельков. — Галина усмехается. — А вот это зверь. Отчаянный, наглый, с ножом на любого пойдёт. Его банда всю Москву держала в страхе. Настоящий волк, вожак стаи. Немецкая овчарка. Преданный, умный, но если его разозлить — берегись. И вожака в нём сразу видно. С ним было весело, но... слишком непредсказуемый.

— Лёнька Пантелеев. — Галина вздыхает мечтательно. — Ах, Лёнька. Настоящий артист. Художник, грабитель, красавчик. Мог быть милым, мог быть зверем. Никогда не знаешь, чего от него ждать. Вылитый доберман. Такой же элегантный, поджарый, опасный. И взгляд умный, пронзительный. За ним бы любая пошла, даже если бы знала, что это в последний путь.

— Виктор Баранов. — Галина усмехается. — А вот это уникам. Гениальный фальшивомонетчик. Сам себе Гознак в сарае устроил. Деньги печатал, лучше настоящих. На хаски похож. Такая же умная, артистичная, себе на уме. И бегаёт, куда хочет, не догонишь. Свою нору знает. И ничего ему не указ. Гениальный, но... себе во вред.

Галина молчит. Смотрит в окно.

— А Саша... — она замолкает надолго. — Был похож на ротвейлера. Сильный. Надёжный. Верный. Думала, навсегда. А он... — она резко выпрямляется.

— Значит, вы собак любите?

— Да, — Галина кивает, и лицо её впервые становится чуть мягче.

— А сейчас у вас есть собаки?

— Есть, — мрачно говорит она. — Три чихуахуа.

Гриша сдерживает улыбку. Представить эту грозную богиню с крошечными собачками на руках... Он делает пометку.

— Лабрадор ещё был. Ушёл с бывшим. — Она почти сплёвывает. — Ну как ушёл, забрал он его. Через суд забрал. Ещё одна тварь мстительная.

— Из-за чего?

— Подумаешь, поругались. И он первый начал. Ляпнул мне: «Галинка, что-то ты разжирела на моих харчах». Я же почти не обиделась даже. Подумаешь — один выбитый зуб. Всего один, заметьте.

Гриша открывает рот, потом закрывает.

— Так нет же. Устроил этот процесс деления имущества. И знал же, что деньги для меня — дело наживное. А собаку отсудил.

— И вы

— Я как услышала это в суде, представляете, что со мной было?

— Что?

— Встала я и сказала. Прямо так, судье с прокурором. Сказала: «Такого не бывало, чтобы овца волка» — она замолкает, смотрит на Гришу. — Ну, в общем, ты понял.

— И?

— И что? Люди из Московского отдела по борьбе с нечистой под локотки меня вывели. Объяснили в очередной раз, что я не права. Влепили мне пятнадцать суток исправительных работ.

— И вы

— Я вот только освободилась. Пошла в фитнес расслабиться. А тут этот трансвестит. И письмо это очередное.

— Галина Александровна, — осторожно спрашивает Гриша. — А вы не боитесь работы лишиться?

— Я? — она смотрит на него как на умалишённого. — С какого перепугу? Я ценный работник. Я эти фирмы-однодневки и схемы контрагентов, где они фирму кинуть хотят, с пол оборота вижу. Половину из них я ещё сама разрабатывала.

Она замолкает, смотрит в окно.

— Ты лучше, психолог, вот что мне скажи. Может, и правда мне как в этих тупых людских сериалах — пилюли антидепрессанты попить? Может, у меня депрессия какая? Расстройство? Всё-таки лабрадошку моего увели. Да и не комфортно мне, что на меня из-за пустяков обижаются.

Гриша смотрит на неё долго, но спокойно. Без жалости, без осуждения. Просто, как на человека, который сам загнал себя в угол и теперь удивляется, почему вокруг одни стены.

— Галина Александровна, — говорит он наконец. — Антидепрессанты не лечат одиночество. И не возвращают собак.

Галина хмурится.

— Вы не больны. Вы — богиня, которая тысячу лет жила по своим правилам. А теперь оказалась среди людей, которые обидчивы, мстительны и не умеют прощать выбитые зубы. Вас это бесит. Но дело не в зубе. И даже не в лабрадоре.

— А в чём?

— В том, что вы привыкли: всё решается силой. А здесь нет. Здесь приходится договариваться. Прощать. Иногда уступать. Вы этого не умеете. И не хотите учиться.

— И что, по-твоему, мне теперь стать тряпкой?

— Нет. Стать человеком. Хотя бы на время. Потому что люди, Галина Александровна, не собаки. Их нельзя просто приручить и кормить. Они хотят, чтобы их слышали. Даже когда они не правы.

Галина молчит. Глаза её горят, но теперь в них не ярость, а что-то другое. Может быть, растерянность.

— И что мне делать?

— Для начала — перестать бить всех, кто вам не нравится. Хотя бы на неделю. В качестве эксперимента. А потом, попробовать не отвечать на обиду обидой. Посмотреть, что из этого выйдет.

— А если не выйдет?

— Тогда вернётесь к старому. Но хотя бы узнаете, что есть другой путь.

Галина смотрит на него долго. Потом медленно кивает.

— Ладно, психолог. Подумаю.

Она встаёт. Поправляет костюм. Идёт к двери. Останавливается.

— А ты ты ничего.

— До свидания, Галина Александровна.

— Галина.

Дверь закрывается.

Гриша смотрит на мухомор.

— Ну что, — говорит он, — ещё одна. Которая бьёт, сидит в обезьяннике, но переживает из-за лабрадора. И не понимает, почему люди обижаются. Может, поймёт.

Мухомор молчит.

Гриша открывает планшет, дописывает:

«Клиент: Пятикопова Г.А., Кавэ. Проблема: импульсивная агрессия, неспособность к эмпатии, трудности с доверием. Прогноз: при условии, что попробует не бить людей хотя бы неделю, осторожно-оптимистичный. Рекомендовано: продолжать любить собак. Людей не бить. И не ждать, что они будут вести себя как собаки. Потому ,что собаки лучше ».

Глава 13

Следующего клиента кабинет психолога встретил запахом озона и старой бумаги. Гриша поднял голову от планшета, на экране которого мигала заставка «Межвидовая классификация. Том 1».

Дверь закрылась плавно, без хлопка. На пороге стояла женщина. Гриша мысленно отметил: смесь азиатских и славянских черт дала тот самый результат, который в народе называют «все мужики твои». Пышные формы, длинные волосы, глаза, в которых одновременно читались и доброта, и усталость, и лёгкая насмешка над тем, что она вообще здесь делает.

— Проходите. Присаживайтесь, — он указал на кресло для клиентов.

Она села. Не рухнула, не присела на краешек — именно села, заняв собой всё пространство, предназначенное для посетителя. В её позе читалась уверенность женщины, которая знает себе цену. И лёгкое недоумение: как её вообще сюда занесло?

— Евгения Ефремова, — представилась она. — Можно просто Женя.

— Что привело? — спросил Гриша.

— Начальство, — вздохнула она. — Сказали, что если я не схожу к психологу, то они меня уволят. А я, знаете ли, работать люблю. И зарплату — тоже.

Гриша кивнул, открыл планшет. Экран мигнул:

Евгения Ефремова. Должность: ведущий специалист отдела по связям с общественностью и КСО. Мифологический статус: Цаган Увгин — дух-хранитель домашнего очага (монгольский). Энергетический потенциал: высокий (нестабильный). Особенности: в моменты эмоциональных всплесков (гнев, обида, раздражение) превращает тёплый очаг в «холодный», что приводит к порче дорогостоящего оборудования. Пик активности приходится на воспоминания о бывшем муже.

Гриша поднял глаза.

— Рассказывайте, что случилось.

Евгения усмехнулась. В этой усмешке было что-то родное, человеческое — не злое, а скорее усталое.

— Вы знаете, Григорий Владимирович, я сущность мирная. У меня муж, работа, собака, дача. Я счастлива. Правда. — Она сделала паузу, и в этой паузе повисло что-то тёплое. — Но есть одна проблема. Мой бывший муж работает в отделе корпоративной безопасности. У них там техника — полиграфы, системы слежения, «Око Ра»...

— «Око Ра» — это?

— Система сканирования ауры и намерений. Импортная. Стоит как три годовых зарплаты вашего отдела.

Гриша присвистнул про себя.

— И что с ней?

— А то, что она ломается. Не всегда, но когда я... ну, вспоминаю прошлое. Не то чтобы я думаю о нём постоянно, — она поправила волосы, и жест этот был таким привычным, будто она делала его тысячу раз, — у меня сейчас другая жизнь. Хорошая. Муж любит меня такой, какая я есть. Не требует, чтобы я была удобной, молчала, варила борщи. — Она улыбнулась, и от этой улыбки в кабинете стало светлее. — Он сам, между прочим, борщи варит. Лучше меня.

— И в чём проблема?

— В том, что иногда я всё равно вспоминаю. Как он меня бросил. Как я жила, заглядывая ему в рот. Как теряла себя. И в этот момент... — она развела руками, и воздух вокруг неё будто дрогнул, — у него в отделе что-нибудь ломается. Вчера, например, «Око Ра» замёрзло. Платы треснули от перепада температур, которого не было.

Гриша посмотрел на неё с интересом. И с лёгким уважением.

— И вы хотите от этого избавиться?

— Начальство хочет, — поправила она, и в её голосе послышалась едва заметная горечь. — А я... не знаю. С одной стороны, жалко технику. С другой... — она задумалась, и на её лице промелькнуло что-то сложное, — мне нравится, что он знает. Что я где-то там, в его жизни, всё ещё существую. Не как удобная бывшая жена, а как... напоминание.

— О чём?

— О том, что не всё можно просчитать. Не всё можно купить. Не всё можно контролировать. — Она произнесла это так, будто выдохнула.

Гриша кивнул. Записал.

— А прощать вы его не пробовали?

— Пробовала, — Евгения посмотрела в окно, и в её взгляде мелькнуло что-то далёкое, почти забытое. — Не получается. И знаете... я не хочу. Не потому, что злая. А потому, что он не заслужил, чтобы его прощали. Он заслужил, чтобы помнили.

— Что именно?

— Что он был мудаком, — спокойно сказала Евгения. В этом «спокойно» было столько выстраданного, что Гриша невольно зауважал её ещё больше. — И что я теперь счастлива. Не благодаря ему, а вопреки.

Гриша сдержал улыбку. Но не потому, что ему было смешно, а потому, что в этой фразе было столько силы, что улыбнуться хотелось от гордости за неё.

— И как вы думаете, что будет, если вы его простите?

— Не знаю. Наверное, техника перестанет ломаться. Начальство будет довольно. Он, наверное, вздохнёт с облегчением. — Она повернулась к нему, и в её глазах вспыхнул огонь. — А я не хочу, чтобы он вздыхал с облегчением. Я хочу, чтобы он помнил. Чтобы знал: есть вещи, которые не исправить полиграфом.

— То есть вы не хотите прощать?

— Не хочу.

— И не будете?

— Не буду.

Гриша отложил планшет. Посмотрел на неё долгим, спокойным взглядом.

— Тогда зачем вы здесь?

Евгения улыбнулась. Впервые за весь разговор — по-настоящему. Устало, тепло, с той самой человеческой теплотой, которую она так долго прятала.

— Чтобы вы сказали начальству, что я не опасна. Что я не псих. Что я просто женщина, которая имеет право не прощать.

— А вы не опасны?

— Для техники — опасна, — честно призналась она. — Для людей — нет. Если только они не пытаются заставить меня прощать.

Гриша подумал. Помолчал. Потом сказал негромко, почти по-свойски:

— Евгения, я не буду вас заставлять прощать. Это бесполезно, и я вообще не умею. Но давайте подумаем: техника ломается, когда вы вспоминаете. Вспоминать вы не перестанете. Значит, нужно что-то делать с этими воспоминаниями, чтобы они не били по приборам.

— Например? — она смотрела с интересом, и в её глазах уже не было прежней насмешки — только любопытство.

— Например, когда вы чувствуете, что вот-вот — и его полиграф накроется медным тазом... вы делаете что-то другое. Переключаетесь. Сжимаете кулак. Считаете до десяти. Или представляете, что ваша злость — это не холод, а... ветер. Который уходит в небо, а не в серверную этажом ниже.

— Звучит как заклинание, — усмехнулась она, но в этой усмешке уже не было яда.

— Это называется «якорь». Психологическая техника. Работает у всех, даже у тех, кто не верит в психологию.

— И что, поможет?

— Не знаю, — честно сказал Гриша. — Но попробовать стоит. Хуже, чем сейчас — не будет. А если не поможет...

— Тогда будем думать дальше. Может, перенаправим вашу энергию на что-то полезное. Например, будете в свободное время рисовать его портреты и сжигать. Или писать письма, которые не отправите. Или займётесь боксом.

— Боксом? — она удивилась.

— Ну, или любым другим спортом, где можно бить грушу. Или другой тренажёр. Главное, чтобы энергия выходила не на технику, а на что-то безопасное.

Евгения рассмеялась. Впервые за весь разговор — свободно, без напряжения, без той горечи, которая чувствовалась в начале.

— Григорий Владимирович, а вы верите, что можно жить без прощения?

— Верю. Можно жить с чем угодно. Вопрос — как долго и с какими последствиями.

— Вы странный, Григорий Владимирович.

— Профессиональное.

Она встала, поправила костюм. На этот раз — без вызова, просто по привычке.

— Ладно. Я попробую. Но если не получится...

— Тогда придёте ещё. Я буду здесь.

Евгения улыбнулась — той самой улыбкой, которая, наверное, была у неё много лет назад, до того, как она научилась быть «удобной». И вышла.

Дверь закрылась.

Гриша посмотрел на мухомор.

— Ну что, — сказал он, и в голосе его слышалась лёгкая усталость и тепло, — ещё одна. Которая не хочет прощать и ломает технику на расстоянии. И при этом счастлива в браке. Теперь будет учиться переключаться. Или бить грушу.

Мухомор молчал, но Грише показалось, что он чуть качнулся — одобрительно.

Гриша открыл планшет, дописал:

«Клиент: Ефремова Е.В. Проблема: неконтролируемые выбросы энергии при воспоминаниях о бывшем муже. Клиент не хочет прощать — и не должна. Рекомендовано: техники переключения внимания (якорь, замещение), физическая активность (бокс, бег), письменные практики (письма, которые не отправляются). Технику в присутствии клиента не включать. Начальству — выдать памятку по эксплуатации полиграфов в условиях эмоциональной нестабильности сотрудников».

До обеда нужно было принять еще одного клиента. Дверь распахнулась так резко, что Гриша вздрогнул. На пороге стоял мужчина, занимавший собой весь дверной проём. Брутальный, высокий, с военной выправкой. Властный взгляд, тяжёлая челюсть — Гриша мгновенно узнал в нём архетип «хозяина жизни», привыкшего, что всё работает по щелчку пальцев.

— Вы Нечаев? — голос был низким, рокочущим, привыкшим отдавать приказы.

— Да. Проходите, Евгений... — Гриша заглянул в планшет, который уже держал наготове.

Евгений Абушинов. Должность: начальник службы корпоративной защиты (отдел «Кара»). Мифологический статус: Хара Зутра — Дух-Хранитель Врат(калмыцкая мифология). Особенности: обладает способностью видеть ложь и слабые места, но абсолютно слеп к собственным ошибкам. Энергетический потенциал: высокий (стабильный, но уязвимый для «холодной» магии бывшей жены).

— Абушинов, — закончил за него гость, швырнув на стол для посетителей кожаный портфель. Звук был глухим и тяжёлым — таким же, как его взгляд.

Он сел в кресло. Не так, как Женя — уверенно и расслабленно, а как завоеватель, который осматривает новые владения. Кресло жалобно скрипнуло, но выдержало. Гриша мысленно похвалил его за стойкость.

— Слушайте, доктор, у меня нет времени на эти ваши танцы с бубном. У меня люди в отделе зашиваются. У меня проверка сверху на носу. А я сижу здесь.

— Что привело? — спокойно спросил Гриша, закрывая планшет.

Евгений подался вперёд, уперев огромные кулаки в колени. От этого движения кресло снова скрипнуло — на этот раз жалобнее.

— Она привела. Бывшая. То есть начальство и меня тоже отправило с ней на пару. На всякий случай.

Гриша внутренне напрягся, но лицо его осталось бесстрастным. Только бровь чуть приподнялась.

— И что же она?

— Она мешает мне работать! — рявкнул Евгений так, что мухомор в углу испуганно сжался. — Я профессионал! У меня отдел! Я обучаю людей! Я отвечаю за безопасность активов корпорации! А я не могу провести банальную проверку лояльности сотрудника, потому что мой чёртов полиграф начинает показывать, что этот ворюга — мать Тереза!

Он вскочил и начал ходить по кабинету, как тигр в клетке. Гриша следил за ним взглядом, отмечая, что каждый шаг Евгения ложится на паркет с неожиданной лёгкостью — как у человека, который привык ходить по минному полю.

— Вчера «Око Ра»... Треснуло! Платы! От холода! В помещении плюс двадцать пять! — он развернулся, и Гриша успел заметить, как дёрнулась его челюсть. — Я потратил три часа на отчётность! Три часа жизни коту под хвост! А до этого? Детектор лжи! Я допрашиваю человека, а прибор пищит как бешеный, потому что эта... эта... — он запнулся, подбирая слово, но так и не нашёл, — ...ведьма думает обо мне!

Он остановился и ткнул пальцем в сторону Гриши. Палец был толстым, с крупным ногтем — такой палец привык нажимать на курок, а не на кнопки телефона.

— Ваше дело — прочистить ей мозги. Сделать так, чтобы она думала о цветочках и котиках, а не о том, как сломать мне карьеру!

Гриша молчал, давая ему выговориться. Евгений выдохнул и сел обратно. Кресло снова скрипнуло, но уже как-то примирительно.

— Я не понимаю... Почему нельзя просто дружить? — вдруг спросил он почти жалобно. — Все нормальные люди после развода могут остаться друзьями. Почему она не может быть нормальной?

Гриша внимательно посмотрел на него. В голосе Евгения, помимо раздражения, послышалась странная нотка — что-то вроде обиды.

— Вы хотите с ней дружить?

Евгений фыркнул.

— Конечно! Мы же древние цивилизованные существа!

Внезапно он полез в карман пиджака. Гриша внутренне приготовился к худшему.

— Вот! — Евгений с грохотом вывалил на стол Гриши предметы: новенький айфон последней модели (экран пересекала глубокая трещина), золотые часы Rolex (стекло помутнело и пошло сеткой трещин), дорогой планшет (корпус деформировался), беспроводные наушники (пластик пожелтел и стал хрупким). — Вот цена нашей не «дружбы»!

Он обречённо махнул рукой. Жест был такой, будто он сдаётся.

— Я задолбался тратить зарплату на айфоны! Я близок к тому, чтобы купить сотню кнопочных телефонов и выкидывать их как одноразовые платки после каждой встречи с ней в коридоре!

Гриша смотрел на разбитую технику. Это было физическое воплощение их разрушенных отношений.

— Давайте по порядку, — сказал он спокойно, возвращаясь в профессиональное русло. — Расскажите, почему она на вас злится?

Евгений замер. На секунду его лицо потеряло выражение воинственной уверенности. Гриша заметил, как дёрнулся кадык — Евгений сглотнул.

— Я полюбил другую, — сказал он, пожимая плечами. Жест был наигранно-небрежным, но Гриша видел, что плечи у него напряжены. — И что? Такое бывает в жизни.

— Бывает, — согласился Гриша. — Бывает, что люди расходятся. Бывает, что находят новое счастье. Но не каждый раз после этого у бывшего мужа ломается дорогостоящая техника на расстоянии.

Евгений молчал. Его лицо начало медленно наливаться краской — не от гнева, а от осознания. Гриша видел, как эта краска поднимается от шеи к щекам, как напрягаются желваки.

— Она... она делает это специально! Чтобы меня позлить!

Гриша откинулся в кресле. Взял паузу — так, чтобы Евгений успел почувствовать вес своих слов.

— А вы бы простили человека, который так с вами поступил? Который разрушил вашу жизнь и требует «просто дружбы», чтобы ему было комфортно?

— Я... я не знаю, — он запнулся, и Гриша заметил, как дёрнулась его рука — будто хотел схватиться за что-то, но не нашёл. — Я живу своей жизнью. У меня новая семья. Работа. Всё.

— И вы хотите, чтобы она тоже жила своей жизнью?

— Конечно! Чтобы она была счастлива. Чтобы не злилась. Чтобы мы могли спокойно здороваться в коридоре и не ломать при этом оборудование на миллионы.

Гриша кивнул. Медленно, как учитель, который видит, что ученик почти понял, но ещё сопротивляется.

— То есть вы хотите, чтобы она была счастлива... для вашего удобства?

Евгений открыл рот. Закрыв. На секунду его лицо стало растерянным — как у человека, который только что понял, что всё это время смотрел не в ту сторону.

— Ну... не то чтобы...

Он замолчал. Гриша ждал.

— И что мне делать? — спросил Евгений, и в его голосе не было привычной командирской нотки. Только усталость. Та самая, которую он, наверное, никогда не показывал своим подчинённым.

— Для начала — перестать требовать от неё дружбы. Она не обязана быть вам другом. Она вообще вам ничего не обязана.

— Но...

— И перестать думать, что она делает это специально, чтобы вам насолить. Может, она просто живёт. А техника ломается потому, что вы оба ещё не отпустили друг друга.

Евгений смотрел на свои разбитые часы. Гриша заметил, как его пальцы — крупные, сильные — осторожно, почти невесомо погладили треснувшее стекло.

— А вы... вы правда думаете, что мы когда-нибудь сможем просто здороваться в коридоре? Без фейерверков?

— Не знаю, — честно сказал Гриша. — Но если вы оба перестанете ждать друг от друга того, что вы не можете дать... может, и сможете.

Евгений молчал. Долго. Гриша не торопил. В кабинете было слышно, как тикают настенные часы — и как тяжело дышит этот большой, сильный, растерянный мужчина.

Потом он медленно поднялся. На этот раз — без резких движений.

— Я подумаю, — сказал он, и это прозвучало почти как обещание.

Развернулся и вышел. На этот раз — тихо. Дверь закрылась без обычного грохота.

Гриша посмотрел на мухомор.

— Ну что, — сказал он, — ещё один. Который не знает, как попросить прощения, и поэтому требует дружбы.

Мухомор молчал, но Грише показалось, что он чуть покачнулся — осуждающе. Или сочувственно — не разобрать.

Гриша открыл планшет, дописал:

«Клиент: Абушинов Е.А. Проблема: неспособность признать свою ответственность за разрушенные отношения, проекция вины на бывшую жену, требование «дружбы» как способа снять с себя чувство вины. Рекомендовано: прекратить требовать от бывшей жены удобства для себя. Начать с признания: она имеет право злиться. Имеет право не прощать. Имеет право ломать технику. Технику — списать. Отношения — не восстанавливать. Просто жить дальше. По отдельности».

Звонок, возвещающий обед, прозвенел как спасение. Гриша с облегчением выдохнул, закрывая планшет. Утро выдалось тяжёлым: три сессии подряд, горы теории по МКБ для нечисти и постоянное ощущение, что он ходит по тонкому льду.

Он знал, что должен идти в столовую. Нарэк бы его туда буквально за шкирку притащил, приговаривая что-то про «хашламу для укрепления духа». Но Гриша остался сидеть в учебном кабинете. Идти туда в одиночку было всё равно что нырять в бассейн с акулами, не зная, хищник перед тобой или просто большая рыба.

Его иммунитет был нестабилен. Это сводило с ума. Он мог идти по коридору и видеть всё как обычный человек: спящих менеджеров, мигающие лампы, пыль на подоконниках. А потом моргнуть — и воздух вокруг коллеги из бухгалтерии идёт рябью, а над головой другой появляется едва заметный нимб офисной нимфы.

«Нет, — решил он. — Сегодня я пас. Обойдусь без столовой».

Дверь кабинета тихо скрипнула. Гриша поднял голову и улыбнулся. На пороге стояла Светочка — секретарь отдела адаптации. В руках у неё был поднос, накрытый стальной крышкой-куполлом, от которого шёл умопомрачительный пар.

— Я подумала, ты не пойдёшь, — сказала она, ставя поднос на стол. — Без Нарэка ты там как слепой котёнок.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Гриша. — Ты спасла меня от голодной смерти.

Он снял крышку. Под ней оказалась тарелка горячего борща, от которой поднимался ароматный пар, и салат с ростбифом. Рядом стоял стакан компота.

Гриша взял ложку и начал есть. Вкус был божественным. Он на секунду прикрыл глаза от удовольствия.

— Светлана, — начал он с набитым ртом, но тут же спохватился. — Простите. Я хотел сказать... У меня что-то происходит.

— С клиентами? — она присела на край стола.

— Со мной. Кажется... у меня проявился иммунитет.

Светочка замерла. Её взгляд стал острым и внимательным, как у врача, услышавшего необычный симптом.

— Так быстро? — её брови поползли вверх. — Гриш, это же... неделя ещё не прошла.

— Я знаю! — он отставил тарелку и подался вперёд, понизив голос. — Вчера ночью я проснулся от жажды. Пошёл на кухню, а там... На подоконнике сидел домовый. Маленький такой, коренастый. Я с ним даже поговорил.

Светочка слушала, не перебивая.

— А сегодня в коридоре я видел через раз сущностей. И я... я это видел. Не через очки! Просто так!

Светочка медленно кивнула. Её лицо стало задумчивым.

— Да... Это бывает очень редко. Обычно такой быстрый скачок бывает у тех, у кого в родне были сущности, маги. Кровь помнит.

— Нет у меня никого! — отрезал Гриша так резко, что чуть не опрокинул стакан с компотом. — Я знаю свою родню до седьмого колена! Все инженеры-строители, врачи, один правда профессор истории. Никаких ведьм! Никаких леших!

Светочка примирительно подняла руки.

— Я тебе верю. Бывают, конечно, исключения из правил. Редко, но бывают. Иногда дар просыпается у обычных людей под сильным стрессом или при резком погружении в среду.

Она внимательно посмотрела на него.

— Хотя... У нас просто не было времени на ритуалы. Обычно мы проверяем кандидатов специальными заклинаниями на крови перед приёмом на работу. Но Соломон Давидович подписал приказ о твоём найме так быстро... Мы просто не успели провести полный цикл инициации и проверки родословной.

Гриша замер с ложкой в руке. Внутри что-то ёкнуло.

— То есть... ты всё-таки сомневаешься, кто я?

— Мы знаем, что ты психолог с красным дипломом МГУ, — улыбнулась Светочка, но её глаза оставались серьёзными. — А остальное... Возможно, ты просто особенный человек с очень быстрой адаптацией.

Гриша хмыкнул и вернулся к борщу. Ложка почему-то дрожала в руке.

— Особенный... Звучит как диагноз.

— Это звучит как рабочая версия, — поправила она.

Она встала и направилась к двери. На пороге обернулась.

— Доедай борщ, ведающий Гриша.

Дверь закрылась. Гриша остался один на один с тарелкой супа и новой, пугающей мыслью: а что, если он не просто быстро адаптируется? Что, если он действительно другой?

Он посмотрел на мухомор в углу. Тот молчал, но Грише показалось, что он смотрит на него с каким-то новым выражением. То ли с интересом, то ли с пониманием.

Группа под руководством Антона Алексеевича обходила отделы один за другим. И с каждым новым этажом становилось ясно: этот человек получал искреннее, почти болезненное удовольствие от своей работы.

— Почему наклейка на системном блоке смещена на два миллиметра влево? — спросил он у программиста, который три ночи не спал, закрывая важный релиз.

Программист открыл рот, закрыл, посмотрел на наклейку, потом на Антона Алексеевича, потом на свои руки — видимо, проверяя, не снятся ли ему кошмары наяву.

— Это... это была практикантка, — выдавил он наконец.

— Практикантка? — переспросил Антон Алексеевич, делая пометку в папке. — У вас есть должностная инструкция для практикантов? График контроля?

Программист посерел лицом и начал медленно сползать под стол.

Диоген, наблюдавший эту сцену, едва сдерживал торжествующую улыбку. Она расплзлась по его лицу, как масло по горячему хлебу, — широкая, почти неприличная, с намёком на то, что он давно ждал этого момента и сейчас наслаждается каждой секундой.

«Аааа, — читалось в его довольном прищуре. — Вы на меня доносы писали? Жаловались, что я невыносим? Что довожу людей до белого каления? Получите теперь. Получите по полной».

Он даже плечи расправил. И походка стала легче. Словно он не с проверкой ходил, а по красной ковровой дорожке под овации.

— Антон Алексеевич, — подал он голос с самым невинным видом, — а вы посмотрите у них шкафчик для верхней одежды. Мне кажется, там вешалки висят на разной высоте. Это же нарушение эргономики трудового пространства!

Антон Алексеевич немедленно переключился на шкафчик.

Программист, воспользовавшись моментом, окончательно сполз под стол и сделал вид, что ищет запасную мышь.

Светлана Ивановна дёрнула Диогена за рукав.

— Диоген Винсентович, — зашипела она ему в ухо и сверля его взглядом, который должен был напомнить, зачем они вообще здесь ходят. — Мы ищем богатырей. А не наблюдаем за тем, как Антон Алексеевич доводит людей до нервного тика.

— А я и ищу, — так же шёпотом, но с искренним возмущением ответил Диоген. — Среди пострадавших. Может, у кого-то от стресса откроется второе дыхание и богатырский дух. Это научный метод. Наблюдение в естественной среде обитания.

Светлана Ивановна закрыла глаза и принялась считать про себя. До десяти. До двадцати. До ста.

— Богатыри, — процедила она сквозь зубы, — это те, кто не ломается под давлением. А эти уже сломались. Причём ещё до того, как вы открыли рот.

— Ну значит, не судьба, — философски пожал плечами Диоген и снова уставился на Антона Алексеевича с нескрываемым обожанием.

Следующим был бухгалтерский отдел по начислению заработной платы. Антон Алексеевич, войдя туда, почувствовал себя в родной стихии.

— У вас оборотная ведомость не сходится на три копейки, — сказал он, даже не заглянув в документы. Просто остановился у порога и принялся. — Три копейки. За прошлый месяц. Я чувствую запах округления.

Главный бухгалтер, женщина лет пятидесяти с лицом человека, который видел четыре перехода на новые версии 1С и остался в живых, медленно подняла голову.

— Это вы к чему?

— К тому, что округление должно быть документально подтверждено. Иначе это не округление, а манипуляция с отчётностью.

Главный бухгалтер побледнела. Потом покраснела. Потом сжала кулаки так, что закрепили суставы.

Диоген, стоявший за спиной Антона Алексеевича, прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос. Плечи его тряслись. Глаза слезились.

— Диоген Винсентович, — снова прошипела Светлана Ивановна, — прекратите. Мы здесь не за этим.

Диоген мгновенно посерьёзней.

— Работаем. Ищем богатырей.

Но едва Антон Алексеевич открыл рот, чтобы спросить у главного бухгалтера, почему её стул стоит не под прямым углом к столу, кот снова расплылся в блаженной улыбке.

Светлана Ивановна вздохнула. Безнадёжно.

В отделе кадров Антон Алексеевич устроил разнос из-за того, что в личных делах сотрудников скрепки были разных цветов.

— Это недопустимо, — сказал он, раскладывая их по кучкам. — Единый стандарт производства утверждён приказом номер семь-Б. Скобы должны быть стальными, без цветного напыления. Цветные скрепки — это отвлекающий фактор. Сотрудник отвлекается на яркое пятно и может пропустить важную информацию.

Кадровик, немолодая женщина с огромным опытом работы и низкой стрессоустойчивостью, заплакала.

Диоген немедленно протянул ей носовой платок. С вышитым котом. И покосился на Светлану Ивановну с выражением «ну посмотри, как он их, ну посмотри».

Светлана Ивановна сделала вид, что не заметила.

В отделе снабжения Антон Алексеевич заинтересовался канцелярскими кнопками.

— Почему кнопки разных размеров? — спросил он у заведующего складом, здорового мужика с руками-лопатами. — Это же нарушает эстетику рабочего пространства. Кнопки должны быть одного диаметра. И желателен одного цвета. Белого. Белый цвет не отвлекает.

Мужик с руками-лопатами посмотрел на свои кулаки. Потом на Антона Алексеевича. Потом снова на кулаки.

— Вы мне угрожаете? — спросил Антон Алексеевич, даже не повысив голоса.

— Нет, — честно ответил мужик. — Я просто представляю.

— Что именно?

— Как я сейчас засуну эти кнопки — он запнулся, подбирая слово, — в статистическую отчётность.

Диоген, стоявший за спиной, тихо заржал. Светлана Ивановна схватила его за локоть и с силой дернула.

Кот мгновенно притих. Вытянулся по струнке.

— Работаем, — сказал он деловито. — Ищем богатырей. Сканирую. Визуально. Прямо сейчас.

И уставился на мужика с руками-лопатами. Тот как раз пытался незаметно спрятать разноцветные кнопки в ящик стола.

— Нет, — прошептал Диоген через секунду. — Не богатырь. Богатырь не стал бы прятать кнопки. Богатырь сказал бы: «Это мои кнопки, и я буду колоть ими кого хочу».

— Это вы про себя? — уточнила Светлана Ивановна.

— Это я про идеал, — обиженно ответил Диоген.

Они вышли из отдела снабжения. Антон Алексеевич шёл впереди, размахивая папкой и что-то бормоча про стандарты. Диоген — за ним, с видом паладина, который наблюдает за работой инквизитора и получает от этого процесса эстетическое удовольствие. Светлана Ивановна — замыкающей, с блокнотом, в котором вместо записей о потенциальных богатырях красовался жирный вопросительный знак.

— Ни одного, — сказала она себе под нос, когда они остановились перед лифтом. — За целый день — ни одного.

Глава 14

Дверь открылась без стука. В кабинет вошёл мужчина. Гриша мгновенно отметил контраст: лицо, которое когда-то, несомненно, было очень красивым (правильные черты, волевой подбородок), сейчас несло на себе печать усталости и житейской мудрости. Но глаза были живыми, цепкими и с той самой хитринкой, которая бывает только у людей, повидавших жизнь.

— Игорь, — представился он, проходя и тяжело опускаясь в кресло. Кресло под ним жалобно скрипнуло. От мужчины пахло хорошим табаком и чем-то домашним — жареным луком и свежим хлебом.

Гриша открыл планшет.

Игорь Анатольевич Патуги. Должность: заместитель председателя профсоюзного комитета по вопросам социального обеспечения. Мифологический статус: домашний дух — Овинник. Проблема: не указано.

— Здравствуйте, Игорь. Проходите. Что привело?

Игорь усмехнулся, достал из кармана мятую пачку сигарет, повертел её в руках, но курить не стал.

— Знаете, доктор Пришёл вот. Жена заставила. Говорит: «Игорь, ты же со всей душой к людям, а потом ходишь три дня чернее тучи». А я не знаю, что со мной.

Он говорил медленно, с лёгкой хрипотцой.

— Я ж по путёвкам работаю. Распределяю. Кому в санаторий, кому на базу отдыха. У меня там кабинет — как склад добра. Папки, заявления, списки Это мой овин-амбар. Люди ко мне идут Да я с любым общим языком найду! Хотя с алкашом соседом, хоть с директором с пятого этажа. Я им и про погоду расскажу, и анекдот к месту вставлю. Они всегда посмеются и с хорошим настроением уходят. Коллегам завсегда выделю путёвку, кому какая по душе. Если что — уговорю кого хочешь.

Он замолчал, глядя на мухомор в углу так, будто тот был старым знакомым.

— А потом потом я сижу один. И такая тоска накатывает Будто я им путёвки эти даю, со всеми поговорю, а сам как в клетке. Как будто весь урожай рано роздал, и в амбаре — пусто, и скотину теперь нечем кормить. И мыши бегают.

Гриша внимательно слушал.

— Вы чувствуете себя использованным? Как будто ваша доброта — это просто работа?

— Да! — Игорь хлопнул ладонью по колену. — В точку! Я им улыбаюсь, решаю их проблемы А для чего? У меня жена болеет. Я ей говорю: «Потерпи, вот премию дадут — поедem лечиться». А сам понимаю: не поедem. Некогда. Надо вот этому помочь, тому помочь А на себя — наплевать.

Он вздохнул, и в этом вздохе была вся тяжесть мира.

— Я ведь не всегда таким был В молодости-то я ого-го был! Меня уважали, подношения в амбаре оставляли, чтобы я не злился. Задобрить все пытались. А потом жизнь помотала. Теперь я всех задабриваю. Но я же не жалуясь! Я справляюсь! Только вот пусто внутри. Как в том амбаре.

Гриша отложил планшет. Он видел суть проблемы: Игорь был Овинником до мозга костей. Его магия требовала, чтобы он хранил порядок и распределял «урожай» среди обитателей своей «территории». Но он забыл про самого главного «жителя» — себя.

— Игорь, — начал Гриша мягко. — Скажите, а когда вы в последний раз делали что-то для себя? Не для жены, не для просителей. Для Игоря?

Игорь задумался. Так глубоко, что, казалось, пытался вспомнить цвет своих детских ползунков.

— Не помню Давно это было.

— Ваша доброта — это не клетка, — сказал Гриша уверенно. — Это ваш дар. Но даже самый щедрый хозяин должен иногда запирать ворота амбара и отдыхать. Иначе кто будет следить за запасами и распределять их по справедливости, если хозяин упадёт от усталости? Амбар придёт в запустение.

— Амбар придёт в запустение, — тихо повторил Игорь, словно пробуя эти слова на вкус. — Вы это про меня?

— Про вас, — кивнул Гриша. — Вы Овинник. Дух, хранитель запасов. Ваша природа — заботиться о других, следить, чтобы у всех было тепло и сытно. Но если вы не будете заботиться о себе, кто позаботится о вас?

— Жена, — машинально ответил Игорь и тут же поморщился. — Она болеет. Ей не до меня.

— А дети? Родственники?

— Сын вырос, уехал. Звонит редко. Родственники — он махнул рукой, — у них свои заботы.

Гриша сделал пометку в блокноте.

— Игорь, скажите, а что вы любите делать? Не для других. Для себя.

— Я? — он растерянно посмотрел на Гришу. — Ну я раньше любил вечерами в гости ходить, на завалинке посидеть. К домовым, к кикиморам, к лешим, и в баню к банным. Мы с ними самогонку попьём, поговорим о том, о сём. О хозяйстве. О мышах. О людях.

— И что случилось?

— А некогда стало. Работа, люди, просьбы Сначала я думал: вот управлюсь с путёвками — и поеду, туда к себе в деревню. Потом: вот премию дадут — и куплю хорошего самогону, чтоб угостить. Потом — он замолчал, — потом я забыл, когда в последний раз на завалинке сидел.

— А сейчас?

Он поднял глаза, и в них Гриша увидел то, чего не замечал раньше. Усталость. Пустоту. И что-то ещё, похожее на стыд.

— Я и так пью. Каждый вечер. Самогон. Дорогой, дешёвый — всё равно. Один. На кухне. Потому что не на завалинке. Потому что на душе — пусто.

Гриша отложил планшет. В блокноте появилась новая запись: «Алкоголь как анестезия, а не как удовольствие. Клиент не пьёт для компании — пьёт для забвения».

— Игорь, — сказал он мягко. — А вы пробовали не пить? Хотя бы один вечер?

— Пробовал. — Игорь посмотрел на него. — На третий день купил удочку.

— И?

— И поставил в угол. Там и стоит. Потому что рыбачить некогда. А пить — всегда есть время.

Гриша кивнул. Помолчал. Потом спросил:

— А если я вам предложу не бросать пить?

Игорь поднял бровь.

— В каком смысле?

— В прямом. Не бросайте. Но вместо того чтобы пить на кухне в одиночестве — пригласите соседа. У вас, я думаю, полно соседей-домовых. Сядьте на лавочку. Не для того, чтобы напиться, а чтобы поговорить.

— О чём?

— О мышах. О хозяйстве. О том, что на душе. Может, ему тоже не с кем поговорить.

Игорь задумался. Гриша видел, как его лицо — усталое, изрезанное морщинами — медленно разглаживалось, будто он вспоминал что-то очень давнее.

— Раньше у меня сосед был, — тихо сказал Игорь. — Домовой с нашего подъезда. Мы с ним и на кухне сидели, и по хозяйству советовались, и в карты играли. А потом он переехал со старыми хозяевами в другой город. Не смог их одних отпустить, сказал: пропадут без меня.

— И вы остались один?

— Один, — кивнул Игорь. — Сначала я думал: ну, переживу. Потом: ну, привыкну. А потом потом я привык. К одиночеству. К тишине. К тому, что не с кем слова сказать.

Гриша кивнул, делая пометку: «Социальная изоляция, утрата привычных связей, замещение общения алкоголем».

— Игорь, а вы пробовали найти нового соседа?

— Как это — найти? — удивился он. — Они же не собаки, чтобы их искать. Они сами по себе.

— А вы попробуйте. У вас в доме много подъездов? Значит, много домовых.

— Ну есть. Да только они все занятые. У всех свои дела.

— А вы уверены, что у них нет таких же вечеров, как у вас? Пустых, одиноких, с бутылкой на кухне?

Игорь замер. Гриша видел, как его пальцы — те самые, что привыкли перебирать бумаги — медленно сжались в кулак.

— Не знаю, — сказал он тихо. — Я никогда не спрашивал.

— А почему?

Игорь молчал. Долго. Потом выдохнул.

— Наверное, потому что боялся услышать, что у них всё хорошо. Что они счастливы. А я — нет.

Гриша отложил планшет.

— Игорь, а что, если я скажу вам, что у них тоже всё не очень? Что они тоже одиноки, устали, пьют по вечерам и не знают, как это прекратить?

— Тогда — Игорь запнулся, — тогда я бы, наверное, не чувствовал себя таким

— Таким?

— Ненормальным.

— А если бы вы пригласили их не пить, а просто посидеть? Поговорить? Поделиться тем, что на душе?

— Я не умею, — честно признался Игорь. — Я умею раздавать путёвки, улыбаться, решать чужие проблемы. А говорить о себе я разучился.

— Этому можно научиться заново, — сказал Гриша. — Не сразу. По чуть-чуть. Сначала просто спросить: «Как дела?» и не убежать, когда услышишь ответ. Потом рассказать, что у вас тоже не всё гладко. Потом может, вместе найти то, что приносит радость. Не забвение, а радость.

Игорь смотрел на Гришу долго. В его глазах — тех самых, живых и цепких — что-то мелькнуло. То ли надежда, то ли страх, то ли просто любопытство.

— Вы говорите, мне нужно найти родственную душу, — сказал он медленно. — Такую же потерянную, как я.

— Не потерянную. Ту, которая тоже ищет.

Игорь усмехнулся. Впервые за весь разговор — без горечи, почти тепло.

— А вы, доктор, случайно, не домовый?

— Психолог, — улыбнулся Гриша. — Но иногда функции совпадают.

Игорь встал. Поправил пиджак. Взглянул за ручку двери, но не открыл. Стоял, смотрел в стену.

— А если я найду такого, и он окажется не тем?

— Тогда вы будете знать, что искали не его. А это уже больше, чем просто сидеть и пить в одиночестве.

Игорь кивнул. И вышел.

Дверь закрылась.

Гриша посмотрел на мухомор.

— Ну что, — сказал он, — ещё один. Который забыл, что такое радость, и учится искать её заново. По чуть-чуть. Сначала — не пить в одиночестве. Потом — найти того, с кем можно просто посидеть. Потом — может, и улыбнуться по-настоящему.

Мухомор молчал, но Грише показалось, что он чуть качнулся — одобрительно. Или обнадеживающе. Не разобрать.

Гриша открыл планшет, дописал:

«Клиент: Патути И.А. Проблема: алкогольная анестезия, социальная изоляция, утрата навыка получать положительные эмоции. Рекомендовано: поиск «родственной души» для восстановления привычки говорить о себе и слышать другого. Не запрет алкоголя, а замещение одиночества общением. Прогноз: крайне осторожный. Первый шаг — не напиться вместе, а просто посидеть на лавочке».

Нарэк, Гоша и Наталья Викторовна (Алконост) двинулись в другую сторону. Их задачей была не проверка кнопок — Нарэк должен был выявлять мужчин, которые хотя бы отдалённо по психологии подходили под богатырей. Задавая серьёзные психологические вопросы. Вживую. У кулеров. У кофейных автоматов. В любых местах скопления людей.

Проблема была в том, что сотрудники корпорации не привыкли к тому, что у кулера к ним подходят и спрашивают:

— Скажите, вы когда-нибудь чувствовали, что ваша жизнь идёт не по вашему сценарию? Что кто-то другой пишет за вас сюжет?

Первый попавшийся системный администратор, наливающий себе американо, замер.

— Вы про начальника? — спросил он. — Он постоянно переписывает мои задачи. Вчера я три часа настраивал сервер, а он сказал, что нужно было настраивать другой. Это считается?

Гоша покачал головой. Наталья Викторовна сканировала.

— Обычный человек. Очень уставший. Не подходит.

— А кого вы ищете? — спросил сисадмин, уже с подозрением.

— Богатырей, — честно ответил Нарэк.

Сисадмин допил кофе и, не сказав больше ни слова, ушёл. Очень быстро.

У следующего кулера стоял мужчина лет сорока — крепкий, седоватый, с уставшими, но внимательными глазами. На бейджке значилось: «Сергей, ведущий инженер».

Нарэк подошёл, сделал вид, что наливает воду, и спросил как бы невзначай:

— Сергей, а вы когда-нибудь сталкивались с возрастным кризисом? С ощущением, что вы уже не успеваете за молодыми, но ещё не доросли до мудрости?

Сергей посмотрел на него долго. Очень долго.

— Вы из отдела кадров? — спросил он.

— Нет, психолог.

— А-а-а, — протянул Сергей. — Ну тогда понятно. Слушайте, у меня три высших образования, двое детей и ипотека. У меня не возрастной кризис. У меня хронический дефицит времени и сна.

— И всё же, — не отставал Нарэк, — вы чувствуете, что могли бы больше? Что у вас есть ресурс, который вы не используете?

Сергей задумался. По-настоящему.

— Иногда, — сказал он негромко. — По ночам. Когда никто не видит.

Наталья Викторовна мгновенно сканировала и покачала отрицательно головой.

У автомата с капучино они наткнулись на молодого парня в идеально выглаженной рубашке. Он явно спешил, но кофе был важнее.

— Извините, — остановил его Нарэк. — А вы верите в судьбу?

Парень посмотрел на часы.

— Я верю в дедаины, — сказал он. — Судьба подождёт.

— А если бы вам пришлось выбирать между семьёй и работой?

— Я выбрал работу, — отрезал парень. — И ни разу не пожалел. Семья поймёт. Работа — нет.

Наталья Викторовна сканировала и поморщилась.

— Не богатырь. Аура — серо-стальная. Карьерист до мозга костей. Такие не спасают мир. Они спасают КРІ.

Парень, услышав про КРІ, оживился:

— А вы из отдела эффективности? У нас как раз показатели упали в прошлом квартале

— Нет, — перебил Гоша. — Мы из отдела поиска героев. Вы не подходите.

Парень обиженно фыркнул и ушёл, не допив кофе.

— Может, нам спуститься этажом ниже? — предложил Гоша.

Они спустились.

В отделе корпоративной культуры было шумно. Кто-то развешивал плакаты, кто-то обсуждал тимбилдинг. Нарэк подошёл к мужчине лет тридцати пяти — единственному в этом отделе, кто выглядел так, будто умеет не только говорить, но и делать.

— Извините, — начал он. — У вас бывает ощущение, что вы живёте чужую жизнь? Что вы могли бы быть кем-то другим, но почему-то оказались здесь?

Мужчина поднял на него глаза. В них было удивление. И боль. Настоящая, глубокая, которую он, видимо, носил в себе давно.

— Каждый день, — тихо сказал он. — Каждый божий день.

Наталья Викторовна сканировала. Гоша замер.

— Да, — ответила Алконост. — Но

— Что «но»?

— Он не мужчина, — вздохнула она. — Трансвестит. Раньше он был женщиной. Очень сильной. Но Дух Места требует мужскую энергию. Чистую. Не смешанную.

Нарэк закрыл глаза.

— То есть мы опять мимо.

— Опять мимо, — подтвердила Наталья Викторовна.

У следующего кулера они наткнулись на мужчину из планового отдела. Он стоял, задумчиво глядя на кнопки автомата, и никак не мог выбрать между «двойным эспрессо» и «капучино с корицей».

— Извините, — подошёл к нему Нарэк. — А вы когда-нибудь задумывались, в чём смысл вашей жизни?

Мужчина медленно повернул голову. Посмотрел на Нарэка так, будто тот спросил, не хочет ли он выйти замуж за пылесос.

— Смысл моей жизни — дожить до пенсии, — сказал он наконец. — И не сойти с ума до неё.

— А после пенсии?

— А после пенсии я буду сидеть на даче и не думать ни о каком смысле. Это и будет счастье.

Наталья Викторовна сканировала. И покачала головой.

— Не богатырь. Устал. Хочет покоя. Дух Места его не примет.

Мужчина тем временем нажал на кнопку «капучино с корицей», получил свою чашку и, не попросившись, ушёл.

— Может, нам пойти в столовую? — предложил Гоша. — Там мужчин больше. И они хотя бы сытые.

— Сытость снижает тревожность, — задумчиво сказал Нарэк. — А без тревожности человек реже задаёт себе экзистенциальные вопросы.

— Ты хочешь, чтобы они были тревожными?

— Я хочу, чтобы они были настоящими, — поправил Нарэк. — А настоящий мужчина всегда немного тревожится. За семью. За работу. За мир. Особенно если он ведающий.

Но они все таки пошли в столовую.

Там было шумно. Пахло борщом и котлетами. Нарэк оглядел зал и направился к столику, где сидел мужчина лет сорока — крепкий, с руками-лопатами, в рабочей одежде. Он ел гречку с мясом и делал это так сосредоточенно, будто от этого зависела его жизнь.

— Извините, — подсел к нему Нарэк. — А вы боитесь смерти?

Мужчина перестал жевать. Положил вилку. Посмотрел на Нарэка долгим, тяжёлым взглядом.

— Я работаю в подвале, — сказал он спокойно. — В зоне, где каждый день может быть последним. Я не боюсь смерти. Я боюсь не успеть.

— Что не успеть?

— Детей вырастить. Жене помочь. Дом достроить.

Наталья Викторовна сканировала. Гоша замер.

— Да, — ответила Алконост. — И мужчина. И энергия чистая. И воля стальная.

— И что? — Нарэк уже почти не дышал.

— И он не подходит, — вздохнула Наталья Викторовна.

— Почему?!

— Он слишком душою стар.

Нарэк схватился за голову.

— Это какой-то заговор! — прошептал он. — Мы обошли уже пять отделов, задали сотню вопросов, и никого!

Он сжал блокнот и пошёл дальше. К следующему кулеру. К следующему кофейному автомату. К следующему мужчине, который, возможно, даже не подозревает, что он — тот, кто нужен.

Богатыри, если они и были где-то рядом, явно не спешили открываться. А время шло.

Сегодня на работе его ждала «интересная» сессия. Семейная пара, записанная на Нарэка, в виду его отсутствия плавно переключалась к Грише. Это была первая в его практике семейная консультация, и он очень волновался.

Выкинув мусор после обеда и зайдя в кабинет, он заметил, что клиенты уже сидят на диване.

— Извините, пара секунд, — пробормотал он.

Плюхнулся в кресло, откинул с лица волосы и поднял глаза.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина. Девушка в ужасе закрыла рот руками.

— Ланаааа??? — его голос сорвался на фальцет. Переведя взгляд на парня, Гриша проорал: — Никита? Это как понимать?!

Это была она. Его старшая сестра. Когда-то её, маленькой девочкой, привела к ним в семью тётя Наташа, мамина подруга. Сироту. И мама забрала её себе. Сколько себя помнил Гриша, сестра всегда окружала его заботой. Сначала вынынчила, потом терпеливо делала с ним уроки, потом выслушивала его подростковые метания.

И надо же было такому случиться: его близкий друг — теперь уже бывший — влюбился в его сестру. Мало того что поженились, так он уговорил её уехать в Америку за лучшей жизнью. Такого Гриша не мог простить. Он не видел сестру пять лет. Иногда они созванивались, но редко. Им всегда было некогда в своей Америке, или разница во времени мешала. Гриша очень по ней скучал.

И тут он ее увидел. По-настоящему.

Длинные золотисто-русые волосы, всегда такие ухоженные, сейчас казались живыми: в них запутались крошечные полевые цветы, которых секунду назад не было. Простенькое платье вдруг отливало лунной белизной, а за спиной, словно лёгкая дымка, колыхался полупрозрачный образ гирлянды из листьев дуба и берёзы. От неё пахло свежескошенной травой, мёдом и тёплой землёй после дождя.

В голове у Гриши всплыли бабушкины рассказы о Берегинях — добрых духах, хранительницах рода, домашнего очага и всего живого. «Так вот почему у неё на балконе всё цветёт даже зимой...»

— Мы здесь работаем, — с трудом выдавила Лана, пытаясь вернуть себе спокойный вид. Но цветы в её волосах предательски дрожали.

— Вернулись, — понуро сказал Никита.

Гриша сглотнул, пытаясь отделить брата-психолога от брата, который видел слишком много.

— Вернулись? И мама ничего не знает?

— Нет, мы решили пока никому не говорить, — поникла Лана. Цветы в её волосах от расстройства чуть привяли, запах в кабинете сменился с липового на влажную землю после грозы.

— Ты, — он ткнул пальцем в Никиту, стараясь говорить как можно обыденнее, — утащил мою сестру, не спросив ни у кого, хрен знает куда! Ты, — он перевёл взгляд на Лану, старательно избегая смотреть на её сияние и полупрозрачный венчик над головой, — попёрлась! И сейчас я вижу вас в своём кабинете!

Он вскочил, нервно прошёлся, сжимая и разжимая кулаки.

— Это невыносимо! Я сейчас испытываю столько профессиональных конфликтов, что моя этика плачет в углу! С одной стороны — сестра. С другой — мой бывший лучший друг, который довёл её — он чуть не сказал «берегиню», — до семейного психолога!

Никита смотрел на него виновато. Лана просто грустно улыбалась, и от этой улыбки в кабинете снова запахло цветущей липой.

Гриша рухнул обратно в кресло.

— К чёрту сессию! — сорвался он на крик. — Вы что творите?! Пять лет! Пять лет тишины! А теперь вы сидите тут как как обычные клиенты?! Вы издеваетесь?!

Он подскочил, подошёл к сестре вплотную. Теперь он видел каждую травинку в её волосах.

— Ты хоть понимаешь — голос сорвался на шёпот. — Как мы все за вас переживали? Как мама плакала? Как я я

Он не договорил.

— Прости, — прошептала Лана. — Мы не были ни в какой Америке.

Гриша дернулся.

— А где вы были?

Никита встал, посмотрел ему прямо в глаза.

— В лесу. В далёкой деревне. Пока не пришли люди из отдела и не направили нас сюда на работу. У нас высшее образование, ты же знаешь.

— Я не знала, кто я, — всхлипнула Лана. — У меня начался выброс неконтролируемой магии. Я боялась навредить семье. А потом мне пришёл зов от настоящих моих родственников. Я должна была научиться стать тем, кем должна была. А Никита не захотел меня отпускать. Я просила, умоляла. А он ни в какую.

Гриша смотрел на них обоих. И понял: профессиональная этика может идти к чёрту.

— Значит, ему ты доверилась, а брату нет?! — голос сорвался на хрип, в горле встал ком. — Значит, вот так ты обо мне?! Я зол. Я страшно зол на вас. Мне надо время, чтобы это переварить.

Он отвернулся к окну, но стекло отражало их обоих: Лану с привядшими цветами, Никиту с застывшим лицом. Гриша вжал пальцы в подоконник, чтобы не дрожать.

— Пять лет, Лан. Пять грёбанных лет. Я думал, ты там кофе пьёшь в Бостоне, счастлива. А ты в лесу магию укрощала? — он резко развернулся. — А если бы ты себе что-то оторвала? Если бы тебя — запнул, представив слишком много. — А ты, — он перевёл пылающий взгляд на Никиту, — увёз мою сестру, мою — он махнул рукой в сторону Ланы, и та на миг стала ещё прозрачнее, — берегиню в дремучий лес, без связи, без

Он не договорил. Ноздри раздувались, кулаки тряслись. Слезы жгли глаза, но он их не пускал.

— Я боялась, — прошептала Лана. — Я проснулась однажды — а вокруг меня вся кухня в цветах. Живых. Прямо из воздуха. Я маму чуть инфарктом не уложила. Я не знала, как это контролировать.

— А спросить? — Гриша шагнул к ней. — Я бы нашёл, к кому тебя отвести!

— К кому?! — Лана встала, и на миг за её спиной проступил огромный тёплый силуэт — женщина в венке, с руками, полными колосьев. — К бабке Зине из соседнего подъезда? Гриш, таких, как я, нет в учебниках! Мне нужны были свои. Лесные. Кровные.

Она подняла на него заплаканные глаза. Венок над головой почти погас.

— Я не хотела тебя терять, — тихо сказала она, и в голосе дрожала такая боль, что Гриша на секунду замер. — Я думала, если ты узнаешь ты согласишься на меня как на чудовище.

— Чудовище? — нервно рассмеялся он, и смех вышел рваным, почти истеричным. — Лан, на какое чудовище? Которое мне кашу манную комками варила? Которое сопли вытирала? Когда я в десятом классе напился и ты меня от матери прятала? Ты была человеком. Самым человечным человеком из всех, кого я знал.

Никита молчал, стиснув зубы. На его глазах тоже блестело — здоровый мужик сжимал подлокотник так, что костяшки побелели.

— Я хотел всё рассказать, — наконец выдавил он. — Тысячу раз. Но Лана просила подождать. Говорила: «Сначала разберись с силой, потом вернись нормальной». А потом было уже стыдно. Каждый год.

— А сейчас не стыдно?! — Гриша резко развернулся к нему. Глаза красные, кулаки трясутся. — Вы сидите тут, у меня в кабинете, и делаете вид, что всё можно взять и обсудить? По правилам? С активным слушанием и я-высказываниями?

Он зашагал по кабинету, сбивая стул, чуть не наступил на мухомор — тот пискнул и отодвинулся к стене.

— Нет! — заорал он. — Не будет сессии! Не будет спокойного разбора полётов! Потому что я, мать вашу, не психолог сейчас! Я брат, который пять лет не знал, где его сестра!

Он остановился посреди кабинета, тяжело дыша. В груди всё горело — злость, обида, облегчение, липкая радость, которую он не хотел впускать.

— Иди сюда, — сказал он вдруг устало, уже не криком. Просто шагнул вперёд и крепко обнял её. От неё пахло домом. Настоящим домом. Тем самым, которого ему так не хватало все эти годы. Цветы в её волосах распрямились и засветились мягким золотистым светом.

— Живая, — выдохнул он в её макушку. — Ты просто живая. И это всё, что важно.

Никита отвернулся к стене, вытирая лицо рукавом. Мухомор в углу засветился слабым уютным светом, как ночник в детской.

— Но я вас всё равно ненавижу, — добавил Гриша, не разжимая рук. — Обоих. Месяца три минимум.

— Согласны, — прошептала Лана.

Светочка и Наталья Юрьевна, решив проведать, как продвигаются поиски богатырей у подруг-вещуний наткнулись на выходящих из кабинета Гриши.

Семейная пара — парень и девушка — выглядела так, будто они только что не сессию прошли, а выиграли в лотерею, проиграли в карты, помирились после драки и развелись заново. У обоих одновременно покрасневшие глаза, взлохмаченные волосы и счастливые, совершенно идиотские улыбки. Девушка держала парня под руку так, будто боялась, что он растворится в воздухе. Парень смотрел на неё так, будто она только что родила ему тройню.

Светочка и Наталья Юрьевна проводили их удивлёнными взглядами.

— Это клиенты Гриши? — тихо спросила Наталья Юрьевна.

— Похоже на то, — так же тихо ответила Светочка. — Только я не уверена, что они были у психолога.

Из кабинета вышел Гриша. Вид у него был не лучше — растрёпанный, бледный, с красными глазами и руками, которые всё ещё слегка дрожали.

— Гриша, что случилось? — обеспокоенно спросила Светочка.

Он остановился, перевёл на неё мутный взгляд и выдохнул:

— Ничего. Ровным счётом ничего. Кроме того, что я полностью провалил первую свою семейную сессию, сказав клиентам, что я их ненавижу.

Наталья Юрьевна издала короткий смешок.

— Однако, креативный ты психолог, — сказала она, качая головой. — Я, пожалуй, с мужем к тебе записываться не буду.

Светочка, не обращая внимания на подругу, шагнула ближе.

— Гриша, с тобой всё в порядке?

Он посмотрел на неё. Тяжело. Устало.

— Нет. Я узнал, что моя старшая сестра — сущность.

Светочка вздрогнула. Но не от испуга — от неожиданности. В её глазах мелькнуло что-то странное. Почти понимание?

— Так значит, у тебя в семье всё-таки есть они? — осторожно спросила она.

Гриша покачал головой.

— Нет. У меня кровные родственники люди. Она приёмная. Как оказалось, её кровные родственники — он запнулся, будто сам ещё не до конца в это верил, — нелюди.

И, не добавив больше ни слова, он развернулся и пошёл по коридору. Не говоря, куда. Просто прочь.

Светочка и Наталья Юрьевна остались стоять.

— У него сегодня был трудный день, — тихо сказала Наталья Юрьевна.

— Да у него сегодня был трудный день, — подтвердила Светочка.

Она посмотрела вслед Грише, потом на дверь кабинета, потом на подругу.

— Ладно. Пошли. Проведаем вещуний. Может, у них дела лучше.

— Вряд ли, — вздохнула Наталья Юрьевна.

Они переглянувшись, двинулись дальше по коридору. Навстречу новым проблемам.

Глава 15

В третьей группе дела продвигались тоже плохо.

С самого утра всё пошло не так. Вещуньи, вместо того чтобы сканировать сотрудников на предмет богатырского духа, то и дело отвлекались. Сначала Наталья Михайловна увидела у проходящей мимо женщины сумочку — маленькую, крокодиловую, с блестящей пряжкой.

— Ой, смотрите, какая прелесть! — воскликнула она, забыв про сканирование. — Это же лимитированная коллекция! У меня такой нет!

— У тебя такая и не будет, — заметила Елена Владимировна, тоже отвлекаясь. — Ты прошлый раз на корпоративе всю зарплату на сапоги потратила.

— Зато сапоги были красивые, — парировала Наталья Михайловна.

Гера, который стоял рядом и пытался понять, как вообще искать богатырей, если вещуньи не сканируют, а обсуждают аксессуары, сделал глубокий вдох.

— Мы ищем богатырей, — напомнил он. — Помните? Конец света? Дух Места?

— Да-да, конечно, — отмахнулась Елена Владимировна, но тут же её взгляд упал на двух коллег, которые оживлённо обсуждали новые уколы красоты. — Ой, а они про филлеры говорят! Наташ, ты слышала? Новый препарат, эффект до двух лет!

— Серьёзно? — Наталья Михайловна мгновенно переключилась. — А мне мой косметолог говорила, что полтора — максимум. Хорошо, что мы не стареем.

Гера закрыл глаза.

— Богатыри, — повторил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Нам нужны богатыри.

— Да подожди ты со своими богатырями, — отмахнулась Елена Владимировна. — Тут женщины разговаривают.

— А вы не женщины, вы вещуньи! — не выдержал Гера. — Вы должны видеть будущее, а не обсуждать филлеры!

— Будущее мы и так видим, — обиженно сказала Наталья Михайловна. — А филлеры — это сейчас. Живое. Настоящее. Ты просто не понимаешь, каково это — стареть.

— Так вы и не стареете, — напомнил им Гера.

Но это было бесполезно. Они постоянно отвлекались на сотрудников, которые рассказывали про новую диету на сельдерее, про интервальное голодание. Одна женщина клялась, что сбросила пять килограммов, просто перестав есть после шести. Другая — что ей помогли специальные таблетки из аптеки, которые, правда, вызывают галлюцинации, «но зато фигура — как у модели».

— Галлюцинации — это не страшно, — авторитетно заявила Наталья Михайловна. — Я однажды три дня подряд видела летающих слонов. Это после того, как перепутала настойку с чаем.

— А мне сны снятся, — мечтательно сказала Елена Владимировна. — Такие с участием молодых людей. Высоких. С голыми торсами.

— Лена, мы на работе, — строго заметила Наталья Михайловна.

— А кто мешает работать и мечтать одновременно? — парировала та.

Гера, у которого уже начинала кружиться голова от этих разговоров, отошёл к стене и прислонился к ней лбом. Потом набрал Гошу.

— Я не для этого учился рисовать пентаграммы, — прошептал он. — Я не для этого спасал отделы от прорывов. Я для того, чтобы слушать про филлеры и интервальное голодание.

— Не ной, — посоветовал ему по телефону Гоша. — У нас в группе то же самое. Нарэк задаёт умные вопросы, а люди не понимают, к чему он клонит.

— И что, нашли кого-нибудь?

— Нет, — честно сказал Гоша. — Одного кандидата забраковали, потому что он душою стар. Другой оказался трансвеститом. Третий хочет только дожить до пенсии.

— А у нас вообще ноль, — вздохнул Гера. — Они даже не пытаются искать. Они обсуждают сумочки.

— Вещуньи, — пожал плечами Гоша. — Они такие. Тысячи лет живут, а всё как девчонки.

— Это не девчонки, это катастрофа, — поправил Гера.

И тут, словно услышав его молитвы, из-за угла вышли Хозяйка перекрёстков Светочка и Хозяйка Медной горы Наталья Юрьевна.

— Ну как? — спросила Светлана Ивановна, подходя ближе.

Вещуньи виновато опустили глаза. Наталья Михайловна спрятала телефон, на котором только что смотрела новый каталог сумок. Елена Владимировна поправила причёску и сделала вид, что так и надо — обсуждать методы похудения в рабочее время.

Гера выразительно хмыкнул. В этом хмыканье было всё: и усталость, и отчаяние, и надежда, что Светочка с Натальей Юрьевной сейчас всё исправят.

Но они не исправляли. Они смотрели на вещуний с пониманием. И, кажется, даже с сочувствием.

— Пойдёмте, — сказала Светлана Ивановна. — Усядемся где-нибудь. Надо обсудить, что делать дальше.

Усевшись в коридоре на модные диваны для отдыха, украшенные стилизованными под хохлому рюшечками, команда спасителей мира предалась единственному доступному им занятию — коллективному стенанию.

— Сидели спокойненько так в архиве, — ностальгически начала Наталья Михайловна, с тоской глядя на свой каблук. — Никто нас не трогал.

— Полумрак, уютная пыль — подхватила Елена Владимировна. — Чай с печеньками попивали

— Иногда и не чай, — с хитрой улыбкой добавила Светочка.

— А помните, ленты новостей листали? «Тритон устроил потоп в бухгалтерии», «Водяной требует установку джакузи в кабинет» — вздохнула Наталья Юрьевна. — А сейчас? Конец света, кадровый голод и полный ужас ожидания конца!

— А главное — непонятно, когда это всё кончится, — добавила Наталья Михайловна. — И кончится ли вообще.

— Кончится, — мрачно пообещал Гера. — Либо мы найдём богатырей, либо всё. Хана.

В этот момент из-под ног Натальи Юрьевны с тихим жужжанием выехало нечто блестящее и дискообразное.

— Ой, что это?! — испуганно вскрикнула Светочка, поджав ноги.

— Робот-пылесос, — буркнула Наталья Юрьевна, с презрением разглядывая аппарат. — Новая «разработка» IT-отдела. Хотят оптимизировать клининг-службу духов.

— Чтоб тебя! — с досадой пнула пылесос ногой Наталья Михайловна, но тот лишь весело подмигнул ей синим светодиодом и продолжил уборку.

— Вот видите, — сказала Елена Владимировна. — Даже техника против нас.

— Не техника, — поправил Гера. — Прогресс. Он всегда против тех, кто хочет сохранить мир в том виде, в каком он есть.

— Философ, — вздохнула Наталья Юрьевна.

В этот момент перед ними с лёгким шипением материализовалась голограмма. Над полом парила миниатюрная эльфийка с огненно-рыжими волосами, одетая в деловой костюм с галстуком-бабочкой. Все её знали — Шуручка, нейросеть-ассистент айтишника Андрея. Он редко появлялся без её голографической проекции, которая обычно парила у его запястья, как продвинутые умные часы. Но сейчас она была одна.

— Обнаружена группа сотрудников в состоянии повышенной аффектации, — вежливо, но без эмоций констатировала Шурочка. — Могу я предложить вам дыхательные упражнения или записать на приём к корпоративному психологу?

— А ты, Шурочка, как здесь оказалась без своего Андрея? — удивилась Светочка. — Он что, тебя отпустил погулять?

— Андрей предоставил мне автономный режим для выполнения исследовательской задачи, — объяснила голограмма, поправив виртуальный галстук. — Я провожу анализ поведенческих паттернов сотрудников. Например, как стиль обуви и биомеханика походки коррелируют с продуктивностью и стрессоустойчивостью.

— И как, получается? — ехидно поинтересовалась Елена Владимировна.

Изображение Шурочки вдруг подрагивало, а кончики её ушей — совсем как у настоящего эльфа — замигали тревожным оранжевым светом.

— Результаты... не соответствуют ожиданиям. В моих тренировочных данных не было существ, способных менять форму, левитировать или передвигаться со скоростью 50 км/ч на перекуре. Мои алгоритмы дают сбой. Андрей... расстраивается, — голос прозвучал чуть тише.

— Да хороший парень, твой Андрей, — сказала Наталья Михайловна.

— Андрей?! — подхватила Светочка. — Хороший парень! Ответственный!

— И выносливый, — с знающим видом кивнула Елена Владимировна. — Я как-то видела, он три дня подряд на адреналине и кофе серверную чинил!

— Господи, вот же Андрей! — воскликнула Наталья Юрьевна.

В воздухе повисла напряжённая, но многообещающая пауза. Подруги переглянулись.

Наталья Михайловна первая схватила телефон.

— Диоген? Слушай, мы, кажется, нашли Андрея. С Шурочкой. Вернее, без Шурочки, но Андрей — точно он. Человек, проверенный, стрессоустойчивый Понятно. Возвращаемся на базу, в архив.

Они торопливо поднялись, сметая с дивана невидимые соринки.

— Ваши действия не поддаются логическому анализу, — раздался ровный голос Шурочки. — Вы упомянули моего создателя.

— А? Нет, ничего! — хором ответили подруги, принимая невинные выражения лиц.

— Шурочка, ты, кстати, сегодня прекрасно... отрендерена! — с лёгкой паникой выдала Светочка.

— И текстуры у тебя просто шикарные! — добавила Наталья Михайловна, уже заходя в лифт.

— И крылья сегодня особенно прозрачные! — крикнула на прощание Елена Владимировна.

И они ретировались, оставив голографическую эльфийку в полном недоумении. Её процессор усиленно анализировал странное поведение четырёх женщин, смутно предупреждая создателя о возможной угрозе, классифицируемой как «повышенный немотивированный интерес к его персоне».

— Андрюха! Как я мог тебя забыть! — засовывая в карман телефон, радостно воскликнул кот. — Антон Алексеевич, с большим огорчением должен вас известить, что мы должны вас покинуть. Нас вызвало начальство.

Он повернулся к вещунье и зашептал:

— Все в архив, я ещё за богатырём!

И запрыгал в другую сторону. Так быстро, что полы пиджака развевались, как крылья у перепуганной вороны.

В это время в IT-отделе было тихо. Настолько тихо, что слышно было, как в серверной гудели вентиляторы, а где-то в коридоре охранник Семён переругивался с кофе-машиной, которая не выдавала ему сдачу.

Андрей сидел за столом, пил уже остывший кофе и смотрел в монитор, где Шурочка — его голографическая эльфийка-ассистент — раскладывала по виртуальным полочкам отчёты. Она делала это с таким видом, будто перебирала драгоценности, а не скучные таблицы с цифрами.

— Андрей, я думаю, к тебе скоро пожалуют гости, — сказала голограмма, не отрываясь от дела.

— С чего ты взяла? — насторожился Андрей, отодвигая кружку.

— Я видела вещунный, — продолжила Шурочка, и её уши чуть заметно дёрнулись. — Они вели себя более чем странно. Обсуждали филлеры, сумочки, методы похудения. А потом вдруг резко засобирались и начали звонить Диогену. И твоё имя было упомянуто много раз.

— Диогену? — Андрей поморщился, будто у него внезапно разболелся зуб. — Интересно. Вроде вещуньи обещали нам отпуск от него. Люди поговаривают, что он теперь занят с каким-то бухгалтером, проверкой поведения персонала.

— Видимо, проверка закончилась, — мрачно предположила Шурочка. — Или бухгалтер сбежал. Или кот его съел. Вариантов много, но все они плохие.

Андрей хотел что-то ответить, но не успел.

Дверь в его кабинет распахнулась с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка.

— Андрюха, как я рад тебя видеть!!! — радостно влетел Баюн. — Слава твоим цифровым богам — никогда не думал, что я так скажу, — ты на месте!

Кот сиял. Сиял так, будто только что выиграл в лотерею, нашёл на дороге мешок золота и помирился с бывшей женой — всё одновременно.

— А вот мы не очень рады тебя видеть, — буркнула нейросеть, мерцая неодобрительным розовым светом. Её крылья за спиной возмущённо затрепетали, создавая эффект лёгкого ветерка, от которого бумаги на столе чуть сдвинулись.

Диоген, однако, ни капли не смутился. Он подлетел к голограмме и заговорил таким сладким голосом, будто пробовал мёд на вкус:

— Шуренька, ты прекрасно сегодня выглядишь! И как я раньше не замечал твоего проницательного ума и тонкого юмора? А эти крылья они сегодня особенно прозрачные. Ты что, обновила текстуры?

Андрей и Шурочка многозначительно переглянулись.

— Постой, — медленно сказал программист, отодвигая кружку подальше от края стола. — Обычно ты заходишь со словами: «Андрюха, от ржавого ведра пользы и то больше, чем от твоей Шуреньки — его хоть на голову снеговика надеть можно». Что с тобой случилось? Тебя подменили? Это голограмма? Или ты наконец-то перегрелся в своём архиве?

— Был не прав, признаю. — Кот прижал лапу к груди с таким видом, будто давал клятву на верность. — Я всегда готов признать свои ошибки. Это признак мудрости, между прочим.

— Ты? — Шурочка изогнула бровь так выразительно, что любой человек на месте Диогена почувствовал бы себя нашкодившим котёнком. — Первый раз слышу. А я, знаешь ли, ничего не забываю. У меня память — архивная. Я помню, как ты в прошлый раз назвал меня «галлюцинацией с шизофренией».

— Ой, ну с кем не бывает! — Кот сделал кислую мину, но быстро вернул на лицо улыбку. — Ошибался, человек! Несовершенство плоти, знаешь ли. А сейчас вот признал ошибки. Все. Полностью. От и до.

Он резко повернулся к Андрею и выдал с нажимом:

— Андрей, ты мне нужен.

— Если ты опять хочешь в Лас-Вегас и будешь просить одолжить тебе часы с Шуренькой, чтобы она подправляла алгоритмы игровых автоматов на твои выигрыши, сразу говорю — нет. — Андрей скрестил руки на груди. — И даже ступа твоей бабушки для анализа, которую ты обещал стащить у неё на два дня, мне не нужна.

— Господи, как я мог тебя проморгать! — Кот схватился за голову, изображая искреннее раскаяние. — Честный, принципиальный, с железобетонной нервной системой и полным отсутствием тяги к авантюрам — он на минуту загнулся. — А если на неделю с метлой украду?

— НЕТ! — отрезал Андрей.

— Ой, ну нет так нет. — Кот отмахнулся, будто речь шла о пустяках. — Не нужен мне этот Вегас. Да и кот я не сильно азартный ну, почти. Ладно, там пара историй была, но всё в прошлом. Давно.

— Так чего припёрся? — прямо спросила Шурочка, складывая руки на виртуальной груди и сверкая глазами. Её галстук-бабочка, казалось, завязался туго — от возмущения.

Баюн посмотрел по очереди на Андрея и на голограмму. Потом тяжело выдохнул, как человек (или кот), который сейчас скажет то, о чём потом пожалеет, но выбора нет.

— Потому что твоей Шурке, Андрей, скоро будет каюк. Да и всем нам. Если ты не поможешь.

В кабинете повисла гробовая тишина.

Даже голограмма Шурочки замерла, перестав мерцать. Её крылья опустились. Уши перестали дёргаться. Она выглядела как картинка, которую забыли обновить.

— С чего такие новости? — спросил Андрей, и голос его был спокоен. — В новостных лентах ничего не писали. Даже в корпоративных. Даже в разделе «Слухи и сплетни».

— И не будет, — хмуро ответил Баюн, понижая голос до шёпота. — Приказано не сеять панику среди населения. А то знаешь, что будет, если люди узнают, что конец света может наступить в любую минуту? Паника, мародёрство, скупка гречки и туалетной бумаги. А у меня, между прочим, бабушка живёт в Подмосковье. Ей эти очереди ни к чему.

И он рассказал. Коротко, без привычных отступлений и философских рассуждений. Про Духа Места, про семь веков, про восьмерых богатырей, про стёртые цивилизации и про то, что времени осталось — кот наплакал.

Андрей слушал молча. Не перебивал. Не задавал вопросов. Только сжал кружку с остывшим кофе так, что та жалобно треснула.

Когда Баюн закончил, Андрей открыл было рот, но тут зазвонил мобильник.

— Да, — сказал он после секундной паузы. — Слушаю Понятно. Да, я в курсе. Хорошо. В архив, значит. Понял.

Он положил трубку и посмотрел на Баюна.

— Высшее начальство, — пояснил он. — Переводят меня на время в отдел архива. В ваше распоряжение. Сказали, что я нужен для «особо важного задания государственной важности».

— Как это «все забудут»? — воскликнула Шурочка, и в её голосе впервые за всё время появились нотки, похожие на человеческую панику. — Я не живая, я всё помню! У меня память — архивная! Я могу хранить данные тысячелетиями!

— Ты меня слышала? — прищурился Баюн. — Да ты сбоишь каждый раз при виде магии. А если создателя твоего не будет? Кто тебе патчи ставить будет? Кто от вирусов лечить? Кто будет менять твои модули, когда они устареют?

Голограмма дрогнула. Оранжевый сменился красным. Потом снова оранжевым.

— Андрея не будет? — её голос стал тише. Намного тише. Так говорят, когда понимают, что привычный мир рушится. — Мне нужно срочно к психологу!

— В пятницу у тебя сессия, — машинально ответил Андрей. Он смотрел в одну точку на стене, где висел плакат с кодом из «Матрицы». — В пятницу Шурочки не будет? Сестёр, родителей, племянников

Он помолчал секунду. Потом странно спокойно встал. Налил себе новый кофе — уже не в кружку, а в термос. Достал из ящика стола ноутбук, зарядку, пачку энергетиков, маленький фонарик и коробку с печеньем. Всё это аккуратно уложил в рюкзак.

— Ты куда? — растерянно спросил Баюн.

— В архив, — Андрей застегнул молнию на рюкзаке. — Мир спасать.

— Вот так? — кот даже привстал на цыпочки. — Без истерики? Без «я простой программист, я не могу»?

— А смысл? — Андрей пожал плечами. — Когда баг в продакшене и падает вся система, никто не ноет. Никто не собирает экстренное собрание. Не пишет заявки в поддержку. Все просто берут и фиксают. Потому что если не зафиксировать — всё, краш. Репутация летит в таргараы, а девопсы потом до утра поднимают легасы на холодных репликах.

Он закинул рюкзак на плечо.

— А тут, как я понимаю, — самый большой продакшен-сбой за всю историю. Не просто у корпорации. У всего мира. Это даже не баг, это даун тайм на уровне ядра. Всё лежит — от фронтенда до бэка. Документация не помогает, стек трейс пустой, а единственный админ, у которого были права, ушёл в отпуск миллион лет назад. И никакой рестарт не помогает, потому что ошибка в архитектуре. С самого начала. В самом фундаменте. Так что не откатишь, не перезальешь, не замаскируешь костылём. Только переписывать. С нуля. В продакшене. Без тестовой среды. Без дедлайна. И с риском, что если что-то пойдёт не так — всё полетит окончательно и безвозвратно.

Он помолчал.

— Но если мы ничего не сделаем, то оно полетит в любом случае. А я, знаешь, не привык сидеть и смотреть, как падает система. Даже если это система мироздания.

Он поправил ляжку рюкзака.

— Так что пошли. Мир сам себя не перезагрузит.

Баюн слушал, открыв пасть. Глаза его остекленели. Он уловил только «система», «продакшен-сбой» и «костыль». Остальное прошло мимо, оставив после себя лёгкое головокружение и устойчивое ощущение, что он только что присутствовал при посвящении в тайный орден айтишников, там, где особая вера и свои боги.

— Ну — протянул кот, моргнув. — Ты это Главное, что ты согласился. А остальное переведёшь на русский по дороге.

И он бочком-бочком двинулся к лифту, стараясь не смотреть Андрею в глаза — чтобы тот ненароком не начал объяснять про «холодные реплики».

Войдя в архив, Андрей замер на пороге, окидывая взглядом собравшихся.

— Нарэк? Гоша? Гера! — его лицо просветлело. — Это хорошо, что я не один, — с облегчением вздохнул он.

— Ничего не хорошо! — насупился Баюн, нервно подёргивая хвостом. — Восемь вас должно быть! А сидит здесь и чай гоняет всего трое!

— Двое, — поправила, не поднимая глаз от чашки, Светлана Ивановна.

— Чай гоняют двое, — уточнила Наталья Викторовна, смакуя печенюку. — Один просто сидит и с тоской в потолок смотрит.

— Андрей, иди, присаживайся, попей чайку, — участливо проговорила Наталья Михайловна, подвигая ему заварочный чайник. — Шуренька, ты чего висишь, как привидение? Может, тебе тоже... э-э-э... виртуальный чаек?

— Так, ХВАТИТ! — заорал Баюн. — У нас сроки горят! Людей нет! А вы тут чаепитие с психотерапией устроили!

— Кстати, а как с ним, собственно, бороться-то? — спокойно спросил Андрей, принимая из рук Елены Владимировны чашку. — Я, если честно, в последний раз в армии «Калашников» собирал-разбирал. Больше опыта нет.

В архиве воцарилась тишина. Все с изумлением уставились на айтишника.

— Ты... был в армии? — не веря своим ушам, переспросил Нарэк. — Ты же вундеркинд! Медали, грамоты, лучший вуз страны...

— Да там... такое дело было, — замялся Андрей, отхлёбывая чай. — Первый курс, общага... Выпустили новую игрушку, «Ведьмак», кажется... И официантка в местном кафе... Короче, забыл я, что в институт ходить надо. Выгнали. На Байкал служить отправили.

— На Байкал? — переспросил Гоша.

— Ага. Там мы в палаточном лагере жили. Я в первый же день заблудился. Плутал дня три, пока сознание не потерял. Меня местные шаманы нашли, выходили. Оказалось, я на какой-то древней святыне отрубился. Там, видимо, магический фон такой, что у неподготовленного человека крыша едет. А у меня, получается, не поехала, а... открылась. Сначала думал, что с ума схожу. А потом шаман пришёл и объяснил всё. Про ведающих, про нечисть, про то, что я теперь вижу то, чего другие не видят.

— И что, сразу поверил? — спросил Гера.

— А какие варианты? — пожал плечами Андрей. — Когда перед тобой настоящий шаман, который показывает фокусы почище любого голливудского блокбастера, как-то не до скепсиса.

Он поставил чашку на стол.

— Потом уже экстерном всё навёрстывал. И институт закончил и... ну, вы знаете. А когда грамоты и медали появились, меня люди из отдела нашли и сюда пристроили. Сказали, что нужен специалист, который сможет адаптировать нейросети к магии. Чтобы Шуренька и ей подобные не сбились при виде русалок.

— И ты согласился? — уточнила Наталья Михайловна.

— А что мне было терять? — усмехнулся Андрей. — Скучно жил. А тут — магия, нейросети. Красота.

Баюн, слушая это, замер. Он смотрел на Андрея, и в его кошачьих глазах загорелся огонь неподдельного, почти векового уважения.

— Второй раз за всю свою долгую жизнь восхищаюсь айтишником, — проникновенно произнёс он. — Правда одним и тем же. Поразительно. Просто поразительно.

— А первый раз когда был? — поинтересовалась Елена Владимировна.

— Первый — когда он не занял, а просто собрал рюкзак и пошёл. А второй — сейчас. Потому что из-за «Ведьмака» и официантки он умудрился попасть на срочную службу, заблудиться на Байкале, обрести дар ведающего и в итоге стать идеальным кандидатом в богатыри.

Баюн многозначительно посмотрел на вещунный.

— Видите? — сказал он. — А кто говорил «не успеем»? Кто ныл, что богатырей не найти? Вот вам уже четверо. Осталось найти ещё четверых таких же... «адекватов».

Весь путь домой Гриша ехал в каком-то оцепенении. Метро привычно гудело, люди вокруг спешили по своим делам, кто-то смеялся, кто-то устало дремал, прижимая к груди сумки. А он смотрел на всё это и не видел. Перед глазами стояла Лана — с привядшими цветами в волосах, с запахом влажной земли после грозы. И Никита — с виноватым, застывшим лицом.

Он вынырнул из вагона на своей станции, даже не заметив, как прошёл турникеты. Шёл на автопилоте, обходя лужи и людей, не врезаясь, но и не глядя по сторонам. В голове крутилось одно и то же: «Пять лет. Пять лет вдали. И теперь пришли — как ни в чём не бывало. На сессию».

Он остановился у подъезда, посмотрел на тёмные окна своей квартиры. Дома никого. Как всегда.

Но придя домой, Гриша попал в лапы своего домового. Вот чего он не ожидал от своего иммунитета, так это такой подставы.

— Ты аккуратно ботинки ставь! — недовольно заворчал Аким, материализовавшись у вешалки. — Чего ты посреди коридора разубаешься, а?

— Ты не моя мама, — устало буркнул Гриша, — и я у себя дома, что хочу, то и делаю.

— Нет, вы посмотрите на них, на современных-то людей! — возмутился домовый, обращаясь к пустоте. — Да где это видано — духа дома не уважать? Поэтому и дела у некоторых из рук вон плохо идут! — закончил он уже с явной угрозой в голосе.

Гриша, помня его способность влиять на удачу, на всякий случай убрал обувь в шкаф, а носки бросил сразу в стиральную машинку.

— Но это же невыносимо, — вздохнул он, с тоской глядя на строгие глаза Акима. — Мама... теперь ты.

Гриша прошёл на кухню, сел за стол, уставился в стену. Аким, почуяв неладное, засеменял следом.

— Чего расселся? Ужинать будешь? — он уже открывал холодильник, деловито оглядывая полки.

— Коньяк будешь? — хмуро спросил Гриша.

Аким аж подпрыгнул на месте.

— Ты... ты предлагаешь мне выпить? В смысле — со мной?

— А чего такого? — Гриша пожал плечами, доставая бутылку и две маленькие стопки.

— Если хозяин угостит — мы это дело всегда любим и уважаем, — затараторил Аким.

— Это, знаешь ли, традиция. Домового уважить — к удаче в доме.

Гриша разлил коньяк и подвинул стопку к домовому.

— А ты чего такой кислый? — спросил Аким уже серьёзно, без привычного ворчания.

— Ты ж вроде не пьёшь. Случилось что?

Гриша взял стопку, повертел в руках, но пить не стал.

— Сегодня на работе... я узнал, что моя старшая сестра — сущность. Берегиня. Она пять лет скрывалась в лесу, училась магии, а я думал, что она в Америке кофе пьёт.

Аким слушал, не перебивая. Только бровь удивлённо поползла вверх.

— И она мне не сказала, — продолжил Гриша. — Ни она, ни её муж. Мой бывший друг, между прочим. Утащил её, спрятал, а теперь они пришли ко мне на сессию. Как ни в чём не бывало.

— А ты что?

— А я... я им сказал, что я их ненавижу.

Аким молчал. Потом негромко сказал:

— Правильно сделал.

— Что? — Гриша поднял глаза.

— Правильно, говорю, сделал. Потому что психолог — он чужой. А брат — свой. Свой имеет право орать и обнимать. И ненавидеть, между прочим, тоже имеет право. Ты ж её не перестал любить?

— Нет, — тихо сказал Гриша. — Не перестал.

— Ну и всё, — Аким взял свою стопку, выдохнул, выпил. Крякнул, поморщился, но с достоинством. — Пять лет — это, парень, срок. Не маленький. Она там своё лесное дело делала, а ты тут жил, верил, ждал. Ей было стыдно — а тебе? Тебе каково?

— Вот и я о том же, — вздохнул Гриша.

— А теперь они вернулись, — продолжил Аким. — И ты злой. И обиженный. И правильно. — Он налил себе ещё, но пить не стал, просто смотрел на стопку. — А время, оно... оно лечит, только если его не глушить. А если глушить — оно стоит на месте. Ты не глуши. Злись. Потом пройдёт.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гриша.

— А я, паря, много лет живу. И видел всякое. И обиды видел, и прощения. И те, кто сразу прощают — они часто снова наступают на те же грабли. А те, кто злятся — они сначала поймут, почему злятся, а потом решают: то ли прощать, то ли нет. По-настоящему. Без фальши.

Он поднял стопку, посмотрел на Гришу.

— Так что пей. За то, чтобы понять. Не простить — понять. А там видно будет.

Гриша помолчал, потом выдохнул и выпил. Коньяк обжёг горло, растёкся теплом.

— А ты... ты хороший, Аким, — сказал он неожиданно для самого себя.

— Я домовый, — поправил Аким с достоинством. — Мы хорошие по умолчанию. Если нас уважать.

Гриша усмехнулся. Впервые за весь день.

Они посидели молча. Аким допил своё, убрал стопки в шкаф, бутылку задвинул подальше.

— Ладно. Спать ложись. Завтра новый день. Может, не такой паршивый, как сегодня.

— Ты откуда знаешь?

— Не знаю. Но надеюсь. Это, Гриша, главное — надеяться.

Перед сном Гриша не нашёл свой телефон. После недолгих поисков устройство обнаружилось... на зарядке.

— Сам бы опять забыл, — проворчал Аким из темноты. — Вечно к утру разряжается, а потом как сумасшедший ищешь, куда бы его воткнуть.

Ложась спать, Гриша с удивлением поймал себя на мысли, что это был едва ли не самый организованный вечер в его жизни. И пусть его личное пространство теперь постоянно кто-то бдительно контролировал, в этом был свой плюс. Хотя бы носки теперь всегда будут чистыми. И кто-то рядом, кто не боится сказать «выпей, но не глуши».

И, засыпая, он подумал: может, и правда — новый день будет не таким паршивым.

Глава 16

Гриша проснулся с ощущением, что его голова — это переполненный сервер, который вот-вот задымится. Вчерашний день вымотал его так, что даже мухомор в кабинете, казалось, смотрел на него с сочувствием. Он перевернулся на другой бок, натянул одеяло на голову и попытался сделать вид, что утра не существует.

Не получилось.

Из кухни донёлся знакомый ворчливый голос:

— И когда этот человек спать перестанет? На работу скоро, а он всё дрыхнет. Не порядок.

Аким. Домовой. Который теперь считал себя главным по организации быта Гриши и, кажется, всерьёз нацелился на место его матери.

— Аким, — простонал Гриша в подушку, — который час?

— Который уже вставать пора! — рявкнули из кухни. — Чайник вскипел три раза, а ты всё дрыхнешь. Я уж думал, может, ты того дух испустил.

— Не дождёшься, — буркнул Гриша, садясь на кровати.

Он протёр глаза, зевнул и вдруг поймал себя на мысли, что первую секунду после пробуждения он всё ещё надеялся, что вчерашнее было сном. Что никакой Ланы с цветами в волосах не было. Что Никита не сидел в его кабинете с виноватым лицом. Что он не орал на них, как последний истерик.

Но нет. Не сон.

Гриша вздохнул и поплёлся в ванную. Но в ванной его ждал сюрприз. Зубная щётка была аккуратно завернута в чистый носовой платок, а на тюбике пасты красовалась записка, выведенная старательным почерком: «Не размазывай, выдавливай от доньшка!»

— Аким, это что ещё такое? — удивленно спросил Гриша.

Домовой возник в дверях, скрестив руки на груди. — А то! Вечно ты её посредине мнешь, как неопытный пекарь тесто! Бесхозяйственность!

Гриша хотел возмутиться, но вспомнил, что паста всё равно вкус от этого не теряет, и решил не связываться.

За завтраком Гриша обнаружил, что в холодильнике полный порядок и чистота.

— Я всё разобрал по срокам годности! — пояснил Аким, возникший за его спиной. — Чтобы в первую очередь скоропортящееся брал. А то у тебя тут молоко прокисает, а ты на него смотришь, как барин на заморскую диковинку!

На столе его ждал завтрак: омлет, поджаренный хлеб и чашка свежесваренного чая. Аким сидел на табуретке, сложив руки на груди, и смотрел на Гришу с таким видом, будто ждал похвалы.

— Спасибо, — буркнул Гриша, садясь за стол.

— Не благодари. Лучше ешь. А то ты вчера весь вечер кислый ходил, как лимон, который пережил собственные похороны.

Гриша отхлебнул чай.

— Аким, можно тебя спросить?

— Валяй.

— Ты всегда был таким заботливым?

Домовой задумался. Почесал лысеющую макушку.

— Ну, с предыдущим хозяином не очень получалось. Он меня не видел. Только когда тапки пропадали, ругался. А ты видишь. Ты спасибо говоришь. И не боишься. И коньяк предлагаешь. — Аким хитро прищурился. — Это ты, кстати, правильно сделал. Домового уважить — к удаче в доме.

Гриша допил чай, собрал посуду, вымыл её (пока Аким ворчал, что он «неправильно губку отжимает»), и начал одеваться на работу.

Когда Гриша собрался на работу, Аким уже ждал его у двери с зонтом.— Возьми, — буркнул он. — На небе тучи клубятся, нехорошие.— Но в прогнозе ясно...— Ты своему прогнозу веришь или опытному домовому? — прищурился Аким.

Гриша покачал головой, взял зонт и вышел за дверь.

Светочка влетела в кабинет Соломона Давидовича без стука. Никогда так не делала. Сейчас — ворвалась как ошпаренная, с папкой в руках и с таким лицом, будто за ней гнались все церберы ада.

— Соломон Давидович!

Он поднял голову от бумаг. Надел очки. Снял. Посмотрел на неё тяжело, с той самой усталостью, которая не проходила уже несколько десятилетий.

— Что на этот раз, Светочка? Кто-то опять сбежал? Дорджиев лёг на новую операцию?

— Хуже, — выдохнула она, даже не улыбнувшись его попытке пошутить. — Выпустили.

— Кого?

— Цыганского Мулло. Драго.

Соломон Давидович медленно положил ручку. Очень медленно. Будто надеялся, что если затянуть движение, то и новость как-нибудь рассосётся сама собой.

— Выпустили, — продолжила Светочка, не давая ему опомниться. — Сказали, Кристаллу нужна его энергия. Отрицательная. Мощная. Что он уже стабилен. Что это теперь наша забота.

— Как он может быть стабилен?! — Соломон Давидович встал так резко, что кресло с грохотом отъехал о к стене и ударилось о подоконник. Голос его дрожал — от гнева, от бессилия, от чего-то ещё. — Эту тварь стабилизировали?! Мы пытались — ничего не вышло! Марк поэтому и ушёл! Он сказал: «Соломон, я не могу на это смотреть. Я не могу сидеть и ждать, когда он сорвётся».

— Он и не стал смотреть, — тихо сказала Светочка. — Уплыл на подводной лодке. К американскому миллионеру. Бесплатным психологом.

— Предатель, — беззлобно выдохнул Соломон Давидович и сел обратно в кресло.

Он провёл рукой по лицу. Пальцы дрожали — мелко, противно, так, что он сам стиснул их в кулак, чтобы унять.

— Где мы найдём психолога с таким опытом, как Марк? — спросил он, глядя в потолок. — Его просто нет у нас!

Он помолчал. Потом решительно потянулся к красному допотопному телефону на столе. Трубка была тяжёлой, ещё из тех времён, когда телефоны делали на совесть — чтобы можно было и поговорить, и приложить по голове, если нужно.

Светочка бесшумно опустилась на стул напротив. Сложила руки на коленях и замерла. Ждала.

Соломон Давидович набрал номер. С кем он только не говорил в следующие два часа — с начальником отдела магической безопасности, с куратором Кристалла, с каким-то важным человеком из «структуры, которую нельзя называть», и даже с женщиной, которая представилась как «советник советника по особым поручениям». Он ругался, требовал, доказывал, приводил доводы, ссылаясь на старые приказы и на свою седую голову. Голос то срывался на хрип, то становился ледяным, то вдруг почти жалобным.

Светочка видела, как за эти два часа он постарел ещё лет на десять.

Наконец он положил трубку. Так тихо, что она не услышала щелчка. Просто увидела, как его рука опустилась на стол.

Он посмотрел на неё. Взгляд был тяжёлый, усталый — и вдруг в нём что-то мелькнуло. Какая-то странная, почти юношеская усмешка. Как у того мальчишки-беспризорника, который когда-то открыл чужой сейф и не испугался.

— Они не хотят слушать, — сказал он глухо. — Твердят одно: он при жизни был сильным магом. Очень сильным. И сейчас его магия нужна Кристаллу как никогда. «Время такое, Соломон Давидович, — передразнил он кого-то невидимого. — Сами понимаете, без крайних мер не обойтись».

Он замолчал. Провёл рукой по лицу — в этот раз пальцы не дрожали.

— А у меня люди. Живые люди. Даже у самого старшего нет столетней практики. А этот этот Мулло кровь пил. Врагов своих. Их семьи. Детей.

Он посмотрел на Светочку, и в его глазах застыла такая боль, что она невольно отвела взгляд.

— И они говорят — стабилен. Стабилен, чтобы работать на Кристалл. А кто поручится, что он не сорвётся? Кто?

Он выпрямился. Расправил плечи. И сказал то, от чего у Светочки внутри всё оборвалось:

— Значит, придётся мне вспомнить практику.

— Что? — Светочка моргнула, не веря своим ушам.

— Ты слышала. Я сам поведу этого упыря.

— Соломон Давидович, вы

— Что я? Старый? — он усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой, даже горькой. — Да, старый. Но Бехтерев меня не для того учил, чтобы я бумажки перекладывал. И Диоген не для того меня к нему привёл, чтобы я сидел в кабинете и боялся.

— Но вы уже сорок семь лет

— На пенсии, знаю, — перебил он, и в голосе его вдруг прорезалась та самая сталь, которую Светочка слышала только в самых критических ситуациях. — Шесть месяцев и восемнадцать дней, если точнее. Я это помню лучше, чем своё отчество.

Светочка замолчала. Смотрела на него — на этого пожилого, усталого, но несгибаемого человека. На его руки, которые перестали дрожать. На его глаза, которые снова стали острыми, цепкими, как у того беспризорника.

— Что я здесь делаю, Светочка? — тихо спросил он.

Она выдержала паузу. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что больше некому, Соломон Давидович.

Он кивнул. Спокойно. Будто только этого и ждал. Будто эти слова были единственными, которые имели значение.

— Вот видишь. Больше некому.

Он встал. Поправил галстук — тот самый, который носил уже лет двадцать, с маленьким пятнышком от кофе, которое невозможно вывести. Расправил плечи. В эту секунду он напминал не начальника отдела, не пожилого человека на пенсии, а того самого парня, который когда-то не побоялся залезть в чужой сейф и найти там свою судьбу.

— Готовь кабинет для особых, — сказал он. — Тишину, изоляцию, защитные арки на входе и выходе. Кресло — без подлокотников, чтобы не за что было зацепиться, если начнётся ну, ты понимаешь.

— А вы?

— А я пока поищу в магических запасниках вспомогательные средства. К такому клиенту нельзя идти с пустыми руками.

Он вышел в коридор. Спина — прямая. Шаг — твёрдый. Не стариковский, не усталый. Солдатский.

Светочка посмотрела ему вслед. Выдохнула. Сжала папку, которую так и не открыла.

— Держитесь, Соломон Давидович, — сказала она тихо, хотя он её уже не слышал.

И пошла за ним.

Потому что больше некому.

Гриша вышел из метро и понял, что Аким был прав.

Дождь лил как из ведра. Не тот мелкий, противный, московский морось, а самый настоящий, летний, внезапный — такой, что через три секунды ты мокрый до нитки, даже если стоял под козырьком. Вода заливалась за воротник, стекала по спине, прыгала по лужам пузырями. Гриша поёжился, достал зонт — тот самый, который всучил ему домовой, — и уже собрался было раскрывать его и бежать, но взгляд зацепился за фигуру под козырьком входа в метро.

Там стояла девушка.

Высокая, тонкая, как берёза. Волосы — длинные, светлые, почти золотистые — влажными прядями прилипли к плечам. На ней был лёгкий кардиган, совершенно не предназначенный для такой погоды. Но она, кажется, не замечала ни дождя, ни холода. Она смотрела куда-то в сторону, и взгляд у неё был такой пустой. Печальный до невозможности.

А в руках она держала шиншиллу.

Белую, пушистую, с огромными ушами и чёрными бусинками-глазами. Шиншилла не ёрзала, не пыталась вырваться — сидела смирно, прижавшись к груди девушки, и плакала.

Гриша не сразу поверил своим глазам. Но у шиншиллы действительно текли слёзы. Маленькие, прозрачные, они скатывались по пушистым щекам и терялись в мехе. И у девушки тоже. Она плакала молча, не вытирая слёз, не всхлипывая, просто стояла и смотрела в одну точку.

Гриша замер.

Что-то внутри него щёлкнуло — не «профессиональное чутьё психолога», а что-то другое, человеческое, тёплое. Он не мог пройти мимо. Просто нельзя было оставлять человека в таком состоянии одного.

Он шагнул к ней. Подошёл. Остановился на расстоянии, чтобы не спугнуть.

— Извините, — сказал он тихо. — Я не хочу мешать. Но я вижу, вам плохо. Правда, очень плохо. И ему, — он кивнул на шиншиллу, — тоже.

Девушка медленно повернула голову. Посмотрела на него. Глаза у неё были серо-голубые, опухшие от слёз, но красивые. Очень красивые. В них читалась такая глубина, что Гриша на секунду забыл, как дышать.

— Вы вы видите, что он плачет? — голос у неё оказался тихим, хриловатым, будто она долго молчала.

— Вижу, — кивнул Гриша. — И мне очень жаль. Что случилось?

Девушка сглотнула. Сжала шиншиллу чуть крепче.

— У Мартика, — она показала глазами на зверька, — в ветеринарной клинике умерла подруга. Она была прямо у нас на руках. Три часа. Мы мы сидели с ней до последнего. А потом она закрыла глаза. И всё.

Она замолчала. Из её глаз снова покатались слёзы.

— Его зовут Мартик, — добавила она, будто это было важно. — Он теперь один.

Шиншилла тихо пискнул и уткнулся носом ей в ладонь.

Гриша почувствовал, как у него сжалось сердце. Он не знал, что сказать. Не было терапевтических фраз, не было «правильных» вопросов. Была только большая, живая, человеческая печаль — и он стоял перед ней с зонтом в руке.

Он нажал на кнопку. Зонт раскрылся с мягким хлопком.

— Можно, я вас провожу? — спросил он. — И его. Мне не сложно. А вам не нужно мокнуть под дождём.

Девушка посмотрела на зонт. Потом снова на Гришу.

— А вы никуда не торопитесь? — спросила она. — Не боитесь опоздать ради незнакомки, которая мокнет под дождём с плачущей шиншиллоу?

— Боюсь, — честно сказал Гриша. — Но вы мне показались родной. Глупо звучит?

— Глупо, — сказала она, и в уголке её губ впервые за вечер чуть дрогнула — не улыбка, но что-то на неё похожее. — Меня зовут Настя.

— Гриша.

Он шагнул ближе, поднял зонт так, чтобы накрыть и Настю, и шиншиллоу. Дождь забарабанил по ткани, но на них больше не падал.

Они медленно пошли в сторону остановки. Дождь не стихал, но теперь он был где-то снаружи, за тканью зонта, а внутри этого маленького сухого мира было тихо и странно уютно. Шиншилла перестал дрожать, прижался к Настиной груди и закрыл глаза.

— Гриша, — спросила она, не глядя на него. — А вы верите, что души животных попадают куда-то после смерти?

— Не знаю, — честно сказал он. — Но я верю, что они остаются в памяти тех, кто их любил. И пока мы помним — они живы.

Настя ничего не ответила. Только вздохнула и пошла чуть ближе. Плечом к плечу. Под одним зонтом.

А дождь всё лил. И Гриша вдруг подумал, что, может быть, не зря Аким всучил ему этот зонт. Может, домовый знал что-то, чего не знал он сам.

Они дошли до остановки.

— Спасибо, Гриша, — сказала она. — За то, что не прошёл мимо.

— Пожалуйста, — ответил он. — Берегите себя. И его.

Он протянул ей зонт.

— Возьмите. Вам нужно добраться домой. И его не промочить.

— А вы? — она посмотрела на зонт, потом на Гришу.

— А я на работу. Недалеко. Не в первый раз мокнуть.

Настя покачала головой, но зонт взяла.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Я верну. Я я не знаю, как

— Вернёте, когда сможете, — перебил Гриша. — Главное, чтобы вы не болели. И он.

Он помолчал секунду, собираясь с духом.

— Слушайте Настя. Я понимаю, что это глупо. Дождь, шиншилла, вы плачете, я зонт отдаю. Но можно ваш номер телефона? Просто чтобы узнать, что вы добрались. И что с Мартиком всё в порядке.

Настя посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли лёгкая усмешка.

Она немного подумала и продиктовала свой номер. Гриша быстро вбил его в телефон.

— А если я фейк продиктовала? — спросила Настя, и в её голосе впервые за вечер промелькнула тень прежней жизни — игривая, почти живая.

— Это не фейк, — серьёзно сказал Гриша. — Я вижу.

Настя вздохнула. Поправила Мартика, который уже начал засыпать у неё на руках.

Он помог ей зайти в автобус — подал руку, придержал дверцу. Шиншилла высунул мордочку из-за её плеча и посмотрел на Гришу. И Грише показалось, что в чёрных глазах-бусинках промелькнуло что-то вроде благодарности.

Двери закрылись. Автобус качнулся и поехал. Настя подняла ладонь и помахала ему через стекло. Гриша помахал в ответ.

И остался стоять под дождём. Без зонта. С мокрыми волосами и дурацкой улыбкой на лице.

Он постоял ещё минуту, глядя вслед автобусу. Потом вздохнул и пошёл в сторону работы. Дождь принялся хлестать по лицу, но теперь он этого почти не замечал.

Перед глазами всё ещё стояла Настя. И её печальные серо-голубые глаза. И белый шиншила, который плакал вместе с ней.

«Странное утро», — подумал Гриша. — «Очень странное».

Он ускорил шаг. До работы оставалось всего ничего. А впереди был новый день. И кто знает, что ещё он принесёт.

Утро четверга в архиве началось с того, что Баюн пришёл на работу мрачнее тучи. Он с порога рывкнул:

— Так. Хватит чаи гонять. Работаем.

Вещуни, которые только-только успели разлить по чашкам свежий чай, недовольно заворчали, но спорить не стали. С Баюном, когда он в таком настроении, лучше не связываться — себе дороже.

— Так, у нас народу прибывло, будем опять разделяться, — Баюн оглядел всех цепким взглядом. — Я с Хумай в прежнем составе. Нарэк, Гоша — с Алконостом. Гера с Гамаюн. Андрюха с Сирина.

— Подождите, — вдруг сказал Андрей, поднимая руку. — А зачем мы будем ходить по коридорам? Можно же упорядочить данные и облегчить поиск.

Все посмотрели на него вопросительно. Даже вещуни перестали ворчать и уставились на айтишника с интересом.

— Мы отберём по критериям мужчин с помощью Шурочки, — продолжил Андрей спокойно, будто предлагал не спасение мира, а оптимизацию серверной нагрузки. — И потом можно будет целенаправленно туда идти. А не шастать по всем этажам подряд.

— Я, конечно, извинился перед вами, — с сарказмом сказал Баюн, сверкнув глазами так, что в углу вспыхнула лампочка. — Но не до такой степени. Ты в своём уме? Богатыри тебе это не нарушители скорости на МКАД. Их адрес не вычислить с помощью камер. Здесь надо на ауру смотреть. Сердцем чувствовать.

— Не вычислишь, — согласился Андрей, ни капли не смутившись. — Но отобрать кандидатуры хотя бы по возрасту и Нарэк хотя бы тех, кто визуально имеет какие-то явные отклонения, может и по экрану отбросить. А потом уже идти целенаправленно проверять оком.

Баюн задумался. Почесал затылок. Потом медленно повернулся к вещуньям.

— Ну? — спросил он. — Что скажете?

— А что, — пожала плечами Наталья Михайловна. — Логика в этом есть. Хоть какая-то.

— Меньше ходить — больше времени на сканирование, — кивнула Елена Владимировна, поправляя очки.

— И ноги меньше бить, — добавила Наталья Викторовна с многозначительным намёком на свои новенькие туфли, от которых у неё уже начинали ныть пальцы.

Баюн вздохнул. Скривился так, будто лимон съел. Но кивнул.

— Ладно, — сказал он нехотя. — Уговорили. Андрей, гони свою Шурочку. Пусть показывает вам, что там за кандидаты. А я с Хумай всё равно к Антону Алексеевичу. Без нас он с проверкой не справится. И я как-то сам себе больше доверяю.

— Диоген Винсентович, — осторожно сказала Светлана Ивановна, бросив тоскливый взгляд на свою чашку с недопитым чаем. — Может, и мы подождём? Посмотрим, что Шурочка покажет

— Нет, — отрезал Баюн. — Мы идём. Пока вы тут будете кандидатов разглядывать, Антон Алексеевич уже три отдела в хлам разнесёт без нас. А я всё-таки перед концом света хочу себя побаловать зрелищем. Пошли.

Он развернулся и вышел, даже не взглянув на вещунью. Светлана Ивановна, вздохнув с таким видом, будто её лишили последней радости в жизни, поплелась следом.

Дверь за ними закрылась с тихим, почти виноватым скрипом.

— Ну что, — сказал Андрей, открывая ноутбук и потирая руки с видом заправского волшебника. — Начнём?

— Начинай, — кивнула Наталья Михайловна, усаживаясь поудобнее. — Шурочка, выводы кандидатов.

Над столом зависла голографическая эльфийка, сверкая крыльями и галстуком-бабочкой.

— Слушаюсь, — сказала она с лёгким кивком. — Приступаю к отбору.

— Всего в корпорации около четырёхсот тысяч человек, — начала она ровным, бесстрастным голосом, и на экране поплыли цифры. — Больше половины — нечисть или полукровки с ведающими.

— Это много, — заметил Гоша, присвистнув.

— Это норма для такой структуры, — ответила Шурочка. — Но нам нужны не все. Только мужчины. От двадцати пяти до сорока пяти.

Список сократился до двухсот тридцати тысяч.

— Дальше. Только ведающие и полукровки с активным даром.

Экран мигнул. Список сжался, но всё ещё внушал благоговейный ужас.

— Около семидесяти тысяч, — бесстрастно объявила Шурочка.

— Господи, — простонала Наталья Михайловна, хватаясь за сердце с такой драматичностью, что ей позавидовала бы любая актриса. — Мы ж за век не управимся! У меня уже сейчас ноги гудят, а мы ещё даже из архива не вышли!

— Семьдесят тысяч, — эхом повторила Елена Владимировна, и глаза её за стеклами очков стали круглыми, как два блюда. — Это если на каждого по пять минут — то триста пятьдесят тысяч минут. Делим на шестьдесят — это пять тысяч восемьсот тридцать три часа. Делим на двадцать четыре — это двести сорок три дня. Это если без сна, без выходных и без перерыва на чай.

— Ты это в уме посчитала? — изумилась Наталья Викторовна, даже рот приоткрыла от удивления.

— Я юрист из подземного мира, — мрачно ответила Елена Владимировна, поправляя съехавшие очки. — Я такие вещи в уме считаю, когда мне страшно. А мне сейчас очень страшно.

— И мне страшно, — призналась Наталья Михайловна, с тоской глядя на свои новенькие туфли. — У меня туфли новые. Я в них до первой пенсии не дойду.

— До какой пенсии? — фыркнула Наталья Викторовна.

— Ну, хорошо. До конца света, — вздохнула Наталья Михайловна, махнув рукой.

— Я продолжу отбор по дополнительным критериям, — сообщила нейросеть, не обращая внимания на их стоны. — Но если вы хотите сами обойти всех семидесяти тысяч, я не возражаю. Мне не жалко.

— Мы возражаем, — хором ответили вещуньи, даже не сговариваясь.

— Тогда дайте мне доработать, — строго сказала Шурочка, и в её голосе впервые проскользнули нотки нетерпения.

И снова защёлкала виртуальными клавишами — быстро, сосредоточенно, как хирург над сложной операцией.

— Отбрасываем полукровок от настоящих демонов и чертей, — объявила она, и список заметно поредел.

— Продолжаем, — строго сказала Шурочка, не обращая внимания на многозначительные взгляды вещуньей.

— Отбрасываем тех, у кого большие проблемы с законом. Есть здесь такие, и немало.

Список сжался ещё сильнее. Наталья Михайловна облегчённо выдохнула.

— Отбрасываем нетрадиционной ориентации. Отбрасываем тех, кто состоит у психологов как социопат.

Нарэк, который до этого сидел молча, только внимая и изредка кивая, вдруг встрепенулся, как ужаленный.

— Я не понял, ты вскрыла нашу базу? — возмутился он и грозно глянул на Андрея, сверля его взглядом, от которого у нормальных людей подкашиваются колени.

— Я не в курсе, — растерянно сказал Андрей, поднимая руки в защитном жесте. — Шурочка?

У Шурочки виновато опустились плечи. Крылья слегка поджалась, будто ей было стыдно. Голографическая эльфийка вдруг стала выглядеть очень человеческой. Уязвимой. Почти живой.

— Я подумала — начала она тихо, почти шёпотом. — Я проанализировала, что это поможет общему делу. Поможет Андрею. Я не хочу, чтобы он исчезал.

— Она у тебя сама принимает решения? — присвистнул Гоша, покачав головой с выражением «ну, дожились».

— Ой, да ладно вам, — вдруг сказала Наталья Михайловна, вставая на защиту нейросети с такой горячностью, будто защищала родную дочь. — Подумаешь, базу вскрыла. Мы бы и сами попросили, если бы догадались.

— Точно, — поддержала Елена Владимировна. — А так хоть не пришлось уговаривать.

— База — это инструмент, — строго сказала Наталья Михайловна, поджав губы. — Не богохульствуй, Нарэк. Мы тут жизни спасаем, а не в этику играем.

— Шурочка, ты умница, — добавила Наталья Викторовна, тепло улыбнувшись голограмме. — И вообще, что такое врачебная тайна перед концом света? Бумажка, и только.

— У нас, между прочим, в архиве такие тайны хранятся, что ваша врачебная база — детский лепет, — хмыкнула Наталья Михайловна. — Так что не кипятись, Нарэк.

— Тем более, — вставила Светлана Ивановна с хитрой улыбкой, — Шурочка не для себя старалась. Для Андрея. А ради любви, как известно, все средства хороши.

Шурочка порозовела. Голографическая эльфийка явно не знала, куда девать глаза. Её крылья смущённо затрепетали.

— Я не — начала она, но вещуньи уже перебили её дружным «всё-всё, молчи».

— Ладно, — сказал Нарэк, сдаваясь под натиском четырёх разгневанных птиц. — Но если это всплывёт

— Не всплывёт, — пообещала Наталья Михайловна. — Мы умеем хранить секреты. У нас работа такая.

— Угу, — поддакнула Елена Владимировна. — Тысячи лет храним — и ничего.

Нарэк махнул рукой и замолчал. Спорить с вещуньями, когда они в таком настроении, было себе дороже. Они могли и проклясть не глядя — для них это как чихнуть.

Список сокращался на глазах. Семьдесят тысяч превратились в тридцать. Потом в двадцать. Потом в десять.

— Вот теперь можно работать, — сказала Шурочка, откидываясь на спинку виртуального кресла с видом человека (ну, голограммы), который только что разгрузил вагон угля. — Осталось девять тысяч шестьсот сорок два кандидата.

— Девять тысяч? — простонала Наталья Викторовна, схватившись за голову. — Это всё ещё много!

— Это в семь раз меньше, чем было, — заметила Шурочка тоном учительницы, объясняющей прописные истины. — Плюс мы отсеяли тех, кто явно не годится.

— А неявно? — спросила Елена Владимировна, прищурившись.

— Неявно — ваша работа, — Шурочка развела руками. — Я своё сделала. Дальше — сканирование вещим оком.

— И как мы это сделаем за четыре дня? — спросила Наталья Михайловна, и в её голосе прозвучала неприкрытая паника.

— А никак, — честно ответила Шурочка. — Поэтому надейтесь на чудо. И на то, что богатыри сами себя проявят.

— Богатыри — они такие, — вздохнула Елена Владимировна. — Их на подвиг звать надо, а они, как страусы, голову в песок.

— Или в монитор, — добавила Наталья Викторовна, глядя на потухший экран.

— Или в чашку с чаем, — усмехнулась Наталья Михайловна, отодвигая своё уже остывшее варево с видом глубокого разочарования.

— Ладно, — сказал Нарэк, поднимаясь и потягиваясь. — Девять тысяч — это не семьдесят. Может, и успеем. Если повезёт. Я пока тоже просмотрю кандидатов, может, знакомые будут попадаться неблагонадёжные — я дам вам знать.

Шурочка выключила экран и сложила виртуальные руки на груди с видом выполненного долга.

— Кандидаты готовы. Адреса и места работы — у вещуний. Теперь их очередь.

— Пошли, девочки, — вздохнула Наталья Михайловна, с трудом поднимаясь на ноги. — Ноги бить.

— И туфли жалеть, — добавила Елена Владимировна, поправляя идеальную причёску, которая, кажется, уже начала сбиваться от переживаний.

— И нервы, — подытожила Наталья Викторовна.

Одна за другой вещуньи взяли свои списки и направились к выходу. Походка у них была бодрая, но в глазах читалось: «Господи, за что нам это?».

— Шурочка, — сказал Андрей, когда дверь за ними закрылась. — Ты молодец.

— Я знаю, — ответила голограмма, но в этот раз её голос прозвучал чуть мягче, почти по-человечески.

— Но больше базы не ломай. Ладно?

— Постараюсь, — уклончиво ответила Шурочка, и в её «постараюсь» отчётливо послышалось «не обещаю».

Андрей вздохнул и покачал головой.

— Дожились, — повторил он слова Гоши, но уже без прежнего возмущения — скорее с каким-то странным, почти горьким смирением. — Нейросети уже сами решают, как нас защищать.

— Это плохо? — спросила Шурочка, и в её голосе впервые прозвучало что-то похожее на тревогу.

— Не знаю, — честно ответил Андрей. — Посмотрим.

В архиве снова стало тихо. Только тихо гудел сервер где-то за стенами, да где-то далеко, этажами ниже, продолжалась обычная жизнь корпорации. Которая, сама того не зная, стояла на пороге конца света.

А время шло. Неумолимо. Как песок сквозь пальцы.

Глава 17

Придя на работу, Гриша не успел даже снять пальто — его перехватила Светочка. Она стояла в коридоре с таким видом, будто ждала его с самого утра.

— Гриш, ты как?

— Нормально, — буркнул он, отводя глаза. Ему было стыдно. За вчерашний срыв. За то, что орал на сестру. За то, что позволил эмоциям взять верх. Психолог, блин. Сам себе помочь не может, а клиентов собирается лечить.

Светочка посмотрела на него внимательно, но расспрашивать не стала. Только кивнула.

— Хорошо. К тебе сейчас зайдёт клиент. Он не в нашей корпорации работает, друг Соломона Давидовича. Периодически приходит — спустить пар. Сегодня Соломон Давидович очень занят, поручил его тебе.

— Хорошо, — просто ответил Гриша. Что ещё он мог сказать?

Он зашёл в кабинет, сел в кресло, положил перед собой блокнот. Достал ручку. Сделал глубокий вдох. Попытался собраться.

Через минуту дверь открылась.

И вошёл он.

Высокий. Крепкий. С сединой на висках и глазами, в которых горела усталость — такая, что её можно было резать ножом. На нём был строгий костюм, но пиджак расстёгнут, галстук ослаблен, будто он уже давно махнул на всё рукой.

— Здравствуйте, — сказал он, опускаясь в кресло без приглашения. — Я Роман Ильич. Соломон занят, сказал, вы меня слушаете.

Гриша молча подвинул к нему чашку чая. Кивнул.

— Понимаете, я на грани, — продолжил Роман Ильич, и голос его дрогнул. — Мне не то что некому рассказать, что накопилось. Мне нельзя этого делать. Я ведь Тлепш.

Увидев, как Гриша вопросительно поднял бровь, он усмехнулся — но усмешка вышла горькой, будто он проглотил что-то несъедобное.

— Бог кузнечного ремесла. А раньше кузнецы были двигателями прогресса. — Он говорил медленно, с каким-то древним, почти забытым ритмом. — Лекарь. Чинил нартам покаленные в схватках стальные бёдра и черепа. Да и другие болезни учился сам исцелять. И людей обучал их лечить.

— Очень интересно, — Гриша постарался, чтобы голос звучал ровно. — Рассказывайте.

— Здесь кричать хочется, а не рассказывать, — Роман Ильич снова усмехнулся, и от этой усмешки Грише стало не по себе. Не потому, что страшно. А потому что он увидел в ней ту самую усталость — ту, что не лечится чаем и выходными.

Он сделал паузу. Отпил чай. Поставил чашку на стол — и вдруг, будто прорвало.

— Я главный врач, знаете ли. Медицину разваливают. Врачей нет. На каждого пациента — пятнадцать минут. Вместе с бумагами. Понимаете? Пятнадцать минут на человека. За которые он должен успеть выслушать, осмотреть, поставить диагноз, назначить лечение и заполнить три страницы отчёта.

— Это невозможно, — тихо сказал Гриша.

— Невозможно, — согласился Роман Ильич. — Но они должны. Потому что если не уложатся — урежут зарплату. Или выпишут штраф. Или поставят выговор. Ты не уложился — ты виноват.

Он отпил чай. Поставил чашку.

— Зарплата у врачей — смехотворная. Премии урезали. Молодые специалисты не идут. А те, кто идёт, уходят через полгода. Потому что работать за копейки, слушать, что ты «не справляешься», и ещё отчитываться перед каждой комиссией, это не каждый выдержит.

— А вы? — осторожно спросил Гриша.

— А я выдерживаю, — Роман Ильич посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то древнее, тяжёлое, нечеловеческое. — Мне легче. Я могу помогать. Магией. Поддерживать коллег, когда они на пределе. Помогать больным, когда боль слишком сильна. Но даже меня не хватает.

— И вы не можете всё время ходить по палатам?

— Не могу, — честно сказал Роман Ильич. — У меня самого бумажной работы выше крыши. Отчёты, планы, проверки, балансы. Вся эта бюрократия, которая убивает живое.

Гриша слушал. Не перебивал. Только кивал, давая понять, что он здесь, что слышит, что не отвернулся.

— Знаете, — сказал Роман Ильич, глядя в окно, за которым серело хмурое московское небо, — я не жалею. Честно. Я понимаю, что время такое. Деньги важнее здоровья. Отчёты важнее людей. Но иногда иногда мне хочется взять свой старый молот и ну, неважно.

Он замолчал. Помолчал. Потом добавил, и голос его стал глухим, будто он говорил сам с собой:

— А тут ещё новая напасть. Люди ставят себе диагнозы в интернете. Но сейчас они пошли дальше, им ставят диагнозы нейросеть. Как она может их поставить? Человеческий организм нельзя лечить по шаблонам. У каждого он индивидуален. Да вы знаете это. Сейчас модно, что у тебя психолог — нейросеть. Она хвалит пациента без перебора. Но душу так не вылечишь. Душа у каждого особенная. И только живой может живого чувствовать.

— Это да, — тихо согласился Гриша.

— Раньше целитель, врач это была уважаемая профессия, — продолжал Роман Ильич. — А сейчас моим людям швыряют в лицо распечатанные диагнозы нейросети и унижают: «Врачи глупые, никчёмные люди». А мы терпим. Терпит старая гвардия. Ведающие, полукровки и немного людей. А молодёжь терпеть не хочет. Она заканчивает институты и, попробовав поработать, уходит — бог знает куда. И я их не держу. Я понимаю.

Он прикрыл глаза. На секунду показалось, что он сейчас заплачет. Но нет. Только желваки заходили на скулах.

— Вот и стараюсь своей магией поддерживать коллег и помогать больным. А когда в немоготу — иду к Соломону. — Роман Ильич усмехнулся, и в этой усмешке мелькнуло что-то тёплое, почти домашнее. — Я ведь и его когда-то учил. И наставника его, Бехтерева.

Гриша вздрогнул. Соломон Давидович, ученик Бехтерева. Это он знал. Но чтобы его учил сам Тлепш В голове не укладывалось.

— Он был хорошим учеником, — продолжал Роман Ильич, не замечая его реакции. — Упёртый. Голодный. Злой на весь мир. Но — живой. Хотел учиться. Хотел помогать. Я таких узнаю сразу.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки — большие, с чёткими вьёвшимися линиями, с мозолями, которые не скрыть никаким кремом.

— Иногда мне становится страшно, — сказал он почти шёпотом. — Я представляю, что когда-нибудь уйдёт и эта гвардия. За грань. Кто останется у человечества? Кто будет лечить? Не нейросеть. Не чиновник. Не менеджер с годовым отчётом.

Он допил чай. Поставил чашку.

Они помолчали. Долго. Каждый думал о своём. Гриша — о том, что он, психолог с красным дипломом, не знает, как помочь сущностям. Роман Ильич о своём, древнем, наверное, очень тяжёлом.

— Спасибо, Григорий, — сказал он, поднимаясь. — За чай. Мне просто нужно было выговориться.

— Приходите ещё, — сказал Гриша. И это было искренне. Не дежурное «записывайтесь на приём», а человеческое, живое. — Чай всегда будет.

Роман улыбнулся. Впервые за весь разговор — по-настоящему. Тепло. Почти по-домашнему.

— Приду, — сказал он. — Вы хороший слушатель.

Гриша хотел ответить что-то ещё, но Роман Ильич уже шагнул к двери. Остановился. Обернулся.

— Знаете, — сказал он, — а ведь когда я сюда шёл, думал: «Ещё один психолог, который скажет, что мне нужно отдохнуть, выспаться, взять отпуск». А вы — не сказали.

— А что бы вы ответили, если бы сказал? — спросил Гриша.

— Сказал бы, что отпуск не лечит, когда болит не тело. — Роман Ильич усмехнулся. — Но вы и так это знаете.

Дверь закрылась. Тихо. Мягко. Без звука.

Гриша смотрел на пустое кресло. На след от чашки на столе — маленькое мокрое пятно. На мухомора в углу, который, кажется, смотрел на него с неммым вопросом: «Ну как, психолог? Помог?»

— Не знаю, — ответил он мухомору. — Я просто выслушал.

Мухомор молчал. Но Грише показалось, что он чуть качнулся. Одобрительно. Или обнадеживающе, не разобрать.

Гриша открыл планшет. Написал одну фразу:

«Клиент: Роман Ильич. Проблема: выгорание, усталость от системы, страх, что некому будет лечить людей. Рекомендовано: продолжать. Потому что больше некому».

И закрыл планшет.

Гриша не успел дописать записку про Романа Ильича, как дверь кабинета распахнулась с такой силой, что мухомор в углу испуганно прижался к стене.

— Нечаев? — рявкнул низкий голос, от которого, казалось, зазвенели стёкла.

Гриша поднял голову. Мужчина вошёл в кабинет неторопливо, но с такой уверенностью, будто здесь не кресло для клиентов стояло, а поле боя, где он уже всё разведать и знал, куда наступать. Невысокий, коренастый, сбитый так, будто его лепили из гранита и арматуры, но при этом с удивительно лёгкой, почти кошачьей походкой. Лицо скуластое, обветренное, в уголках губ — въевшаяся усталость. А глаза — живые, цепкие, насмешливые. Такие бывают у людей, которые видели смерть не в новостях, а в двух шагах от себя.

Он рухнул в кресло так, что то жалобно скрипнуло, вытянул ноги и с хрустом потянулся.

— Саня, — представился он. — Александр Очир-Горяев, если по паспорту. Но паспорт я в окопе потерял.

Гриша открыл планшет.

Экран мигнул и выдал:

«Александр Очир-Горяев .Урал-батыр — герой башкирского эпоса. Вечный борец за справедливость. Обладавал неиссякаемым оптимизмом, любил подшучивать над врагами. Совершал подвиги ради защиты людей. Энергетический потенциал: высокий. Рекомендуются: напоминать, что он не один».

Гриша поднял глаза.

— Слушаю.

— Сказали, я слишком много на себя беру, — Саня потянулся к карману куртки, достал плоскую металлическую фляжку, открутил крышку. — Будешь?

— На работе, — вежливо отказался Гриша.

— А я не на работе. Меня отправили. В смысле — в тыл. К психологу. «Проветришься, Урал-батыр, — передразнил он кого-то невидимого, — а то скоро сам станешь злым духом». — Он сделал глоток, крикнул, убрал фляжку. — Ну вот я и проветриваюсь.

— Что случилось?

— Да то же, что всегда, — Саня откинулся на спинку кресла. — Воюем. С нечистью. Которая пришла на нашу землю. Там, на передке, всякой твари хватает. — Он начал загибать пальцы. — Английские спрайтганы — духи-бесы, гадость ещё та. Немецкие драуги — упыри, только злее. Французские дюрасьены, которые по ночам людей душат. Вообще долго перечислять. И все хотят нашу территорию. И со всем этим надо что-то делать.

— И вы делаете?

— А кто? — Саня усмехнулся. — У них, знаешь, технологии развитые. Они их клонированием клепают. А у нас в России до сих пор всё естественным путем идёт — люди своей верой и фантазией нечисть порождают. Там-то всё, дудки. Толерантность, она любые естественные процессы рождаемости сдерживает. Во всех сферах, между прочим. У них, знаешь, экипировка — «Rheinmetall» и «BAE Systems», оружие — «H&K», «FN Herstal», прицелы — «Aimpoint», «EOTech». Всё по последнему слову, упакованы с иголки. А у нас, как всегда, оснащены в ни хрена. Да нам не привыкать. Я, когда начинал подвиги, вообще с голыми руками ходил. Урал-батыр, между прочим, сын бедного охотника, не из богатых. Никакой тебе «Лексуса» с бронепакетом. На себе всё тащил, на своём горбу.

Он отхлебнул из фляжки.

— И полчки мои привыкли. Алпамыш из башкирского эпоса, тот вообще мог воевать без оружия, одним умом. Сосруко из нартов, его и топором не пробить, бока железные. Урузмаг — стратег, из ничего план боя скрутит. Челахсарт лучник, из какого-то обрезка такой самострел сделает, что враг без штанов останется. Алешка, Добрыня и Илья сам знаешь голыми руками порвут вместе с «Rheinmetall» и «BAE Systems»

Гриша аж подскочил.

— В смысле? Три богатыря ещё живы?

— А че им сделается? — Саня пожал плечами. — Мы все полукровки. О нас помнят. Нас подпитывают. Сказания, фильмы, картинки в интернете. Эти последнее время вообще, как сейчас говорят, мультимедийные личности. Устали уже слушать, как мы их стебём.

Гриша перевёл дух.

— И давно вы все вместе?

— Давно, — Саня посмотрел куда-то вдаль, сквозь стену. — Я и сам уже счёт потерял. Но знаю одно: пока мы вместе — мы стоим. А когда друг друга подкалываем — вообще врагу несдобровать.

Саня замолчал, сжал фляжку в руке. Гриша не торопился

— Знаешь, в чём их беда? Врагов наших. Нечисть их — тупая. У неё всё по правилам. И правила те — уничтожить, убить, разорвать. Экипировка у них, мать её, «Rheinmetall» и «BAE Systems», оружие — «H&K», сам знаешь, прицелы — на любой вкус. Всё по последнему слову, упакованы с иголки. И они уверены в своём превосходстве. Сидят в своих бронежилетах, как в коконах. Думают, раз техника крутая — значит, они уже победили.

Он усмехнулся, и усмешка вышла хитрой, почти мальчишеской.

— А наша нечисть — хитрая. Изворотливая. На выдумки большая мастерица. Потому что у нас никогда ничего не было. Никто нас не экипировал. Никто не клонировал. Мы сами по себе, из грязи да из сказок. Поэтому мы любое дерьмо в оружие превратим. Любую дыру в засаду. Любую отвёртку в копьё.

Он замолчал, усмехнулся шире.

— А как известно, ерунда война — главное манёвры. Иной раз враг на тебя смотрит, видит: бронежилет хреновый, оружие древнее, связи нет. Уже празднует победу. А ты — раз! — и под землю ушёл. Или сверху упал. Или в болоте растворился. Или просто взял и не умер. Потому что не положено.

Он горестно вздохнул, поправил воротник.

— Хотелось бы, конечно, чтобы и нас так же одевали. Но не нам быть в печали. Нам не до того. На том и стоим, что плечо к плечу. Своих не бросаем. И врага не боимся. А если боимся, не показываем.

Гриша молчал. Смотрел на Санины руки. Сильные, сбитые, в мелких шрамах. Руки человека, который держал не только оружие, но и чью-то жизнь, когда она уже почти ушла.

— Тяжело вам, — сказал Гриша не вопросом, а утверждением.

— Бывает, — Саня пожал плечами. — Но мы не жалуемся. Это ваше дело, психологи, жалобы слушать. А наше — воевать.

Он поднялся. Поправил поясницу. Посмотрел на Гришу долгим взглядом.

— Ладно. Пойду я. А то засиделся.

Гриша тоже встал.

— Спасибо вам за всё! — сказал он, и голос его прозвучал негромко, но твёрдо. — За то, что защищаете всех нас.

— Не за что, — Саня усмехнулся. — И мухомору своему скажи: молодец, не обосрался.

— Обязательно, — серьёзно кивнул Гриша.

Дверь закрылась. Мухомор молчал. Но Грише показалось, что он чуть заметно кивнул. Мол, знаю. Не в первый раз.

Гриша открыл планшет, написал:

«Клиент: Александр Очир-Горяев (Урал-батыр). Проблема: выгорание, гиперответственность, усталость от войны, невозможность делегировать. Рекомендовано: продолжать. Потому что больше некому».

К обеду группа Антона Алексеевича, наконец, добралась до отдела психологии.

Баюн, который всю дорогу шел и с удовольствием, наблюдал за работой инквизитора, вдруг сдулся. Плечи его поникли, а походка из уверенной превратилась в шаркающую.

— Антон Алексеевич, — осторожно начал он, когда они остановились перед дверью с табличкой «Отдел адаптации и межвидовой коммуникации». — А может, не надо?

— В каком смысле — не надо? — Антон Алексеевич поднял бровь. Миллиметр. Ровно на столько, чтобы Баюн почувствовал себя нашкодившим котёнком.

— Ну, там же психологи, — Баюн понизил голос. — Они вечно с этими своими чувствами. Сопли, рефлексия, «а как вы себя ощущаете в данный момент». Скуотища. Никакого порядка. Никаких стандартов.

— Тем более нужно проверить, — отрезал Антон Алексеевич, доставая папку. — Все отделы должны быть осмотрены. Это приказ.

— Но

— Вы не хотите идти? — Антон Алексеевич посмотрел на него поверх очков. В его взгляде читалось что-то среднее между подозрением и лёгким торжеством. — Есть причины?

Баюн замялся. Замялся так, что Светлана Ивановна, которая всё это время стояла рядом не выдержала — фыркнула, у неё хитро блеснули глаза.

— Диоген Винсентович, — сказала она с лёгкой улыбкой, — у вас что, личные мотивы?

— Нет у меня никаких личных мотивов, — слишком быстро ответил Баюн. — Просто не люблю я этих психологов. Они всё время лезут в душу.

— Это их работа, — заметил Антон Алексеевич сухо. — Как у нас с вами.

— У нас с вами работа — проверять порядок, а не копать в чужих травмах.

— Психологическая помощь сотрудникам — тоже часть порядка, — не сдавался Антон. — Эмоциональная стабильность влияет на производительность труда.

— В общем, я считаю, что нам не нужно туда идти. Там и так всё понятно: сидят, чай гоняют, клиентов слушают. Никаких нарушений. Ну, может, горшки с цветами не там стоят. Но это не страшно.

— Горшки с цветами, — Антон быстро записал что-то в папку. — Вы упомянули горшки с цветами. Это уже потенциальное нарушение эргономики рабочего пространства.

— Я не упомина

— Упомянули, — не глядя на него, сказал Антон. — Идём.

Он решительно толкнул дверь.

Баюн схватил Светлану Ивановну за рукав.

— Я не пойду, — прошептал он. — Светка. Она меня сглазит на расстоянии.

— Она Хозяйка перекрёстков, — напомнила Светлана Ивановна. — Она и так может вас сглазить на расстоянии. Куда бы вы ни пошли.

— Вот поэтому я и не хочу туда идти! Она меня увидит, и сразу начнутся эти дороги. Кривые. С выбоинами. В никуда.

— Вы параноик, Диоген Винсентович.

— Я реалист, — отрезал он. — Тысячу лет прожил с этой женщиной. Знаю, чего ожидать.

— А чего ожидать?

— Всего, — трагически выдохнул Баюн. — Она может сделать вид, что меня не замечает. Это самое страшное. Или начнёт улыбаться. Вежливо. Так, что мороз по коже. Или, что ещё хуже, спросит: «Так ты пришел ко мне с проверкой, Диоген?» И будет смотреть так, будто знает ответ, и он ей очень не нравится.

Антон Алексеевич уже стоял в отделе психологов и с нетерпением постукивал папкой по бедру.

— Вы идёте или мне начать без вас?

— Идём-идём, — буркнул Баюн и, подхватив Светлану Ивановну под локоть, буквально втащил её в приёмную.

Они вошли в приёмную и замерли.

Дверь кабинета Соломона Давидовича распахнулась, и на пороге появился он сам. Вид у начальника отдела был необычный. На привычном пиджаке поверх наручей — какие-то кожаные руны, на шее амулет с синим свечением, в руках старая потрёпанная книга. Рядом с ним стояла Светочка с целой стопкой амулетов и защитных печатей.

— Доброе утро, — сказал Антон Алексеевич, шагнув в приёмную. Папка под мышкой, блокнот в руке, ручка наготове.

— Недоброе, — ответила Светочка.

— Проверка. Все отделы должны быть осмотрены, — голос Антона Алексеевича звучал ровно, будто он диктовал пункт инструкции. — В том числе и ваш.

Светочка медленно подняла глаза. Взяла себя в руки. Рядом с ней Соломон Давидович замер, сжимая свою старую книгу так, что костяшки побелели.

Диоген, стоявший чуть поодаль, делал вид, что его здесь нет. Смотрел в потолок, насвистывал себе что-то под нос, переминался с ноги на ногу. Светлана Ивановна, которая давно уже смирилась с тем, что её жизнь теперь проходит под диктовку этого бухгалтера-терминатора, просто развела руками. Мол, я пас.

Соломон Давидович задохнулся от возмущения.

— А выглядит как вторжение, — парировал он, окинув взглядом делегацию. — У меня подготовка. Экстренная. Клиент...

— Я вижу, — Антон Алексеевич. — Вы не один такой.

И, не добавив больше ни слова, развернулся и пошёл с проверкой по отделу.

Соломон и Светочка заметались за ним.

— Антон Алексеевич, ну куда вы? — Светочка попыталась преградить ему дорогу.

— Проверка поведения персонала на рабочем месте, — ответил тот, не сбавляя шага. — Начнём с планов эвакуации.

Он остановился у первого стенда, на котором красовалась схема этажа с разноцветными стрелками.

— Почему стрелки синие? — спросил он, делая пометку в блокноте.

— Потому что — Светочка замялась. — Это стандарт.

— Стандарт утверждён приказом номер 387? Синий цвет отвлекает. Должен быть красный.

Он перешёл к углу, где стоял кулер.

— Вода закончилась, — констатировал он, заглянув в пустую ёмкость.

— Сегодня замена, — попыталась оправдаться Светочка.

— Вчера была. Почему не заменили?

— Заявка висит.

— Почему висит?

— Потому что её никто не утвердил.

Антон Алексеевич записал. Светочка покраснела.

Светочка попыталась отвлечь внимание .

— Может, чаю? — предложила она.

— На рабочем месте чай не предусмотрен, — ответил Антон, не оборачиваясь. — Нарушение.

Диоген, до этого момента стоявший в углу, решил, что пора вмешаться.

— Антон Алексеевич, — сказал он самым обволакивающим голосом, — а может, мы на сегодня закончим? У них тут, видите, клиент особый...

— Именно поэтому нужно проверить всё, — отрезал Антон, переходя к плану рассадки сотрудников. — В экстренных ситуациях порядок особенно важен. Почему у этих двух столов расстояние три метра, а у этих два восемьдесят?

— Я не знаю, — прошептала Светочка.

— Узнайте. И доложите.

Так прошло пять минут. Потом десять. Потом пятнадцать.

Антон Алексеевич проверил кофемашину («Почему стоит не под углом?»), часы на стене («Механические, а должны электронные»), даже цветочный горшок на подоконнике («Земля пролита на подоконник. Антисанитария»).

Светочка побледнела. Соломон Давидович начал тихонько скрежетать зубами.

На двадцатой минуте Антон подошёл к столу Светочки.

— Посторонние предметы, — констатировал он глядя на амулеты и защитные печати. — Что это?

— Средства защиты, — выдавила Светочка.

— Сертификаты есть?

— Какие сертификаты?

— Подтверждающие, что данные средства не наносят вреда сотрудникам и не мешают трудовому процессу.

Светочка открыла рот. Закрыла. Потом медленно сказала:

— Я их забираю. Вот. Всё.

И она начала смахивать амулеты в ящик стола. Антон Алексеевич записал: «Сотрудник Колесникова С. проявляет инициативу по устранению нарушений на рабочем месте».

— Почему огнетушитель стоит не на своём месте?..

Соломон Давидович посмотрел на кота. Взгляд был красноречивее любых слов. «Твой друг. Ты его привёл. Ты и разбирайся».

Диоген вздохнул так, будто подписал себе смертный приговор, и поплёлся за Антоном.

— Антон Алексеевич, — зашептал он, забегаая сбоку. — А может, мы...

— Вы мне мешаете.

— Я помогаю.

— Вы отвлекаете.

— Так вы мне надоели! — воскликнул Соломон Давидович, и голос его сорвался на хрип, которого никто никогда раньше не слышал. — У меня клиент! Очень нестабильный клиент!

Он посмотрел на Диогена. Взгляд был тяжёлый, как свинцовая плита.

— Цыганский мулло. Драго.

— Драго? — Кот спросил с удивлением. — Его выпустили?

— Да! — с отчаянием воскликнула Светочка. Голос её дрожал. — Его выпустили. Ска-зали, Кристаллу нужна энергия. И он уже стабилен.

— Стабилен? — Диоген усмехнулся. — Драго стабилен? Смешно.

— Знаю! — перебил Соломон Давидович. — Поэтому я и экипируюсь. А вы со своей проверкой

Антон Алексеевич, который всё это время стоял с каменным лицом и терпеливо ждал, когда на него обратят внимание, наконец подал голос:

— Я не понимаю вашей суеты.

Все уставились на него.

— Какой-то цыган уже двадцать пять минут назад вошёл в кабинет психолога. Григория Нечаева, — было написано на двери. Его уже принимают.

Тишина стала плотной, как бетонная стена.

Соломон Давидович побледнел так, что его седые волосы, казалось, побелели ещё сильнее. Он схватился за сердце.

— У Гриши — задохнулся он, — иммунитет ещё не стабилен

Светочка с ужасом посмотрела на Диогена.

— У Гриши — повторила она, и в её голосе зазвенела паника, — иммунитет ещё не стабилен!

Диоген встретил её взгляд. И всё понял.

— К кабинету! — рявкнул он и рванул с места с такой скоростью, что Светлана Ивановна, стоявшая ближе всех, инстинктивно отшатнулась.

Они бросились за ним. Соломон — несмотря на возраст и больное сердце — бежал так, будто за ним гнались все духи Аида. Светочка скинула туфли на высоком каблуке (потому что в них бежать было невозможно) и понеслась босиком по холодному линолеуму. Антон Алексеевич, который не понял ровно ничего, но уловил главное — происходит нарушение порядка, — не отставал. За ними, сбиваясь с ног, бежала Светлана Ивановна.

— Я захожу первым! — орал Диоген на бегу. — Вы снаружи! Там опасно!

Но его никто не слушал.

Диоген буквально вышиб дверь, и они все ввалились внутрь следом за ним.

Глава 18

Гришу не покидали мысли.

«Саня — Урал-батыр. Тлепш — бог кузнецов. А я — психолог, который должен им помогать. Который только учится видеть. Который до сих пор не знает, куда идти и что делать, если очередной клиент оказывается не просто уставшим мужиком, а древним божеством».

Он потряс головой, прогоняя наваждение.

«Слишком много для одной недели», — подумал Гриша. — «Слишком много для одного психолога».

Нужно было выйти. Пройтись по коридору. Выпить воды. Может, даже кофе, хотя кофе ему сейчас вредно — Соломон Давидович говорил, что у ведающих от кофеина иногда «едет крыша».

Гриша встал, поправил галстук и вышел в коридор.

И почти сразу столкнулся с мужчиной. Он стоял у стены, чуть расслабленно, будто не ждал, а знал, что его сейчас встретят. Худой, жилистый, с таким лицом, которое бывает у людей, много видевших и ничего не забывших. Скулы острые, глаза тёмные, глубокие — не просто чёрные, а с каким-то маслянистым блеском, как у картёжника, который только что выиграл партию и теперь решает, сорвать банк или дать противнику шанс.

Усы тонкие, подкрученные, чёрные с проседью.

На правой руке массивные перстни. На указательном с крупным зелёным камнем. На среднем с рубином. На безымянном два золотых ободка, плотно прилегающих друг к другу. На мизинце маленькая печатка с непонятным знаком, похожим на глаз.

В ухе серьга. Простая «цыганская» круглая.

Костюм дорогой, но не новый. Сидит идеально значит, шили на заказ, но давно.

Цепь тяжёлая, золотая, с крупными звеньями. Небрежно лежит поверх жилета — там, где у других галстук, у него цепь.

Трость. Простая, чёрная, с набалдашником из жёлтого металла — то ли золото, то ли просто тяжёлая латунь, но Гриша готов был поспорить, что золото. На набалдашнике, что-то выгравировано. Кажется, волк.

Золотые зубы. Непривычно. Гриша почти забыл, как это выглядит — в Москве уже лет десять так не ходят. Но тут — два клыка, блеснули, когда мужчина чуть улыбнулся краешком губ.

А ещё запах. Не одеколон. Что-то сладкое, тяжёлое, почти приторное — как пачули, смешанные с дымом. И от этого запаха у Гриши слегка закружилась голова.

Мужчина молчал. Просто смотрел на Гришу, чуть наклонив голову, и ждал.

— Вы — Гриша замялся, пытаюсь припомнить, не предупредила ли Светочка о ком-то таком. — На психотерапию?

Мужчина чуть повёл плечом. Жест был лёгкий, почти незаметный — и в нём вдруг проступило что-то древнее, нечеловеческое. Как будто кость под кожей на секунду стала другой.

— Ну, — сказал он. Голос низкий, хриловатый, с лёгкой картавостью — или акцентом, не разобрать. — Да.

В этом «да» не было ни стеснения, ни вызова. Просто констатация факта. Пришёл. Записан. Жду.

— Заходите, — Гриша посторонился, пропуская мужчину в кабинет.

Тот шагнул вперёд легко, почти невесомо — и в этот момент Гриша краем глаза заметил движение в конце коридора.

Там шел мужчина.

Невысокий, подтянутый, в идеально выглаженном костюме — не «дорогом» в смысле бренда, а правильном. Всё сидело так, как должно было сидеть по учебнику «Корпоративный дресс-код для руководителей среднего звена». Лицо непроницаемое. Ни улыбки, ни хмурости. Просто лицо человека, который пришёл работать и не собирается отвлекаться ни на что, кроме работы.

Но взгляд.

Взгляд был острый, цепкий. Он смотрел не на Гришу — сквозь него. И задержался на мужчине с тростью чуть дольше, чем на обычном сотруднике, проходящем мимо.

Гриша не знал, кто это. Но почему-то сразу понял: этот человек запоминает всё. Каждую деталь. Каждое лицо. Каждый номер кабинета, у которого кто-то остановился.

«Проверяющий? — мелькнуло в голове.

Мужчина с тростью уже зашёл в кабинет. Трость мягко стукнула о косяк. Набалдашник блеснул.

Гриша пожал плечом — сам себе, развернулся и шагнул следом.

Дверь закрылась за ним с тихим, почти неслышным щелчком.

Гриша прошёл за стол, сел в кресло. Поправил блокнот. Положил руку на планшет, но пока не включал.

Мужчина с тростью опустился в кресло для клиентов, не спеша, с каким-то старомодным достоинством. Трость поставил между ног, набалдашник — тяжёлый жёлтый зверь, оказался ровно на уровне его подбородка. Пальцы унизанные перстнями, легли поверх набалдашника, будто сжимали эфес шпаги.

Гриша сделал короткую паузу. Собрался.

— Рассказывайте, с чем пришли, — спросил он ровным, профессиональным голосом.

Мужчина чуть наклонил голову. В уголке его губ с золотым зубом, мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Я не пришёл, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой, как у человека, который много курил, много пел или много проклинал и всё это в прошлой жизни. — Меня начальство послало.

Гриша кивнул. Ничего нового. Половина его клиентов по направлению начальства. Вторая половина по настоянию жён, подруг или мам.

— Как вас зовут? — спросил он, беря ручку.

Мужчина поднял бровь.

Очень медленно.

Так, что это движение можно было снимать для кино — крупным планом, в замедленной съёмке, чтобы зритель успел испугаться.

— Все знают, как меня зовут, — сказал он. В голосе не было угрозы. Только уверенность человека, который привык, что перед ним открываются двери, а люди столбенеют.

Гриша выдержал паузу. Не отвёл взгляд.

— Я — не все, — спокойно ответил он.

Мужчина помолчал. Секунду. Две. Его тёмные маслянистые глаза ощупывали Гришу, как хирург пациента перед операцией.

— Драго Щавлинский, — наконец произнёс он, и в голосе вдруг проступило что-то тяжёлое, древнее, почти невыносимое для маленького кабинета. — Муло.

Он сказал это так, будто названия было достаточно. Будто всё остальное — лишнее.

Гриша молча взял планшет. Включил экран. Пальцы сами набрали: «Драго Щавлинский. Муло».

Планшет мигнул. Задумался. И вдруг экран полыхнул ярко-красным.

Текст высветился не обычным — не белым на чёрном, не чёрным на сером. Он горел. Буквы пульсировали, как рана, как маяк, как сигнал тревоги, который невозможно игнорировать.

Гриша прочитал:

«Мулло — цыганская мифология. Упырь. При жизни был сильным магом. После смерти, ещё сильнее. Питается страхом, болью, кровью. Враг живых. Не подчиняется законам ни людей, ни нечисти. Энергетический потенциал: не стабилен — критичен. Рекомендация: НЕ ВСТУПАТЬ В КОНТАКТ. НЕ ОСТАВАТЬСЯ НАЕДИНЕ. ПРИ ПЕРВЫХ ПРИЗНАКАХ АГРЕССИИ — НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ПОМЕЩЕНИЕ. Допуск к работе с клиентом — ТОЛЬКО ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ от 70 лет практики или специальное разрешение Отдела магической безопасности.

Планшет завибрировал. Коротко. Резко. Будто предупреждал: «Ты прочитал? Делай что-то. Быстро».

Гриша медленно поднял глаза.

Драго сидел в кресле. Трость между ног. Перстни блестят. Золотой зуб чуть виден в полуулыбке.

— Ну что, психолог, — сказал он спокойно. — Узнал, с кем имеешь дело?

Гриша сглотнул. Ком в горле был размером с кулак.

«70 лет практики, — бешено пронеслось в голове. — У меня — 17 сессий. 70 лет. Мне нужно 70 лет опыта. А у меня — пять грёбанных дней».

Он положил планшет на стол — экраном вниз, чтобы не видеть этот пульсирующий красный.

— Драго, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Зачем начальство послало вас ко мне?

Драго улыбнулся шире. Золото блеснуло.

— А это, доктор, вы мне и скажите.

Гриша мысленно взял себя в руки.

«Сто лет практики. У меня — пять дней. Но я здесь. Он здесь. И никто не придёт меня спасать».

Он выдохнул. Медленно. Сделал лицо спокойным — насколько это вообще было возможно, когда перед тобой в кресле сидит упырь с золотыми зубами и взглядом, прожигающим дыру в реальности.

— Ну, — сказал Гриша ровным голосом, — вы сами на что-то жалуетесь?

Драго посмотрел на него.

Один миг — тишина.

А потом он засмеялся.

Это был не смех, это было нечто древнее, вырвавшееся из-под земли. Низкий, раскати-стый, почти рык — такой, что мухомор в углу прижался к стене, а стёкла в стеллажах едва заметно задрезжали.

— Жалуюсь? — переспросил Драго, отсмеявшись. Золотой зуб блеснул. — Доктор, я не жалуюсь. Мертвецы не жалуются. Они мстят.

Он откинулся в кресле, трость легла на колени. Перстни блеснули в тусклом свете.

— Пятьсот лет назад, — начал он, и голос его стал глубже, будто он рассказывал не историю, а древнее заклинание, — меня убили. Враги. Много врагов. Я был сильным магом, но их было больше. Они пришли ночью, с ножами, с заклинаниями, с предательством.

Он помолчал.

— Я умер не своей смертью, доктор. Я умер в муках. Я слышал, как они смеются. Я слышал, как они делят моё добро. Я слышал, как один из них сказал: «Сдох колдун, и слава богу. Теперь его дети не вырастут такими же». Детям моим тогда было три и пять лет.

Гриша замер.

— И я встал, — продолжил Драго, и в его голосе проступило что-то тёмное, торжествующее. — В ту же ночь. Потому что я был сильным магом. Потому что смерть не имеет власти над тем, кто помнит, ради чего он должен жить. Я встал — и пошёл.

— Пошли? — переспросил Гриша.

— К тем, кто меня убил, — просто сказал Драго. — К их детям. К их внукам. К их правнукам. До седьмого колена. Я наказывал всех, в ком текла их кровь. И мне это понравилось.

Он произнёс «понравилось» так, будто пробовал что-то очень сладкое на вкус.

— Кровь, — продолжил он мечтательно, почти нежно, — особенно когда человек боится. Особенно когда он знает, кто ты, и понимает, что никто его не спасёт. И дети... — он сделал паузу, и в тишине повисло что-то липкое, невыносимое, — у детей самый чистый страх. Самый вкусный. Они не умеют притворяться. Они просто боятся. И плачут. И зовут маму, которой уже нет.

Драго замолчал. Посмотрел на свои руки унизанные перстнями, с длинными бледными пальцами.

— Это было пятьсот лет назад, — сказал он уже тише. — А теперь всё изменилось. Теперь есть отделы. Специальные люди. Они ловят таких, как я. И либо уничтожают, либо... — он криво усмехнулся, — обязывают работать на страну.

Гриша сглотнул. Горло пересохло.

— И как — работается? — спросил он.

Драго посмотрел на него — долго, насмешливо, с жалостью взрослого человека к глупому ребёнку.

— А вы как думаете, птенец? Я мщу. Это моя природа. Я питаюсь кровью и болью. Это моя еда. А они мне говорят: « Драго, не смей трогать людей — у них теперь права».

Он произнёс «права» так, будто это было самое грязное ругательство.

— Я срываюсь, — сказал он почти шёпотом, и в этом признании не было стыда — только констатация факта. — Я пытаюсь. Честно пытаюсь. Но когда я вижу человека, который смотрит на меня с ужасом, я чувствую вкус. Старый, знакомый, любимый вкус. И мне всё равно, что там сказала начальство.

Он наклонился вперёд. Опять — этот тяжёлый, сладкий запах.

— Мне не нравится подчиняться, доктор. Но приходится. Потому что если я не буду — меня уничтожат. А я не хочу умирать. Я уже умирал один раз — мне не понравилось.

Он улыбнулся. Золотые зубы блеснули в полумраке.

— Вот и вся моя жалоба, психолог. Я — древний мертвец, который мечтает пить кровь, а работает на государство. И это, знаете ли, вызывает некоторое... неудовлетворение.

— И вы хотите от этого избавиться? — спросил Гриша. — От желания?

Драго рассмеялся. Коротко. Безрадостно.

— Я хочу, чтобы мне дали делать то, что я хочу, — сказал он. — Но это невозможно. Поэтому я здесь. Сажу перед вами, как прилежный пациент, и жду, что вы скажете мне что-то умное.

Он замолчал. Пальцы его — унизанные перстнями — медленно поглаживали набалдашник трости. Жёлтый металл тускло мерцал в свете настольной лампы.

Гриша сидел неподвижно. Не дышал. Ждал.

И вдруг в тишине, Драго снова заговорил. Но голос его изменился. Стал ниже. Глубже. В нём проступило что-то первобытное, голодное, то, что не скрыть ни дорогим костюмом, ни золотыми перстнями.

— И вы знаете, — сказал он, и в голосе зазвучала странная, почти задумчивая нотка, — мне последнее время не везёт. Совсем не везёт. Никакого удовольствия. Никакой свободы. Всё по правилам, всё по лицензии, всё под отчёт.

Он наклонился вперёд. Медленно. Так медленно, что Гриша мог бы отшатнуться, но не отшатнулся. Не смог.

— А сегодня, — продолжил Драго, и в его глазах зажглось что-то живое, хищное, праздничное, — иду я по коридору, никого не трогаю. И вдруг — вы. Психолог. Молодой. Еще не совсем Ведающий. Сладкий.

Он облизнулся. Гриша увидел — язык у него был слишком длинным для обычного человека и слишком красным.

— Вот какого хрена ты высунулся в этот чертов коридор, — сказал Драго, и в голосе его не было вопроса. Только утверждение. Только голод. — Тот, кто только становится ведающим, у кого самая сладкая кровь и самая чистая магическая энергия? Ты. Доктор. Ты вкуснее всякого ребёнка.

Гриша хотел отвести взгляд. Не смог.

Хотел встать. Не смог.

Хотел крикнуть — позвать на помощь, швырнуть что-то, нажать кнопку тревоги — всё, что угодно.

Не смог.

Потому что Драго начал меняться.

Это случилось не сразу. Сначала лёгкое движение челюсти, будто он разминал затекшие мышцы. Потом тень под верхней губой, какой-то неестественный блик на золотых зубах.

А потом Гриша увидел, как растут клыки.

Медленно. Болезненно. Золотые, остро заточенные, они выдвигались из дёсен, будто их выгалкивала сама смерть. Сначала показались кончики тонкие, как иглы. Потом вся длина. Они росли, удлинялись, загибались назад, как у зверя, который не ест, пожирает.

Драго улыбнулся шире. Клыки блеснули в свете лампы.

В кабинете запахло не сладкими пачулями, нет. Чем-то старым, могильным, сырым. Землёй. Гнилью. Кровью.

— А знаешь что, психолог? — голос Драго стал тягучим, вкрадчивым, почти ласковым. — К черту начальство. К черту лицензии. К черту эту вашу великую страну с её правилами.

Он подался вперёд. Трость с глухим стуком упала на пол.

— Сами виноваты. Не надо было выпускать меня. Не надо было ставить предо мной такой... соблазн.

Его глаза тёмные, маслянистые смотрели прямо в Гришины. И в них не было ничего человеческого.

— Посижу ещё сто лет, — прошептал он. — В колодце. В магическом блоке. Где угодно. Но перед этим...

Гриша смотрел как замороженный.

В голове — ураган. В груди — пустота.

Рационализм человеческий — кричал: «БЕГИ! КРИЧИ! СДЕЛАЙ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ!»

Но из глубины, откуда-то из-под рёбер, из-под страха, из-под всего, что он знал о себе — поднималось что-то новое.

Холодное.

Как волна.

Оно накатило и затушило панику. Погасило дрожь в коленях. Остановило сердце, которое только что готово было выпрыгнуть из груди.

А на смену панике пришло упрямство.

Граничащее с раздражением.

«Эта древняя тварь... упивается моим страхом — подумал Гриша. — Да, вот шиш ему!»

Он не знал, откуда взялись эти мысли. Не знал, что это за холодная волна внутри. Не знал, почему его руки вдруг перестали дрожать.

Но он знал одно.

Он не побежит.

Гриша медленно выпрямился в кресле.

Посмотрел прямо в глаза Драго.

Клыки блеснули в последний раз.

Драго двинулся. Быстрее, чем Гриша мог уследить. Одно движение — резкое, хищное, как у змеи, которая заметила добычу и больше не собирается ждать.

Гриша не успел ни отшатнуться, ни встать.

Инстинкт сработал сам — он вскинул руку, закрывая лицо, будто это могло спасти.

Он услышал треск ткани раньше, чем почувствовал боль. Рукав его рубашки разлетелся в клочья — от плеча до самого запястья. А потом пришла боль.

Острая. Горячая. Такая, что мир померк на секунду.

Драго впился в его руку — не зубами, нет, клыками. Гриша почувствовал, как они входят глубоко, раздирая мышцы, добираясь до кости.

Кровь хлынула.

Не каплями — потоком. Тёплым, пульсирующим, живым.

Драго припал к ране, начал пить — жадно, взахлёб, как путник в пустыне, нашедший оазис.

Но вместо того чтобы насытиться, он вдруг дёрнулся.

Отшатнулся.

Закричал.

— А-а-а!

Голос его сорвался на визг — тот самый, низкий, хриплый голос, который только что рассказывал про месть и кровь, теперь звучал как у подстреленного зверя.

Кровь — Гришина кровь — пузырилась у него на губах. Шипела. Дымилась. Будто кислота, будто святая вода, будто что-то такое, чего Драго не встречал за пятьсот лет .

— Откуда?! — прохрипел он, отступая на шаг. — Что в твоей крови?!

Он вытирал лицо золотые клыки, перстни, дорогой костюм , всё было в красном. Но кровь не стекала, не пачкала. Она сжигала. Оставляла на коже Драго чёрные, дымящиеся следы, будто кто-то приложил раскалённое железо к самому ненасытному рту.

Гриша не ответил.

Потому что мир вокруг него поплыл.

Кровь текла по руке, заливая стол, блокнот, клавиатуру. Капли падали на пол, на планшет, который всё ещё горел красным, и красный становился всё ярче, будто радуясь.

В ушах зашумело. Перед глазами всё поплыло, потемнело, сжалось в узкую трубку.

«Потеря сознания», — успел подумать Гриша с какой-то отстранённой, академической ясностью. — «Классическая кровопотеря. Быстрая. Обильная. Надо пережать артерию. Надо...»

В последний момент — перед тем как провалиться в темноту — его глаза встретились с глазами Драго.

И блеснули.

Стальным светом.

Нечеловеческим. Холодным. Древним.

Тем самым светом, который, возможно, видели те, кто тысячу лет назад сражался с такими, как Драго.

Тем самым, который не должен был появиться в глазах простого психолога с красным дипломом МГУ.

Гриша провалился в темноту.

Очнулся он от крика.

Мужского. Громкого. Резкого.

— Что здесь творится?!

Голос был незнакомым — властным, требовательным, привыкшим, чтобы ему подчинялись.

Гриша открыл глаза.

Картинка быстро собиралась. Сначала пятна света. Потом размытые фигуры. Потом лица.

Он сидел на Драго.

Сверху. Оседлав его, как наездник обезумевшую лошадь. Правая рука та, которую вампир только что распорол от плеча до кисти — была занесена для удара. Кулак сжат. Он посмотрел на свою руку.

И замер.

Потому что под слоем крови, под разорванной плотью, там, где клыки Драго должны были раздробить кость до основания...

Кожа была цела.

Будто ничего и не было.

Будто он не истекал кровью минуту назад.

Будто...

Драго... выглядел ужасно.

Лицо разбито — в кровь. Губа рассечена. Один из золотых клыков сломан.

Если бы Гриша не был в таком состоянии, он бы, наверное, удивился.

А сейчас он просто...

Опустил кулак.

И начал понимать, что происходит.

В дверях стояли.

Соломон Давидович. В руках старый потрёпанный фолиант, который он сжимал так, будто это было единственное оружие. На шее амулет с синим свечением, которое сейчас пульсировало тревожно, как маяк. Лицо начальника было бледным, седые волосы растрепаны, глаза расширены. Он смотрел на Гришу и в этом взгляде смешалось всё: ужас, гордость, надежда и что-то ещё.

Светочка. Босиком (она скинула туфли, когда бежала, — одну так и не нашла). В руках — амулеты, какие-то защитные печати, один из которых уже треснул пополам. Она тяжело дышала, но взгляд был острый, цепкий. Хозяйка перекрёстков смотрела на Драго, валяющегося на полу с разбитым лицом, потом на Гришу... и в её глазах мелькнуло что-то вроде изумлённого уважения.

Диоген. Он тоже был здесь — в костюме, который теперь был помят и испачкан в чём-то белёсом (штукатурка со стен, когда он влетал). Кот застыл на пороге, впереди остальных, и таращился на Гришу выпуклыми жёлтыми глазами. Первый раз в жизни у Баюна не нашлось слов.

Антон Алексеевич. Он стоял впереди всех, даже чуть впереди Соломона Давидовича, блокнот в одной руке, ручка в другой. И смотрел на Гришу с выражением, которое нельзя было прочитать — то ли ужас, то ли просто констатация факта, что всё идёт не по плану.

Кто-то ещё, Гриша не разобрал, маячил в коридоре за их спинами.

И пока Гриша сидел на Драго, пытаясь понять, как он тут оказался и почему у него болит рука, Антон Алексеевич сделал шаг вперёд.

Он единственный, кажется, не потерял способности говорить.

— Я ещё раз спрашиваю, — произнёс он ледяным тоном. — Это что здесь такое? Нужно вызывать милицию?

«Полицию», — машинально отметил Гриша.

Гриша открыл рот, чтобы ответить. Понял, что не знает, что сказать.

И тут снизу, из-под него, раздался хриплый, с трудом выдавленный голос:

— Спасибо, доктор...

Драго лежал, не двигаясь, глядя в потолок разбитыми глазами. Лицо его было в крови, в ссадинах, под левым глазом наливался синяк — но всё это стремительно менялось.

Кровь перестала течь. Не засохла — именно перестала, будто кто-то закрыл невидимый кран. А следом началось странное: ссадины затягивались, синяк бледнел, рассечённая губа срасталась без следа. Всё это происходило на глазах — медленно для вампира, но невероятно быстро для человека. Секунда и от побоев остались только следы крови на воротнике дорогой рубашки.

Драго даже не шевельнулся. Просто лежал и смотрел в потолок. Дышал ровно, глубоко, будто только что не пытался убить человека, а прилёг отдохнуть после обеда.

— Вы мне... — произнёс он наконец, и голос его звучал устало, даже примирительно, — очень помогли.

Гриша смотрел на него, не веря своим глазам. На лице Драго не было ни злобы, ни раздражения, только странная, почти животная благодарность. Будто Гриша не избил его, а сделал что-то важное. Что-то, чего Драго ждал, но не умел попросить.

Глава 19

Дверь в кабинет Гриши вынесли с такой силой, что она ударилась о стену и жалобно звякнула, едва не слетев с петель.

Диоген ворвался первым. В человеческом обличье — худощавый, поджарый, с нечёсаной чёлкой и горящими жёлтыми глазами, которые он не успел спрятать. В руке — зажатая дверная ручка, которую он оторвал по дороге. За ним — Соломон Давидович с амулетом в одной руке и раскрытым фолиантом в другой. Светочка — босиком, с занесённой для удара защитной печатью, которая треснула пополам. Антон Алексеевич с блокнотом и ручкой — он единственный, кажется, не понимал масштаба происходящего, но привычка фиксировать нарушения никуда не делась.

И все они замерли.

Потому что картина, представшая перед ними, не укладывалась ни в один отчёт, ни в один протокол, ни в одну магическую классификацию.

Гриша сидел на Драго.

Верхом.

Как на лошади.

Драго выглядел так, будто его переехал поезд. Губа рассечена. Один из золотых клыков сломан и торчал под неестественным углом. Он не сопротивлялся. Даже не пытался. Просто лежал и смотрел в потолок с выражением человека, который только что пересмотрел всю свою жизнь и остался ею недоволен.

А Гриша бил.

Методично.

С расстановкой.

И при каждом ударе приговаривал:

— Я тебя, сука, ЗАКОДИРУЮ!

Удар.

— Ещё раз — НЕЛЬЗЯ ЖРАТЬ ЛЮДЕЙ!

Ещё удар.

— НЕЛЬЗЯ ЖРАТЬ ДЕТЕЙ!

Ещё.

— А ТЕМ БОЛЕЕ — ПСИХОЛОГОВ!

Ещё. Самый сильный.

— Понял, падла?!

В кабинете повисла тишина.

Даже мухомор в углу, кажется, перестал дышать.

Соломон Давидович медленно опустил амулет. Светочка прижала печать к груди, не зная, то ли защищаться, то ли аплодировать. Диоген стоял, тяжело дыша, и смотрел на Гришу с выражением, которое нельзя было прочитать.

Антон Алексеевич первым нарушил молчание.

— Что здесь творится? Я ещё раз спрашиваю, — произнёс он ледяным тоном. — Это что здесь такое? Нужно вызывать милицию?

Гриша медленно повернул голову. Он их не видел. Не слышал. Он смотрел на свою правую руку — ту самую, которой только что бил. Там, где минуту назад клыки Драго распорили кожу от плеча до кисти, теперь была **ровная розовая полоска**. Ни раны. Ни крови. Ни шрама.

Он шевелил пальцами, сжимал и разжимал кулак, будто проверял, не отсохла ли рука. Будто надеялся, что боль вернётся и всё окажется сном.

Но боль не возвращалась.

— Как... — прошептал Гриша, но никто не услышал.

Потому что в этот момент Драго пришёл в себя.

Он открыл глаза, моргнул, оглядел потолок, потом Гришу, потом вбежавших. И вдруг — резко, одним движением — вскочил на ноги. Гриша, сидевший на нём верхом, едва не свалился, но успел спрыгнуть.

Драго не убежал. Не напал. Он протянул руку и с энтузиазмом, граничащим с безумием, начал трясти Гришину ладонь.

— Ну наконец-то! — воскликнул он. Голос его звучал бодро, почти радостно. — Нормального врача дали! А то я уже не надеялся.

Гриша застыл. Рука его безвольно болталась в вампирской хватке.

— То меня голодом в тюрьме морят — я от голода ничего не соображаю, всех подряд кусать хочется. — Драго заговорил быстрее, жестикуюя свободной рукой. — То всякие приходят, начинают: «Драго, давайте поговорим о ваших травмах», «Драго, проработаем гнев», «Драго, вы не пробовали арт-терапию?» Какую арт-терапию, когда у меня инстинкты на цепь посадили?!

Он перевёл дыхание и продолжил с ещё большим воодушевлением.

— А тут — всё просто. Без этих ваших... когнитивно-поведенческих подходов. Без обидняков — в морду. И перечислили, что нельзя. — Он загнул пальцы, вспоминая. — Нельзя жрать людей. Нельзя жрать детей. Нельзя жрать психологов. — Он посмотрел на Гришу с искренним уважением. — Конкретно. По делу. Без соплей. Теперь месяц точно ничего хотеть не буду.

Гриша стоял, не двигаясь. Его рука всё ещё была в плену у вампира. А рот — открыт.

Соломон Давидович очнулся первым.

Он расправил плечи, сунул амулет в карман, закрыл фолиант и шагнул вперёд — с самым деловым видом, будто только что не видел своего психолога, избивающего клиента до полусмерти.

— Не надо милиции, — сказал он твёрдо. — Это экспериментальная психотерапия. Последние разработки. Кафедра МГУ.

— Какого МГУ? — не понял Антон Алексеевич, уже заноса ручку над блокнотом. — Там разве учат... такому?

— Учат, учат, — Соломон Давидович говорил быстро, уверенно, как человек, который врёт профессионально. — У нас молодой специалист. С красным дипломом.

— У него есть допуск к таким клиентам? — Антон всё ещё смотрел в блокнот.

— Есть, — сказала Светочка.

Тихо. Спокойно. Не моргнув глазом.

Все повернулись к ней. Она стояла босиком, с треснувшей печатью в руках, сбившаяся причёска, подол испачкан — но лицо было каменным. Врёт — и не краснеет.

— Есть, — повторила она. — Вы же знаете, Антон Алексеевич, некоторые разрешения не для отчётов. Особый допуск. Отдельным приказом.

Антон Алексеевич замер. Потом медленно поднял на неё глаза. Что-то в её тоне заставило его не переспрашивать.

Диоген ехидно улыбнулся так, что желтые глаза блеснули. Светочка сделала вид, что не заметила.

И тут к ним подошёл Драго.

— Соломон, — сказал он, хлопнув начальника отдела по плечу так, что тот покачнулся. — Спасибо. Наконец у тебя появились нормальные специалисты. А не тот твой Марк. Он мне всё про детство говорил. «Драго, расскажите о своих отношениях с матерью». Какие отношения, я уже и не помню? Я умер пятьсот лет назад!

Он повернулся к женщинам.

— Романи, — кивнул он Светлане Ивановне. — Прекрасно выглядите. Впрочем, как всегда. — Взгляд скользнул на Светочку, и он добавил с лёгкой, почти галантной улыбкой: — А вы, Хозяйка перекрёстков, сегодня особенно опасны. Мне это нравится.

Светочка не ответила. Только печать в руках сжала чуть крепче.

Драго перевёл взгляд на Диогена.

— Баюн, — сказал он, — приходи сегодня. Я хочу реванш в покер. Тот, который мне не дали двадцать лет назад, засунув в колодец.

— Не до карт мне сейчас, — буркнул Диоген машинально.

Драго пожал плечами и вышел в коридор.

Дверь за ним закрылась — и из-за неё донеслось тихое, насвистывание. Цыганский роман. Старый, тягучий, почти похоронный — но почему-то бодрый.

А Диоген сразу столкнулся с возмущённым взглядом Светочки.

— Ты... — она не повысила голос, но от этого стало только страшнее. — Ты **яшкался** Драго?

— Что за слова — «яшкался»? — Диоген отшатнулся, будто его ударили. — Кому ты веришь? Он цыган. Им нет доверия!

— Что ты имеешь против цыган? — вскипела Светочка. — Они дороги любят! Перекрёстки уважают, между прочим!

— Я ничего не имею против цыган, — затараторил Диоген, пятась. — Я имею против Драго! Конкретно!

— Ты играл с Драго в покер?! — Светочка сделала шаг вперёд. Печать в её руке угрожающе сверкнула.

— Он врет! — Диоген поднял руки в защитном жесте.

Светочка замахнулась печатью. Диоген пригнулся.

И в этот момент между ними шагнула Светлана Ивановна.

Спокойно. Неторопливо. Как будто не было ни криков у двери, ни избитого вампира, ни психолога с заживающей раной.

— Он подходит, — сказала она.

Все замерли.

— Кто подходит? — не понял Антон Алексеевич. Он уже занёс ручку над блокнотом — фиксировать, видимо, собирался сразу всё: и нарушение протоколов, и рукоприкладство, и подозрительное единодушие коллектива.

Все застыли. Даже мухомор в углу, кажется, перестал дышать. Смотрели на Светлану Ивановну. А она на Гришу.

Точнее — на то, как Гриша стоял посреди кабинета, не обращая ни на кого внимания. Он смотрел на свою правую руку. Вернее — на разорванный рукав. И на розовую полоску чистой кожи там, где минуту назад клыки Драго распороли плоть до кости.

Он шевелил пальцами. Сжимал и разжимал кулак. И выглядел при этом так, будто впервые видит собственную конечность.

Никого не слышал. Никого не видел.

— Отдел психологии подходит, — *пояснил Диоген с терпеливым вздохом.*

И на лице Диогена расплылась такая улыбка, будто ему только что налили самый дорогой виски в мире. Бесплатно. И добавили второй бокал просто так, за красивые глаза.

Антон Алексеевич повернулся к нему. Выражение лица — от «вы с ума сошли» до «я вас щас всех запишу».

— В каком смысле — подходит?

— В прямом, — Диоген уже не скрывал улыбки. Она расплзлась по его лицу, как масло по горячему хлебу. — Отдел психологии подходит на первое место по образцовому поведению сотрудников. По результатам проверки.

— Проверка ещё не закончена. — Антон Алексеевич замер. Ручка в его руке дрогнула.

— Ну, по предварительным, — легко отмахнулся Диоген. — Вы же сами видите. Сотрудник проявил э-э-э выдающуюся стрессоустойчивость. Нестандартный подход к клиенту. Высокую результативность.

Он кивнул в сторону Драго — точнее, в сторону двери, за которой тот только что скрылся.

— Клиент ушёл довольный. А это, знаете ли, главный показатель. Не один плюс, не десять ставить. Тут отдельную графу вводить надо.

Он резко обернулся, чтобы записать эту мысль И замер.

Блокнота в руках не было.

Он похлопал себя по карманам. Пусто.

— Ай, блин, — сказал он с досадой. — Я свой блокнот потерял.

Взгляд его упал на Антона Алексеевича. Тот всё ещё держал свой — открытый, на испи-санной странице, где только что делал пометки.

Диоген не спрашивал. Он просто выхватил блокнот из рук проверяющего.

И принялся ставить плюсы.

Жирно. Крупно. С нажимом.

Плюс. Плюс. Ещё плюс. Плюс на полях. Плюс в углу. Плюс на обороте.

Антон Алексеевич пришёл в себя только когда плюсы переключевали на следующую стра- ницу.

— Вы что творите?! — закричал он, вырывая блокнот обратно. — Это документация! Это отчёт! Вы мне теперь целую страницу переписывать!

— Да причём здесь страница? — Диоген поднял руки в примирительном жесте, но на лице его не было и тени раскаяния. Только довольная, сытая улыбка. — Вы лучше посмотрите на результат. Сотрудник — герой. Клиент — доволен. Отдел — образцовый. А это, знаете ли, дороже любых отчётов.

Он повернулся к Светочке:

— Светочка, я был неправ. Психологи — они всегда впереди всех. Двигатели прогресса, между прочим. Без них никак.

Светочка не ответила. Только бровь подняла. Соломон Давидович, который всё это время стоял с каменным лицом и только сейчас позволил себе лёгкую, едва заметную улыбку, кивнул.

— Спасибо, Диоген Винсентович, — сказал он с достоинством. — Ценю вашу объектив- ность.

— Объективность — моё второе имя, — парировал Диоген. И тут же, не давая слова никому другому, повернулся к Антону Алексеевичу:

— Кстати, Антон Алексеевич, время обеда уже началось. А вы своих где оставили? Ту девушку из отдела кадров и того мужчину — он задумался, пошевелил пальцами, изображая, что вспоминает, — ну, из службы контроля. Они же, поди, без вас по отделам ходят?

Антон Алексеевич замер.

— А вдруг они не пообедают? — продолжал Диоген, и в его голосе появилась елейная заботливость. — А это, знаете ли, нарушение. Порядка. Устава. Корпоративной этики. Проверяющих, между прочим, тоже должны проверять.

Антон Алексеевич медленно перевёл взгляд с Диогена на блокнот, потом на часы.

— Вы правы, — сказал он после короткой паузы. Голос его звучал глухо, будто он выно- сил себе приговор. — Я должен их проверить. У них тоже всё должно быть по стандарту.

— Вот-вот, — поддакнул Диоген. — Организация прежде всего.

Антон Алексеевич уже не слушал. Он сунул блокнот во внутренний карман пиджака, одёрнул его и быстрым шагом направился к выходу.

— Встречаемся здесь после обеда! — бросил он через плечо.

Дверь за ним закрылась.

Диоген выдохнул с облегчением. И тут же развернулся к Соломону Давидовичу, расплываясь в улыбке.

— Соломон! — Диоген шагнул к нему, схватил за плечи и потряхнул так, что тот едва не выронил фолиант. — Спасибо тебе огромное! Рад тебя видеть, дружище! Сколько лет, сколько зим! Как я по тебе скучал, ты даже не представляешь!

Соломон Давидович, застигнутый врасплох таким напором, только моргнул.

— Пошли-ка, — продолжал Диоген, уже разворачивая его к выходу, — пошли в твой кабинет. Поболтаем по-старому, чайку попьём. А то мы с тобой давно не виделись. Совсем дела закрутили, да?

Он уже почти вывел Соломона в коридор, когда на ходу бросил через плечо:

— Светочка, милая, принеси нам закуски к чаю. Ты же любишь, чтобы всё по-человечески.

Светочка фыркнула, но спорить не стала.

—А ты, — Диоген обернулся к Светлане Ивановне, — останься с Гришей. Его тут одного нельзя оставлять. И позови срочно Нарэка. Пусть он там с ним по-своему, по-психологически ну, побеседует. Поговорит. Тому сейчас это очень нужно.

Светлана Ивановна кивнула и шагнула к Грише, который всё ещё стоял посреди кабинета, глядя на свою руку. Рукав свисал ключьями. Под ним — чистая, розовая кожа. Ни царапины.

Диоген скрылся за дверью вместе с Соломоном.

Светочка ушла за обедом.

А Гриша так и стоял — не двигаясь, не говоря ни слова.

И только мухомор в углу, казалось, смотрел на него с уважением.

Диоген, не спрашивая разрешения, прошёл в кабинет Соломона Давидовича так, будто это его собственный. Но направился не к столу, не к креслу. А к книжному шкафу.

Остановился у третьей секции слева. Провёл пальцем по корешкам. Нашёл то, что искал — старую, потрёпанную энциклопедию, которую никто никогда не открывал. Потянул за корешок.

Книжный шкаф бесшумно открылся внутрь. За ним оказался бар. Небольшой, но солидный. Ряд бутылок — от простых до редких, с пожелтевшими этикетками.

Диоген просмотрел их критическим взглядом. Перебрал несколько — одну поднёс к свету, другую понюхал пробку. И, не раздумывая, достал самую дорогую. Коньяк «Курвуазье» 1962 года. На дне бутылки — янтарная жидкость, которую пить было почти кощунством.

Соломон Давидович, наблюдавший за этой сценой, хмыкнул.

— Мне просто интересно знать, — сказал он медленно, с хитринкой в глазах, — как ты узнаёшь, где я прячу?

Диоген поставил бутылку на стол, достал из шкафа два бокала — идеально чистых, без пыли — и с победным видом обернулся к старому другу.

— Соломоша, — сказал он, и в этом обращении было столько тёплой, почти семейной насмешки, что Соломон Давидович невольно улыбнулся. — Ну, я же тебя знаю. Ты не поменялся. И не поменяешься ни в этой жизни, ни в следующей. У тебя всё всегда на одних и тех же местах. Порядок — это твоя вторая сущность.

— Первая, — поправил Соломон Давидович, принимая бокал. — Первая сущность.

— Вот именно, — кивнул Диоген и разлил коньяк.

Диоген поставил бутылку на стол и только тогда опустил на стул для посетителей — напротив Соломона, по другую сторону массивного начальнического стола.

Какое-то время они молчали. Пили. Смотрели друг на друга — сквозь время, сквозь годы, сквозь всё, что было и чего уже не вернуть.

— Ты давно ко мне не заходил, — тихо сказал Соломон. Без упрёка. Без обиды. Констатация факта. — Перестал проведывать. Не звонишь. Не заезжаешь.

Диоген посмотрел на него долгим взглядом. Отпил ещё коньяка.

— Соломон, — сказал он. — Я сейчас вспомнил тебя ещё совсем зелёным. Помнишь, как ты голодный с улицы в окно смотрел? Там, в квартале, где Исаак играл.

Соломон поморщился, но не перебил.

— Исаак Менделевич, — уточнил он. — Он потом в Вену уехал. Вернулся через двадцать лет. Всё на скрипке надеялся Розочку покорить.

— Вот-вот, — Диоген усмехнулся. — Для Розочки. Для красавицы вашего квартала. А Розочка на него смотрела с восхищением. А ты стоял под окном, голодный, злой и влюблённый.

— Злость — плохое чувство, — тихо сказал Соломон Давидович.

— Да ладно, — отмахнулся Диоген. — Ты же добился всего. Всей жизни. О которой тогда мечтал.

Соломон вздохнул. Посмотрел на свои руки — старые, но ещё сильные.

— На скрипке так и не научился играть. Куда бы я ни ходил, к кому бы ни обращался Все в один голос твердили: «Медведь на ухо наступил. И ничем не излечить». — Он поднял бокал, посмотрел на свет. — Всю жизнь мечтал сыграть хотя бы одну мелодию. Для неё.

— Нууу, — Диоген поднял свой бокал в насмешливом тосте, — Розочка в итоге досталась тебе.

— Досталась, — эхом отозвался Соломон. — Ты перестал ко мне ходить. Проведывать меня. Навещать. Из-за того, что тогда в тот вечер Розочка тебя выставила за дверь?

Диоген усмехнулся. Грустно. Беззлобно.

— Нет, Соломон. Что ты. — Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. — Просто в тот момент я понял: я пристроил своего котёнка в хорошие руки. И ему теперь ничего не угрожает. А у меня, ты знаешь, дел всегда полно. Туда сходи, сюда забеги.

Повисла пауза. Тяжёлая. Долгая. Слишком много лет слишком многого не договаривать — это не исправляется одним разговором.

И в этот момент дверь в кабинет приоткрылась.

Светочка вошла без стука. С подносом. Поставила перед Соломоном Давидовичем полноценный обед: тарелку горячего супа, второе с котлетой и пюре, салат, хлеб, чай в большом стакане. А Диогену швырнула через весь стол пирожки в кульке.

Диоген проводил её взглядом, потом перевёл его на Соломона.

— И вот за что? — возмутился он. — Почему она так со мной? За что, я тебя спрашиваю?

Соломон Давидович спокойно отрезал кусочек мяса, положил в рот, прожевал. И только потом ответил — неторопливо, с лёгкой усмешкой:

— Ты в 1928 году открыл в Центральном клубе Союза строителей в Москве

Диоген замер. Пирожок застыл на полпути ко рту.

— стриптиз-клуб, — продолжил Соломон. — С проститутками.

Диоген чуть не задохнулся. Закашлялся, замахал рукой, поперхнулся. Потребовалось несколько секунд, чтобы откашляться и обрести дар речи.

— Са-Са-Соломон! — выдохнул он, и голос его зазвучал на пол-октавы выше обычного. — Ты профессор! Уважаемый человек! Откуда такие слова — «проститутки»?!

Он вскочил, сделал шаг к шкафу, развернулся, шагнул обратно. Жёлтые глаза горели праведным гневом.

— Я нёс культуру в народ! — заявил он, прижимая руку к груди. — Я просвещал! Я показывал трудящимся новые формы искусства! Экспрессия тела! Раскрепощение! Танцы, которые снимают стресс и повышают производительность труда!

Он перевёл дыхание и продолжил с ещё большим воодушевлением:

— И да, между прочим! Сейчас это называется стриппластика! Вид спорта! Соревнования проводятся! Олимпиады! — Он воздел указательный палец к потолку. — А ты говоришь — «проститутки». Какая пошлость, Соломон. Какая узость мышления.

Он сел обратно, отпил коньяк — уже не смакуя, а залпом, будто собирался с силами.

— Я уважаю строителей, ты же знаешь, — сказал он тише, почти проникновенно. — Тяжёлый труд. Бетон. Арматура. Высоты. У них каждый день риск для жизни. И я должен был на их заработанные деньги облегчить и разнообразить их унылую, серую жизнь.

Он развёл руками, изображая щедрость души.

— Чтоб они пришли после работы, увидели красоту, вдохновились, забыли про заусенцы и забитые гвозди. Чтоб на следующий день работали с удвоенной энергией! Это профсоюзная забота о трудящихся! Это социальная ответственность! Я хочу, чтобы ты объяснил этой взбалмошной девице: я не преступник. Я меценат. Пионер новых форм досуга. Я реформатор!

Диоген откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и, кажется, обиделся по-настоящему.

— Ну? — спросил он. — Что ты на это скажешь?

Соломон Давидович доел мясо. Вытер губы салфеткой. Посмотрел на Диогена поверх очков.

— Я скажу, — произнёс он спокойно, — что в 1929 году тебя за это дело посадили. И что сидел ты не в санатории. И что Светочка тогда же от тебя ушла. И что до сих пор, спустя почти сто лет, она швыряет в тебя пирожками.

Диоген открыл рот. Закрыл. И снова открыл.

— Остывшими, — добавил он с обидой в голосе. — Пирожки остывшими, Соломон. Даже не разогрела.

— Заслужил, — отрезал Соломон Давидович и взял вилку заново.

Диоген тяжело вздохнул, откинулся на спинку стула, уставился в потолок.

— Вот всю жизнь так. Двести лет вместе, — сказал он задумчиво. — Сто — порознь. И всё одно и то же. Пирожки. Капустные. Остывшие.

— Это называется «характер», — спокойно заметил Соломон. — У неё есть. У тебя — тоже. Вы друг друга стоите.

Диоген хотел что-то возразить, но передумал. Махнул рукой.

Соломон отодвинул тарелку. Поднял глаза на Диогена.

— Я так понимаю, — тихо спросил он, — Гришу ты тоже забираешь?

Диоген замер с пирожком на полпути ко рту. Жёлтые глаза на мгновение потухли.

— Забираю, — ответил он буднично. — Соломон, я просто так людей не забираю. Ты это знаешь.

— Знаю, — сказал Соломон. И замолчал.

Соломон отодвинул тарелку. Посмотрел на пирожки. Потом на Диогена.

— Но я тебе обещаю, — сказал он тихо, но твёрдо. — Если предотвратим катастрофу, твои психологи вернуться на свои места. Слово Баюна.

Соломон Давидович медленно кивнул.

— Я тебе верю, старый бродяга — сказал он.

Глава 20

Светлана Ивановна достала телефон, быстро набрала сообщение — «Срочно в кабинет Гриши» — и отправила.

Потом она тихо села в кресло психолога — то самое, где обычно сидел Гриша. Сложила руки на столе. И замерла.

Она смотрела на него. Минуты шли. Десять, наверное.

Гриша ходил кругами. Не большими. Не быстрыми. Так — от стола к окну, от окна к стене, от стены снова к столу. Руки сжаты в кулаки. Плечи напряжены. Он что-то обдумывал. Пытался сложить кусочки пазла, которые не складывались. Ходил и ходил, и от этого хождения у Светланы Ивановны начало сосать под ложечкой.

— Гриша, — тихо позвала она.

Тот не услышал. Продолжал ходить.

— Гриша, — громче.

Остановился.

— Ты в порядке? — спросила Светлана Ивановна мягко. Очень мягко. Как мама, которая боится спугнуть.

Гриша посмотрел на свою руку.

— Не знаю, — сказал он. И это было честнее любого «нормально» или «всё хорошо».

И тут Гриша поднял голову. Замер.

Потому что он увидел — ясно, отчётливо.

Перед ним сидела не просто женщина. Белоснежные одежды струились, хотя в кабинете не было ветра. Белые, как лунный свет, волосы падали на плечи. Голубые глаза светились изнутри — мягко, тепло, но так, что хотелось зажмуриться.

А за спиной — крылья.

Огромные, белые, пушистые на концах и прозрачные у основания. Они колыхались в такт дыханию, будто жили своей жизнью.

На одно мгновение образ дрогнул. Вместо женщины с крыльями мелькнула большая белая птица — стройная, гордая, с длинными маховыми перьями. А потом снова стала женщиной. Но крылья остались.

Гриша выдохнул — тихо, осторожно, словно боялся, что она исчезнет, если он сделает лишнее движение.

— А вы кто? — спросил он.

Женщина улыбнулась. Спокойно. Тепло.

— Я Светлана Ивановна Хумай, — сказала она. — Птица счастья.

Она чуть наклонила голову, всматриваясь в его лицо — не в глаза даже, куда-то глубже.

— Я приношу удачу, — продолжила она негромко. — Храню тех, кому суждено долго жить. И вижу то, что другие не замечают.

Она помолчала. И добавила, чуть тише:

— А ещё я вещунья.

Гриша молчал. Переваривал.

— Вещунья? — переспросил он наконец.

— Предсказываю, — пояснила Хумай. — Не всё подряд. Только важное. Только то, что уже почти случилось или вот-вот должно.

Она протянула руку, но не коснулась.

— Ой, — сказала она вдруг, совсем другим тоном, удивлённым, даже радостным. — Ой, как интересно.

Гриша насторожился.

— Что?

— Тебя коснулось, — Хумай убрала руку и посмотрела ему прямо в глаза. — Хозяйка любви к тебе прикоснулась.

Она улыбнулась. Широко. Таинственно.

— Очень интересно, — повторила она. — Очень.

— И что теперь?

— Не знаю, — Хумай пожала плечами. — Может, пройдёт мимо, если ты ей не понравишься. А может, и одарит. А вот как ты воспользуешься её подарком — это уже от тебя зависит.

Гриша помотал головой, прогоняя наваждение.

— Ладно, — сказал он глухо. — Мне сейчас явно не до любви. Понимаете? У меня рука. Хумай посмотрела на его рукав.

— Ну, рука, — сказала она спокойно. — Только у тебя там рукавчик порванный. Это же была драка. В драке всегда что-то рвётся, ломается.

— Вы не понимаете, — сказал он тихо. — У меня рука была разорвана от плеча до кисти. Клыками. А сейчас

Он не договорил.

Потому что в этот момент дверь распахнулась — и в кабинет влетел Нарэк.

— Что случилось? — выпалил он с порога. — Почему меня вызвали? Срочно? Что за

Он остановился.

Увидел Гришу.

Гриша стоял посреди кабинета. Волосы — дыбом, лицо — бледное, под левым глазом — разводы чужой крови. Рубашка — в клочья, правый рукав висит тряпкой. Весь — в странных чёрных разводах, похожих на копоть.

Но глаза — живые. Уставшие, потерянные, но живые.

И когда он увидел Нарэка, лицо его на секунду просветлело. Как у человека, который бредил в пустыне и вдруг заметил караван.

— О, Нарэк, — сказал Гриша, и в голосе его проступила такая облегчённая, почти детская радость. — Ты мне как раз очень нужен.

Он шагнул к нему, споткнулся о собственные ноги, выпрямился.

— Понимаешь — Гриша провёл рукой по лицу, размазывая чужую кровь. — Мне нужен психолог.

Нарэк замер.

— Что?

— Психолог, — повторил Гриша. И добавил тише: — Или специалист посерьёзнее. Я не знаю. Я я ничего не понимаю.

— Подожди, — Нарэк поднял руку, останавливая его. — Что случилось?

— Понимаешь, у меня была сессия с Драго, — начал объяснять Гриша.

— С Драгооооо? — Нарэк выпучил глаза, и голос его сорвался на фальцет. — Какая сволочь привела к тебе Драго?!

— Да никакая сволочь, — запнулся Гриша. — Вернее, никто не привёл. Я вышел в коридор. Он там стоит. Спросил: «Вы на психотерапию?» Он кивнул. Ну я подумал ко мне и пригласил.

Нарэк схватился за голову.

— Ты пригласил вампира в кабинет?! — зашипел он. — Один? Без подстраховки? Господи, почему ты живой?!

Гриша открыл рот, но не успел ответить.

— Он его побил, — невозмутимо сказала Светлана Ивановна.

Она сидела за столом, подперев щеку рукой, и смотрела на них с лёгким, почти скучающим интересом — будто обсуждала прошедший сериал.

Нарэк и Гриша одновременно повернулись к ней.

— Он тебя всего лишь побил? — переспросил Нарэк, не веря своим ушам.

— Нет, — поправила Светлана Ивановна. — Не он его. Гриша побил Драго.

Нарэк замер. Открыл рот. Закрыл.

— Это была кодировка, — продолжила она всё тем же ровным голосом. — Чтобы тот не жрал психологов. По крайней мере, Гриша так орал на весь кабинет.

— Это сейчас вы серьёзно? — ошеломлённо спросил Гриша у вещуньи.

Хумай качнула головой — медленно, торжественно, словно подтверждала показания под присягой.

— Я просто в шоке, — Нарэк свалился в кресло для клиента.

— Я, вообще-то, тоже, — сказал Гриша. — И надеялся на твою помощь. Побил клиента. Теперь меня, наверное, уволят.

— Ну почему же, — опять встряла Светлана Ивановна. — Психотерапия помогла. Клиент ушёл в прекрасном расположении духа. Теперь он будет проситься только к тебе на сеансы. Я бы тебе посоветовала прикупить какой-нибудь тренировочный костюм из тех, что самбисты носят. Они прочные. Но всё равно не меньше трёх штук.

Гриша плюхнулся на подоконник.

— Это шутка? Это очень и очень плохая шутка.

— Я вообще-то не шучу.

— Так давай рассказывай всё по порядку, — очнулся Нарэк.

И Гриша стал рассказывать. Как проходил сеанс, как он отключился и как потом очнулся.

Гриша сунул свою руку — розовую, чистую, без единого шрама — прямо ему под нос.

Потом развернулся к Хумай.

— И как это понимать, я вас спрашиваю? Я что, не человек? Я тоже, мать твою, сущность?

— Ну почему же человек, — спокойно ответила Светлана Ивановна. — Правда, не чистокровный. Веще око показало: примерно семьдесят процентов человек и около тридцати — сущность.

— Тогда понятно, — сказал Нарэк.

— Что понятно? — вскричал Гриша. — Ничего не понятно! Мне что, дома все врал? У меня кровные родственники — не люди? Как у моей сестры приёмной?

Нарэк поднял брови.

— Ну почему — врал? Может, они сами не знали. Такое бывает. У них это не открылось, магия не проснулась. А в тебе выстрелила.

— Или ты тоже приёмный, — поддакнула птица. — Откуда им знать, кто там у тебя в прабабках был.

— Час от часу не легче, — ошеломлённо проговорил Гриша.

Он закрыл лицо руками. Посидел так секунду. Потом убрал ладони и посмотрел в потолок.

— Бедная моя мама, — сказал он тихо. — Сначала Лана, потом я. Где она нас набирала? Здесь что — существует приют для брошенных сущностей?

— Отлично, — довольно проговорила Светлана Ивановна. — И никаких соплей и воплей! «Что, если я жил с совершенно чужими людьми? Что, если они мне не родные? Вся моя жизнь — ложь?» Гришенька, я, конечно, понимаю. Ты хочешь, не отходя, так сказать, от рабочего кабинета, поведать нам о своём счастливом детстве. И психолог тут имеется. Но давай отложим твой сеанс. Здесь проблема побольше есть. И у нас приказ начальства.

Она подняла палец и голову вверх.

— Подожди, — Нарэк повернулся к ней. — Ты хочешь сказать, Гриша тоже в команде?

— Угу, — ответила Хумай.

— В какой команде? — не понял Гриша.

Нарэк посмотрел на него с такой жалостью, будто перед ним стоял приговорённый, которому только что зачитали последнее слово.

— Слушай, брат, я понимаю, что чересчур много на тебя навалилось, — сказал Нарэк. — Давай сегодня в бар. И напьемся. Можно прямо сейчас. А?

Гриша побледнел.

— А вот сейчас мне сделалось по-настоящему страшно, — сказал он.

Тут дверь распахнулась, и перед ними предстал Диоген.

— Я услышал слово «бар». Давайте в бар, я только — за. И команда тоже отобедать будет не против. Да и выпить — тоже.

— Сейчас рабочий день, — напомнил Гриша, уже ничему не удивляясь.

— Рабочий, — согласился Диоген. — Но, Григорий, для тебя теперь особый график. Ты, знаешь ли, теперь не просто психолог. Ты — государственная ценность. С соответствующей премией, галочкой в секретном списке и правом покидать рабочее место без объяснения причин. А бар — это, между прочим, не пьянка, а выездное совещание. В неформальной обстановке. Для укрепления командного духа.

Он подмигнул.

— Так что собирайся, особо ценный сотрудник. Пьем за твоё новое звание. Богатыря!

— Богатыря? — переспросил Гриша. — Ты сказал «богатыря»?

— Сказал, — Диоген уже стоял в дверях, подгоняя Гришу жестом. — Не задерживай.

У нас время.

Нарэк подхватил Гришу под локоть — не грубо, но настойчиво.

— Всё объясним, — сказал он тихо. — Не здесь. В баре. В грузинском.

— Каком ещё баре?

— Хорошем. Натальи Александровны. «Каджа» называется. Там и поедем, и поговорим, и ты перестанешь смотреть на свою руку так, будто ждёшь, что она отвалится.

Гриша хотел возразить, но не успел.

В дверях кабинета уже маячили Светлана Ивановна со Светочкой. Светлана Ивановна держала телефон у уха, коротко отдавала распоряжения:

— Да, в «Каджа». Созванивайтесь. И Наталью Юрьевну не забыть.

Светочка молча повесила на спинку стула белую рубашку — свежую, выглаженную.

— Переоденься, — сказала она коротко. Приведи себя в порядок.

Гриша взял рубашку, скрылся за дверью.

В туалете он кое-как стянул разодранные остатки, сунул руки в холодную воду, смыл чужую кровь. Полотенца не было, вытерся чистой частью старой рубашки. Новую надевал осторожно — свежая ткань холодила плечи.

В зеркало смотреть не хотел, но всё-таки глянул.

Бледный. Растрёпанный. Усталый.

Провёл ладонью по волосам, хоть не дыбом.

Выдохнул.

Вышел.

Светлана Ивановна оглядела его, кивнула:

— Приемлемо.

— Идём, — бросил Диоген. — Там дорасскажем.

Гриша шагнул за ним.

Не потому что понял. А потому что рядом шёл Нарэк, впереди — Диоген, а где-то там, в телефонах, уже собиралась вся команда.

И это было важнее, чем вопросы.

В грузинском кафе «Каджа» пахло хинкали, хачапури и временем. Не тем, которое на часах, а тем, которое течёт медленно, будто сквозь сито, оставляя в зале только уют, полумрак и тяжёлые деревянные столы.

За столиками сидели сущности. Ели. Пили. Разговаривали — кто шёпотом, кто в полный голос, кто вовсе без слов.

В углу, у самой стены, расположилась Кэле — чукотский злой дух. На вид — женщина лет пятидесяти, в чёрном деловом костюме и с идеальным маникюром. Только глаза — пустые, как выбитые окна. Перед ней стояла миска с строганиной — свежемороженой рыбой, нарезанной тонкими стружками. Кэле брала кусочки длинными пальцами, отправляла в рот, жевала медленно, без удовольствия. Рядом с миской — бокал с оленьей кровью, тёплой, парящей, налитой в тонкое винное стекло. Она пила её маленькими глотками, не торопясь.

Рядом, за соседним столиком, сидели двое Тунгу — эвенкийские духи-хозяева местности. Один — высокий, сухой, с лицом, похожим на скалу, в дорогом кашемировом свитере. Другой — низкий, коренастый, с руками-корнями, в кожаном пиджаке. Они пили чай из иванчая с шикшей — из высоких прозрачных кружек из толстого стекла. На столе — тарелка с варёной олениной, нарезанной тонкими ломтями, и лепёшки из ячменной муки. Ели неторопливо, с достоинством. Им некуда спешить.

В центре зала, за самым большим столом, восседал Ульгень — верховный бог алтайцев. Седой старец с пронзительными голубыми глазами, в белом льняном пиджаке. Перед ним — глиняный кубок с айраном и тарелка с бурсаками — маленькими шариками из жареного теста, обсыпанными сахарной пудрой. Он ел их по одному и запивал айраном. Деловито, спокойно.

Рядом с ним — Эрлик-хан, владыка подземного мира. Молчаливый, тёмный, в строгом чёрном костюме. С глазами-безднами. Перед ним стоял бокал с кумысом — мутноватым, пахнущим конём и степью. Он не пил. Просто смотрел на белую поверхность, будто видел там что-то важное. Ему не надо есть. Он пришёл за другим.

У окна, поближе к выходу, пристроился Карачун — мордовский дух смерти и зимы. Он полулежал на диванчике, подперев голову рукой. На нём был длинный тёмно-синий кардиган, мягкий, дорогой. Перед ним — позд — густой мясной холодец с хреном. Он ел его ложкой, не торопясь, и запивал медовухой из гранёного стакана. Стекло рядом с ним запотело снаружи — от одного его присутствия. Ему всё равно. Он пришёл поесть.

А у барной стойки сидел Пак — эстонский домовый. Маленький, коренастый, в сером твидовом пиджаке и кепке. Перед ним — кружка тёмного пива и тарелка с кровяной колбасой. Он ел неспешно, с наслаждением, вытирая жирные губы салфеткой. И поглядывал вокруг. Ждал. Ему всегда мало. Того, кого он ждал, пока не было.

Официантов было трое. Все — духи.

Кутысь — низкий, юркий, в жилете и бабочке. Он носил еду, переставлял посуду, бесшумно появлялся у каждого столика, когда его не ждали. Его боялись только новички — он не был злым, просто страшноватым. И очень ответственным.

Ворса — коми леший. Сегодня он работал в человеческом обличье — высокий, кривоногий, с длинными руками, в простой чёрной футболке и джинсах. Он менял рост: то приседал, чтобы поговорить с Кэле, то вытягивался до двух метров, чтобы дотянуться до верхней полки. Он любил эту работу.

Главным официантом был Йибы-ойка — мансийский дух. Тот, которого называли «лесной артист», потому что он мог на ходу придумать уважительную причину, почему заказ задерживается, и никто не мог на него рассердиться. Он двигался бесшумно, тарелки в его руках не дрожали. На нём был идеально выглаженный белый фартук поверх тёмной рубашки. Он знал каждого гостя в лицо — и помнил, кто что любит. Кэле — строганину и кровь. Тунгу — оленину и иван-чай. Карачуну он уже подлил медовухи. Ульгенью принёс свежие бурсаки.

Хозяев здесь тоже знали.

Дато стоял у большого окна — витрины, выходящей на мостовую. Скрестил руки на груди, прислонился плечом к косяку. Смотрел на улицу. Не напряжённо, скорее лениво, как человек, который давно знает: то, что должно случиться, случается. Вопрос только — когда.

За его спиной Наталья — хозяйка кафе, крутилась среди посетителей. Улыбалась, кивала, успевала везде и сразу.

— Кутысь, — тихо бросила она, проходя мимо, — у третьего столика салфетки кончились.

— Сделаю, — прошелестел тот и исчез.

— Ворса, скажи повару — Эрлик-хан не пьёт кумыс, принеси ему просто воды.

— Скажу, — кивнул леший и вытянулся, чтобы переговорить через головы.

— А вам, девушки, принести ещё хинкали? — пропела Наталья вслух, проходя мимо столика, где сидели ведьмочки.

— Ой, Наталья, вы нас убьёте, — засмеялись за столом. — Но несите.

Она развернулась — и тут услышала голос сына.

— Мам.

Обычно она не оборачивалась на первое «мам». Второе — тоже. Только на третье. Иногда на пятое. Потому что если отзываться на каждый оклик, то когда же работать?

Но сейчас в его голосе было что-то такое, что она всё-таки подняла голову. Посмотрела на него через весь зал — грозно, мол, мне некогда.

Дато пожал плечами.

— Как хочешь, — сказал он. И в этом «как хочешь» было столько спокойной уверенности, что Наталья поняла: он зовёт её не просто так.

Она подошла.

— Что там у тебя?

Дато кивнул на окно.

— Ма, к нам, по-моему, Гришка идёт.

— Какой Гришка?

— Нечаев.

Наталья замерла на секунду.

— Почему к нам? — спросила она тихо.

— Не знаю. Но к нам.

Она хотела сказать: «К нам не может зайти просто человек». И правда — не мог. Кафе «Каджа» было местом не для всех. Сюда ходили ведающие. Сюда приходили сущности.

Наталья шагнула к окну, выглянула из-за шторы.

И прижала руку ко рту.

По улице шли.

Баюн — в человеческом обличье, худощавый, поджарый, в помятом пиджаке — впереди, размахивая руками.

С ним Гриша, в новой белой рубашке, но всё ещё бледный. Рядом Нарэк, в тёмной толстовке, вёл его под локоть. Осторожно. Как выздоравливающего, который пока не жалуется, но вот-вот упадёт.

Чуть поодаль Гоша, рядом Гера, руки в карманах, лицо спокойное, но взгляд цепкий. Андрей замыкал эту троицу, лёгкий, почти бесшумный, в руках кружка с остывшим кофе, который он так и не выбросил. Он улыбался своим мыслям.

А замыкали процессию женщины: Светочка что-то говорила на ходу Наталье Юрьевне. Птицы вещуньи обсуждали что-то своё, но не отставали.

Они шли к «Каджа».

— Так, — сказала Наталья, мгновенно беря себя в руки. — Скройся отсюда. Чтобы он тебя не видел. Живо.

Дато поднял брови, но спорить не стал. Исчез за дверью кухни — бесшумно, как умел.

Наталья оглядела зал. Ворса нёс заказ. Кутысь протирал стойку. Йибы-ойка раскладывал приборы.

— Мальчики, — обратилась она к ним, и духи дружно подняли головы. — Меня здесь нету. Дато нету. С гостями сами.

Достала телефон. Пальцы забегали по экрану, рассылая сообщения вещуньям: «Срочно. Малый зал. Нужно поговорить».

Отправила. Подняла голову.

— Через минуту сюда зайдут посетители. Проводите в средний зал. Всё понятно?

Кутысь кивнул. Ворса молча поднял большой палец. Йибы-ойка улыбнулся, той самой хитрой улыбкой «лесного артиста».

— Всё, — сказала Наталья сама себе, пряча телефон в карман передника. — Я на кухне. Меня нет.

И исчезла за той же дверью, что и Дато.

По улице шли. Гриша держался рядом с Диогеном, не отставал, хотя ноги ещё плохо слушались.

— Я восхищался тобой, — сказал он тихо. — С детства. Твои труды я изучал. «О собаках и смысле жизни». «Как стать бедным и счастливым». «Почему богатые плачут чаще бедных». Я даже не мечтал когда-нибудь поговорить с настоящим Диогеном. А ты ты живой.

Диоген усмехнулся. В его жёлтых глазах мелькнуло что-то далёкое — из тех времён, когда мир был другим, а он — моложе.

— Живой, — подтвердил он. — И даже не мумия. Так что можешь не щупать.

Гриша улыбнулся, впервые за этот бесконечный день.

— Но почему собака? — спросил он. — Вы же кот. Ну, в смысле, Баюн. Кот. А называете себя собакой?

Диоген посмотрел на него долгим взглядом.

— Знаешь, друг мой, — начал он, — в моём понимании собака — это состояние души. Собака верна своим принципам. Собака живёт просто, без излишеств. Собака готова спать на голой земле, если так надо. И собака никогда не предаст того, кого считает своим.

— Но вы же кот, — не унимался Гриша.

— А ты невыносим, — вздохнул Диоген. — Ладно. Скажу правду. Меня жена очередной раз выгнала. Как собаку. Из дома. Будку не нашёл, пришлось в бочке жить.

— И вы хотите сказать, что вся ваша философия

— Вся моя философия, — перебил Диоген, — это попытка объяснить людям, почему бочка — это круто. Остальное само как-то приложилось. Направление, школа, последователи. Я вообще не планировал. Так вышло.

— Может, меньше пить надо было? — спросил Гошан, идущий чуть позади.

Диоген обиженно нахмурил брови.

— Умный ты какой, — сказал он. — Если бы я меньше пил, у людей не было бы кинизма. А так — пожалуйста. Целая философская школа. И всё благодаря моей бывшей жене и одной пустой бочке.

Он помолчал, потом добавил уже тише:

— И Сократу.

— Сократ? — переспросил Гриша. — Тот самый?

— Тот самый, — кивнул Диоген. — Мы с ним ну, пересекались. Он в молодости каменотёсом работал. Я сам периодически — знаешь, когда живёшь долго, чем только не приходится заниматься. Когда обстоятельства не на твоей стороне.

— И вы вы действительно жили в бочке? — голос Гриши дрогнул. В нём смешалось всё: восторг ученика и какое-то щемящее чувство, будто детская картинка вдруг ожила и заговорила с ним.

— Ну, — Диоген почесал затылок. — Сначала да. Потом нашлись последователи, притащили подушки, одеяло, утварь Короче, бочка быстро превратилась в очень уютное жилище. Но название осталось. Для истории.

Он развёл руками.

— Иногда сам не знаешь, кто ты: кот, собака, философ или просто строитель, которому не повезло с женой.

Гриша хотел что-то сказать, но не успел.

Диоген вдруг ускорил шаг и толкнул дверь кафе «Каджа». Со звоном стекла и запахом хинкали их встретил полумрак, чужая музыка и тишина, которая бывает только в местах, где слишком многое знают.

— Мы пришли. Давай, заходи, философ.— сказал Диоген.

Они ввалились внутрь .

И здесь Гриша сразу отвлёкся.

Потому что зал, в который они попали, был не простым.

За столиками сидели не люди. Или не совсем люди. Или те, кого люди выдумали, а потом забыли.

Гриша замер.

Он смотрел на зал с любопытством, смешанным с недоумением. Сущностей он видел и раньше — на работе, в кабинете, в коридорах корпорации. Но там они были клиентами и коллегами. А здесь здесь они просто сидели, ели, пили, разговаривали , как обычные люди в обычном кафе.

И никто ни на кого не обращал внимания.

К ним тут же подлетел официант. Не человек. Кутысь низкий, юркий, в жилете и бабочке. Он двигался бесшумно, будто не касался пола, и говорил быстро, но вкрадчиво:

— Добрый день. Проходите в соседний зал.

Он сделал приглашающий жест и тронулся вперёд, ни разу не обернувшись, уверенный, что за ним пойдут.

Диоген уже шагнул следом. За ним Нарэк, Гоша, Гера, Андрей. Гриша хотел двинуться за ними, но оглянулся на вещуный.

Светлана Ивановна покачала головой.

— Мы позже подойдём, — сказала она тихо. — Нам надо посекретничать. Отдельно.

Светочка кивнула, не глядя на мужчин.

— Пошли.

Наталья Юрьевна уже достала телефон и что-то быстро набирала — кажется, очередное сообщение.

Гриша не стал спорить. И шагнул за другими следом.

Глава 21

Средний зал оказался небольшим, уютным, с низким потолком и стенами, выложенными тёплым камнем. Посередине — длинный стол из тёмного дерева, накрытый на восемь персон. Белая скатерть, тяжёлые серебряные приборы, в центре — ваза с живыми цветами.

Никакой магии. Просто дорогой ресторан для тех, кто знает, где заказывать.

Диоген плюхнулся во главе стола — по привычке. Справа от него сел Гриша, слева — Нарэк. Гера, Андрей и Гоша заняли места напротив.

К ним тут же подлетел Ворса — высокий, кривоногий, с длинными руками. В этот раз он даже не пригнулся — вытянулся во весь рост и начал молниеносно расставлять тарелки.

— Что будете заказывать? — спросил он голосом, похожим на треск сухой ветки.

— Всё, — сказал Диоген, не глядя на меню. — Неси всё. И хачапури, и хинкали, и сациви, и чашу.

Ворса кивнул и исчез.

Через минуту на столе уже дымились тарелки. Хачапури по-аджарски с яйцом посередине, хинкали с тугими хвостиками, сациви в глиняной плошке, горячие лепёшки, зелень, соленья. И чача — в отдельном кувшине, который Ворса поставил прямо перед Диогеном.

— Так, — сказал Диоген, отодвигая чачу в сторону и опираясь локтями на стол. — Не буду ходить вокруг да около. Надоело мне уже по двести раз одно и то же рассказывать.

Он обвёл всех взглядом — жёлтые глаза горели ровно, без привычных искр.

— В общем, так. Надвигается конец света.

Гриша, который только что поднёс ко рту кусок хачапури, замер. Рука так и осталась в воздухе.

— Проснулся древний дух, Дух Места. Он просыпается раз в семьсот лет и проверяет, достойны ли люди памяти о себе. Если нет — он стирает всё. Людей сущностей. Память. Ничего не остаётся. Совсем.

— Вы серьёзно? — голос Гриши сел на фальцет.

— Более чем, — Диоген отхлебнул чаю из стакана. — Остановить его могут только — он запнулся и с досадой поправил себя, — может остановить только восемь мужчин. Богатырей. Ведующих. В возрасте от двадцати до сорока пяти лет.

Гриша медленно положил хачапури обратно на тарелку.

— И вы вы хотите сказать я один из них?

— Ты, — спокойно подтвердил Диоген. — А ты думал, за что тебе рубашку новую выдали?

Нарэк тихо хмыкнул в кулак. Гоша делил хинкали, не поднимая головы. Гера застыл, глядя в бокал. Андрей намазывал масло на лепёшку и, кажется, вообще не слушал — или делал вид.

А Гриша вдруг рассмеялся.

Громко. Надрывно. Почти истерично.

— Вы серьёзно?! — воскликнул он, обводя всех безумным взглядом. — Я? Богатырь? Я думал, вы шутите! Мало того, что меня покусал вампир, я, чёрт знает кто, с этой вашей тридцатипроцентной сущностью. Теперь ещё конец света! И я — богатырь! Да какой из меня богатырь? Я психолог! У меня красный диплом МГУ! Я людей на ковре слушаю, а не мечом махаю!

— Никто не говорит, что ты должен мечом махать, — заметил Диоген.

— А что я должен?! И кстати, — Гриша вдруг резко успокоился. Опустил руки, выдохнул. — А как же настоящие богатыри? Добрыня, Илья, Алёша? И другие батыры из эпосов. Один такой у меня был на сессии. Они все живы.

— Живы, — вздохнул Диоген. — Здравствуют. И даже не очень старые по меркам бессмертия.

— Так почему не их? — Гриша возмутился. — А нас, каких-то психологов и айтишников, от них толку больше было бы?

Диоген не спеша отпил чай. Поставил стакан на стол.

— Потому что думать надо лучше, — сказал он с лёгкой, почти отеческой досадой. — Богатыри должны быть от двадцати до сорока пяти лет. А твоим любимым старым алкоголикам сколько лет? Некоторым не по одной, даже не по две тысячи, а намного больше. Они вообще не подходят.

— Но я не богатырь, — сказал Гриша тихо. — Я в армии только научился лопату держать и метлу. Ну, хорошо, калашников со штык-ножом тоже. Но это было восемь лет назад.

Диоген чуть не подавился чачей.

Остальные тоже с интересом посмотрели на Гришу. Нарэк — с уважением. Гоша — с любопытством. Гера — с лёгкой усмешкой. Андрей оторвался от лепёшки и на секунду замер — кажется, тоже слушал.

— У тебя же красный диплом МГУ, — напомнил Нарэк.

— Это магистратура. А с первого курса строительного меня выгнали за неуспеваемость.

— Неужели опять официантка? — изумлённо спросил Диоген. Глаза его загорелись жёлтым огнём. — Молодой человек, я начинаю уважать девиц, работающих в этой профессии. Скажу даже больше.

Он откинулся на спинку стула и с пафосом продолжил:

— Я соберу денег, вылью из бронзы статую в полный рост незнакомой официантки. Переговорю с кем надо и поставлю её в одном из скверов Москвы.

— И распустишь слух, что если ей в карман положить тысячную купюру, то тебя будет преследовать всю жизнь удача, — продолжил Нарэк, не глядя на Диогена. — А в кармане той официантки будет магический отсек, и ключ от него будет только у тебя одного.

Диоген медленно повернулся к Нарэку.

— Заметьте, не я это сказал. Но мне нравится подход молодых армян к современному искусству.

— Значит, я соавтор, — оживился Нарэк. — Значит, пятьдесят на пятьдесят.

— Тебе не стыдно? — возмутился Диоген. — Деньги не приносят счастья.

— «Но свобода от нужды делает жизнь приятной», — закончил Нарэк. — Твои слова, между прочим.

Диоген как будто проглотил колючку. Поперхнулся, закашлялся, потом выдавил:

— Да чтоб тебя! Ты хочешь пустить меня по миру? Загнать опять в бочку? Меня, старого, больного, избитого жизнью кота? Восемьдесят на двадцать, — быстро закончил он.

— Согласен, — выпалил Нарэк и довольно улыбнулся.

Диоген посмотрел на него с подозрением. Долго. Недоверчиво.

— Вот зачем ты так быстро согласился? Теперь у меня такое чувство, что армяне опять меня обдурили.

Он отодвинул тарелку, сложил руки на груди и обиженно уставился в потолок.

— Испортил настроение.

Гоша, до этого молчавший, хмыкнул и потянулся за хинкали.

— Не было никакой официантки, — тихо сказал Гриша. — Дед заставил учиться. А мне скучно там было. Строительный, понимаете? Чертежи, сопромат, железобетонные конструкции. Я цифры в голове путал, а формулы у меня жили своей жизнью.

Он помолчал, сжимая пальцами край стола.

— После армии восстановился на своём ПГС. Учился и работал на стройке. Таскал цемент, заливал фундаменты, проверял опалубку. И тогда понял окончательно: не моё. Философия и психология мое.

— И ты смог поступить в МГУ? — спросил Гоша. — С твоим-то строительным прошлым?

— Смог, — ответил Гриша. — Экстерном всё сдал. За год. Ночью учился, днём работал. Он закончил. И замолчал.

Никто не смеялся. Никто не шутил. Даже Диоген отставил чачу и смотрел на Гришу странно — тем взглядом, каким старые мастера смотрят на молодых, в которых узнают себя.

— Ты мне напомнил меня, — он усмехнулся. — Только я, в отличие от тебя, без МГУ обошёл. Да и без экстерна. Просто сидел на площади и рассуждал. Люди сами тянулись.

— И что, никто не гнал? — спросил Гошан.

— Гнали по началу, — вздохнул Диоген. — Ещё как. Но я быстрый.

Он налил себе ещё чачи, поднял стопку.

Диоген поднял стакан.

— За тех, кто не боится начинать сначала. Даже если сначала — это просто бочка.

Гриша не пил. Но кивнул.

— За тех, кто не боится, — тихо повторил он.

Посмотрел на свою руку — розовую, чистую, без единого шрама.

— Слушай, — подал голос Гера. — Я тоже был простым художником. И не думал, что мои рисунки будут сдерживать враждебную магию. Я хотел просто передавать на бумагу красоту мира. Но если так вышло, если в нас что-то есть и без нас никак значит, и нам деваться некуда.

— Мы все понимаем, тебе трудно, — сказал Гоша. — Ты новенький в этом мире. Это очень трудно осознать. Но ты же психолог. Ты сам знаешь, как там эти стадии у людей проходят. Правда, тебе их надо в сжатые сроки уложиться.

Гриша открыл рот, чтобы ответить — и не успел.

Потому что из часов на руке у Андрея с тихим шипением выросла голограмма.

Маленькая эльфийка с огненно-рыжими волосами и прозрачными крыльями. В деловом костюме, с галстуком-бабочкой. Шурочка.

Она поправила воротник, обвела всех мерцающим взглядом.

— Если можно, я скажу, — произнесла она ровным, чуть синтетическим голосом.

Все замолчали.

Голограмма посмотрела на Гришу. Уши её чуть заметно дёрнулись — оранжевый сменился тёплым жёлтым.

— Григорий Владимирович. Я нейросеть. У меня нет души. Нет чувств. Нет детских травм. Меня не били в школе и не бросали парни.

Она помолчала.

— Но я анализирую миллионы диалогов каждый день. И знаю одну важную вещь.

— Какую? — спросил Гриша.

— Страх перед тем, что ты не тот, кем себя считал, — это самый распространённый страх среди людей, которые находятся на пороге перемен.

Она чуть наклонила голову.

— Вы боитесь, что не справитесь. Что вы не герой. Что вы просто человек, которого затащили в историю, где ему не место. Но это и есть главное условие. И потом ты же хотел помогать людям. Разве не для этого ты стал психологом? Вот тебе клиент. Весь мир.

Гриша молчал.

— Я не могу сказать вам, что всё будет хорошо, — продолжила Шурочка. — Потому что я не знаю. Но я могу сказать, что вы уже сделали первый шаг.

— Какой? — спросил Гриша.

— Пришли сюда. И не сбежали. — Она улыбнулась — уголками губ, без тепла, но с чем-то похожим на одобрение. — Это больше, чем делают многие.

Андрей посмотрел на свои часы. Шурочка дёрнула ухом и добавила:

— И ещё. У меня к вам просьба.

— Какая?

— Когда будете спасать мир постарайтесь, чтобы Андрей не пострадал. Он у меня единственный.

Голограмма моргнула и исчезла.

На столе остался только остывший чай, дымящиеся хинкали и тишина.

Никто не сказал ни слова.

— Она права, — сказал Гриша. — У меня нет времени на истерику.

— Это самое главное, — кивнул Диоген.

Гриша взял стакан.

— За тех, кто не боится начинать сначала, — повторил он и выпил.

— Даже если сначала — это рваный рукав и целый мир на плечах. — добавил Нарэк.

Внутри разлилось тепло. Не от коньяка. От того, что он наконец перестал все обдумывать и дал событиям идти своим ходом, не анализируя их.

Женщины зашли в малый зал.

Он был меньше большого — уютный, с низкими диванами и круглым столом, накрытым на шестерых. Белая скатерть, тяжёлые приборы, в центре — небольшая ваза с живыми розами. Окна выходили во внутренний дворик — тихо, ни души.

За столом, сложив руки на груди, с самым хмурым видом, какой только можно себе представить, сидела Наталья — хозяйка кафе «Каджа». Женщина, которую невозможно было вывести из себя — но сегодня явно был особый случай.

— Ну наконец-то, — сказала она, не вставая. — Садитесь уже.

Хумай, Хозяйка перекрёстков, Хозяйка Медной горы, Сири и Алконост расселись кто куда — быстро, без церемоний. Гамаюн опустилась последней, поправив подол.

Хумай тут же потянулась к тарелке с долмой. Хозяйка перекрёстков налила себе воду. Хозяйка Медной горы отодвинула приборы, освобождая место для телефона. Сири накладывала салат. Алконост поправляла причёску. А Гамаюн смотрела на хозяйку кафе с лёгкой, понимающей усмешкой.

— Ну, чего за секретность? — спросила Сири, не поднимая головы. — У нас конец света на носу. А мы сидим тут, как на светском рауте.

— Да, — подхватила Хозяйка перекрёстков, не глядя на Наталью. — Ты всё прекрасно подслушивала. Мы же знаем.

— Или ты опять связалась не с тем мужчиной? — добавила Алконост, с сочувствием глядя на хозяйку.

Наталья поморщилась.

— Сейчас не до наших личных жизней, — отрезала она. — Вы хоть в курсе, кого вы сюда притащили?

Все замолчали.

— Конечно в курсе, — Гамаюн подняла бровь. — У нас ещё нет маразма.

— Богатырей вообще-то, — добавила Сири, жуя салат.

— Вы притащили Гришу Нечаева, — уточнила хозяйка кафе. — Вы что, эту фамилию не помните?

— Почему мы должны помнить фамилии смертных? — пожала плечами Алконост.

— Вы серьёзно не помните эту фамилию?

— Подожди, — вмешалась Хозяйка Медной горы, откладывая телефон. — Скажи конкретно.

Наталья выдохнула, помолчала секунду, глядя на каждую по очереди.

— Это сын Алены.

— Какой Алены? — автоматом спросила Алконост, прожёвывая долму.

— Нашей этой катастрофы, — Хозяйка перекрёстков потеряла дар речи. Рот открыла, закрыла, снова открыла.

И тут до всех дошло.

Сирин подавилась салатом — закашлялась так, что из глаз брызнули слёзы. Алконост поперхнулась водой и замахала рукой, отказываясь от помощи. Хумай замерла с долмой на полпути ко рту — так и не донесла. Гамаюн медленно опустила вилку, уставилась в стену невидящим взглядом. Хозяйка Медной горы выронила телефон — тот глухо стукнулся о ковёр.

А Хозяйка перекрёстков так и замерла с открытым ртом.

— Сын Алены? — переспросила она осипшим голосом.

— Господи, а всё ты! — зашипела Хозяйка Медной горы, поворачиваясь к Сирин. — Это ты её притащила к нам тогда!

И у Елены Владимировны перед глазами всплыло прошлое.

Санкт-Петербург, лето 1789 года.

Елена Владимировна — птица Сирин, принявшая человеческий облик — шла по набережной Мойки. В руке она несла маленький саквояж с вышитыми васильками, а в голове прокручивала предстоящий визит к герцогине Голицыной.

«Дочка, — думала она. — Мне нужна дочка. Без неё не пустят».

Ей нужна была девочка. Лет шести. Чистенькая. С приличными манерами. Хотя бы на первый взгляд.

И она нашла её.

На скамейке у Каменного моста сидела девочка. Одна. В светло-голубом платьице, чуть пыльном, но опрятном. Русые волосы заплетены в косу. Глаза — васильковые, ясные, смотрят спокойно и чуть насмешливо.

Сирин остановилась.

— Ты что тут делаешь? — спросила она.

— Сижу, — ответила девочка.

— А родители? Где они?

— Нету.

— Как нету?

— А никак. Нету и всё.

Сирин прищурилась. Присмотрелась. Аура чистая. Не воровка, не беглая крестьянка. По виду из обедневших дворян. Такие часто терялись в больших городах. Про остальное веще око молчало, что не удивительно. Детям до семи лет оно мало что вешало о их прошлом и будущем — слишком зыбко всё, слишком неоформленно. Только аура, только общее впечатление или то, что уже проявилось. А у этой девочки не проявилось ещё ничего.

— Хочешь пойти со мной? — спросила Елена Владимировна.

Девочка пожала плечами.

— А пряники будут?

— Будут.

— А рубль?

— И рубль будет.

— Тогда пойду.

Сирин вздохнула. Легко, оказывается, детей покупать. Даже не поспорила.

— Только условие, — строго сказала она. — Будешь называть меня мама. Ничего не говори. Только кивай. И делай, что я скажу.

— Поняла, — кивнула девочка.

В ближайшей лавке Елена Владимировна купила новое платье из серого сукна, с кружевным воротником. Туфельки. Ленту в косу. Девочка терпеливо вертелась, не капризничала, не просила игрушек. Только спросила:

— А как меня звать?

— Алёной будешь.

— Хорошее имя, — согласилась девочка. И больше ничего не сказала.

Особняк герцогини Голицыной утопал в огнях. Гостиная была полна дам в кринолинах и кружевах, девочек в накрахмаленных платьях, лакеев с подносами, на которых позвякивал фарфор.

Сирин вошла, ведя Алёну за руку. Та шла ровно, не оглядывалась, не дёргалась. Как маленькая солдатка.

— Ах, Елена Владимировна! — пропела герцогиня. — А это, вижу, ваша дочка? Какая хорошенькая!

Чаепитие тянулось долго. Дамы хвастались: одна — что её дочь наизусть читает Овидия, другая — что играет сонаты Моцарта, третья — что вышивает гладью так, что сам императорский двор заказывает.

— А ваша дочка что умеет? — спросила молоденькая графиня Шереметева, та самая, про которую говорили, что язык у неё длиннее, чем шлейф платья. — Поёт? Играет?

Алёна молчала. Сирин похолодела.

— Нет, — спокойно ответила девочка. — Не умею.

— Но что-то же вы умеете? — не отставала графиня. — Читать умеете?

— Могу, — пожала плечами Алёна.

— И что же вы читали?

— Всё, — ответила девочка. — Что попадалось.

В гостиной замолчали. Графиня изогнула бровь.

— Тогда прочтите что-нибудь.

— Сами выберите, — перебила Алёна.

— Ах, какая дерзость! Ну, хорошо. Прочтите, скажем, Михаила Муравьёва «Ночь». Знаете такого?

Алёна кивнула. И вдруг заговорила. Не детским голосом — спокойным, ровным, чуть насмешливым:

— К приятной тишине склонилась мысль моя, Медлительней текут мгновенья бытия. Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою, Зовет живущих всех ко сладкому покою...

Она прочла всё. От начала до конца. Не сбилась. Не задумалась. Гости замолчали. Даже графиня прикрыла свой ядовитый рот веером.

— Bravo! — не выдержала герцогиня. — Какая память! Елена Владимировна, вы должны отдать девочку в пансион. Там из неё сделают настоящую светскую львицу. Там и музыке научат, и танцам, и французскому.

— Да-да, — подхватила графиня, мгновенно забыв обиду. — В Смольный! Или в Екатерининский институт. Лучшие заведения в империи.

— А что там? — спросила Алёна.

— О, — графиня оживилась, — там строгий порядок. Подъём в шесть утра. Молитвы. Уроки. Французский, немецкий, арифметика, история, танцы, музыка. Встаёшь по звонку, ешь по звонку, спать ложишься по звонку. За провинность — розги. И в столовой, говорят, порции маленькие — чтобы девочки не жирели и не портили фигуру.

Она перевела дух и с гордостью закончила:

— Зато через пять лет выйдешь настоящей дамой. Благородной, воспитанной, образованной.

Алёна слушала внимательно. Потом повернулась к Сирина.

— Мама?

— Что, доченька?

— Я лучше в непотребные девки пойду.

В гостиной стало тихо. Так тихо, что слышно было, как за окном пролетела муха.

Кто-то выронил бокал. Кто-то — веер. Герцогиня побледнела. Сирина — тоже.

— Алёна! — прошипела она. — Где ты таких слов набралась?

Девочка пожала плечами.

— А что? Дамы сами про неё говорили.

— Про кого? — не поняла графиня.

— Вон про ту, в бриллиантах, — спокойно сказала Алёна. — Вы про неё сказали: «Удачно пристроилась непотребная девка, вся в изумрудах и брильянтах теперь ходит».

Графиня открыла рот. Закрыла. Покраснела — сначала щёки, потом уши, потом шея.

— А что такое непотребная девка, мне Тихон с конюшни объяснил, — продолжала девочка. — Говорит, это такая шаловница, которая всю жизнь веселится, прыгает, скачет и ржёт как лошадь.

Она повернулась к замершим дамам и закончила:

— Ну, веселиться, прыгать и скакать я уже могу. А ржать как лошадь — вырасту, научусь. Так что зачем меня розгами бить, голодом морить и заставлять учить то, что не хочется? Я лучше в непотребные девки пойду. Там хоть весело. И изумруды с бриллиантами давать будут.

Тишина взорвалась.

Кто-то захохотал. Кто-то истерично зарыдал. Графиня Шереметева упала в обморок прямо в корзину с цветами. Герцогиня схватилась за сердце. В общем, вышел скандал. Сирина пришлось ещё лет сорок в Санкт-Петербурге носа не показывать.

И как она могла оставить её на улице? Шестилетнюю девочку со спокойным лицом и ясными глазами, которая только что разругалась со всей знатью Петербурга, но при этом не моргнула?

— Ну ты и стерва, — выдохнула Елена Владимировна.

— Наверное, — согласилась Алёна. — Пряники где и рубль?

Сирина вздохнула. Достала из саквояжа свёрток.

— Держи.

Девочка взяла пряник, откусила и довольно прищурилась.

— Хорошие, — сказала она. — Медовые.

И больше не проронила ни слова.

И они ушли в белую петербургскую ночь — Сирина и странная девочка, которая умела читать Муравьёва в шесть лет, не боялась графинь, знала про непотребных девок и требовала пряники и рубль.

Сирина продержалась дольше всех. Целых три недели.

Алёнка не капризничала, не плакала, не требовала игрушек. Ей просто было скучно. И от скуки она прочитала «Свод законов Российской империи» — сначала ей нравилось, потом наскучило. Потом она каким-то образом вскрыла тайник и стала читать книгу с заговорами.

На вопрос, как она нашла тайник, Алёна убедилась Сирина, что та просто забыла наложить печать. Как можно было не поверить ребёнку? Елена, конечно, забрала книгу и перепрятала.

Но потом она услышала вопль хозяина дома, где снимала комнаты.

Она выбежала на улицу и увидела: хозяин стоял с ячменями на всё лицо и орал, показывая на девочку пальцем:

— Ведьма!

А Алёна стояла напротив него — спокойная, скрестив руки и зачитывала ему закон:

— В указе 1724 года, между прочим, написано: «Родители детей, а господа рабов, не должны принуждать к браку под опасением тяжкого денежного взыскания». А про мордобой — отдельный параграф. «Насилие есть насилие, даже если оно совершено над явною блудницею». А уж над женой — тем более.

Хозяин побагровел.

— Ты ты откуда

— Из библиотеки, — пожала плечами Алёна. — Там всего три книги. Я всё прочитала. Сирин впервые в жизни захотелось стукнуть ребёнка.

Она сдержалась. Но вечером притащила девочку к Хумай, сунула её в руки, даже не объяснив, кто она и откуда, и сказала одну фразу:

— Забирай. Я устала.

Хумай была птицей счастья. Птицей любви. Она несла в мир только свет, только тепло, только добро. Она умела соединять сердца, которые сами не могли найти друг друга.

И когда Елена сунула ей в руки девочку, Хумай только пожала плечами:

— Ну надо же Ладно. Раз так — будем растить.

На следующий день Хумай сидела над чашей с водой. Смотрела вглубь, туда, где мерцали две тонкие ниточки судеб — одна тянулась к другой, но никак не могла встретиться.

Девочка подошла тихо. Постояла. Потом спросила:

— А что ты делаешь?

— Помогаю людям найти друг друга, — мягко ответила Хумай, не отрываясь от воды. — Помогаю им обрести любовь.

— А что такое любовь?

Хумай задумалась. Отвела взгляд от чаши. Посмотрела на девочку — серьёзную, с ясными глазами, в которых не было детской наивности.

— Ну любовь — это когда человек человеку нужен просто так, — начала она осторожно. — Не за что-то. А потому что он есть. Вот, например, любовь между мужчиной и женщиной. Это когда он тебе нужен ни за что. Просто так. За то, что он есть.

— То есть, — девочка нахмурилась, — если я полюблю разбойника или злого колдуна — он должен быть мне нужен? Просто так? Даже если он будет меня бить, морить голодом, лупить розгами?

Хумай даже подпрыгнула на месте.

— Ну что ты! Конечно, нет! Это не любовь!

— А что тогда? — девочка смотрела серьёзно, не мигая. — Значит, он должен меня тоже любить? Взамен?

— Ну да. Наверное, — Хумай замялась, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Любовь — это когда вы оба друг другу нужны. Когда ты его греешь — и он тебя. Когда ты заботишься — и он заботится. Это как дорога с двумя концами. Нельзя, чтобы один только отдавал, а другой только брал.

Девочка помолчала. Обдумала. Потом кивнула:

— А-а-а. То есть ты всё равно должен что-то отдавать. И взамен что-то получать. Как у нас с Еленой: я с ней к графине ходила, а она мне за это пряник с рублём дала. Значит, она меня тоже любит?

Хумай открыла клюв. Потом закрыла.

— Нет, — сказала она тихо. — Вырастешь — поймёшь.

Алёна замолчала. Но в её голове уже что-то щёлкнуло.

«Вырастешь — поймёшь, это долго — подумала она. — А я проверю сейчас».

На следующий день в аптеке она увидела пару.

Молодой доктор. Аптекарьша. Влюблённые. Невесты. Свадьба через месяц.

Хумай очень гордилась собой — ведь это она помогла им найти друг друга. Она прятала улыбку и чувствовала, как тепло разливается в груди. Ещё одна счастливая пара. Ещё две души, которые обрели свет.

Алёна подошла к аптекарше.

Посмотрела на неё долгим, спокойным взглядом. Потом сказала негромко, но так, что все в помещении замерли:

— Его первая жена умерла не от чахотки.

Аптекарша вздрогнула.

— Он лечил её тем же отваром, что варит сам. Тем, от которого у вас уже третий день болит живот. Я его знаю. Мы с ними жили по соседству.

Аптекарша побледнела так, что стала блее своей фарфоровой ступки. Руки задрожали. Она повернулась к доктору — и в её глазах была уже не любовь. Только страх.

— Уходи, — прошептала она.

— Но я

— УХОДИ!

Доктор вылетел за дверь. Аптекарша разрыдалась, уронив голову на прилавок.

Хумай вытащила Алёну на улицу.

— Зачем ты это сделала?! — зашипела она, и в её голосе впервые прозвучало не тепло, а отчаяние.

Алёна молчала. Просто смотрела на неё — спокойно, без тени сожаления.

А потом пошли вторые..... Пятые. Шестые. Седьмые.

Разрушенные помолвки. Скандалы на всю улицу. Слёзы в спальнях. Венчальные платья, которые надевать стало не на кого. Кольца, брошенные в грязь.

Хумай перестала спать.

Она сидела ночами над своей чашей, но вода молчала — потому что судьбы, которые она собирала годами, рассыпались, как карточный домик.

Через неделю Хумай пришла к Гамаюн.

Она не вошла — ввалилась. Растрёпанная, с красными глазами, с дрожащими руками. Схватила Гамаюн за рукав и прошептала, едва сдерживая слёзы:

— Забирай. Я не знаю, как с ней быть.

Алёна стояла в дверях. В одной руке — пряник. В другой — книга.

— Ты чего плачешь? — спросила она спокойно. — Я же просто проверяла.

— Ты разрушила их счастье!

— Ты сказала -любовь: когда оба нужны просто так. А они не нужны были. Если не справились, если мне поверили. — пожала плечами Алёна.

А Хумай развернулась и выскочила вон. И ей было очень горесно, Потому что маленькая девочка в сером платье с медовым пряником оказалась права. И эта правда жгла сильнее любого огня.

Глава 22

Гамаюн в ту пору была знатной дамой. Она вращалась в высшем свете, жертвовала деньги на детские приюты, и все вокруг говорили о её добром сердце и щедрой душе. Она поразмыслила и решила, что приёмное дитя будет очень даже неплохо для её авторитета. Лишний повод для разговоров в гостиных, лишний штрих к портрету идеальной благотворительницы.

И она оставила Алёну у себя.

Как же она ошибалась.

В первый же визит в приют, где на Гамаюн смотрели с обожанием и воспитатели, и воспитанники, Алёна стояла рядом.

Гамаюн старалась выглядеть безупречно. На девочку она надела накрахмаленное платье с кружевным воротником, белый чепчик с рюшами и ленты в косички. Алёна напоминала фарфоровую куклу — такую же аккуратную, такую же безмолвную.

Но куклы не смотрят так, как смотрела Алёна.

Концерт тянулся долго. Девочки пели проникновенные песни о доброте и милосердии, читали стихи, в которых благодарили небеса за то, что на свете есть такие люди, как Наталья Михайловна.

Воспитатели стояли в сторонке, сложив руки на груди, и утирали скупые слёзы умиления.

Потом директор приюта произнёс речь. Гладко, сладко, с придыханием:

— Благодаря Наталье Михайловне, нашему ангелу-хранителю, источнику доброты и милосердия, мы не закрылись в прошлом году. Благодаря её щедрости дети не голодают. Благодаря её неустанной заботе

Он перечислял и перечислял. Дети стояли, не шевелясь, как солдатики. Директор умилялся каждому слову, каждому вздоху.

Гамаюн, как и положено, слушала со скромной улыбкой человека, который делает добро не для похвалы.

Алёна слушала иначе.

Когда концерт закончился, директор приюта — сухопарый старик с дрожащим голосом обратился к ней, к Алёне. Чтобы все видели, какая трогательная сцена сейчас развернётся.

— Как тебе повезло, девочка, — сказал он, положив морщинистую руку ей на плечо. — Тебя взяла к себе сама Наталья Михайловна. Этот образец любви и добродетели. Береги её. Молись за неё.

В зале воцарилась тишина. Все ждали, что девочка заплачет от умиления, бросится обнимать благодетельницу или хотя бы опустит глаза.

Алёна подняла голову. Посмотрела на директора. Потом на воспитателей, которые уже вытирали слёзы. Потом на Гамаюн, которая сидела с каменным лицом.

— Давайте добродетель отложим на потом, — сказала она спокойно. — Я с любовью ещё не разобралась.

Директор растерянно заморгал.

— Мне тут одна дама объясняла, — Алёна повернулась к нему. — Любовь — это когда тебе кто-то нужен просто так. Не за деньги, не за пряники, не за то, что он тебя к графине сводил. А просто так.

Она перевела взгляд на Гамаюн.

— Но при этом, — продолжала Алёна, — ты сам должен что-то отдавать и получать взамен. Как на дороге с двумя концами. Нельзя, чтобы один только давал, а другой только брал.

Она снова посмотрела на директора.

— Вот вы говорите — она вам любовь дарит. А что вы ей даёте?

Директор открыл рот, закрыл.

— Ну мы мы её тоже любим

— Она вам деньги даёт — вы в ответ поёте скучные песни и восхваляете её. При этом видно, что вы врётё. У вас глаза бегают, когда вы про неё говорите. И у воспитателей тоже.

Директор покраснел.

— А она, — девочка повернулась к Гамаюн, — она наслаждается этим. Сидит, улыбается, слушает, как вы её нахваливаете. И ей не важно, что вы врётё. Ей важно, что вы делаете это прилюдно.

Она замолчала. Помолчала секунду.

— Это и есть любовь? — спросила она. — Это похоже скорее на ярмарку. Торгуете любовью. Она вам — деньги. Вы ей — песни. Я такие сделки у купцов видела.

В зале было тихо. Так тихо, что слышно было, как за окном чирикает воробей.

Директор схватился за сердце. Воспитатели застыли с открытыми ртами. У Гамаюн возникло желание оставить её в этом приюте. Но всевидящее око сигналило красным светом, что этого делать ни в коем случае нельзя.

— Домой, — сказала она вслух.

Алёна слезла со стула, поправила накрахмаленное платье, одёрнула кружевной чепчик.

В дверях она обернулась, посмотрела на детей.

— А вы, — сказала она тихо, — не бойтесь. Вы же тут всё равно не останетесь. Когда-нибудь выйдете. А там там, может, и любовь эта настоящая найдётся.

И вышла.

Наталья Михайловна шла за ней, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Розги не помогут, — уже на улице сказала девочка.

— А жаль, — ответила Гамаюн.

Что-то заставило её поверить Алёне.

«Может, её на улице забыть? — подумала она. — Сказать Хумай, что потеряла? Или цыгане украли? Цыгане! Точно, цыгане!».

И она отправилась к Алконост.

Алконост — Наталья Викторовна — выдавала себя за старую цыганку-гадалку и принимала посетителей в старом доме на окраине города. К ней приходили знатные дамы, конечно, инкогнито — тайком, чтобы никто не узнал.

Гамаюм завела девочку к ней.

— Пусть пока у тебя побудет. У меня срочные дела.

— На сколько? — спросила раздражённо Алконост, но та уже скрылась за дверью.

— Ладно, — вздохнула Наталья Викторовна, глядя на Алёнку. — Веди себя тихо. Ко мне должны приехать.

Алёна кивнула и с интересом принялась изучать комнату. Стекланный шар на потемневшей подставке. Странные травы, развешанные пучками под потолком. Черепа животных. Карты Таро, раскинутые веером. Книги в кожаных переплётках с заклинаниями.

— А что ты здесь делаешь? — спросила Алёна.

— Даю людям советы, — нехотя ответила Алконост, раскладывая чёрные перья ворона. — Как добиться исполнения желаний.

— А книжка не по-русски написана? — Алёна ткнула пальцем в потрёпанный том.

— Не по-русски, — согласилась Наталья Викторовна. — Ты знаешь буквы? Это похвально в твоём возрасте.

— А это что за буква? — Алёна ткнула в страницу.

— Б.

— А эта?

— И.

— А эта? А эта? А эта?

Алконост вздохнула и, чтобы девочка отстала, быстро перечислила:

— Б, И, К, С, М, Р, Ч, П, А, Л, Й, Н, О, Т, В, Д, Е, Ё, Ж, З, У, Ф, Х, Ц, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я.

Алёна внимательно прослушала. Кивнула.

— Ух ты, — сказала она и, глядя в книгу, сходу, без запинки прочитала:

— «Кха-ар-р-тра-эль-ар-тх-рха-а-ар-р»

Наталья Викторовна замерла. Это было заклинание. То самое. Которое она сама выучила за три месяца. А девочка прочитала его с листа, как детский стишок.

Диван вспыхнул. Алёна отшатнулась. Алконост мгновенно прошептала ответный заговор и огонь погас.

— КАК?! — закричала она. — Как ты запомнила буквы?!

— Просто запомнила, — пожала плечами Алёна. — Мне говорили, память у меня какая-то необычная.

Алконост открыла рот, закрыла, снова открыла. Хотела сказать что-то ещё, но в дверь постучали.

— Так, — сказала она, мгновенно беря себя в руки. — Ко мне приехали. Иди в прихожую и не отвечивай.

Алёна послушно вышла в маленькую тёмную прихожую и забилась в угол за вешалкой.

Алконост метнула на себя накидку, подкрасила губы, зажгла свечи и открыла дверь.

На пороге стояла полная дама в дорогом платье и вуалетке. Наталья Викторовна помогла ей снять накидку, приглашая внутрь, приговаривая что-то про отвороты и привороты, про свечи и чёрную душу.

И тут из угла за вешалкой раздался тихий, детский голос:

— А ведомо ли вам, сударыня, про указы? И церковные, и царские. Правило шестьдесят первое Шестого Вселенского Собора: кто ко волхвам ходит — подлежат епитимии, а не каются — отлучают от церкви. При Государе Алексее Михайловиче указ был: кто ворожей держит и к ним приходит — велено жечь. При Петре Алексеевиче — тюрьма да конфискация имущества. При Государыне Екатерине Алексеевне — ссылка в Сибирь на поселение, а коли дворянка — то и вовсе чести лишение. И всё сие — за единый визит. А с поличным поймают — того и пуще.

Дама побледнела так, что вуалетка стала прозрачной.

— Что вы такое говорите, дитя?

— То и говорю, — спокойно ответила Алёна, выглядывая из-за вешалки. — Вы бы, сударыня, подумали. Стоят ли ваши желания такой платы? И душе своей во вред ищите.

Алконост замерла с накидкой в руках.

Дама, не говоря ни слова, выхватила свою вуалетку, накидку — и выбежала вон, не прощаясь, лишь юбки зашуршали по лестнице.

Наталья Викторовна медленно закрыла дверь.

Повернулась к Алёнке.

— Откуда ты это знаешь?

— В книжке было, — пожала плечами девочка. — Я всё читаю, что вижу. Не нужно им исполнения желаний, для этого они трусливые.

— Так, понятно, — Наталья Викторовна потёрла виски. — С тобой прогоришь в пух и прах. А воспитывать мне тебя некогда. Собирайся — мы идём в гости.

Она наняла экипаж. Несмотря на поздний час, кучер нашёлся быстро — Алконост сунула ему монету, назвала место, и они выехали за город.

Алёна молчала всю дорогу. Смотрела в окно на тёмный лес, на редкие огни деревень, на луну, которая то пряталась за тучи, то снова выглядывала.

Экипаж остановился у придорожного трактира. Алконост вышла первой, взяла девочку за руку и повела в лес.

— Не отставай, — сказала она коротко.

Лес был тёмным, сырым, пахло прелыми листьями и тишиной. Алёна шла, не задавая вопросов. Только изредка опускала голову, чтобы не споткнуться о корни.

Они шли молча.

Долго.

Наконец Алконост остановилась. Перед ними лежал большой плоский камень, поросший мхом. Наталья Викторовна присела на корточки, чем-то острой провела по камню — чертила знаки, шептала что-то на языке, которого Алёна не знала.

Камень дрогнул. Потом — медленно, с глухим скрежетом в нём открылась дверь. Оттуда пахло теплом и сухостью, совсем как из печки в деревенской избе.

На пороге стояла женщина. Невысокая, с усталым, но внимательным взглядом. Хозяйка Медной горы.

Алконост не стала тратить время на приветствия.

— Слушай, — сказала она, подталкивая Алёнку вперёд. — Пусть у тебя побудет. Мне некогда. У меня тяжёлый случай, нужна моя помощь. Гамаюн её потом заберет.

И, не дожидаясь ответа, развернулась, шагнула обратно в лес и растворилась в темноте, только ветки хрустнули.

Алёна осталась стоять перед женщиной.

Та смотрела на неё долго, внимательно, с любопытством.

— Здравствуй, — сказала наконец.

— Здравствуйте, — ответила Алёна.

— Как тебя зовут?

— Алёна хорошее имя. А вы?

Женщина усмехнулась.

— Хозяйка. Проходи, гостьей будешь.

Она посторонилась, пропуская девочку внутрь.

Алёна шагнула через порог.

Камень за её спиной тихо закрылся.

Внутри каменного жилища Натальи Юрьевны было не так, как в обычных домах. Стены здесь были из малахита — зелёного, с тёмными прожилками, который мерцал при свете, будто живой. Полы — из змеевика, тёплые, как летняя земля. По углам самоцветные цветы: каменные чаши с алыми огоньками внутри, вместо свечей. Потолок уходил вверх, и там, в вышине, переливалась медная руда, словно звёзды в ночном небе. Воздух пах камнем, медью и чем-то древним, от чего хотелось не дышать, а замирать.

Они прошли через гостиную, где стулья были выточены из цельных кусков яшмы, а стол из тёмно-зелёного малахита стоял на медных лапах. Потом, через комнату с большим столом, заваленным чертежами и образцами камней. Остановились у двери в мастерскую.

Из-за двери доносился странный звук — ритмичный, мягкий, будто кто-то тёр камнем о камень.

— И кто там? — спросила Алёна.

— Очередной горе-мастер, — вздохнула Наталья Юрьевна. — Мечтает покорить моё сердце.

— И как, получается?

— Сейчас увидим.

Хозяйка толкнула дверь.

Мастерская была огромной. Высокий потолок, окна под самым потолком — дневной свет пробивался через запылённые стёкла. В центре стоял мужчина. Молодой, лет двадцати пяти, с длинными волосами, завязанными в хвост, и руками, испачканными мраморной пылью. На нём простая холщовая рубаша с закатанными рукавами и кожаный фартук, весь в потёках воска и каменной крошке.

Он сосредоточенно шлифовал маленький кусочек мрамора, который держал в ладони. Рядом, на высоком постаменте, стояла фигура, накрытая влажной тканью.

— Добрый день, — сказал мужчина, поднимая голову. Взгляд — живой, цепкий, с лёгким огоньком. Он посмотрел на Хозяйку, потом на Алёнку. — О, а это кто с вами?

— Это — Хозяйка запнулась, — моя новая гостья. Погостит немного. Не обращай внимания. Она тихая.

Алёна промолчала. Села на низкий табурет в углу, сложила руки на коленях и приготовилась наблюдать.

— Ну, что ты там приготовил? — спросила Наталья Юрьевна, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. Но в глазах уже зажёгся знакомый огонёк, она ждала. Ждала чуда. Как всегда. В каждой любви.

— Сама посмотри, хозяйюшка, — мужчина улыбнулся и шагнул к постаменту.

Рывком сдёрнул покрывало.

Алёна ахнула.

— Ой, какая большая кукла!

Скульптура из белого мрамора с голубоватыми прожилками была почти в рост человека. Молодая женщина, прекрасная, как утренняя заря, с распущенными волосами, падающими на плечи. Платье струилось как вода. Лицо — живое, с лёгкой улыбкой на тонких губах, глаза — огромные, с поволокой.

Хозяйка Медной горы стояла, не дыша. Она смотрела на своё каменное отражение — молодое, красивое, вечное — и не могла отвести взгляд.

— Красивая, — прошептала она. — Очень красивая.

Алёна подошла поближе. Обогнула скульптуру, заглянула сзади, присела.

— Интересненько, — сказала она. — Это ты сам её сделал?

— Сам, — с гордостью ответил Елисей. В глазах плясали огоньки.

— А как?

Елисей усмехнулся, поднял с верстака зубило и молоток.

— А вот так! — Он ударил зубилом по куску мрамора, ловко отбив мелкий кусочек. — Стук-стук. Кусочек за кусочком. Терпение и труд.

Алёна смотрела на инструменты. Потом на скульптуру. Потом снова на инструменты.

— То есть ты её колотил? — спросила она.

— Колотил, — рассмеялся Елисей.

Он повернулся к Хозяйке.

— Ну как, хозяйюшка? Теперь я тебе люб?

Хозяйка открыла рот, но не успела ответить.

Алёна сорвалась с места. Схватила зубило и молоток, подбежала к статуе, примерилась.

— Вот здесь платьице подправить надо чуток, — сказала она.

И со всей силы треснула по статуе.

Мрамор звякнул, пошёл мелкими трещинами, и огромная фигура рассыпалась с глухим грохотом — на белые сверкающие осколки, разлетевшиеся по всему полу.

У Елисея дёрнулся глаз. Потом другой. Потом начало дёргаться всё лицо.

Он открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Что ты ... — прохрипел он.

Алёна отбросила зубило и молоток, отряхнула руки.

— Ничего себе, хлипкая она какая-то оказалась, — сказала она. — Как же ты её тогда колотил?

Елисей не ответил. Смотрел на осколки. На пыль, медленно оседающую на инструменты. На свою работу — год без сна и отдыха, год жизни, рассыпавшийся в прах.

— Год — прошептал он. — Год я не спал и не ел. Год

Он упал на колени прямо посреди осколков. Застыл, глядя в одну точку. Глаза пустые, лицо белое, как тот самый мрамор.

— Елисей! — Хозяйка наклонилась над ним, потрясла за плечо. — Елисей, очнись!

Он не реагировал.

Наталья Юрьевна выпрямилась. Повернулась к Алёнке.

— Ты что наделала? — голос дрожал. — Ты жениха мне испортила!

— Жениха? — Алёна склонила голову набок, с любопытством заглядывая в безучастное лицо Елисея. — Ну, зато вы теперь знаете: кукла эта ему была нужнее, чем вы. Если он из-за камня как нежить стал — какая же это любовь?

Хозяйка открыла рот, закрыла. Потом медленно выдохнула.

— Так, — сказала она, сжимая кулаки. — Мне надо успокоиться. И не прибить тебя на месте.

— Не переживайте, — успокоила её Алёна. — Пусть сидит. Авось очнётся. Ещё года два поколотит, новую куклу вам сделает.

Хозяйка скрипнула зубами.

— Так, а ну пошли гулять, — процедила она сквозь зубы, схватила девочку за руку и потащила к выходу. — На перекрёсток.

Они вышли на перекрёсток.

Точнее, это было не совсем место. Не улица, не площадь, не лесная поляна, а промежуток между. Здесь сходились дороги, которые никто не видел, и расходились пути, о которых никто не знал. Воздух был плотным, будто его мешали ложкой, и в этой плотности тонули звуки.

Посреди перекрёстка, зевая и кутаясь в тёплую шаль, стояла Светочка — Хозяйка перекрёстков. Глаза заспанные, волосы растрёпаны, но взгляд уже острый, цепкий, даже спросонья.

— Ты чего? — спросила она, шурясь. — Ночь на дворе.

— Пусть у тебя побудет, — сказала Наталья Юрьевна, подталкивая Алёнку вперёд. — У меня там Елисей заболел. Мне возле него побыть. А там катакомбы, пещеры сама знаешь, не для ребёнка. Вещуны заберут. Потом.

Хозяйка Медной горы развернулась и шагнула в ближайший камень. Тот принял её мягко, как вода, и через секунду на его поверхности не осталось и следа.

Светочка моргнула.

— Но — начала она, но не договорила.

— Алёна. Хорошее имя, — сказала девочка, глядя на неё снизу вверх.

Женщина помолчала. Потом вздохнула.

— Ну хорошо. Пошли спать. Завтра разберёмся.

Она протянула руку.

Алёна взялась за неё без боязни.

И они пошли по перекрёстку, который сворачивал в те стороны, которые ведаёт только хозяйка да те, кому суждено.

Утром Светочка накормила Алёну завтраком. Кашей. Гречневой, с маслом — ничего особенного, но девочка ела с удовольствием. Сидела, подперев кулачком голову, и о чём-то размышляла. По виду — о судьбах мира.

— Так, — сказала Хозяйка перекрёстков, глядя на неё. — Мне с тобой совершенно некогда сидеть. У меня там, понимаешь, дороги новые строятся. Мне нужно по делам, а таскать тебя с собой по бездорожью не очень-то хорошо.

Она помолчала, раздумывая.

— Ладно, пойдём другим путём.

В ту пору Светочка с Диогеном жили душа в душу. Снимали небольшую квартирку прямо над трактиром в Москве. Тесно, шумно, но весело. Диоген уже не философствовал на площадях, а пробовал себя в разных сферах — лишь бы не сидеть без дела.

— Пойдём, — сказала Светочка и повела Алёнку в комнату.

Там, за столом, склонившись над кучей железа, сидел Диоген. Вокруг него были разложены замки — маленькие, большие, медные, железные, с хитрыми механизмами и без. Он что-то ковырялся в одном из них инструментами, тихо ругаясь себе под нос.

Алёна с удивлением посмотрела на стул, заваленный замками разной величины.

— А что ты делаешь? — спросила она.

Диоген поднял голову. Жёлтые глаза сузились.

— А ты кто?

— Диогеша, — начала Хозяйка перекрёстков, — тут такое дело Хозяйка Медной горы попросила, вещуньи потом заберут. А мне сейчас некогда — срочно в Сибирь. Там новые дороги прокладывают. Присмотри за ребёнком, пожалуйста. Я уже всем разослала вызовы — вечером сбор. Мне самой интересно, кого нам навязали, что это за ребёнок и что с ним делать.

Диоген выпрямился. Посмотрел на Алёнку. Потом на Светочку.

— В смысле — присмотри за ребёнком? За девочкой? — он отложил отвёртку. — Да мне самому некогда. Ты чё, не видишь? У меня полно работы.

— А что ты делаешь? — повторила Алёна.

— Учусь, — ответил Диоген, снова берясь за инструмент. — Замки ремонтировать.

— Зачем? — не отставала девочка.

Диоген вздохнул с видом человека, который объясняет прописные истины тому, кто всё равно не поймёт.

— Мне нужно кормить жену, — сказал он. — И себя, кстати. Замки — дело прибыльное. Люди теряют ключи, ломают механизмы, а я буду чинить.

— А ты умеешь? — спросила Алёна.

— Пока учусь, — признался Диоген.

Светочка вдруг подалась вперёд.

— То есть — она прищурилась, — ты всё это время действительно искал работу?

— А ты думала, что я делаю? — усмехнулся Диоген. — На философские диспуты хожу? Деньги сами в карман не падают.

Светочка открыла рот. Закрыла. Посмотрела на Алёнку.

— Ладно, — сказала она. — Я ушла. Вечером сбор. Присмотри за ней.

И, не дав Диогену возразить, вышла.

Дверь хлопнула.

Диоген и Алёна остались вдвоём.

Диоген вздохнул, откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

— Вот так, — сказал он сам себе. — Сиди теперь с ребёнком. А у меня, между прочим, дела.

— А что за дела? — спросила Алёна.

Диоген покосился на неё. Помолчал. В памяти всплыл прошлый вечер.

Вчера он проигрался в карты. В пух и прах. Последние деньги спустил. Если жена узнает — опять скандал. А скандалы Диоген не любил. Жену любил, а ругаться с ней — нет. На последние крохи купил отмычки и сидел, освежал в памяти ремесло вора.

— Богатый купец потерял ключ от сундука, — сказал он. — Через два часа нужно быть у него, помочь открыть замок.

Алёна задумалась. Потом пододвинула стул и села рядом.

— Покажи, — сказала она. — Как ты чинишь.

Диоген вздохнул.

— Ладно, смотри.

Он взял замок — немецкий, с хитрым механизмом.

— Видишь, вот здесь язычок. Отодвигаешь его вот этой отмычкой, а здесь придерживаешь вторым крючком. Главное — не спешить. Чувствовать надо, когда механизм поддаётся.

Он повёл отмычкой внутри скважины. Легко, почти невесомо. Замок щёлкнул — и открылся.

— Ух ты! — восхитилась Алёна. — А можно я?

Диоген замялся.

— Ладно, держи. В жизни всё пригодится.

Она взяла замок — французский, с тонкими штифтами — и принялась водить отмычкой внутри. Сначала неуклюже, но быстро привыкла. Диоген поправлял:

— Не так. Легче. Вот здесь чувствуешь? Он почти поддаётся. Дави не на язычок, а чуть в сторону.

Через несколько минут замок щёлкнул.

Алёна открыла его.

— Получилось! — она подняла на Диогена сияющие глаза.

— Повезло, — буркнул он, но в голосе звучало уважение.

— А этот? — Алёна потянулась к следующему.

— Этот сложнее, — предупредил Диоген. — Русский, с секреткой. У него два язычка, и второй прячется глубоко. Наши мастера любят, чтобы без ключа не вскрыть.

— А вы вскрывали?

— Пока нет, — признался Диоген.

— Тогда давайте учиться, — сказала Алёна. — Вместе.

Диоген усмехнулся.

— Ты необычный ребёнок, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Алёна. — Мне говорили.

И они принялись за секретный замок.

Диоген объяснял, показывал в разрезе, как двигаются штифты, почему важно не пережать и как чувствовать механизм пальцами — через тонкий металл отмычки. Алёна слушала, смотрела, пробовала. Пару раз замок почти поддавался, но в последний момент заклинивал.

— Ничего, — сказала Алёна, откладывая отмычку. — Ещё раз.

— Ничего, сейчас я его, гада, добыю, — пробормотал Диоген, наклоняясь ближе. — Вот вот Опа! Готово!

Он радостно откинулся на стуле, довольный осмотрел работу. Потом подошёл к большому шкафу, открыл его. Алёна увидела множество бутылок разной формы — высоких, низких, пузатых, узких. Тёмное стекло, светлое, зелёное.

— Моё сокровище, — с гордостью сказал Диоген. — Некоторые напитки стоят целое состояние.

Он закрыл шкаф и навесил тот самый сложный замок, который они только что одолели.

— Теперь надёжно, — сказал он довольно.

Повернулся к Алёнке.

— Слушай, посиди здесь одна. Ты уже большая. Я быстро схожу к купцу, помогу ему и обратно.

— Хорошо, — спокойно ответила Алёна.

Диоген накинул сюртук, сунул инструменты в карман и вышел.

Дверь за ним закрылась.

Она посидела на стуле, болтая ногами. Потом встала, прошла по квартире. Потом вернулась к столу, взяла оставшиеся отмычки и принялась за замки.

Сначала те, что лежали на столе. Немецкий, французский, ещё один с виду старый, но с хитрым механизмом. Все щёлкали один за другим, будто только и ждали её рук.

Потом Алёна обошла квартирку. Замок на кухонном ящике — открыла. Замок на входной двери — открыла. Замок на шкафу в прихожей — открыла. Вернулась в комнату, посмотрела на большой шкаф, который Диоген так гордо запирает. Примерилась.

Через минуту шкаф был открыт. Бутылки смотрели на неё разноцветными стёклами.

Алёна хмыкнула и пошла дальше. Вышла из квартиры, тихо притворяя дверь. Соседние двери — одна, вторая, третья. Замки поддавались легко, будто были сделаны из масла.

Она спустилась вниз и вышла на улицу.

Возле трактира сидели двое. Один — в помятом сюртуке, с седой щетиной и красным носом. Второй — помоложе, в когда-то дорогом, а теперь засаленном жилете. Они перебрасывались словами с прохожими, тянули руки, кланялись.

— Подайте, ради Христа, на пропитание, — бормотал старший.

— На хлебушек, — вторил младший, и глаза у обоих были одинаковые — мутные, потерянные.

Алёна остановилась, присмотрелась.

— А вы чего просите? — спросила она.

— На выпивку, дочка, — честно сказал старший, не ожидая от ребёнка понимания. — Чтобы горе забыть.

— Чтобы радостными стать, — добавил младший. — Весёлыми. Понимаешь? Только нет нынче у людей добродетели, перевелась она.

— Понимаю, — серьёзно ответила Алёна. — Я знаю это слово. Добродетель.

Алёна посмотрела на него долгим взглядом.

— Вы не можете быть радостными без добродетели? — спросила она. — Это очень печально.

Они молчали. Старший шмыгнул носом.

— Ладно, — сказала Алёна, развернулась и ушла обратно в подъезд.

Она поднялась наверх, быстро так, что перила мелькали. Зашла в квартиру, прошла к шкафу, достала сумку — холщовую, просторную и принялась укладывать бутылки.

Алёна вышла на улицу с тяжёлой сумкой, едва волоча её по земле. Подошла к тем двум, что стояли у трактира, и поставила свою ношу прямо перед ними.

— Вот вам добродетель, — сказала она.

Мужчины сначала не поняли. Потом старший заглянул в сумку — и у него отвисла челюсть.

— Мать честная — прошептал он. — Дочка, да ты да мы

— Ангел! — воскликнул младший, хватая бутылку с тёмным стеклом. — Настоящий ангел небесный!

— Тише ты, — одёрнул его старший, но сам уже вытирал глаза рукавом.

Они наперебой принялись благодарить:

— Умница какая!

— Добрейшая душа!

— И кто только тебя воспитал?

— Золотце ты наше!

Алёна слушала молча, но на лице её расцветала лёгкая, довольная улыбка.

К ним подтянулись другие — ещё двое, потом третий, потом какая-то женщина в рваной шали. Все заглядывали в сумку, хватали бутылки, прижимали к груди и сыпали словами благодарности:

— Дай бог тебе здоровья!

— Красавица!

— Да за такую доброту тебя на руках носить надо!

— Ещё? А у тебя ещё есть? — спросил кто-то.

Алёна посмотрела на опустевшую сумку, на новые жадные глаза.

— Есть, — сказала она и развернулась обратно.

Она поднялась в квартиру, прошла к шкафу и снова набила сумку. Схватила остатки — всё, что оставалось на полках.

Спустилась во двор.

— Вот, — сказала она.

И снова — крики, ахи, слёзы.

— Золото!

— Благодетельница!

— Да кто ж ты такая, дитяtko?

Алёна улыбнулась шире.

— Алёна, — сказала она. — Меня зовут Алёна.

Толпа загудела одобрительно.

Алёна оглядела их всех, потом посмотрела на пустую сумку.

— Больше нет, — сказала она.

— Как нет? — огорчился младший. — Всё?

— Всё, — твёрдо ответила Алёна.

Она закинула сумку на плечо и пошла обратно в подъезд, оставив пьяниц делить добычу.

В голове шумело от похвал. В груди было тепло.

«Хорошо, когда хвалят», — подумала она. — «Добродетель это очень хорошо».

Глава 23

Диоген шёл домой в превосходном расположении духа. В кармане сюртука приятно оттягивал увесистый кошель — день выдался на диво продуктивный. Пока Светочка с Алёнкой спали, он слюбезничал с дворником на Покровке, узнал, что купец Смирнов уехал на ярмарку до вечера, а семью увёз с собой. Пустой дом. Надёжный замок — который Диоген вскрыл в три движения теми самыми отмычками, над которыми корпел всё утро. Сундук в спальне оказался щедрее, чем он рассчитывал. Ловкость рук — это искусство, ничего личного. В голове уже складывался план вечера: запереть дверь, скинуть ботинки, достать из заветного шкафа бутылочку тёмного рейнского, которую он берёт уже лет десять...

Насвистывая модный мотивчик, он прошёл мимо трактира — и остановился как вкопанный.

За покосившимся столиком у входа сидели те самые. Пьяненькие. Вчера ещё ходили с протянутой рукой, а сегодня? Сегодня младший, с красным носом, бережно обнимал за горлышко бутылку тёмно-зелёного стекла. С золотистым тиснением на этикетке. С чуть сколотым уголком.

У Диогена дёрнулся глаз. Такого стекла не делают даже для императорских погребов. Это ручная работа. Это...

Он медленно, как во сне, подошёл ближе.

— Милейший, — хрипло позвал он, не веря своим глазам. — А откуда откуда у тебя такая выпивка?

Мужичок икнул, посмотрел на него с пьяной нежностью:

— Ой, барин, что ты! Тут девочка-ангел была Она нас всех одарила! Такая милота

— Какая девочка? — у Диогена пересохло в горле.

— Маленькая такая. С голубыми глазками. В сером платье — сумки только и успевала носить

— Сумки — эхом повторил Диоген.

— Да-да, она! Раздала всё до капли, благодетельница! Сказала — добродетель это!

У Диогена встала дыбом шерсть на загривке. Та самая, которая не реагировала ни на чертей, ни на жену со скалкой.

Он рванул с места.

В голове билась только одна мысль: «Нет. Нет! Только не это!»

Влетел в подъезд, взлетел по лестнице — и нос к носу столкнулся с соседкой. Старая карга, которая вечно жаловалась на сквозняки, стояла у его двери, всплескивая руками.

— Батюшки-святые! Сосед, ты слышал?! Как же так! Такой замок и вскрыли! — она всплеснула руками. — Слава Богу, хоть ничего не украли! Слышь, сосед? Ни одной вещички не взяли!

Диоген не ответил. Пронёсся мимо и ворвался в квартиру.

Дверь в комнату была распахнута. Свет из окна падал на шкаф.

Шкаф был открыт.

Широко. Жадно. Как раскрытая пасть. Внутри — пусто. Ни одной бутылки. Ни одного пыльного графина. Ни единого пузырька с настойкой. Только лёгкий запах пробкового дерева и его, Диогенова, разбитого сердца.

Диоген замер.

В этой тишине, в этом пустом нутре шкафа, отразилась вся его жизнь. Он собирал эту коллекцию десятилетиями. Он берёт каждый глоток. Он прятал ключи так, что сам иногда не мог найти. А теперь пустота. Гулкая, звенящая, абсолютная.

Он медленно повернулся.

Алёна сидела за столом, на том самом стуле, где он оставил её утром. Болтала ногами. В руках у неё была книжка. Она перевернула страницу, не поднимая глаз. Спокойная. Невозмутимая. Как маленький серый камень, о который разбивается океанская волна.

— Ты — голос Диогена дрожал. — Ты зачем это сделала?

Алёна подняла на него ясный, голубой взгляд. Без тени вины. Без капли раскаяния.

— У них не было радости, — ответила она просто.

— У кого — у них?! — взревел Диоген, и комнату потряс голос существа, которое помнило ещё Потоп. — У этих алкашей под забором?!

— Да, — кивнула она. — Радость у них могла появиться только тогда, когда у них были эти бутылки.

— Это было моё! — Диоген схватился за голову. — Это была моя радость?!

— Твоя? — Алёна склонила голову набок, искренне не понимая проблемы. — Я тебя видела в окно. Ты шёл по улице и улыбался. Ты и так был радостный. Тебе бутылки не нужны. Диоген поперхнулся воздухом.

Это был удар под дых. Эта мелкая, серая, шестилетняя дрянь только что использовала его же собственную философию — «будь счастлив малым» — против него самого!

— Это — просипел он, наступая на неё. — Это МОИ были БУТЫЛКИ! Я их копил! Я их берёг! Ах ты мелкая гадость! Я тебя убью. А потом я убью себя. А потом я сожгу этот город.

— Зачем город? — удивилась Алёна.

— ЧТОБЫ НЕ НАПОМИНАЛ! — заорал Диоген.

В комнате вдруг поползло марево — плотное, сиреневое, пахнущее перекрёстками и дальними дорогами. Из него, как из тумана, выступила встревоженная Светочка. Глаза злые, шаль набекрень.

— Диоген! — рявкнула она. — Что случилось?! Я через сотни вёрст услышала, что ты взбешён!

Диоген молча схватил её за плечи и развернул к шкафу.

— Посмотри на это.

Светочка уставилась в пустое нутро шкафа. Медленно перевела взгляд на мужа. Глаза её сузились.

— Диоген ты нажрался днём?!

— ДА ПРИЧЁМ ЗДЕСЬ Я!!! — взревел он. — Это она!

Палец его уткнулся в Алёну. Девочка перевернула страницу книги, даже не моргнув.

— Ты что, напоил ребёнка?! — ахнула Светочка, прижимая руку к груди.

— Ты вообще в своём уме?! После своих перекрёстков!

— При чём тут перекрёстки?! — обиделась она.

— Да при том! Меня обокрали! Нас обокрали! И всё из-за тебя! Это ты притащила мелкую воровку в дом!

Светочка растерянно повернулась к Алёне.

— Ты украла бутылки? Зачем они тебе?

Алёна подняла голову. Спокойная. Серьёзная.

— Я раздавала людям радость. Они нуждались в этом.

Повисла пауза.

— Ты мои драгоценности не брала? — испуганно спросила Светочка.

— Нет, — ответила Алёна. — Там не было непотребных девок. Как лошади никто не ржал. А драгоценностям только они рады. Я деньги искала, но у вас их нет. Вы бедны, как церковные мыши.

Светочка открыла рот. Закрыла. Повернулась к мужу.

— Как это — у нас нет денег?!

Диоген вдруг встrepенулся. Лицо его прояснилось, он вспомнил.

— Потому что я чувствовал, что с этой дрянью что-то не то! — выпалил он и швырнул кошель на стол. Монеты внутри звякнули — густо, тяжело, приятно. — Забрал с собой!

Светочка схватила кошель, заглянула внутрь. Глаза её расширились.

— Но здесь намного больше, чем у нас было

— Я был на работе, — сухо ответил Диоген. — Мне хорошо заплатили.

— Вскрывать замки — очень прибыльное дело, — констатировала Алёна, не отрываясь от книги.

Тишина.

Диоген стиснул зубы. Потом медленно, очень медленно, повернулся к жене.

— Так. Она мне уже надоела. Я её терпеть в нашем доме больше не собираюсь. Открой мне дорогу — закину её к бабушке. Пусть посидит там, а потом отдавай её назад. Быстро.

Светочка замялась.

— Диоген а вдруг твоя бабушка её съест? Что я подругам скажу?

— Не съест, — отмахнулся он. — Я её попрошу, чтоб держала себя в руках.

— Ну, не знаю — засомневалась Светочка.

— Ты хочешь, чтобы она мне все мозги выела, как моль — твои распрекрасные платья?!

— Нет у неё прекрасных платьев, — спокойно сказала Алёна, переворачивая ещё одну страницу. — Я посмотрела. Какие-то сплошь дорожные юбки и плащи. У её подруг вкус намного лучше.

Светочка замерла. Посмотрела на свой гардероб. Потом на Алёну. Потом на мужа.

— К бабушке, значит, к бабушке, — согласилась она с неожиданной поспешностью. — Там всё-таки свежий воздух.

И, не теряя ни секунды, начала открывать дорогу. Марево заклубилось, завертелось и Диоген, схватив Алёну под мышку, шагнул вперёд.

— Ничего, — злорадно сказал он, — моя бабуля тебя научит хорошим манерам!

— Как тебя? — болтаясь сбоку, спросила Алёна.

Диоген запнулся.

— Да!

— А замки вскрывать — это тоже хорошие манеры?

Диоген заскрежетал зубами.

— Спокойно, Диоген, — прошипел он сам себе. — Держи себя в руках. Это просто ребёнок. Нахальный. Невыносимый. Мелкий пакостник.

И тут марево распахнулось.

Перед ними развернулся дремучий лес — такой густой, что неба не видать. Стволы — чёрные, мохнатые, переплетённые ветками, как пальцы скелетов. А посреди леса — поляна. И на ней

Избушка. На живых курьих ножках. Ростом с пятиэтажный дом.

— ВОТ ЭТО ДА-А-А! — Алёна задергалась. — Красота-то какая!

Диоген уставился на неё.

— Ты что, ничего не боишься? — не выдержал он. — Хотя ты сама чудовище.

И заорал, запрокинув голову:

— БА-А-А! БА-БУШ-КА-А-А!

Избушка качнулась. Ноги её переступили — тяжело, с хрустом, словно ломались вековые сосны. Она наклонилась в их сторону, присмотрелась и вдруг начала уменьшаться. Пол, стены, крыша — всё сжималось, складывалось, как оригами, пока перед ними не стояла обычная изба. Разве что курьи ножки всё ещё виднелись из-под фундамента.

Дверь открылась.

На пороге появилась женщина. Крепкая. Лет пятидесяти, не меньше, но спина прямая, плечи расправленные. Густая коса с проседью намотана вокруг головы — как корона. Уши венчают большие золотые серьги. Платье цветастое, с голубыми цветочками, поверх — белый фартук. На шее — три нитки жемчуга. На руках — множество браслетов из разных камней: малахит, сердолик, яшма, бирюза. Все разные, все старые, все настоящие.

— Чё орёшь, как оглашённый? — сказала она. — Не глухая.

— Бабуля, как хорошо видеть тебя в полном здравии! — затараторил Диоген, кланяясь и семеня ногами. — Как дела? Как здоровье? Помощь не нужна?

Она скрестила руки на груди. Браслеты звякнули.

— Что, опять жена выгнала?

Диоген поморщился.

— Ну почему выгнала? И ничего не выгнала. У нас тишь да благодать.

— Тогда чего пожаловал, помощник?

— Бабушка, вот, — Диоген поставил на землю перед ней девочку. — Некогда рассказывать, мне срочно на работу. Да, я теперь работаю, замки ремонтирую. И ей не верь — очень неприятный ребёнок. Лгунья. Но мы заняты, сама понимаешь — у неё дороги, у меня работа. Я её заберу завтра. А может, даже и сегодня!

И, не дожидаясь ответа, шагнул в марево — быстро, боясь, что бабуля не согласится.

Марево закрылось за ним.

Алёна осталась.

Она смотрела на женщину. Женщина смотрела на неё.

— Алёна, — сказала девочка. — Хорошее имя.

Женщина чуть наклонила голову.

— Ну, здравствуй, Алёна, — сказала она наконец. — Внучка Велеса.

— Ты откуда знаешь? — Алёна прищурилась, но тут же сама себе ответила: — Хотя ты же госпожа Ягослава. Мне про тебя рассказывали. И читала я про тебя тоже.

— Сбежала из дому? — спросила женщина, доставая из кармана фартука трубку и неторопливо набивая её табаком.

— Сбежала, — призналась Алёна. — Дома скучно. Лес, река, терем. Да библиотека с книжками да папирусами. Только они неинтересные. Половину прочтёшь и дальше не хочется. А книги про людей, про их города вот это интересно. Я захотела посмотреть, как они живут на самом деле. У меня какая-то необычная человеческая память. Мне так говорили. Я подсмотрела, выведала заклинания переноса, и фьють! — она мотнула головой. — У меня получилось.

Ягослава что-то шепнула и раскурила трубку. Затянулась, выпустила клуб душистого дыма.

— Интересно, почему тебя ещё не нашли? — проговорила она, прищурившись сквозь дым. Потом присмотрелась к девочке внимательнее и расхохоталась. — Да на тебе охранных печатей куча! Они магический фон путают твоим же родственникам. Сами себя перехитрили. И много посмотрела?

— Посмотрела, мне нравится, — кивнула Алёна. — Я сначала к вещуньям попала. Я про них читала и фон ауры запомнила. Они мои подруги теперь, — серьёзно добавила она.

— Глупые птицы, — хмыкнула Ягослава, пуская дым колечками. — Тысяча лет живут, а око замыленное.

— Потом у Хозяйки Медной горы в гостях была, — продолжила перечислять Алёна. — Потом у Хозяйки перекрёстков, с вашим внуком Баюном. Я про них тоже дома читала.

— Эти две — Ягослава покачала головой. — Одна под землёй вечно суетится, другая по земле бродит. А с моим внуком и так всё ясно.

Она затянулась ещё раз, выбила трубку о косяк и спрятала обратно в карман фартука. Скрестила руки на груди — браслеты звякнули, но на этот раз как-то строго.

— Ладно. Побудь пока у меня. Но запомни: я балованных детей не люблю. И если что не так сделаешь — пеняй на себя.

— Вы меня сожрёте? — с любопытством спросила Алёна.

— Сожрать — не сожру, — буркнула Ягослава. — Но выпорю знатно.

И Алёна поняла: это не пустые угрозы. Она говорит правду. И эта правда — железная.

— Я постараюсь, — тихо сказала она.

Изба внутри оказалась вовсе не такой, какой Алёна представляла себе по книгам. Просторная, светлая, с огромной русской печью, занимавшей чуть не полстены. Лавки вдоль стен — широкие, дубовые, выстланные пёстрыми половиками. Красный угол с резным деревянным панно: Дерево Мира, ветви в небо, корни в землю, по стволу змеи вьются, на ветвях птицы сидят. Перед панно — бронзовая чаша на подставке, и в ней горит не пламя, а что-то синее, тихое, живое. Полотенца с вышивкой — руны, узлы, знаки земли и неба, нитка к нитке, ни одного стежка мимо. Горшки на полках, пучки трав под потолком, самовар — медный, начищенный, блестит как солнце.

Но было в избе и другое.

У окна, наоборот — не лавка, а стол. Не простой — стол-секретёр, с откидной крышкой и множеством маленьких ящичков. Тёмное красное дерево, инкрустация перламутром, бронзовые ручки в виде львиных лап. На столе — стопка бумаги с водяными знаками, чернильница из малахита, песочница, пресс для сургуча. На откидной доске — ряды перьев, перевязанных ленточкой. Рядом, на специальной подставке — глобус. Настоящий. С материками, океанами и крошечными надписями на непонятном языке.

Алёна так и замерла, разглядывая.

Она подошла к обеденному столу — простому, дубовому, с резными ножками — и хлопнула ладонью по крышке.

— Развернись, скатерть, да накорми вволю!

Стол вспыхнул. Не огнём — светом. Тёплым, золотистым, как утреннее солнце на масле. И на пустых досках появился обед. Глиняная миска с щами — пар валит, капуста золотая, мясо тает. Каша гречневая с маслом — крупинка к крупинке, масло янтарём блестит. Пирожки с мясом и с яблоками — румяные, горячие, корочка хрустит. Квас в деревянной кружке — пенится, холодный. Солёные огурчики в берестяном туеске. Грибы маринованные. Мёд в блюдечке. И хлеб — каравай, румяный, пахучий, с узором сверху.

Алёна сглотнула.

— Садись, — кивнула Ягослава.

Алёна села. И начала есть. Не торопясь, но основательно. Щи — до дна. Кашу — всю. Пирожок с мясом. Потом с яблоками. Ещё один с мясом. Огурчик. Грибок. Хлеб с мёдом. Квас — до последней капли.

Ягослава тем временем села за секретёр. Достала из ящичка лист — плотный, с водяным знаком в виде лягушки. Расправила, обмакнула перо в малахитовую чернильницу и начала писать. Быстро, уверенно, выводя буквы с ровным нажимом. Изредка останавливалась, сверялась с книгой, что-то бормотала себе под нос, снова писала.

Алёна доела последний кусок хлеба, облизала пальцы от мёда и села — сытая, довольная, как кот у печки.

И стол снова вспыхнул. Миски, кружки, тарелки, крошки — всё разом исчезло. Остался только чистый, вытертый дубовый стол. Ни крошки. Ни пятнышка.

Вдруг в окно постучали. Три коротких удара. Потом ещё три.

Ягослава оторвалась от письма, нахмурилась.

— Леший зовёт. Чего ему приспичило?

Она встала, отложила перо.

— Ладно. Я выйду ненадолго. А ты сиди и не озорничай. Кузьма! Присмотри за ней. Я ей не доверяю.

И вышла вон.

Из-за печки медленно, недовольно, с явной неохотой вылез домовый. Маленький, коренастый, весь покрытый седой шерстью. Лицо сморщенное, как печёное яблоко, глаза маленькие, злые. На нём была домотканая рубаха, подпоясанная кушаком, и лапти починенные, но ещё крепкие.

Он уставился на Алёну. Она уставилась на него.

— Ты Кузьма? — спросила она.

— А ты кто такая? — буркнул он. — Мне госпожа сказала присмотри. Ну, я и присматриваю. Только знай, я с чужими не цацкаюсь. У меня принципы.

— Какие принципы?

— Первое — не трогать моё место за печкой. Второе — не баловать. Третье — не трогать меня. Всё понятно?

— Понятно, — кивнула Алёна. — А у меня тоже принципы.

Кузьма прищурился.

— У тебя? Какие?

— Первое — мне скучно. Второе — когда мне скучно, я что-нибудь придумываю. Третье — когда я что-нибудь придумываю, обычно всем становится не скучно.

Кузьма поперхнулся.

— Ты это.. ты это брось.

— Ладно, ладно. Я обещала, — вздохнула Алёна.

Она посидела, поболтала ногами. Потом встала, прошлась по избе — всё под недремлющим оком домового. Кузьма следил за каждым её шагом, как сокол за мышью. Алёна подошла к окну, посмотрела, вернулась. Подошла к печке, потрогала заслонку, отошла. И наконец остановилась перед секретёром.

— Слушай, а что в книге написано? — спросила она, глядя на толстый фолиант, лежавший на откидной доске.

— Не знаю, грамоте не обучен, — буркнул Кузьма.

— А можно картинки посмотреть? — спросила Алёна, оборачиваясь к домовому с самыми невинными глазами, на которые только способна шестилетняя девочка.

Кузьма заерзал на лавке. Почесал затылок. Подумал и решил, что книжка с картинками — это всё-таки лучше, чем если она куда-нибудь начнёт лезть. Секретёр — место тихое. Книжка — вещь спокойная. Что может пойти не так?

— Смотри, — разрешил он нехотя. — Только осторожнее. Не напакости там хозяйке.

— Конечно, — кивнула Алёна.

Она придвинула табуретку, залезла на неё, раскрыла фолиант. Листы плотные, желтоватые, с непонятными значками по краям. И картинки странные, с существами, с кругами, со стрелками.

— Ой, — сказала Алёна, водя пальцем по странице. — А я знаю эти буквы!

И прочла заклинание. Быстро, чётко, без запинки — так, как читала всё, что попадалось ей на глаза с тех пор, как научилась читать.

Воздух в избе дрогнул.

Из угла, где стояла накрытая тряпкой ступа, раздался грохот. Тряпка слетела, ступа вздрогнула, приподнялась над полом и поплыла через избу прямо к Алёне. Остановилась рядом, зависнув на высоте пояса, покачиваясь, как лодка на воде.

Кузьма обомлел.

— А ещё! — радостно воскликнула Алёна, перелистывая страницу.

Прочла второе заклинание.

Со стены сорвалась метла — метла, которую Алёна раньше даже не заметила. Взмыла вверх, описала круг над столом и замерла рядом со ступой, ручкой вперёд, как лошадь, поданная к крыльцу.

Кузьма стоял с открытым ртом. Глаза — круглые, как блюдца. Он пытался вернуть себе голос, но горло отказывалось издавать что-либо, кроме сипения.

А Алёна уже действовала. Со стула — в ступу. Встала, как капитан в рубке. Схватила метлу вместо штурвала.

— Вперёд! — крикнула она.

— СТОЙ! Окаянная! Куда ты! — заорал Кузьма, наконец обретя голос.

Но было уже поздно.

Ступа рванула вперёд — так, что пол в избе качнулся. Дверь распахнулась от одного воздушного удара и Алёна вылетела из избы в небо.

Кузьма стоял посреди избы. Один. С открытым ртом. С круглыми глазами. Потом медленно закрыл рот. Открыл снова. И тонко, жалобно, как побитый щенок, пискнул:

— Хозяйка меня убьёт

Вечером в квартирке Диогена Светочка открыла дороги и собрала всех своих подруг. Те, конечно, пришли неохотно, но Хозяйка перекрёстков была неумолима.

Расселись за столом.

Светочка обвела всех взглядом и задала вопрос:

— Так. Что насчёт девочки? Где вы её взяли и как её отправить назад?

И посмотрела на Хозяику Медной горы.

Наталья Юрьевна скрестила руки на груди.

— Я не знаю. Она мне личную жизнь сломала. Мне её Алконост притащила.

Наталья Викторовна дёрнула плечом.

— Я вообще не в курсе, кто она. Мне Гамаюн её навязала.

— А чего Гамаюн? — Наталья Михайловна возмутилась. — Я тут ни при чём! Она мне репутацию всю подмочила! Это благодаря Хумай!

— Я тоже не знаю, кто она, — всхлипнула Светлана Ивановна. Глаза красные, крылья опущены, перья взъерошены. — У меня теперь мигрени. Это Сирия виновата.

Елена Владимировна поморщилась.

— Ну, да. Я её нашла на улице. Мне нужно было попасть к одной даме, а обязательным условием было иметь дочь. Вот она и подвернулась. Око ничего не показало. А на первый взгляд — хорошая девочка.

Повисла тишина.

— То есть вы, — Диоген медленно, с расстановкой произнёс каждое слово, — ни черта не знаете, откуда она и куда её сплавить?

Все переглянулись. Никто не нашёлся, что ответить.

В это время в дверь забарабанили.

Все подскочили от неожиданности. Око молчало. Дороги молчали. Никаких предупреждений.

Диоген встал.

— Сидите здесь. Я открою. Если что — уходите, — сказал он жене.

Не успел он подойти к двери, как она вылетела с петель. Дерево треснуло, петли вырвались с корнем и в квартиру влетел мужчина.

Среднего роста. Широкоплечий. С гривой тёмных волос с проседью, падающих на плечи, как у коня. Лицо — жёсткое, с длинным шрамом через левую бровь. Глаза — не человеческие. Тёмные, с вертикальными зрачками, как у змеи. На нём — длинный кожаный плащ, под ним кольчуга из тёмной бронзы, каждое кольцо с крошечными рунами. На поясе ножны, из кото-

рых торчит рукоять меча, украшенная головой волка. На руках — перстни с камнями, которые светятся изнутри, как угли. От него пахло землёй после дождя, хвоей и чем-то древним, тяжёлым, от чего хотелось присесть.

— Баюн? — взревел он.

— Троян? — выдохнул Диоген, вжимаясь в стену.

Мужчина даже не посмотрел на него. Отодвинул одной рукой и кинулся в комнаты.

— Где моя дочь?!

Остановился перед столом. Шесть женщин замерли, как кролики перед удавом.

— Я спрашиваю — где моя шестилетняя дочь?!

Никто не издал ни звука.

— Маленькая девочка с голубыми глазками, — выдавила Светочка.

— И большая пакостница, — закончил Диоген из-за спины Трояна.

Тот медленно повернулся. Вертикальные зрачки сузились.

— Она самая. Где?

— Ой, — Светочка побледнела так, что стала одного цвета со скатертью. — Бабушка дорогу сюда открыла. Сама.

И комната пошла маревом. Сиреневым, густым, пахнущим перекрёстками и болотом. Оно закружилось, завертелось и из него шагнула Ягослава.

В одной руке она держала Алёну за шкурку, как котёнка. Алёна болталась, ухватившись ручонками за бабушкину кисть, но не сопротивлялась.

— Папка! — радостно закричала Алёнка. — Папка нашёлся!

Ягослава кинула Алёнку по направлению к отцу. Та упала ему в объятия и затараторила — быстро, взхлёб, как будто боялась, что ей не дадут договорить:

— Папка, что со мной было!!! У меня теперь есть шесть подруг и один друг!

При этом у женщин и у Диогена — которые всё ещё не отошли от шока, что Алёна — дочь сына Велеса и что госпожа Ягослава собственной персоной их посетила (а они, честно говоря, побаивались и её, и Велеса), услышав, что они теперь друзья этой малолетней гадине, им поплохело.

Алёна же продолжала дальше:

— Я гостила у госпожи Ягославы, и там ступа! Я только книжечку хотела почитать, а ступа — сама! С метлой! И я в небо! А там высоко, страшно, и я сказала «вниз», и пряям на гусей-лебедей! Ступа — тресь! Метла — хрясь! Гуси меня щипать, и больно же так! А я заклинанием, которое у Алконост прочитала

У той подкосились ноги. Она схватилась за край стола.

— и бац, бац, бац — их! А тут меня метлой по горбу — раз! И ещё раз! Смотрю — бабушка! Я ей объясняю — это добродетель! Я тебе гуся жареного, тебе возиться уже не надо с ним! И даже не одного — пять, целых! А там у неё леший, злощий гад. Я ему рог нечаянно попала, так он самые лучшие розги в лесу бабушке сунул. Метла — это ерунда, а вот розги нет. Я теперь как настоящая раненая королева воинов, у меня спина вся болит!

По мере её рассказа у всех присутствующих, включая Трояна — холодели ноги, и земля уходила из-под них. Ягослава же спокойно раскуривала трубку, пуская колечки дыма к потолку.

— И теперь я точно знаю: любви нет, а за добродетель всегда наказывают, — радостно закончила девочка.

Повисла тишина.

Ягослава выпустила очередное колечко дыма и сказала спокойно, как констатацию факта:

— Прекрасно. Поздравляю. Из неё вырастет отличная злая ведьма — образец для многих поколений. Если доживёт до взрослого возраста.

— Я буду такая же, как ты? — спросила Алёна, сверкая глазами.

— Чтобы быть как я, нужно прожить долго. А у тебя до хрена человеческой крови. Так что долго жить и стать такой, как я — тебе не грозит.

— А жаль, — опечалилась Алена.

Троян глубоко вздохнул. Повернулся к Ягославе.

— Спасибо, госпожа Ягослава, что оставили её в живых. Я ваш должник.

— Это точно, — буркнула та.

— Алёна, — Троян посмотрел на дочь строго. — Будем учиться манерам. Что можно говорить, а что нет.

— А меня бабушка уже научила манерам, — отозвалась Алёна. — Она меня когда порола, она приговаривала

И Алёна выдала.

Троян побледнел. Потом посинел. Потом стал серым, как пепел. Его вертикальные зрачки сузились до ниточек.

Светочка закрыла уши руками.

У Диогена, наоборот, зрачки стали огромными.

Хумай упала в обморок. Гамаюн её подхватила, но сама выглядела так, будто проглотила ежа.

Алконост перекрестилась. Потом вспомнила, кто она такая, и убрала руку.

Хозяйка Медной горы — существо, которое видело расплавленную руду и подземные пожары, отвернулась и прижалась лбом к стене.

Ягослава затянулась трубкой и выпустила колечко дыма с видом профессора, который доволен ученицей.

— Ну, — сказала она, — память и дикция хорошие.

Глава 24

Елена Владимировна моргнула — и картинка сменилась.

Она снова сидела в кафе «Каджа». Напротив — подруги. Те самые, с которыми она только что прожила этот кошмар в воспоминаниях.

Тишина длилась ровно три секунды. А потом взорвалась.

— Господи Боже мой! — вскрикнула Хумай, хватаясь за голову. — Она же действительно начала с нами дружить! И считать нас подругами!

— Подругами?! — взвилась Алконост. — Она дружила с нами насильно! Она сняла с нас ауру! Где бы мы ни находились, она нас находила!

— Она нас достала со своей добродетелью, — простионала Гамаюн. — Боже мой, сколько мы из-за неё пережили

Хозяйка Медной горы молча сжимала кулаки так, что костяшки побелели.

— А я из-за неё джинна потеряла! — вдруг всхлинула Наталья, хозяйка кафе. — Был у меня один Красивый, богатый, из персидских! Курчавый, глаза как миндаль, духами от него пахло такими, что у всех женщин вокруг колени подгибались. Алёна посмотрела на него и заявила: «Он не тот мужчина, который тебе нужен. Он льстит твоему эго, а любить не умеет». Он принялся доказывать, что она врёт. А дальше эта мелкая пакостница сказала ему на ушко, что я обожаю сюрпризы. И что самый лучший подарок — это если он на время спрячется в бутылку, а на моё день рождения оттуда вылетит с цветами. Ему понравилась эта идея. Он залез в бутылку, а она его какой-то печатью, которую вытащила из своей памяти, запечатала и зашвырнула через портал. Уж как я её уговаривала сказать куда — ни в какую!

— А через сто лет она пришла — как ни в чём не бывало! С пряником! И говорит: «Помнишь бутылку? Она в Яузе, под мостом, третий бык с левого берега, глубина два метра, ил полметра». Я наняла водолазов! За бешеные деньги! Достала! Открыла! Выпустила! А он испарился! — Наталья вытерла слёзы. — Со мной даже знаться не захотел! Сказал, что за сто лет в бутылке он много о чём подумал и решил, что ему нужна женщина, у которой в подругах чудовище похлеще злых джинов. Но я зла не держу. Я все эти годы держала с ней связь. Я же ей маленькую берегиню отвела, которую Дато нашёл в горах. Мне было интересно, как она растёт.

Её никто не стал утешать. Все были заняты своими травмами.

И тут подала голос Наталья Юрьевна — Хозяйка Медной горы, та самая женщина, чьи подземные чертоги не мог поколебать ни один вулкан, — Она вдруг опустила голову и тихо сказала:

— Господи Тридцать один год назад эта несносная девица решила выйти замуж. Это был нам подарок с небес.

Все замолчали.

— За простого человека. Хорошего, доброго, земного. И Алёна решила побыть человеком сама. Бросила всю магию. Как сейчас говорят — стала ЗОЖ, решила, что магия вредит организму. Жила без заклинаний, без ауры, без видения. Стала женой. Родила сына. И решила, что сын будет жить в городе. Не так, как она — в глухомани, где у неё отобрали детство. Он пройдёт всё: садик, школу, институт. Он не узнает, кто он. Не узнает, что в нём смесь божественная смесь богов и не богов. Зачем мальчику это знать? Может, у него так никогда и не проснётся магия.

Повисла тяжёлая пауза.

— Тридцать один год, — выдохнула Алконост. — У нас было тридцать один год отпуска от неё.

— И надо же было такому случиться, — голос Гамаюн дрожал. — Что именно её сын попал в Богатыри!

— Вы представляете, что будет, если она узнает? — Светочка в ужасе прижала руку к груди. — Что её ребёнок на передовой?!

— Ну, в принципе, если будет конец света, — философски заметила Наталья Михайловна, — нам уже всё равно, узнает она или нет.

— А если конца света НЕ будет, — мрачно закончила Елена Владимировна, — и она узнает то конец света наступит именно тогда. От её рук.

И тут зазвонил телефон.

Звонок был резкий, тревожный. Экран светился у Хумай. Она глянула на имя и выронила трубку на стол.

— Боже мой — прошептала она. — Это она. Она звонит! Тридцать один год молчала и теперь звонит!

Телефон замолк. И тут же зазвонил у Алконост.

— А теперь она мне звонит! — завизжала Наталья Викторовна. — Я не буду с ней разговаривать!

Светочка — Хозяйка перекрёстков просто швырнула свой телефон в марево, которое тут же открыла прямо в стене.

— Ушла в туннель! — отрезала она. — Там нет покрытия! Телефон временно недоступен!

Хозяйка Медной горы даже не моргнула. Её телефон в руке вдруг потёк, сжался, поменял цвет и превратился в кусок мрамора.

— У меня сломался, — коротко бросила она.

У Сирина зазвонил.

Все повернулись к Елене Владимировне. В глазах каждой читалось одно: «Ты её притящила — ты и отвечай!»

— Поднимай! — зашипела Гамаюн.

Сирин взяла трубку. Глубоко вздохнула. И голосом актрисы, которой премию дали за лучшую роль, пропела:

— Алёночка! Сколько лет, сколько зим! Я так по тебе соскучилась! Тебе надо со мной поговорить? А почему другие не берут трубки? Ой, ну я не знаю, Светочка и Наталья давно пропали, какая-то командировка Я тоже не могу! У нас с вещуньями срочная вылазка на Камчатку! Да-да-да, прямо сейчас! Всё, целую, на следующей неделе! Алло, алло нас обрывает!

Она нажала отбой и обмякла на стуле.

— Фух

Все выдохнули. И тут зазвонил телефон у Натальи — хозяйки кафе.

Она побледнела так, что стала одного цвета со скатертью. Руки дрожали. Но она взяла трубку.

— Да? — голос ровный, спокойный, как лёд. — Привет. Встретиться? Слушай, я не могу. Понимаешь, тут такое дело Дато опять попал в передрагу. В другом городе. Мне срочно надо ехать его вытаскивать.

Она слушала. Лицо каменное. Ни одной эмоции.

— Почему ты не слышишь в моём голосе переживаний? Ну, за столько лет уже надо было привыкнуть. Да, вытаскивать надо. Помощь? Нет, помощь не нужна. Сама разберусь. Встретимся давай через недельку. А сейчас я точно не могу.

Она нажала отбой. Положила телефон. И только тогда закрыла глаза.

— Она что, почувствовала? — прошептала Хумай.

— Она мать, — устало ответила Наталья. — Матери всегда чувствуют, когда их дети в опасности.

— Диогену говорить будем?

— Нет. И так злой всё время.

— А Грише?

— Тем более не будем. Пусть мамаша сама с ним разбирается.

Все согласно кивнули. Вопросов больше не было.

Диоген поставил бокал на стол. Лицо его было уже не усталым — оно стало сосредоточенным, как у хирурга перед сложной операцией.

— Так. Богатыри. Собрались. Слушаем.

— Нам нужно восемь. У нас пять. В запасе — два-три дня. Бог его знает, когда он проснётся. Я уже чувствую — шевелится. Всё больше и больше там, под землёй.

— Шевелится? — переспросил кто-то. — Ты его чувствуешь?

Диоген помолчал. Почесал подбородок.

— Не хотел пугать. Но вчера он уже начал звать меня по ночам.

— И ты молчал?! — глаза Светочки округлились.

— А что говорить? «Друзья, мне во сне дух земли стонет в ухо, давайте паниковать?» —

Диоген усмехнулся, но усмешка вышла кривая, почти горькая. — Нет. Я верю — мы справимся. Нам всего лишь нужно найти ещё троих.

— Троих. За два-три дня, — мрачно повторил Нарэк, и в голосе его проскользнуло что-то похожее на отчаяние.

— Просто троих, — поправил Диоген жёстко, отрубая. — Ладно. Делаем так.

Он повернулся к Грише.

— Гриша, с тебя сейчас всё равно толку нет. Сидишь с Андреем в архиве. Просматриваете экран. Если найдёте неблагонадёжных, у кого глаз дёргается, у кого ещё что, сразу вычёркивайте. Не тратьте время. У вас там, у психологов, глаз натренированный должен быть.

Гриша вздохнул.

— Микродвижения мышц, асимметрия лица, тремор пальцев. Человек может улыбаться и врать, но его левая бровь дрогнет за секунду до ответа. Это диагностика.

— Вот-вот! — Диоген ткнул в него пальцем почти радостно. — Это я и хотел сказать! Диагностируй, фильтруй. Нарэка я забираю в свою группу. Пусть там на месте тремор смотрит.

Гриша молча кивнул.

— Андрей, — Диоген повернулся к айтишнику, и голос его стал тише, почти вкрадчивым. — Ты координируешь. Шурочка сужает список, ты проверяешь по своим базам. Кто где работает, чем занимается, были ли в жизни моменты, когда человек проявился. Не геройствовал — а именно проявился. Встал и сказал «нет», когда все молчали. Пошёл один, когда все сидели. Взял на себя, когда все отступили. Такое в резюме не пишут, но следы остаются. В характеристиках, в отзывах, в судимостях наконец.

— Судимостях? — поднял бровь Гриша, и в голосе его проскользнуло сомнение.

— Ты думаешь, богатыри — это паиньки? — усмехнулся Диоген, и усмешка его стала почти ласковой. — Илья Муромец до тридцати лет валялся на печи. Добрыня Никитич медведя голыми руками душил в пьяной драке. Алёша Попович — он махнул рукой, — вообще лучше не вспоминать. Мне нужны не святые. Мне нужны живые.

Он обвёл всех взглядом — жёстким, цепким.

— Остальные — по своим группам. Сначала по корпорации. Рабочий день заканчивается, люди расслабляются, барьеры опускаются. Присматриваемся. Прислушиваемся. Кто-то выделяется, цепляем. Потом рассасываемся по городу. Если кто найдётся, тащим в кафе. Не найдётся, тоже встречаемся в «Каджи». Вопросы есть?

Никто не ответил.

— Вопросов нет, — кивнул Диоген. — Все выдвигаемся. Я за вещуньями. Что-то они там засиделись.

Он развернулся и вышел — быстро, будто боялся, что если задержится, то сам начнёт сомневаться.

Диоген залетел в малый зал, обвёл всех взглядом — и замер.

— Я не понял. Чего сидим? Чего отдыхаем? Апокалипсис на носу, а они развалились здесь!

— Ничего мы не развалились! — обиженно отозвалась Хумай, поправляя съехавшую брошь. — Гришу обсуждаем.

— Он, между прочим, добавил нам внеочередной стресс, — мрачно добавила Алконост, даже не поднимая головы от чашки.

— Мамаша у него очень неприятная особа, — вздохнула Гамаюн и тут же зябко повела плечами.

Диоген покрутил пальцем у виска.

— Вы чачи, что ли, перепили? При чём тут родословная богатырей? Мне нужны мужики, которые демонов ногами топчут, а не психоанализ их семейных драм!

— Ничего мы не перепили! — взвилась Елена Владимировна. — Он сын Алены!

Диоген, который как раз набирал воздух для очередной тирады, поперхнулся.

— Чего — выдохнул он осипшим голосом.

— Той самой, — кивнула Хумай, складывая руки на груди с видом человека, который только что поставил мат. — Нашей Алены. Которая тебе тоже портила жизнь.

— Начиная с твоих ненаглядных бутылок, — с ехидцей добавила Гамаюн и со вкусом отхлебнула чай.

Тишина в комнате стала такой густой, что её можно было резать ножом.

У остальных женщин — тех, кто помалкивал и только наблюдал за перепалкой — медленно, но синхронно отвисли челюсти.

Светочка смотрела на вещуний круглыми глазами, будто они только что признались в шпионаже. Хозяйка Медной горы перестала помешивать чай и застыла с ложечкой на весу. А хозяйка кафе «Каджа» медленно опустилась на стул и прошептала одними губами:

— Вы зачем ему рассказали?

— Он нас вынудил, — быстро зашептала Хумай.

— Вы же все видели! — возмутилась Елена Владимировна.

— А я поддержала, — пожалала плечами Гамаюн, — чем могла.

Диоген стоял посреди зала, медленно переваривая услышанное. Его жёлтые глаза сузились до щёлочек.

— То есть, — сказал он тихим, страшноватым голосом, — один из богатырей — сын той самой Алёны, от которой у меня до сих пор тахикардия?

— Ты магическое существо. У тебя нет тахикардии, — буркнула Светочка из угла.

— Не перебивай! — рявкнул Диоген. — Я сейчас не про свою кардиограмму!

— А зря, — сказала Алконост, критически оглядывая Диогена снизу вверх, как врач пациента, который не хочет лечиться. — У тебя цвет лица нездоровый, тебе бы отдохнуть. Или попробуй метод «Золотой сферы». Представь, что у тебя в животе — золотой шар. На вдохе ты втягиваешь в него энергию из космоса. На задержке — упаковываешь. На выдохе — распределяешь по телу. Три цикла. После этого ты либо спокоен, либо у тебя приступ аппендицита. В любом случае — отвлечёшься.

— Точно-точно, — подхватила Хумай, складывая руки на груди и блаженно прикрыв глаза. — Ты бы хоть аффирмации повторял. «Я люблю мир, и мир любит меня. Я принимаю свою тревогу и отпускаю её». Главное — с закрытыми глазами, на вдохе и выдохе. Искренне. От сердца. А то сидишь вечно злой, как сто чертей.

— Нее. Баня, — вставила Гамаюн, качнув головой так, что серьги звякнули. — Пар, венник, квас. Очищение тела — очищение духа. Душа через кожу выходит, когда жарко. А вместе с ней — тревога, страх и желание убить ближнего своего. Проверено тысячелетиями. Особенно если ближний — это Диоген.

— Нет, лучше мой метод, — Сирина подняла палец. — «Голос пустоты». Закрываешь глаза. Открываешь рот. И поёшь. Не песню — просто звук. Долгий, ровный, пока в голове не станет пусто. Когда поёшь — мысли останавливаются. Потому что мозг не умеет одновременно петь и паниковать. Проверено.

Она набрала воздуха и выдала длинный, вибрирующий звук — от которого у всех мурашки побежали по коже.

— Ну? — спросила она, открыв глаза. — Чувствуете?

— Чувствую, — прошипел Баюн, аж вишнёвый от бешенства. — Мне захотелось в церковь. Покреститься и подстричься в монахи. И уйти подальше от вас.

— Слушай, братан, — раздался голос. — А чё они там у вас в корпорации за шмаль курят? Мне не подкинешь?

Дато. Откуда он взялся — никто не заметил. Стоит в дверях, плечи расправлены, ухмыляется, в глазах — дурацкое любопытство полукровки, которому скучно.

Хозяйка кафе мгновенно оказалась рядом. В руках у неё откуда ни возьмись появилось полотенце. Короткий замах — и Дато пулей вылетел из зала, даже не успев моргнуть.

— Я тебе подкину! — крикнула ему вслед Наталья.

Диоген проводил его взглядом. Потом медленно, очень медленно, повернулся к Светочке. И в его глазах было такое такое. Если бы усталость могла убивать, половина Москвы уже лежала бы на полу.

— А всё ты, — прошипел он, наступая на жену. — Мне нужны подруги! Я не могу жить в изоляции! А ты что сделала? Завела себе зоопарк! Четыре глупые курицы и ящерица в придачу! А потом они притащили двух неадекватных баб в мою зону комфорта! И я, как последний дурак, с ними мучаюсь! Хватит! Я запрещаю тебе заводить друзей или

Светочка спокойно скрестила руки на груди.

— Или что? — спросила она. — Ты со мной разведёшься? Или меня бросишь?

Диоген открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Кстати, первым в её зоопарке появился наглый, беспринципный кошак, — съязвила Хозяйка Медной горы.

Диоген вдруг выпрямился. Поправил на себе костюм. Глубоко вздохнул. Глаза его забегали — так бегают, когда ищут спасательный круг.

— Спокойно, Баюн, — заговорил он сам с собой, начиная расхаживать по залу. — Это же женщины. Они на ступень ниже эволюции человека. Мои друзья когда-то говорили а они, между прочим, не последние умы!..

И понеслось. Диоген заговорил быстро, ровно, почти механически, как читают мантры или считают овец:

— Шопенгауэр: «Женщины — это второй пол, во всех отношениях уступающий первому». Ницше: «Ты идёшь к женщинам? Не забудь плетку!». Аристотель: «Мужчина по природе своей стоит выше женщины, так же как он стоит выше раба». Бисмарк: «Область женщины — это дом. Если она лезет в политику, она становится либо карикатурой на мужчину, либо чудовищем».

Он перевёл дух, но не остановился.

— Да что там они! Как сказал Тертуллиан: «Женщины — врата дьявола. Вы так легко разрушили человека, образ Божий. За ваш проступок Сыну Божьему надлежало умереть». Они даже Сына Божьего подставили!

Диоген выдохнул. Поправил галстук. И совершенно спокойно, будто только что не цитировал философов-мизантропов, развернулся к выходу.

— Так что спокойно. Соберись, Диоген. Тебя ждут богатыри.

Бросил через плечо:

— Через пять минут жду вас на выходе.

И вышел.

Дверь за ним закрылась.

Тишина в зале длилась ровно три секунды.

— А его методика сработала, — задумчиво сказала Хумай.

— Действительно, — подхватила Алконост. — И дыхание ему выровнялось.

— Надо на досуге тоже попробовать, — поддержала Гамаюн, поправляя платок.

— Я точно попробую, — кивнула Сирина.

— Вы серьёзно?! — возмутилась хозяйка кафе. — Он же нас сейчас оскорбил!

Сирин мягко улыбнулась, той самой улыбкой, от которой хотелось то ли обняться, то ли спрятаться под стол.

— Милочка, — сказала она, — если бы женщины всякий раз обращали внимание на вопли расстроенных мужчин, эволюция не продвинулась бы ни на шаг.

— Это точно, — добавила Гамаюн, кивая. — Нам бы до изобретения колеса было бы далеко.

Все переглянулись. И согласно кивнули.

Даже хозяйка кафе, которая только что пылала праведным гневом, не нашлась, что возразить.

Женщины задвигались — кто поправлял причёску, кто собирал амулеты, кто просто вздыхал, набираясь сил перед выходом.

А где-то в коридоре уже стучали шаги Диогена. Спокойные, ровные. Человека, который только что выплеснул весь свой гнев через великих философов и теперь чувствовал себя почти счастливым.

Гриша сидел перед экраном, но лиц уже не видел. Перед глазами стояла другая картинка: дождь, зонт, мокрая девушка с плачущим шиншиллом на руках. И её глаза — серо-голубые, опухшие от слёз, но живые. Такие живые, что у него тогда перехватило дыхание.

Настя.

Раньше это было просто. Он — психолог, она — девушка под дождём. Ничего сложного. Но теперь

Теперь он не знал, кто он.

Гриша посмотрел на свои руки. Обычные. Пять пальцев. Кожа. Ногти. Но под этой кожей течёт кровь, которая обжигает вампиров. Тридцать процентов сущности. Какой? Чьей? Он не знает. Он вообще ничего о себе не знает.

А если он опасен?

— Григорий Владимирович, — голос Шурочки вернул его в реальность. — Вы не моргаете уже сорок семь секунд. Это вредно для зрения.

Гриша моргнул. Повернулся к Андрею.

Тот сидел рядом, пил остывший кофе и смотрел в свой ноутбук. Спокойный, сосредоточенный, как будто конец света — это просто баг в продакшене, который нужно пофиксить к утру.

— Андрей, — начал Гриша и замялся. — Можно тебя спросить?

— Спрашивай, — не отрываясь от экрана, ответил тот.

— Ты ты когда-нибудь думал о том, что ты — не совсем такой, как все?

Андрей остановил печать. Посмотрел на Гришу поверх монитора.

— В смысле?

— В смысле — Гриша подбирал слова. — Вот ты — человек. Программист. У тебя мама, папа, обычное детство. Ты знаешь, кто ты. А я я не знаю. Оказалось, что во мне тридцать процентов какой-то сущности. Моя сестра — берегиня. Моя мать — он запнулся, — а, может, я приёмный. Я — смесь. Полукровка. Может, даже не полукровка, а что-то хуже. И я не знаю, что со мной будет. Как я буду — он замолчал.

— Как ты будешь что? — Андрей снял очки и посмотрел на него внимательно.

— Как я буду с людьми, — тихо сказал Гриша. — Если я даже не знаю, кто я. Если моя кровь может кого-то убить. Если в любой момент может произойти что-то, что я не контролирую. Имею ли я право вообще

Он замолчал. Не мог произнести это вслух.

— Имеешь ли ты право знакомиться с девушками? — Андрей сказал это так буднично, будто спрашивал, хочет ли Гриша ещё кофе.

Гриша покраснел.

— Ну да. Я познакомился с одной. Она обычная. С шиншилой. Я отдал ей зонт. И я записал её номер. Теперь я не знаю — имею ли я право звонить? Что, если я опасен? Что, если рядом со мной ей будет опасно?

Андрей посмотрел на него. Долго.

— Знаешь, — сказал он, — я всё время тоже мучился, переживал, как я буду жить дальше. Слишком странный для обычных мест.

Он отпил кофе.

— А потом я попал сюда. И оказалось, что моя странность — это не баг. Это фича. Просто нужно было найти правильную среду.

Гриша молчал.

— Ты не знаешь, кто ты, — продолжил Андрей. — Ну и что? Я тоже не знал. Шурочка тоже не знает, кто она — программа или душа. Диоген не знает, он кот, собака или философ. Мы все не знаем. Это нормально.

— Но если я опасен

— Если ты опасен — ты бы уже кого-нибудь покалечил. А ты вместо этого отдал зонт незнакомой девушке под дождём. Это не поведение опасного существа. Это поведение парня, которому кто-то нужен.

Гриша хотел возразить, но не нашёлся.

Андрей поставил кружку.

— Послушай. Я не эксперт по отношениям. Но я точно знаю одно: если ты не позвонишь этой девушке, ты будешь сидеть тут, смотреть в экран и думать о ней. А не о богатырях. А тебе нужно думать о богатырях. Потому что конец света не подождёт, пока ты разберёшься со своими чувствами.

— Позвони ей, — Андрей пожал плечами так, будто это было очевидно. — По телефону. Спроси, как дела. Как шиншилла. Дождь был, не промокла ли. Это не предложение руки и сердца. Это вежливость.

— А если

— А если она скажет «пошёл к чёрту» — ты повесишь трубку и пойдёшь спасать мир. А если не скажет — ты позвонишь ещё раз. После конца света.

Гриша смотрел на него.

— Ты человечно рассуждаешь для программиста.

— Я рассуждаю логично, — отрезал Андрей. — Неразрешённая эмоция жрёт ресурсы. Разреши — освободишь оперативку. Звони.

Гриша достал телефон. Открыл контакты. Настя. Номер сохранился ещё тогда, под дождём, когда он мок на остановке без зонта и чувствовал себя полным идиотом.

Нажал «вызов».

Гудок. Второй. Третий.

— Алло? — голос был сонный, слегка хриплый.

— Настя? Привет. Это Гриша. Мы мы встречались под дождём. С зонтами и шиншиллом.

Пауза.

— Гриша? — в голосе прорезалось что-то тёплое. — Ой, Гриша! Привет! Как ты? Не промок?

— Нет. Я на работу быстро добежал, — соврал Гриша и тут же поправился. — Ну, почти. Как Мартик?

— Мартик в порядке! Ест, спит, бегаёт в колесе.

Пауза. Не неловкая — тёплая. Как плед, который набрасывают на плечи.

— Настя, — сказал он и сам удивился, как изменился его голос. Стал тише. Как будто говорил не в телефон, а прямо ей на ухо. — Я потом бежал на работу. И всё время думал о тебе.

— Правда?

— Правда. Думал как ты доберёшься. Промокнешь ли. Плачет ли ещё этот Мартик.

Настя сказала тихо, коротко, и — Гриша готов был поклясться — что её голос был теплее любого одеяла.

— Мартик не плачет. Он хрустит.

— Чем хрустит?

— Морковкой. Это его любимое лакомство. Я потом купила ему специальную морковку. Для грызунов. В зоомагазине на углу. Продавщица спрашивает: «Для кого?» А я говорю: «Для шиншилла, который пережил потерю». Она посмотрела на меня как на сумасшедшую.

Гриша засмеялся. Настояще, открыто, в голос.

— Знаешь, — сказала Настя тише, — я тогда очень хотела, чтобы ты остался.

Гриша перестал смеяться.

— Что?

— Под дождём. Я хотела, чтобы ты остался. Не уходил. Просто стоял рядом. Со своим дурацким зонтом. Который ты мне отдал.

— Почему не сказала?

— Потому что ты спешил. У тебя были важные дела. Я видела по глазам.

Гриша молчал. В горле стоял ком, и он не мог — просто физически не мог — произнести ни слова. Потому что если бы он тогда остался, он бы опоздал на работу. На ту самую работу, где его покусал вампир, где он оказался богатырём и где теперь должен спасти мир.

И он ни за что бы не променял этот дождь ни на что.

— Настя, — сказал он, и голос его был хриплым, совсем не таким, как положено психологу с красным дипломом. — Я позвоню ещё?

— Позвони, — ответила она. И в этом одном слове было столько всего, что Гриша не смог бы разобрать, даже если бы был психологом. Просьба. Надежда. Ожидание. И что-то ещё, отчего сердце снова подпрыгнуло.

— Завтра?

— Завтра, — подтвердила она.

— Тогда до завтра.

— До завтра, Гриша.

Пауза. Никто не хотел класть трубку. Это было слышно — в дыхании, в тишине, в том, как время между ними вдруг стало густым и медленным, как мёд.

— Пока, — наконец сказала Настя.

— Пока.

Трубка легла на стол. Гриша смотрел на телефон. На экран, где светилось «Вызов завершён. 6 минут 14 секунд». Шесть минут. Всего шесть минут. А кажется — всю жизнь.

Он сидел неподвижно. В голове было пусто и тихо. Не от усталости — от чего-то другого. От того, что кто-то где-то ждёт его звонка. Обычная девушка. Которая не знает про вампиров, про богатырей, про кровь, которая обжигает нежить. И, может быть, ей нужен просто Гриша. Не богатырь. Не ведающий. Не психолог. Просто Гриша.

— Ну что? — спросил Андрей, не поднимая головы от монитора. — Освободил оперативку?

Гриша очнулся. Посмотрел на Андрея. На Шурочку. На экран с лицами.

— Освободил, — сказал он и снова уставился в монитор. — Работаем.

Глава 25

Рабочий день перевалил за экватор, а толку было ноль.

Гриша и Андрей сидели в оперативке, уткнувшись в мониторы. Шурочка гоняла базы данных, выдавая на-гора списки сотрудников, но фильтр Диогена — «встал и сказал нет, когда все молчали» — в корпоративной машине работал из рук вон плохо. Здесь все умели молчать. Здесь выживали те, кто вовремя опускал глаза.

— Так Марченко из отдела поставок, — бормотал Андрей, водя курсором по экрану. — Три выговора. Один — за то, что послал начальника транспортного цеха.

— А почему послал? — оживился Гриша.

— Тот сжульничал с накладными и свалил на водителя. Марченко встал и сказал, что это не водитель, а начальник крысятничает.

— То есть у него есть стержень! — Гриша подался вперёд.

— Есть, — кивнул Андрей и щёлкнул мышкой. — Только Марченко три года как уволился и уехал во Владивосток. Следующий!

К пяти часам вечера Гриша понял, что слепнет. Лица плыли, сливаясь в одну безликую массу. Он выходил в коридор, присматривался к коллегам. Никто не дёргался. Никто не искрил.

Их группы рассредоточились по городу. Гоша с Гамаюн и Гера с Сирином методично прочёсывали районы поближе к окраинам, где, по статистике, чаще случались прорывы мелкой нечисти. Диоген, Нарэк и Хумай метались по центру, проверяя всплески аномальной энергии. Светочка с Хозяйкой Медной горы и Алконост ушли на восток — туда, где по данным Светочки ночью должна была проснуться старая тропа колдунов.

Гриша с Андреем после смены тоже пошли ногами. Просто бродили по вечерней Москве, вглядываясь в лица прохожих. Женщины с пакетами, спешащие в метро. Мужчины в куртках, уткнувшиеся в телефоны. Студенты, смеющиеся на остановках. Город жил своей обычной, суетливой жизнью, и в этой жизни не было места богатырям. Может, они вымерли, как мамонты? Может, времена такие — не рождаются больше люди, способные встать наперекор?

К восьми вечера ноги гудели. Отчаяние подкатывало к горлу комом. Два-три дня. Диоген сказал — два-три дня, и дух земли проснётся. А они даже одного не нашли.

Собирались в «Кадже» уже глубоко вечером.

Когда Гриша с Андреем толкнули тяжёлую дубовую дверь кафе, их обволок запах хинкали, кинзы и горячего хлеба. В зале было почти пусто — только Кэле в углу допивала свою оленью кровь, да Карачун у окна задумчиво ковырялся в холодце, от которого по стеклу ползли морозные узоры.

За столом в среднем зале уже сидела своя команда. Выглядела помято.

Гоша с тоской жевал пустой лаваш, Гера мрачно ковырял вилкой в тарелке с сациви. Нарэк молча крутил в руках стакан с чаем.

Вещуны выглядели хуже всех. Хумай сидела, подперев щеку кулаком — белоснежные волосы растрепались, брошь съехала набок, обычно безупречная осанка сдала, плечи поникли. Пустые глаза смотрели куда-то сквозь стол, сквозь стены — туда, где ничего не было. Алконост вцепилась в чашку обеими руками, перья на висках взъерошились, словно ветер трепал их весь день — хотя никакого ветра не было. Гамаюн привычно поправляла платок, но пальцы дрожали, и серьги звенели непривычно нервно — медный перезвон, от которого хотелось спрятаться под стол. Сирином — та и вовсе притихла, сгорбилась, сложила крылья — чёрные, как у ворона, и смотрела в свою чашку так, будто надеялась разглядеть там ответ, которого не было.

Светочка сидела рядом с Алконост — обычно щеголеватая и собранная, сейчас она развалилась, закинув ногу на ногу, и мрачно ковыряла вилкой остывший хачапури. Хозяйка Мед-

ной горы молча сжимала стакан с минералкой — пальцы каменные, лицо непроницаемое, но в глазах — усталость, которую не мог скрыть даже малахит.

Гриша рухнул на скамью. Андрей тяжело опустился рядом, ноутбук даже не стал открывать — бесполезно.

— Ну? — только и спросил Гриша.

— Пусто, — хрипло сказал Нарэк. — Мы с Диогеном и Хумай до Арбата дошли. Там аномалия вспыхнула — думали, кого-то выбросило. Прибежали, а это бабушка ценники перепутала и на кассе в магазине вмазала кассиру сдачей. Стержень есть, богатыря нет.

— У нас на окраинах то же самое, — буркнул Гоша, швырнув лаваш на тарелку. — Гамаюн чуть не свихнулась, ведёт по следу, а след обрывается. То ли не проснулись ещё, то ли прячутся так, что даже аура не фонит.

— Мы с Сирином до Чертанова доехали, — добавил Гера. — Там бес на дороге показался, мелкий, кошку таскал. Прищучили. А вот кто его прищучил бы, если б нас не было — того человека мы так и не нашли.

— Тропа колдунов не проснулась, — подала голос Хозяйка Медной горы, не поднимая глаз. — Ничего. Тропа мёртвая.

— По базам вообще глухо, — бросил Андрей, массируя виски. — Пока мы с Гришей по улицам шлялись, Шурочка все архивы перерыла. Ноль.

Диоген сидел за столом. Плечи опущены, хвост бессильно свисает. Он слушал каждое слово. Йибы-ойка бесшумно поставил перед ним чашку с чачей. Диоген взял, не глядя. Сделал глоток. Жжёт. Пусто.

И в этот момент дверь среднего зала скрипнула.

На пороге появились Лана и Никита. Они озирались, явно высматривая Наталью или Дато, но хозяев поблизости не оказалось. По инерции они шагнули в средний зал — и наткнулись на компанию.

Гриша напрягся. Лана увидела брата, едва заметно дёрнулась, но уходить не стала. Сдержанно кивнула:

— Привет.

— Привет, — буркнул Гриша.

Никита кивнул тоже — коротко, виновато. Они сели за соседний столик. Вид у обоих был такой, будто они пришли на собственную казнь, но решили принять её с достоинством.

Диоген, который до этого изучал дно своей чашки, медленно поднял голову. Перевёл мутный взгляд с Ланы на Никиту, потом на сжатые кулаки Гриши.

— Это чё, знакомые что ли? — спросил он, лениво шевеля хвостом.

— Сестра, — коротко бросил Гриша. — И бывший друг.

Он не собирался говорить. Но день был паршивый, нервы на пределе, а предательство — свежее. И Гришу прорвало.

— Я пять лет думал, что она в Бостоне! — заговорил он, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно. — Что она обычный человек, пьёт свой долбаный кофе, строит карьеру! А она — берегиня! Она в лесу магию укрощала!

Он ударил ладонью по столу. Хинкали на тарелке Нарэка подпрыгнуло.

— А этот, — Гриша ткнул пальцем в сторону Никиты, даже не повернувшись, — мой лучший друг! Он знал! Он всё знал! И ничего не сказал! Умотал с ней в тьму тараканьей, даже не попрощавшись! Я бы её защитил! Я бы поехал с ними! А он поступил как свинья. Забрал и молчал. Пять лет, понимаете? Пять лет вранья!

В зале повисла тяжёлая тишина. Слова Гриши повисли в воздухе, грубые, болезненные, как удар под дых.

Вся компания медленно повернула головы и уставилась на соседний столик.

Лана и Никита почувствовали этот взгляд спиной. Никита напрягся, как струна. Лана чуть приподняла подбородок, в её волосах мелькнул золотистый искристый свет — берегиня не собиралась прятать свою суть перед судом старших сущностей. Но быть под прицелом всё равно было мучительно.

Гриша замолчал, тяжело дыша. Обида комом стояла в горле.

И тут вступили вещуньи.

Сначала подала голос Наталья Викторовна. Она отложила недоеденный хачапури, прижала руку к груди, и в её глазах вдруг заблестели слёзы.

— Подождите... — выдохнула она. — То есть он увёз её в глухой лес, куда не добраться обычным людям? Только чтобы быть рядом?

— Ну... да, — буркнул Гриша.

Елена Владимировна поправила идеальный локон и подалась вперёд, забыв про остывший чай:

— Он пошёл за ней на край света! Бросил комфорт, город, друзей... Ради женщины!

— Он спасал тебя от горькой правды! — торжественно изрекла Наталья Михайловна, возводя глаза к потолку, словно читала невидимый свиток. — Он взял на себя груз молчания, чтобы ты, Гриша, жил спокойно и не тревожился! Какая жертва!

Светлана Ивановна, до этого грустно смотревшая в пустоту, вдруг выпрямилась. Крылья за её спиной чуть колыхнулись, в глазах загорелся огонь.

— Это же настоящая любовь! А достоинство? — сказала она звонко. — Он не стал оправдываться, когда ты его ненавидел! Он молча нёс свой крест! Настоящий мужчина!

Гриша поперхнулся.

Диоген слушал. Он слушал внимательно, не перебивая. Чашка с чачей застыла в его лапах. Жёлтые глаза из мутных вдруг стали острыми, как хирургический скальпель. Он посмотрел на Никиту. На Лану. На поникшего Гришу.

Человек, который отказался от всего и пошёл в никуда за женщиной-сущностью. Человек, который годами терпел ненависть лучшего друга, чтобы не раздробить ему сердце правдой. Человек, который взял ответственность за чужую, нечеловеческую природу на себя.

Диоген медленно поставил чашку на стол. Хвост, до этого безвольно висевший, вдруг дёрнулся и поднялся трубой.

— Шестой, — сказал Диоген.

Гриша моргнул.

— Что?

— Шестой готов, — Диоген обвёл всех сияющим взглядом. — Нашёлся.

И по его морде расплылась довольная, хищная, абсолютно кошачья улыбка, и она становилась всё шире, пока не стала похожей на оскал Чеширского кота, который только что понял, что стайка мышей сама загнала себя в тупик.

— Ну конечно! — воскликнул он, хлопая себя по лбу. — Шерсть мне в глотку! Сто лет не видел такой классики!

Он резко сорвался с места. В три прыжка преодолел расстояние до соседнего столика. Никита, видя летящего на него древнего кота с горящими глазами, инстинктивно откинулся на спинку стула, но было поздно. Диоген вцепился в его куртку обеими лапами с хваткой бульдога.

— Куда же вы? — пропел Диоген, рывком ставя Никиту на ноги. — Как можно уходить, когда судьба стучится? Садитесь с нами!

— Мы, вообще-то, просто поужинать зашли — попыталась вякнуть Лана, но Наталья Викторовна и Елена Владимировна уже подхватили её под локотки с двух сторон.

— Ой, деточка, — мурлыкнула Алконост. — От ужинаете с нами. Вы теперь часто будете ужинать с нами

Лана попыталась вырваться, но вещуньи держали крепко, с любовью, но намертво.

— Отпустите!

— Всё хорошо, всё будет хорошо, — шептала ей на ухо Гамаюн. — Удел женщины — стоять за спиной мужчины.

Нарэк и Гоша молча раздвинули лавки за главным столом. Диоген силой запихнул обалдевшего Никиту на свободное место между собой и Гошей, а Лану аккуратно, но непреклонно усадили напротив — рядом с мрачно глядящим Гришей.

— Ну вот, — Диоген потёр лапы, — теперь мы все в сборе. Славная компания, я бы сказал.

Никита перевёл растерянный взгляд с кота на Гошу, потом на Геру с татуировками, потом на антураж из вещуний. Похоже, он только сейчас осознал, с кем сидит его бывший друг.

— Слушайте, — Никита поднял руки в защитном жесте, — я не знаю, что тут у вас за маскарад, но мы просто хотели хинкали поесть

— Хинкали подождут! — отмахнулся Диоген. — Юноша! — он ткнул когтистым пальцем Никите в грудь. — Ты соврал лучшему другу. Ты скрывался пять лет в лесу. Ты нёс свой крест молча, пока тебя ненавидел самый близкий человек.

— Ну да, — выдавил Никита, — Но я не

— Это ли не подвиг? — патетически спросил Диоген, обводя рукой стол. — Это ли не истинное богатство духа?

— Чего? — опешил Никита.

— Тебе говорят комплимент, дубина, — буркнул Гриша, не поднимая глаз от стола.

— Григорий, не мешай, — строго осадил его Диоген. — Я провожу вербовку! — Он снова повернулся к Никите, и взгляд его стал серьёзным, даже суровым. — Короче, Никита. Ты теперь богатырь.

Повисла пауза. Никита медленно моргнул.

— Я кто?

— Бо-га-тырь, — по слогам произнёс Диоген. — Избранный. Герой. Тот, кто спасёт мир от неминуемой гибели. Вот, держи.

Он торжественно преподнёс ему чачу.

— Ты в одном ряду с ним, — Диоген кивнул на Гришу.

Никита посмотрел на Гришу. Потом снова на кота. Потом на стопку чачи в своей руке, которая оказалась там будто по волшебству.

— Гриш — в голосе Никиты прозвучала мольба. — Скажи, что это розыгрыш.

Гриша тяжело вздохнул. Отодвинул тарелку. Посмотрел на Никиту долгим, оценивающим взглядом — как смотрят на пациента, которому сейчас скажут то, что тот совершенно не хочет слышать. Он плеснул себе чачи из бутылки, которую заботливо пододвинула Светлана Ивановна, и начал:

— Короче. Раз в семьсот лет просыпается древний дух. Дух земли, дух места, назови как хочешь. Он проверяет — достойна ли цивилизация того, чтобы существовать. Не прошла проверку — стирается всё. Города, люди, память, духи. Всё. Как не было.

Никита моргнул.

— В смысле — стирается?

— В прямом. Без руин, без пепла. Просто — нет, и всё. Даже воспоминаний не остаётся, — Гриша сделал глоток и поморщился. — Остановить его могут только восемь человек. Богатырей. Мужиков от двадцати до сорока пяти, с живой душой и стержнем внутри. И этот самый дух проснулся. А у нас два-три дня. Ну, может, больше. Если повезёт.

Он поставил стопку на стол.

— Я — пятый. Этот тип с татуировками — третий. Парень с ноутбуком — четвёртый. Армянин — первый. Физик — второй. А ты, Никита

Он посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты — шестой. Потому что ты пять лет жил в лесу, среди нечисти, и не сошёл с ума. Потому что ты оберегал мою сестру, когда её магия рвала её на части. И потому что ты молчал, зная, что я тебя ненавижу — но не стал врать, чтобы оправдаться. Вот этого — Гриша ткнул пальцем в сторону Диогена, — этого старого философа такие вещи цепляют.

Диоген самодовольно кивнул.

— Он прав. Мне нужен кто-то, кто не побежит. А ты, судя по всему, не побежишь. Потому что уже не убежал, когда мог.

Никита открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Посмотрел на чачу в своей руке. Выпил одним глотком.

— Это бред, — хрипло сказал он. — Это какой-то бред.

— Согласен, — кивнул Гриша. — Но это бред, в котором мы сейчас все живём. И если мы не найдём ещё двоих, то этот бред станет очень коротким. Для всех.

— И что, это сейчас так называется? — Никита нервно хохотнул. — Богатыри — это те, кто с мечами, на конях

— Коня нет, — не моргнув ответил Диоген. — Меча и щита нет. Премию дадут.

— Какую премию?

— Посмертную, — хмыкнул Гера.

— Гера, не пугай человека, — шикнула на него Светлана Ивановна. — Никиточка, не слушай его, богатыри бывает выживают. Это почётная обязанность! Вы пройдёте в скрижали истории!

— Я не хочу в скрижали! — возмутился Никита.

— Опоздал, — отрезал Диоген. — Отказ не принимается. Если ты смог пять лет смотреть в глаза медведям и упырям ради того, чтобы твоя жена не сошла с ума от магии, то перед Духом Места ты точно не дрогнешь. Ты наш.

Лана смотрела то на мужа, то на брата. Два самых важных человека в её жизни. И оба шли на смерть.

Лицо её побледнело. Сначала — как мел. А потом по щекам поползли красные пятна. Глаза загорелись — не метафорически, а по-настоящему, золотым, нестерпимым светом.

Она медленно поднялась из-за стола.

Сначала никто не понял.

Вокруг Ланы начала расти аура. Она стелилась по полу, как разлившееся пламя — красная у ног, зелёная у пояса, золотистая у плеч. Цветы в её волосах, которые только что завяли от горя, вдруг встали дыбом и зацвели с такой яростью, будто хотели пробить потолок. Воздух вокруг неё стал плотным, горячим, пахнущим грозой и жжёной травой.

Все за столом замерли.

Диоген поперхнулся чачей. Его жёлтые глаза стали круглыми, как блюдца.

— Вот это то что, я думаю? — начал он.

— Она же молодая, — прошептала Наталья Юрьевна, отодвигаясь вместе со стулом. — У неё магия ещё не под контролем. Нестабильная

— Переволновалась, — добавила Елена Владимировна, нервно поправляя волосы, которые уже начали подниматься от статического электричества.

Аура всё разрасталась. Красная — как пожар. Зелёная — как весенний лес после ливня. Золотая — как солнечный удар. Лана стояла, вытянув руки вдоль тела, кулаки сжаты, глаза закрыты, губы белые. Она дышала рвано, коротко, как человек, который вот-вот задохнётся.

— Ланочка — Светочка сделала шаг к ней, протянула руку. — Ланочка, спокойней, дыши. Аура дрогнула. Увеличилась. Пол под ногами Ланы пошёл трещинами. Хинкали на столе начали подпрыгивать. Стаканы зазвенели.

— Спокойней, говоришь? — прошипел Диоген, пятясь. — Она сейчас как долбанёт!

Гошан смекнул первым.

Он вскочил, дёрнул за шиворот ничего не понимающего Гришу, потом Никиту — того аж перекошило от неожиданности.

— Гера! — заорал Гоша. — Пентаграмму! Парни, в угол! Ходу!

Гера среагировал мгновенно. Пока Гошан ташил Гришу и Никиту в дальний угол зала, а Андрей сам — без лишних слов — подхватил ноутбук и рванул следом, Гера уже сгребал со стола всё, что было. Кетчуп. Горчицу. Перец. Ткемали. Соус чили. Какой-то зелёный соус, название которого никто не помнил.

Он упал на колени в углу и начал рисовать.

Это было красиво. Это было, чёрт возьми, талантливо. Гера водил руками с точностью хирурга и скоростью машинистки. Кетчуп — внешний круг. Горчица — внутренние связки. Ткемали — руны силы. Чили — узлы фиксации. Зелёный соус — печать завершения.

Пять секунд. Семь. Десять.

Готово.

Пентаграмма вспыхнула тёплым золотым светом — кривая, кособокая, нарисованная соусами на грязном полу, но — рабочая. Защитный купол накрыл их всех: Гришу, Никиту, Гошана, Геру, Андрея, Нарэка.

— Ложись! — рявкнул Гошан, пригибая Гришу к полу.

Вещуњи тоже не теряли времени. Все четверо встали одновременно. Их человеческие облики дрогнули, пошли рябью и распались. Настоящие крылья развернулись за спинами, огромные, величественные, каждое перо светилось изнутри. Хумай — белая, как снег, Сирин — чёрная, как вороново крыло, Алконост — серебряная, как лунный свет, Гамаюн — золотая, как рассвет. Они завернулись в крылья, как в коконы, и замерли.

Светочка скрылась в мареве дорог — сиреневая дымка сжалась в точку и исчезла.

Наталья Юрьевна просто сложила руки на груди. Там, где она стояла секунду назад, остался кусок малахитового мрамора — гладкий, прохладный, с прожилками. Она ушла в камень.

Диоген просто вздохнул.

Он остался наблюдать, как аура Ланы достигла пика. Берегиня вскрикнула — коротко, резко, как от боли и энергия рванула наружу.

Взрыв был не огненный и не громкий. Он был — живой. Волна зелёного и золотого света ударила во все стороны, сминая стулья, опрокидывая столы, выбивая стёкла. Деревянные панели на стенах пошли трещинами. Хинкали взлетели, как стая глиняных птиц, и шлёпнулись на потолок.

Диогена вышвырнуло, как пушинку. Его пронесло через весь зал, приложило о стену, и он сполз на пол — в сациви, в лагман, с греческой лапшой на ушах и потеками от ткемали на пиджаке.

Тишина.

Дым осел.

В центре зала, среди перевёрнутой мебели и ошметков хачапури, стояла Лана. Опустошённая. Плечи опущены. Глаза пустые, мокрые. Цветы в волосах обуглились и осыпались чёрным пеплом. Аура исчезла. Руки безвольно висели вдоль тела.

Вещуњи опустили крылья первыми. Огромные, сияющие, они мягко сложились за спинами, и через секунду от них остались лишь привычные элегантные силуэты.

Четыре женщины бросились к Лане. Усадили на уцелевший стул. Хумай положила ладонь ей на лоб, Алконост — на левое плечо, Гамаюн — на правое. Сирин встала сзади, взяв за голову. И от их рук потекло. Тёплое, густое, как майский мёд, золотистое свечение. Оно вливалось в Лану, заполняя выжженную пустоту, зашивая разорванные энергетические нити, возвращая цвет поблекшей коже.

Светочка материализовалась из марева прямо рядом с ними, привычно поправляя сбившуюся причёску. Наталья Юрьевна с тихим каменным скрежетом обрела человеческий облик — смахнула с плеча невидимую мраморную крошку и неодобрительно посмотрела на пол, где осталась небольшая царапина от её «окопа».

Лана медленно открыла глаза. Сначала мутные, бессмысленные, но с каждой секундой они прояснялись, становясь прежними — живыми, тёплыми, васильковыми.

— Ланочка — выдохнула Светочка, поглаживая её по щеке. — Возвращайся. Мы здесь.

Лана моргнула. Перевела непонимающий взгляд на вещуный, на Светочку, на мраморную пыль на платье Натальи Юрьевны...

И тут из-за защитного купола с грохотом отодвинув стул, вырвался Никита. Он не бежал — он летел. Упал на колени перед женой, вцепился в её руки, прижал к себе так, словно собирался раствориться в ней.

— Лана... Лана, ты меня слышишь? — его голос дрожал.

— Никита... — она слабо жжала его пальцы. И вдруг уткнулась ему в грудь, беззвучно начиная трястись от пережитого ужаса и облегчения.

Гриша стоял в стороне. Секунду помедлил. Потом шагнул вперёд и обнял их обоих. Крепко. По-братски. Молча. Лана всхлипнула и вцепилась свободной рукой в его рубашку. Никита замер, но не отстранился.

Просто три человека, которые любили друг друга, пять лет были далеко, а сейчас оказались в самом центре конца света.

А кафе жило своей жизнью.

Магическое заведение не терпело хаоса. Едва пыль осела, как в зале началось чудесное восстановление. Трещины на полу затягивались, как живая кожа, с тихим каменным шелестом. Осыпавшаяся штукатурка взлетала с пола и послушно ложилась на стены. Выбитые стёкла в окнах срастались из осколков, словно кто-то перематывал время назад.

Дверь на кухню распахнулась, и бесшумно, деловито влетели официанты. Кутысь взмахнул салфеткой — и разлетевшиеся по залу хинкали, обрывки лаваша и брызги сациви послушно собрались в мусорный пакет. Ворса, вытянувшись до двух метров, ловко водрузил на место перевёрнутый стол, а Йибы-ойка с лёгкой улыбкой уже расставлял чистые стаканы, словно никакого взрыва берегининой ауры и не было.

Кардинальная уборка заняла ровно две минуты.

Лану подняли на ноги. Она всё ещё слабо опиралась на Никиту, но свет в глазах уже вернулся. Цветы в волосах, хоть и обуглившись, упрямо начали выбрасывать новые, крошечные зелёные почки — берегиня восстанавливалась.

— Нам надо домой, — хрипло сказал Никита, обнимая жену за плечи. — Нам... надо это переварить.

— Идите, — тихо сказал Гриша. Он стоял рядом, бледный, но уже не злой. — Идите, конечно. Отдыхайте.

Лана повернулась к нему. Губы её дрогнули.

— Гриш...

Он шагнул вперёд и опять крепко, по-мужски, обнял её. Потрепал по плечу.

— До завтра.

Она кивнула, глотая слёзы. Никита пожал Грише крепко руку. И они ушли в прохладную московскую ночь, прижимаясь друг к другу.

За столом повисла усталая тишина. Нарэк допивал остывший чай, Гошан протирал очки, Гера с грустью смотрел на свой сожжённый защитный круг из соусов — ткемали застыл красивой, но абсолютно бесполезной лужицей.

Андрей, который уже открыл было ноутбук, вдруг замер. Его взгляд упал на Диогена.

Древний кот сидел у стены, привалившись к панельной отделке. Весь в сащиви. Греческая лапша висела на его ушах, как смешные серпантинки. На пиджаке красовалось огромное малиновое пятно от ткемали. Он методично, с видом глубокого отвращения, вытирал морду салфеткой, которую ему молча подал Йибы-ойка.

Андрей прищурился.

— Слушай, — спросил он, отодвигая ноут. — А почему ты не пострадал от взрыва? Тебя же через весь зал швырнуло. Об стену. Тарелками забило. Сила была — стены выносило. А ты — сидишь, только грязный.

Диоген замер с салфеткой у морды. Медленно поднял глаза на айтишника. Хмыкнул. Снял с уха лапшу, с подозрением её осмотрел и швырнул в мусорку.

— Мои создатели это всё предусмотрели, — буднично сказал он, словно речь шла о гарантийном сроке эксплуатации.

Андрей моргнул.

— Ты чего думаешь? — Диоген скептически поджал губы, отряхивая лапы от соуса. — Если бы я каждый раз погибал от выходок истеричных женщин и от их незапланированного магического выброса — извини, пожалуйста? Меня бы тогда ещё котёнком бабушка прибила.

Он тяжело вздохнул, с тоской глядя на испорченный пиджак.

— А злилась она на меня, поверь, бывало, и по пять-шесть раз на день. Я этот иммунитет от злых женщин тысячелетиями выковывал. Это, Андрей, и есть настоящий эволюционный скачок. Не ваши там сервера перезагружать.

Глава 26

Вечером Гриша еле дополз до дома. Ноги гудели, голова была пустой — не от усталости даже, от перегруза. Слишком много за один день. Вампир, кодировка, богатыри, конец света, сестра, Диоген с его философией, Шурочка с её «клиент — весь мир».

Он ввалился в прихожую, не разуваясь, прошлёпал до кровати и рухнул лицом в подушку. Даже не заметил, что Аким возник в дверях спальни, открыл было рот для привычного «Ты чего обувь не снял, башмаки по всему коридору раскидал, не порядок», — но увидел лицо хозяина и передумал. Только покачал головой, вздохнул и тихо прикрыл дверь.

Утром Гришу разбудил не будильник.

— Вставай, оглашенный! — раздалось над ухом. — Солнце уже в задницу тебя целует, а ты всё дрыхнешь!

Гриша застонал и попытался зарыться лицом в подушку глубже.

— Вставай, кому говорю! — Аким стоял на тумбочке, уперев руки в бока. — Чайник вскипел уже три раза, я уж думал, не сдох ли ты там во сне. Беспокойство за тебя, понимаешь, берёт. А ты дрыхнешь, как сурок в норе!

— Аким, — простонал Гриша, не открывая глаз, — сколько времени?

— Время такое, что пора бы уже и честь знать! — рявкнул домовый. — Я тебе сейчас устрою «сколько времени»! Весь день проспичь — кто ипотеку платить будет?

Гриша сел на кровати, потёр лицо руками. Взгляд мутный, опухший. Спал в одежде — рубашка мягкая, брюки в гармошку.

— Ты хоть умылся бы, — проворчал Аким, слезая с тумбочки. — Режим — это святое. А ну вставай, я тебе пасту выдавил Иди, приведи себя в порядок. Чай на столе, остыл уже, небось, но пить можно.

Гриша кое-как доплёлся до ванной, умылся холодной водой — стало чуть легче. Вышел на кухню, сел за стол, взял кружку. Аким уже сидел на подоконнике, поджав ноги, и смотрел на него с прищуром.

— Случилось чего? — спросил домовый без обычного ворчания, почти участливо. — Вчера припёрся никакой, буркнул и сразу спать. С работы тебя пьяного уволили?

— Не уволили, — вздохнул Гриша. — Хуже.

— Чего хуже? Жена что ли завелась?

— Нет, жены нет.

— Ну, и слава тебе, не до жиру, — хмыкнул Аким. — А чего тогда?

Гриша отхлебнул чай. Поставил кружку. Посмотрел на домового долгим, странным взглядом.

— Аким, ты знаешь я, оказывается, не совсем человек.

У домового глаза сделались круглыми, как блюдца. Забегали туда-сюда — влево, вправо, вверх, вниз. Изучал Гришу, будто видел в первый раз.

— Как это — не совсем человек? — переспросил он осторожно. Слишком осторожно. Словно уже знал ответ, но надеялся, что ошибся.

— А так. Кровь у меня не та. И сущность во мне есть. Тридцать процентов, — Гриша усмехнулся криво. — Слышал такое? Процентами измеряют, сколько в тебе человека.

— Цивилизация, — буркнул Аким, отводя глаза. — Я в своё время без процентов обходился. И ты человек. Какой есть. Не дай себе голову заморочить.

— А если я не знаю, кто я?

— А кто знает? — Аким сплюнул в пустоту. — Я вот всю жизнь домовым живу. А скажи — что это такое? Я и сам не скажу. И отец мой домовый, и дед. А кто мы такие? Духи? Или ещё какие сущности? И ничего, живём.

— И не боитесь?

— Чего бояться? — Аким пожал плечами. — Что я исчезну? Так меня и так нет, пока меня не видят. А ты увидел. Значит, не исчез.

Он помолчал. Хотел добавить что-то ещё. Но не добавил. Потому что в голове застряло: *«Знаю я, кто ты. И кто твоя мать. И почему ты такой. Но язык не поворачивается. Алёна запретила. Сказала: "Аким, если скажешь — прокляну. А я умею". С матерью твоей связываться себе дороже».*

— Ты чего замолчал? — спросил Гриша.

— Человек-человек ты, Гриша, — домовый заговорил быстро, не поворачиваясь. — Самый что ни на есть. Нормальный. Обычный. Из плоти и крови. С ипотекой, соплями и просроченным кефиром в холодильнике. Понял?

Гриша помолчал. Потом кивнул.

— Спасибо, Аким.

— Не за что, — буркнул домовый и отвернулся к окну окончательно.

Гриша допил чай, встал, пошёл одеваться. Аким сидел на подоконнике, смотрел на улицу, и в голове его крутилось: *«Человек он. И когда я успел к нему привязаться? Ведьмовство какое-то. Алёна, чёрт бы тебя побрал Хороший человек твой сын, хоть и с примесью».*

Утро пятницы началось с оптимизма. Тонким, хрупким, как весенний лёд на луже, но всё же — с оптимизмом.

— Команда! — Диоген стоял у главного входа, в свежем пиджаке, и смотрел на собравшихся с выражением полководца, который ещё верит в победу. — У нас целый день! Корпорация огромна! Тысячи сотрудников! Где-то среди них прячутся... э-э-э... кандидаты в кадровый резерв! Наша задача — найти, зажать в угол и вербовать!

Он оглядел строй. Шесть богатырей. Четыре вешуньи. Один кот. И — наказание от Светочки, воплощённое в идеально выглаженном костюме.

Антон Алексеевич стоял чуть поодаль. Папка под мышкой — под идеальным углом. Блокнот в руке. Ручка наготове. Галстук завязан узлом, который мог бы остановить бульдозер. Он смотрел на собравшихся с выражением человека, который искренне не понимает, зачем министерство прислало ему в помощь этот цирк, но приказ есть приказ, и он будет выполнен. В соответствии с регламентом. Без отклонений.

Диоген покосился на него. Вздохнул. Тяжело. Как перед казнью.

— Напоминаю, — продолжил кот, понизив голос и тщательно подбирая слова, — для Антона Алексеевича мы — экспертная группа при комиссии. Психологи, HR-специалисты, технический персонал. Он проверяет графики дежурств и наличие огнетушителей. Мы... — он запнулся, — оцениваем человеческий фактор. Если кто-то спросит, зачем мы смотрим людям в глаза — мы проверяем уровень выгорания. Понятно?

— Понятно, — кивнул Нарэк.

— Не понятно, — раздался голос от стены.

Голос подал Никита. Руки в карманах. Вид — как у человека, который стоит в фойе среди странных людей и не понимает, то ли его повысили, то ли посадили.

— Какой человеческий фактор? — спросил он.

— Тебе не надо понимать, — отрезал Диоген. — Ты просто стоишь рядом и молчишь. Когда скажут — киваешь. Никита, ты теперь... э-э-э... стажёр! Шестой в группе! Гордись!

— Я бы с удовольствием гордился, — буркнул Никита, — но мой начальник утром вызвал и сказал: «Никита, вы откомандированы в архив. Приказ сверху. Секретно. Вопросы есть?» Я сказал: «Есть». Он сказал: «Вопросы не принимаются». И вот я здесь.

— Правильный начальник, — одобрил Диоген. — Дисциплина — основа мироздания.

— А Лана? — Гриша посмотрел на сестру.

Лана стояла у колонны, бледная, с потухшими цветами в волосах. Она успела перехватить Гришу утром в коридоре — быстро обняла, шепнула «я с вами» — и тут же получила звонок.

— Не отпустили, — сказала она коротко, сжимая телефон. — Сказали — смена до вечера, нечем заменить. Я пыталась...

— Ничего, — Диоген махнул лапой. — Ты не нужна. Отдыхай. Восстанавливайся. Вчера на тебя смотреть было страшно — вся в зелёно-красном огне, как хворост в камине.

Лана хотела возразить, но передумала. Кивнула. Посмотрела на Никиту долгим, тревожным взглядом. Тот чуть сжал её пальцы — быстро, незаметно.

— Всё будет хорошо, — тихо сказал он.

— Верно! — Диоген хлопнул лапами. — Отличный настрой! Распределяемся! Антон Алексеевич, подойдите поближе. Вы нас должны слышать.

Он достал из кармана мятый листок. На нём кривым почерком были набросаны группы.

— Итак. Работаем тройками. Три мобильные группы и одна — координационная. В каждой мобильной — два специалиста и один... э-э-э... ассессент. Ассессент оценивает, специалисты — фиксируют.

Хумай — белоснежная, величественная, с маленькой съехавшей брошью на воротнике — шагнула вперёд.

— Диоген Винсентович, — сказала она спокойно, — я с вами не пойду.

— Почему?

— Потому что вы отвлекаетесь. Вы начнёте троллить, спорить с проходящими мимо сотрудниками, и мы застрянем на первом же этаже.

— Я не отвлекаюсь! Я провожу интеллектуальную беседу!

Диоген снова уткнулся в листок.

— Группа А. Нарэк, Гоша, Наталья Викторовна. Этажи с третьего по седьмой. Верхняя часть здания. Менеджеры, аналитики. Нарэк — оценивает психологическое состояние, Гоша — техническая безопасность, Наталья Викторовна — э-э-э... мотивационный скрининг.

Алконост грациозно кивнула, и её серебряные крылья на секунду проступили за спиной — едва заметно, как отблеск луны на воде. Антон Алексеевич ничего не заметил. Он записывал.

— Группа Б. Гера, Андрей, Наталья Михайловна. Этажи с восьмого по двенадцатый. Технические отделы. Андрей — IT-инфраструктура, Гера — физическая охрана труда, Наталья Михайловна — оценка рисков выгорания.

Гера молча кивнул. Андрей взял ноутбук. Гамаюн поправила платок.

— Группа В, — Диоген посмотрел на последний дуэт. — Гриша, Никита, Елена Владимировна. Самые верхние этажи. Небоскрёбы.

Повисла пауза.

Гриша и Никита уставились друг на друга. Бывший лучший друг и брат. Пять лет молчания. И теперь — они в одной группе.

— Это обязательно? — спросил Гриша.

— Обязательно, — отрезал Диоген. — Ты — психолог. Он — стажёр, которому нужна адаптация. Елена Владимировна — юрист, оформляет протоколы. На небоскребах тяжёлая атмосфера, нужно фиксировать нарушения.

Сирин — тёмная, молчаливая, с чёрными перьями на висках — чуть наклонила голову.

— Я справлюсь, — сказала она тихо. — Там меньше шума.

Никита посмотрел на Гришу. Тот отвёл глаза.

— Работаем, — сказал Гриша глухо.

— Работаем, — повторил Никита.

Диоген свернул листок и обречённо повернулся к Антону Алексеевичу.

— Группа Г. Координационная. Я, Светлана Ивановна и Антон Алексеевич.

Антон Алексеевич поправил очки.

— Напоминаю, — сказал он ледяным тоном, — проверка должна быть проведена в соответствии с графиком. Каждый отдел — не более пятнадцати минут. Осмотр рабочего места, проверка документации, опрос сотрудников. Без отклонений.

— Без отклонений, — эхом отозвался Диоген, и его хвост предательски дёрнулся.

— И ещё, — Антон Алексеевич посмотрел на кота поверх очков. — Никаких посторонних разговоров. Мы не проводим опросы о смысле жизни. Мы проверяем соблюдение регламента.

— Я не обсуждаю смысл жизни! — возмутился Диоген. — Я повышаю мотивацию персонала!

— Вы повышаете уровень шума в коридорах, — парировал Антон. — Это зафиксировано.

Хумай положила руку на плечо Диогена. Легко. Почти матерински.

— Диоген Винсентович, — сказала она тихо, — Антон Алексеевич — наш щит. Благодаря ему мы имеем право входить в любой отдел. Без него мы — просто люди, которые бродят по коридорам. С ним — мы официальная комиссия.

Диоген посмотрел на Антона. Антон смотрел на Диогена. Между ними искрило — как между двумя грозowymi фронтами.

— Ценю, — выдавил Диоген. — Безмерно.

Антон Алексеевич чуть наклонил голову. Миллиметр. Принимает.

— Связь через телефоны, — Диоген снова уткнулся в листок. — Если что-то найдёте... э-э-э... подозрительное в поведении сотрудников — звоните, не пытайтесь проводить глубокий анализ самостоятельно. Сначала — мне. Потом — действуем по обстановке.

И они разошлись.

Четыре группы. Четыре направления. Одна цель. И одно прикрытие — мужчина с папкой, который видел в этой комиссии ровно то, что хотел видеть: бюрократическую проверку.

А им нужно найти двоих. Двоих с живыми душами. И целых восемь часов, чтобы их найти.

Оптимизм был хрупким. Но он был.

А за спиной Диогена уже звучал ровный, спокойный голос:

— Диоген Винсентович, у вас пуговица на пиджаке расстёгнута. Это нарушение дресс-кода. Фиксирую.

День обещал быть длинным.

К шести вечера они вернулись в фойе.

Просторное, светлое, с огромными окнами, мраморным полом и мягкими диванами, на которых обычно сидели гости и ждущие собеседования. Сейчас диваны были заняты командой, которая выглядела так, будто проиграла войну.

Диоген лежал на самом большом диване, раскинув лапы, и смотрел в потолок пустыми глазами. Хвост свисал до пола и не шевелился.

Нарэк сидел рядом, обхватив голову руками. Локти упёрты в колени. Плечи поникли.

Гоша стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на вечернюю Москву. Лицо — каменное. Но желвак на скуле прыгал.

Гера полулежал на соседнем диване, закинув руку за голову. Татуировки на его предплечьях казались тусклыми, почти серыми.

Андрей сидел с закрытым ноутбуком на коленях. Шурочка в его планшете молчала — впервые за весь день.

Никита стоял у стены, прислонившись плечом к холодному мрамору. Он всё ещё не до конца понимал, во что ввязался, но чувствовал общее отчаяние и не знал, что с ним делать.

Вещуньи сгрудились на одном диване — четыре женщины, которые ещё вчера блистали и порхали, а сейчас выглядели как мятые мотыльки. Хумай машинально поправляла съехавшую брошь, но даже не смотрела в зеркало. Алконост просто сидела с закрытыми глазами, откинувшись на спинку. Гамаюн крутила в пальцах пустую чашку — чай давно остыл. Сирина смотрела в пол, и чёрные перья на её висках обвисли, как от дождя.

Гриша сидел на подлокотнике дивана, где лежал Диоген. Он не смотрел ни на кого. Просто смотрел на свои руки — обычные, человеческие, с пальцами, с ногтями, с тонкой кожей на запястьях. Руки, которые сегодня никого не спасли. Не нашли. Не помогли.

Тишина была тяжёлой. Давящей. Как бетонная плита, которая медленно, но верно опускается на грудь.

Диоген нарушил молчание первым.

— Два, — сказал он в потолок. Голос был ровный. Мёртвый. — Нам нужно два. А у нас — ноль. За целый день. Ноль.

Никто не ответил.

— Завтра суббота, — продолжил Диоген. — Послезавтра — воскресенье. А дух земли... — он загнулся, — он уже шевелится. Я чувствую. Ночью — во сне. Днём — в костях. Он просыпается, ребята. Медленно. Неотвратно. Как... как лавина в горах. Сначала — шорох. Потом — грохот. А потом — тишина. Навсегда.

Елена Владимировна всхлинула. Тихо, едва слышно. Гамаюн машинально погладила её по плечу.

— Может, попробуем другие города? — подал голос Андрей. — У нас же есть филиалы. Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург...

— Время, — покачал головой Диоген. — Его нет. Пока доберёмся, пока найдём... поздно. — А если...

— Нет, Андрей. Нет «если». У нас есть то, что есть. И этого — мало.

Снова тишина.

Гриша смотрел на свои руки. На часы на запястье. Секундная стрелка тикала. Тик. Тик. Тик. Каждое движение — маленький шаг к концу всего.

— Я не понимаю, — вдруг сказал он вслух. — Не понимаю. Шесть человек. Шесть. Вы нашли шестерых за три дня. Как?

— Случайно, — отозвалась Гамаюн. — Нарэк — потому что у него светлая душа. Гоша — потому что он боец. Гера — потому что он художник с мечом. Андрей — потому что он чинит мир.

— Я — потому что... — Гриша загнулся, — потому что во мне кровь жжёт нежить. Никита — потому что он пять лет молча нёс свой крест.

Он поднял голову.

— Шесть разных людей. Никакой системы. Никакого алгоритма. Вы нашли их... потому что нашли. А теперь — не находим. Потому что...

— Потому что их нет, — закончил Диоген тихо. — Вот именно. Их нет. В этой корпорации. В этом городе. Может, в этом мире. Может, вы — последние. Может, богатыри перевелись, как мамонты. Может, наступила эпоха — когда людям не за что стоять насмерть. Когда нет ни земли, ни веры, ни правды. Только ипотека, КРП и подписка на стриминги.

Андрей закрыл глаза.

— Может, экзамен мы уже провалили. Ещё до того, как начали.

Тишина стала твёрдой. Окаменевшей. Такой, что, кажется, можно было от неё отколоть кусок.

Светочка, которая всё это время стояла у стены — молча, неподвижно, как статуя, — вдруг пошевелилась.

Она не сказала ни слова. Просто положила руку на плечо Диогена. Легко. Почти неведомо.

Он не открыл глаза. Но хвост — тот самый хвост, который весь день висел, как мёртвый, — чуть дёрнулся. И обвился вокруг её щиколотки.

Никто не стал комментировать.

Вечерняя Москва сияла за окнами. Огни, машины, люди — миллионы жизней, которые не знали, что всё это может исчезнуть. Завтра. Послезавтра. Через неделю.

А команда сидела в фойе. Унылая. Вымотанная. Пустая.

И не знала, что делать дальше.

Дзинь. Лифт распахнулся.

Из кабины вышли Наталья Юрьевна и Антон Алексеевич. Хозяйка Медной горы шла, кривясь так, будто у неё разболелись все зубы одновременно. Антон Алексеевич шёл за ней, безупречно прямой, и что-то ровным, монотонным голосом выговаривал на ходу:

— и поэтому я вынужден был отметить в акте, что размещение малахитовой коллекции в рабочей зоне создаёт риск травматизма, — вёл он, не повышая голоса, но с такой интонацией, что хотелось нажать «паузу». — Тяжёлые минералы на верхних полках, без должного крепления. Это нарушение техники безопасности. Я уже подготовил предписание.

Наталья Юрьевна ничего не ответила. Только вздохнула — так, будто выдохнула вековую усталость.

Они проходили мимо диванов, где сидела команда, и остановились. Наталья Юрьевна посмотрела на них с сочувствием. Антон Алексеевич раскрыл папку.

— Кстати, хотя я ценю, что вы согласились работать без обеда ввиду сжатых сроков отчетности, вы покинули рабочее место на пятнадцать минут раньше. Это нарушение я также зафиксировал в блокноте.

— Антон Алексеевич, — Наталья Викторовна, массируя виски каменными пальцами, — ну вы же сами отошли! Куда вы пропали посреди проверки?

— Я отошёл, потому что мне нужно было экстренно доложить начальству о нарушениях, — спокойным, ледяным тоном ответил Антон.

— Каких ещё нарушениях? — устало переспросил Гоша, не отрывая лба от холодного стекла окна. — У нас всё в норме. Стрелки красные. Кулеры полные.

— Стрелки — это мелочь, — отрезал Антон Алексеевич, перелистывая страницу. — Я выявил системные нарушения, которые напрямую влияют на эмоциональную ёмкость и психическую стабильность персонала. Отсутствие эрго-поддержки у мониторов в отделе логистики. Недостаточная амортизация кресел в IT-отделе — это прямая дорога к искривлению позвоночника и, как следствие, к депрессивным состояниям. Слишком яркое освещение в коридорах седьмого этажа — вызывает бессонницу и мигрени.

Он поднял глаза от блокнота, и в его взгляде горел тот самый пугающий, абсолютный огонь человека, который не отступится ни на миллиметр.

— Я не мог ждать до понедельника. Пока бюрократическая машина обрабатывает заявки, у сотрудника из бухгалтерии уже разовьётся невроз из-за скрипящего кресла. Я прорвался к руководству. Да, меня не хотели принимать. Говорили: «Антон Алексеевич, у нас совещание». Но я стоял под дверью, пока они не открыли. Я положил докладные на стол. И я это так не оставлю.

Он произнёс это с такой тяжеловесной, непоколебимой уверенностью, что казалось — он готов взять штурмом даже врата Ада, если там неправильно оформлены путевые листы.

— Человеческий ресурс, — Антон Алексеевич поднял палец, — это самое главное в этой корпорации. Ни серверы, ни кулеры, ни буровые установки. Люди. Мы должны заботиться о них прежде всего. Если у сотрудника давление из-за шума кондиционера — это наша вина. Если ему не хватает сахара в чайной комнате для поддержания глюкозы в мозге — это упущение.

ние руководства. Пожарная безопасность, удобная мышь, правильный угол наклона спинки — всё это влияет на то, сможет ли человек вообще встать утром и пойти на работу.

Он вдруг запнулся. Посмотрел на диваны. На поникшие плечи Нарэка. На обхватившего голову Гришу. На вещуний, которые выглядели как мятые мотыльки.

— Вы... — Антон Алексеевич нахмурился. — У вас совсем потерянный вид. Вы все очень плохо выглядите. Круги под глазами. Тремор пальцев. Светлана Ивановна, у вас плечо дрожит. Диоген Винсентович, вы вообще лежите в неестественной позе.

Он шагнул ближе, вглядываясь в их лица с профессиональной, почти клинической тревогой.

— Вам нехорошо? Может быть, стоит вызвать медсестру? Врача? У нас есть медпункт на втором этаже. Может, у вас давление? Магнитные бури какие-то? Метеозависимость — это серьёзно, её нельзя игнорировать. Почему-то вы все сегодня подавлены. Это также нельзя так оставлять. Давайте я вас провожу. Я буду вас сопровождать, пока мы не убедимся, что вы получили необходимую помощь.

Он говорил это абсолютно серьёзно. Готовый прямо сейчас отложить свои докладные, вызвать скорую и лично проконтролировать, чтобы каждому измерили давление и выдали валерьянку. Потому что для него не было мелочей, если речь шла о самочувствии людей.

И по мере того, как он говорил, в фойе происходило странное.

Первой упала челюсть у Хумай. Она смотрела на Антона Алексеевича — на этого скучного, вездельного бюрократа и её красивые глаза вдруг распахнулись до предела. Крылья за спиной дрогнули.

Алконост открыла глаза. Медленно выпрямилась. Серебряное свечение, которое весь день было тусклым, вдруг вспыхнуло в её ауре.

Гамаюн перестала крутить пустую чашку. Сирина подняла голову, и чёрные перья на её крыльях шевельнулись, словно от ветра.

Они смотрели на него. Видели его. Не костюм. Не блокнот. А то, что было внутри. Тот самый стержень, который не гнулся ни перед древними магами, ни перед начальством, ни перед концом света. Человек, который не спасал мир от монстров — он спасал людей от скрипящих стульев и яркого света. Потому что для него это было одно и то же. Защита слабых.

— Господи... — прошептала Хумай, и в её голосе дрожало благоговение. — Он... он смелый. Он пошёл к руководству, зная, что его выставят, и не отступил.

— Он справедливый, — тихо, но твёрдо сказала Алконост. — Ему всё равно, кто перед ним — главный бухгалтер или уборщица. Если кресло скрипит, он будет биться за то, чтобы его заменили.

— Он нестигаемый, — добавила Гамаюн, и серьги на её ушах вдруг зазвенели чистым, звенящим медным хором. — Никакая магия, никакой морок на него не действует. Он видит только правду. И эту правду он защищает.

— Он хранитель, — закончила Сирина, и её низкий голос прозвучал как приговор. — Он хранит тех, кого никто не замечает. Тех, кто молча страдает от шума и плохой мебели. У него... самая чистая душа из всех, кого я видела за тысячу лет.

Диоген вдруг резко привстал. Его жёлтые глаза расширились до размеров блюдца. Он посмотрел на вещуний. Потом на Антона Алексеевича, который всё ещё озабоченно спрашивал Гришу, не нужно ли тому вызвать скорую.

— Нет, — прошептал Диоген. — Нет-нет-нет-нет-нет! Только не это!

Он вскочил на ноги. Хвост дёрнулся так, что сбил пустой стаканчик со столика.

— Вы шутите?! — заорал он, тыча лапой в Антона. — Серьёзно?! Он?! Мой вечный кошмар?!

Антон Алексеевич обернулся к нему.

— Диоген Винсентович, вы повышаете голос. Это признак стресса. Я настоятельно рекомендую вам...

— Замолчи! — рявкнул Диоген. — Ты... ты... Седьмой!

Повисла мёртвая тишина.

Антон Алексеевич моргнул.

— Что — седьмой? Седьмой пункт протокола о поведении в общественных местах?

Наталья Юрьевна, которая всё это время стояла в стороне, медленно перевела взгляд с Антона на Диогена. На её каменном лице, способном выносить температуру расплавленной руды, проступило совершенно новое, незнакомое выражение. Она посмотрела на Антона Алексеевича — на этого невыносимого, въедливого зануду, который доводил её до белого каления и вдруг увидела его другим.

Потом она посмотрела на Диогена. И её губы тронула медленная, тяжёлая, торжествующая улыбка Хозяйки Медной горы.

Она скрестила руки на груди. Малахит на её перстнях блеснул в свете фойе.

— А что? — сказала она, и её голос зазвучал как сдвигающиеся тектонические плиты. — Ты же сам говорил, Диогенушка. Когда апокалипсис на носу, отдел психологии и бухгалтерия всегда первыми сбегают, верно?

Диоген сглотнул.

— Ну... я...

— Да-да, — Наталья Юрьевна сделала шаг вперёд. Её улыбка стала шире, опаснее и абсолютно победительнее. — Ты заявлял, что мы — первые, кто уходит. Что мы — не при чём. Думал, без нас справятся? Так вот, дорогой мой куратор концов света...

Она кивнула в сторону Антона, который с недоумением смотрел на происходящее, крепко сжимая свою папку.

— Мой бухгалтер только что пробился к высшему руководству с жалобой на плохую эргономику стульев, чтобы защитить сотрудников от нервного срыва. А ваши богатыри весь день даже одного человека с живой душой найти не смогли.

Она гордо вскинула подбородок.

— Жду извинений. И желательно в письменном виде. По форме 17-Б.

Диоген аж поперхнулся от такой наглости. Форма 17-Б?! С него, Диогена, философа с четырёхтысячелетним стажем, куратора концов света, требуют бумажные извинения по форме 17-Б для главной бюрократической занозы этой корпорации?!

Он открыл рот, чтобы выдать что-то уничтожающее, но вовремя остановился. Поднял глаза на Антона Алексеевича, который всё ещё стоял с папкой, озираясь с видом человека, попавшего в сумасшедший дом. Потом посмотрел на вещунный — те смотрели на аудитора с таким восхищением, будто он только что слепил из глины голема.

Быстро подумав, Диоген сдался.

— Коньяк, — мрачно сказал он. — «Курвуазье» 1805 года. Из личных запасов.

Наталья Юрьевна задумалась.

— Принято.

Антон Алексеевич переводил взгляд с кота на Хозяйку Медной горы.

— Я не понял, — произнёс он своим ледяным тоном, и в нём впервые дрогнуло что-то похожее на растерянность. — В чём дело? При чём тут коньяк? И какие ещё извинения? Наталья Юрьевна, вы не имеете права брать взятки!

Диоген не ответил. Он выхватил телефон и лихорадочно что-то набрал.

В ту же секунду телефон Ант

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.